

Борис Инфантьев

БАЛТО-
СЛАВЯНСКИЕ
КУЛЬТУРНЫЕ
СВЯЗИ

Борис Инфантьев

БАЛТО- СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Лексика, мифология,
фольклор

вздн

Рига 2007

Книга выходит при финансовой поддержке

Секретариата Министра по особым поручениям
по делам общественной интеграции
Латвийской Республики

Балтийской Международной Академии

Инфантьев Б. Ф.

Балто-славянские культурные связи. Лексика, мифология, фольклор. — Рига: ВЕДИ, 2007. — 312 с. В приложении Иван Михайлов. Б. Ф. Инфантьев: Краткая биография и список публикаций.

В книге представлена часть разносторонних и многолетних исследований хабилитированного доктора педагогики, кандидата филологических наук, профессора Балтийской Международной Академии Бориса Федоровича Инфантьева, посвященных балто-славянским культурным связям, нашедших свое отражение в лексике, мифологии, фольклоре балтских и славянских племен, латышского, русского и белорусского народов.

© Борис Инфантьев, 2007

© Иван Михайлов, 2007

© ВЕДИ, 2007

ISBN 978-9984-9044-2-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Культура, культурные взаимоотношения, или контакты охватывают всю жизнь человеческую, начиная с создания средств существования до досуга и развлечений. В этой связи мы можем говорить о культуре сельскохозяйственного и промышленного производства, о культуре быта, культуре социальных и национальных взаимоотношений, культуре поведения, культуре управления государством, о культуре войны и мира...

В понятие культуры входят и произведения человеческого духа — искусства: музыка и изобразительное искусство, хореография, кино. Однако из всего этого многообразия в данной книге представлена часть наших разносторонних исследований, охватывающих те виды (отрасли) культуры, которые связаны со словом, мощным рычагом человеческой деятельности, отличающим разумное существо, «перл творения» от старшего брата — орангутанга, не говоря уже о свинье, которая по своим генам самое близкое к человеку существо.

В книге 5 разделов — все тесным образом связанные со словом — лексико-семантические контакты, мифологические (во многом зависящие от этимологии) и фольклорные.

Для освещения латышско-русских культурных контактов в разделе фольклора и, частично, мифологии, привлекается и белорусский материал, восполняющий утраченный в русских песнях, сказках, поверьях и обычаях более древний пласт, так богато представленный в латышском фольклоре.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛАТЫШСКОЙ И РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЕЕ РАЗВИТИИ

Одним из неопровержимых свидетельств духовного родства и исторических непрерывавшихся контактов является языковое сходство. По словам Яниса Эндзелина¹, авторитетнейшего латышского лингвиста, балтийские и славянские языки ближе друг к другу, чем любые взятые произвольно два близкостоящих родственных языка, например, санскрит и язык авесты, германский и романский и т.п.

По господствующему в наши дни мнению лингвистов, самыми последними языковыми группами, выделившимися из общего индоевропейского праязыка, были германо-балто-славянские, и после отделения германской ветви еще долгое время балто-славянское языковое содружество продолжало существовать, непрерывно усиливая те балтийские и славянские особенности, которые в конечном счете привели к обособлению балтийских и славянских языков. Начало этого процесса, очевидно, следует отнести к смене эпох — рождению Христа и появлению вещей звезды — кометы (как известно, все великие события взаимосвязаны и определяют одно другое), а завершение — к великой миграции народов, относящейся к середине I тысячелетия н.э. — именно к этому времени по последним публикациям Р. Денисовой² и Р. Гравере³ появляются индоевропейцы в южной части теперешней Латвии,

---

¹ Утверждение это высказано профессором Я. Эндзелином на лекциях по курсу «Введение в балтийскую филологию» в 1940/41 учебном году.

² Denisova R. Latgaļu etniskās vēstures jautājumi // Zinātniskās sesijas materiāli par arheoloģisku un etnogrāfisku 1988. un 1989. gada pētījumu rezultātiem. — Rīga: Zinātne, 1990. — 79.—81. lpp. (далее: Materiāli).

³ Grāvere R. Odontoloģiskie pētījumi KPSR Ziemeļrietumos un to nozīme baltu un baltijas somu etniskās vēstures izpētē // Materiāli... 1986. un 1987. gadam. — Rīgā: Zinātne, 1988. — 82.— 85. lpp.

причем индоевропейцы пришли в Южную Курземе, Земгале, Юго-Западную Латгале из Литвы, а в Юго-Восточную Латгале из теперешней Белоруссии, что соотносимо со свидетельствами А. Зарини и Я. Граудониса⁴ о «славянских курганах» по берегам Даугавы в Краславском районе, по местному преданию — вотчины Рогнеды Гориславовны⁵. Кстати сказать, во всех учебниках старославянского языка, изданных за последние десятилетия в Москве и Петербурге⁶, на приложенных картах юго-восточная часть Латгалии отнесена к земле кривичей.

В связи со сказанным необходимо высказать наше отношение к теории М. Гимбуте⁷ о «балтийских» гидронимах на территории от Балтийского моря до верховий Днепра и Волги (Можайска) и Могилева на юге.

Бесспорно, Яуза ближе к латышскому “auzas” чем к русскому «овес», зато Ока в свою очередь ближе к русскому (или вернее старо- и церковнославянскому) «око», чем к латышскому “acs”. Вывод: то, что М. Гимбуте называет «балтийским», на самом деле является «балто-славянским», в чем не сомневались все великие языковеды-компаративисты как русского, так и немецкого (Бругман), литовского (Казимир Буга), латышского (Эндзелин) происхождения.

Оставляя в стороне фонетический и грамматический (словообразовательный, морфологический, синтаксический) аспекты языка — они в достаточной мере освещены в сопоставительной грамматике латышского и русского языков М. Ф. Семеновой⁸, а также в методических статьях В. Н. Цитович, Э. А. Бейкмане, Е. К. Франц-

⁴ Graudonis J. Daugavpils HES zonas arheoloģisko pieminekļu apzināšana 1972. gadā // Materiāli... 1972. gadam. — Rīga: Zinātne, 1973. — 42.—44. lpp.; Jefimova N. Izrakumi Janomoles uzkalniņu kapulaukā // Materiāli... 1982. un 1983. gadam. — Rīga: Zinātne, 1984. — 61.—62. lpp.; Jefimova N. Pētījumi Janomoles arheoloģiskajā kompleksā un aizsardzības izrakumi Valmieras vecpilsētā // Materiāli... 1986. un 1987. gadam. — Rīga: Zinātne, 1988. — 85.—87. lpp.

⁵ Gekšs V. Ieskats Krāslavas vēsturē // Daugavas Raksti. No Košovciem līdz Daugavpilij. — Rīga: Latvijas kultūras fonds, 1996. — 69.—70. lpp.

⁶ См.: Горшков А. И. Старославянский язык. — Москва: Высшая школа, 1974, — С. 25.

⁷ Gimbutiene M. Balti aizvēsturiskajos laikos. Etnogenēze, materiālā kultūra un mitoloģija. — Rīga: Zinātne, 1997. — 20.—24. lpp.

⁸ Семенова М. Ф. Русско-латышские языковые связи. Учебное пособие. — Рига: ЛГУ, 1973; Она же. Сопоставительная грамматика русского и латышского языков. — Рига: Звайгзне, 1996.

Расселение славянских племен в VIII—IX вв.

(Горшков А. И. Старославянский язык. — Москва: Высшая школа, 1974. — С. 25.)

мане⁹, остановимся в данной главе на балто-славянских (или точнее, латышско-русских) лексических соответствиях.

Уже в 1961 году на Киевской конференции славистов, на которой изучение балто-славянских языковых отношений являлось одной из первоочередных задач, было названо количество общих балто-славянских корней, которые исчислялись цифрой 1600. Если учесть, что от каждого корня образовано большое количество однокоренных слов той же грамматической категории, что и исходное слово (уменьшительные, ласкательные, бранные и т.п.), а также слова другой грамматической категории (от существительных — прилагательные, наречия, глаголы разных видовых различий, от глаголов — существительные и т.п.), что подавляющая часть числительных и местоимений, предлогов и союзов относится к общим по звучанию и значению словам, а приставки и суффиксы также являются либо тождественными, либо близкими по звучанию и значению, то названное выше количество намного увеличивается. Что это значит?

Если “basic english” состоит из 300 корней, то упомянутое выше количество означает: русскому учить латышский язык (и наоборот) нет никакой необходимости. Латыши и русские могут общаться на этом «едином» языке, или иными словами, каждый на своем «языковом варианте». И действительно, если на рынке русская хозяйка спрашивает: «сколько стоит картошка», и продавщица отвечает “desmit kareikas”, то обе хорошо поняли друг друга и никаких переводчиков не требуется.

Однако в течение двух тысячелетий каждый из балто-славянских языковых вариантов развивался по своим особым языковым законам, которые сегодня открыты лишь частично. Таким образом, если эти законы освоить, то в какой-то мере снимается и непонимание отличий. Именно формированию этой «языковедческой образованности» и посвящена первая глава данного исследования.

Убедительным примером причины различий в латышском и русском языках является судьба балто-славянского (или даже индоевропейского) указательного местоимения в родительном падеже множественного числа. В балто-славянском языке эта форма

⁹ Infantjevs B. Edīte Beikmane // Pedagoģiskā doma Latvijā no 1940 līdz mūsu dienām. — Rīga: Puse, 1998. — 51.—53. lpp.; Infantjevs B. Helēna Francmane // Turpat. — 100.—102. lpp.; Infantjevs B. Vera Citoviča // Turpat. — 167.—169. lpp.

звучала: *tojson¹⁰. В современных латышском и русском языках из этого слова сохранилось одно только t-m. Латышский язык, который в силу различных объективных и субъективных причин сохранил больше древних элементов чем русский, изменил следующий звук с «o» на «uo», отбросив всю последующую часть слова. В современном латышском языке это слово звучит как «tuo». В русском же языке по закону монофтонгизации (превращения дифтонгов-двугласных в монофтонг-одногласный) *oi сначала превратилось в *ai, которое дальше согласно этому же закону произносилось как «эй» или «ие»¹¹. Далее, балто-славянское «s» после «oi» согласно закону, сформулированному Эндзелином и названному его именем, превратилось в «x», а *o сократилось до сверхкраткого звука, существовавшего еще во времена Кирилла и Мефодия и отраженного в их азбуке буквой «Ѣ» (ер), сохранившейся до 1917 года, в то время как конечный согласный *n еще до IX века, как и все другие согласные в конце слова, отпал.

Из *tojson получилось латышское “tuo” и русское «тех».

Итак, мы подошли к рассмотрению законов, которые действовали на протяжении двух тысячелетий, изменяли лексику, как видим, довольно существенно¹².

А. ИЗМЕНЕНИЯ, ОБУСЛОВИВШИЕ ОБОСОБЛЕНИЕ РУССКОЙ И ЛАТЫШСКОЙ ЛЕКСИКИ

І. Монофтонгизация — превращение (упрощение) двугласного в одногласный (до IX века!).

Среди представителей индоевропейских языковых групп двугласные до сих пор сохранились только у латышей и литовцев. Древние греки двугласные утратили в средние века — в Византии существовали только монофтонги.

¹⁰ Как известно до нас не дошли письменные тексты ни индоевропейского, ни балто-славянского языка (или языков). Формы этих языков реконструируются исследователями на основе сопоставления различных языков. Восстановленное таким образом слово снабжается пометой в виде звездочки перед словом.

¹¹ Во времена св. Кирилла и Мефодия этот звук обозначался буквой Ѣ (ять).

¹² О законах, определявших на протяжении двух тысячелетий развитие латышского языка, см.: Karulis K. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. — Rīga: Zinātne, 1992. — 613.—620. lpp.

В процессе монофтонгизации произошли следующие расхождения в латышском и русском вокализме (гласных звуках):

- а) ai — ʔ: zvaigzne — звѣзда; svaigs — свѣжий;
- б) au — y: auss — ухо; caune — куница; draugs — друг; jauns — юный; baurot (мычать) — буря; sauss — сухой; jautrs (веселый) — утро (rīts); baugurs — бугор; tauris — тур; krauklis — крук; straume — струя;
- в) au — o: auzas — овес; saule — солнце;
- г) au — ы: graužt — грызть;
- д) uo — a: duot — дать;
- е) uo — y: zuoss — гусь; suolīt — сулить;
- ж) ui — ы¹³ ы: muiža — мыза; kuilis — кыль; muita — мыто;
- з) ie (<¹⁴ *ei) — и: Dievs — Див; v-ie-nis — од-и-н; miers — мир; liepa — липа; ziema — зима; viesulis — вихрь; liet — лить;
- и) ie — ʔ: diena — дѣнь; sniegs — снѣг; lietūs (дождь) — лѣто (vasara);
- к) ie — я; pieci — пять; лит. penki.

II. Исчезновение («падение») глухих «ъ», «ь» (X—XII века н.э.).

Глухие исчезают лишь в определенных позициях: на конце слова и перед или после другого глухого. В других позициях (положениях) «ъ» превращается в «о», «ь» в «е».

- *дѣнь > день; *дѣня > дня;
- *отѣць > отец; *отѣца > отца.

В связи с падением глухих появляются трудно произносимые звуко сочетания, которые упрощаются, изменяются, либо устраняя «лишние» согласные (иногда даже целые слоги), либо уподобляя согласные по звуку: глухие на звонкие или наоборот. В результате русские слова становятся мало похожими на латышские.

Пльсковъ (немское Pleskau, усвоенное еще при первом соприкосновении с этим городом, возможно до X века, где «ъ» немцы восприняли как звук «е») > Плсков > Псков;

- istaba — истѣба (или: *истѣба) > истба > исба > изба;
- bite (< ide¹⁵ *bitjols) — *бѣтиола > *бѣмѣола > *бѣчела > пчела;
- putns — *птѣн + ица > *птница > птица;
- dubens — *дѣбно > *дбно > дно;

¹³ > означает: переходит, превращается в.

¹⁴ < означает: происходит из, заимствовано из.

¹⁵ < ide = из индоевропейского праязыка.

- dukurs — *дѣкуръ > *дкоръ > хоръ (sesks);
- durvis — *дѣрвьрь > *дрверъ > дверь;
- ciba — *чѣжбан > чжбан > жбан.

III. Превращение назализованных (произносимых «в нос», как французское «оп», польское «а», «е») гласных, существовавших в старославянском языке еще в IX—X веках и введенных Кириллом и Мефодием в свой алфавит. Судьбы этих звуков в восточнославянском языке были различны: если Ѣ (а) в «у» превратился уже в X веке (в греческом тексте этого века днепровский порог «Берѣчи» передается греческими буквами «Беручи», то «А» в этом же греческом тексте передается буквами «ен» (в слове «Свентополк»), а в церковнославянских текстах сохранился вплоть до нашего времени, хотя и произносился как «я». Эти изменения и привели к тому, что

- vīksna (<*ving-sna) — вАзь (vęzъ) звучит теперь как «вяз»,
- znuots (корень zin-zināt) в русском языке зАть > зять.
- kungs (konungs, König — 'kēniņš) — *кѣненъ > *кѣнАsj > кнАзь > князь;

IV. Различны в латышском и русском языках рефлекс индоевропейских сочетаний *ar, *al: в латышском языке сохраняются индоевропейские звуковые сочетания, в то время как в старославянском¹⁶ и церковнославянском¹⁷ языках имеет место метатеза (перестановка звуков) — «ра», «ла» (слова с этими звуко сочетаниями появляются и в заимствованиях из церковнославянского языка в «высоком стиле» русского языка¹⁸, а в обычном, разговорном стиле встречаются с так называемым полногласием «оро», «оло»):

- vārti — старославянские врата, русское ворота;
- bārda — брада, борода;
- vārna — врана, ворона;
- arkls — рало, орало;
- art — орать, arājs — ратай;
- valsts — власть, волость.

¹⁶ Старославянский язык — язык, на котором написаны древнейшие памятники славянских языков IX—XI веков.

¹⁷ Церковнославянский язык — язык более позднего времени.

¹⁸ Высокий стиль русского языка — язык высокой поэзии (оды), ораторской прозы.

V. После «и», «у», «р» и в случае метатезы в начале слова латышскому «s» соответствует русское «х»:

auss — ухо, paduse — пазуха, blusa — блоха, muša — муха, skuja — хвоя, viesulis — вихорь.

VI. В начале слова перед звуком «у» — «наращение» в виде звука «в»:

uts — вошь; vapsene (lapsene) — оса; astoņi — восемь; viņš — он; ūdens — вода; ūdris — выдра; ūpis — выпь.

VII. Другие изменения в звуках начала слова, обусловленные различными историческими изменениями:

caune — куница; lūsis — рысь; zuoss — гусь; debesis — небеса; dzērve, dzērvene — журавль, журавлина (клюква).

VIII. Метатеза (перестановка звуков в начале слова):

rieksts — орех; akmens — камень; čira — куча; sarkans — красный.

Б. ИЗМЕНЕНИЕ БЛИЗКИХ ИЛИ СМЕЖНЫХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ — ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «ЛОЖНЫЕ ПОМОЩНИКИ ПЕРЕВОДЧИКА»

Здесь можно различить несколько групп названий явлений природы и жизни человека.

I. Флора

Ива не ieva, которая в свою очередь соответствует по своему значению латышскому sermaukša, что означает рябину, которая по-латышски называется pilādzis.

Зерно — это не zirnis (горошек);

лук — не luoki (перья лука).

II. Фауна

Олень (briedis) — не alnis (лось).

Овца (aita) — не avs (овен).

Сука (kuce) — не suns (собака — это название заимствовано из тюркских языков).

Серна (kalnu kaza) — не stirna (козуля, корень которой совпадает с корнем козы — kaza, козел — латышское областное kazlis, в литературном языке — āzis).

Vāvere в древнерусском языке — веверица. Особо высоко ценилась «белая веверица», которая стала для краткости называться «белка». Со временем это сокращение стало подлинным названием животного, а «веверица» совершенно исчезла из русского языка.

III. Птицы, рыбы, насекомые

Голубь (balodis) — не gulbis (лебедь).

Если ворона — vārna, то ворон — не kovārnis (галка), а krauklis.

Овод (dundurs) — не uods (комар, который в свою очередь является однокоренным с латышским kamene — шмель).

Лещ (plaudis) — не leste (камбала, буте — поздние заимствования).

Корова — литовское karvė (в латышских диалектах — «тощая корова»), по-латышски «guovs», корень которой — в русских словах «говядина», господин — слово это сопоставимо с латышским сочетанием: guovs + pats (сам) — ин (один): сам (хозяин) с коровой.

Уж (zalktis) — не uodze (гадюка, гад, гадина).

IV. Человек

Нога (kāja) — не nags (ноготь).

Нос (deguns) — не nāss (ноздри).

Пасторка (pameita) — не pastarīte (младший, последний ребенок в семье).

V. Пища

Мясо (gaļa) — не miesa (тело).

Молоко (piens) — не malks (глоток).

Piens (молоко) — это не «пена» (plēve).

Хлеб (maize) — не klaips (буханка).

Месить (mīcīt) — не maisīt (мешать).

VI. Природа, рельеф

Скала (klints) — не skals (лучина).

Областное вапа (peļķe, ezers) — не уре (речка).

Областное пелька (āļiņģis) — не peļķe (лужа).

Ветер (vējš) — не vētra (буря, что в свою очередь является звукоподражанием).

Холм (pakalns) — не kalns (гора).
Яма (bedre) — не juoma (глубина между отмелями).
Песок — не rīši (прах).

VII. Древние заимствования с изменением значений

Strādāt (работать) — это не страдать (ciest).
Работать (strādāt) — однокоренное со словом раб (vergs).
Смерд (smirds, представитель самого низкого класса) — однокоренное со словом смердеть (smirdēt).
Богатый (bagāts) — однокоренное с названием арийского божества счастья Bhagas — Бог.
Valsts (государство) < волость (в современном значении — часть уезда или района).
Pagasts (волость) < погост (в современном значении «кладбище»)
Рожать (dzemdēt) — ražuo (производить).
Войник (Даль) — не венок, а повойник.

В. РАЗЛИЧИЕ В ЛАТЫШСКОЙ И РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ ОБУСЛОВЛЕНО РАЗЛИЧНЫМ ТОЛКОВАНИЕМ ПРЕДМЕТОВ ИЛИ ЯВЛЕНИЙ

I. По издаваемым звукам

Pērkons (гром) — Перун (только название божества).
Петух < петь — gailis < gaviļēt (ликовать).
Чиби́с — ķivīte (оба звукоподражания, как их слышали русские и латыши).
Стрекоза (< стрекотать) — spāre (< spārni — крылья).
Сверчок (< сверкать или сверестеть) — cīrcenis (по издаваемым звукам).
Мяукать — ņaudēt.
Мычать — mauruot.
Блеть — blēt.
Пищать — pīkstēt.
Квакать — kurkstēt.
Хрюкать — urkšķēt.
Быть — gauduot.

II. По внешнему виду, поведению, способу изготовления

Uozuols — узел (mezgls): узловатое дерево, дерево с узлами.

Дуб — duobums (дупло) — дуплистое дерево (в дупло пчелы мед сносили: важный фактор в жизни древних людей; в дупло же приносили жертвы духам-покровителям).

Cūkriene названа по горькому молоку — одуванчик — по сдуваемым семенам.

Jāņogas — ягоды, поспевающие к Иванову дню; upenes — поречки (ягоды, растущие по берегам рек) — смородина (< смердеть, издавать специфический запах).

Малина названа так по своей расцветке, а avenes — по мягкости, напоминающей мягкость овечки.

Ежевика — вика (еда) ежа, а kazenes — еда коз.

Сыроежка — гриб, который «едят сырым», а bērslapa — «лист березы».

Ячмень — заимствованное из греческого, а mieži — однокоренное с maize (хлеб): ячмень первое жито, которое стало употребляться в пищу как хлеб.

Пшено, пшеница (< пхати — раздавливать, разминать — kvieši (<*kviet — светлый).

Медведь (< мед + ест) — lācis (топтыгин, топтать).

Лягушка названа так потому, что ее движения напоминают «лягание» лошади, а varde произошла от подражания издаваемому ею звуку.

Бабочка обозначает душу или дух умершей бабушки, в то время как taurenis так назван по маленьким рожкам, которые напоминают большие рога, присущие туру (taurs).

Глухарь в представлении создателей этого наименования глухая птица, в то время как латыши в своем названии mednis стремились подчеркнуть его связь с лесом (mežs).

Синица — zīlīte связана с синей окраской ее перьев, а снегирь — sniedze теснейшим образом связана со снегом (sniegs).

Масло свое название получило от способа его употребления — мазать, в то время sviests произошло от способа его изготовления путем «бросания (сбивания) сметаны» (sviest — бросать).

Г. ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛАТЫШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ ИЗ КАКОГО-ЛИБО ТРЕТЬЕГО ЯЗЫКА

Сталь < немецкого, tērauds < ливского языка.

Морковь < древненемецкого morruebe, — burkāns из балтийско-немецкого burkane.

Хмель < финно-угорских языков, *arīņi* < *vīt*, *arvīt* (вить, обвинять).

Соловей < иранских языков, *lakstīgala* < немецкого *Nachtigal*.

Название фруктовых деревьев в латышском литературном языке — заимствование из немецкого:

plūme < *Pflaume*;

ķirši < *Kirsche*;

bumbieri < *Birne*.

В Латгалии же (как и в Литве) название фруктовых деревьев заимствовано из русского: «*slīvkas*», «*višņas*», «*krauši*».

В русском языке много заимствований из тюркских, особенно связанных с одеждой: «армяк», «азям», «тулуп», «кафтан», «сарафан» — все эти слова отличаются так называемой «гармонией гласных» — особым их сочетанием. В отличие от латышского много поздних заимствований из немецкого: бутерброд, галстук; особенно в области техники, строительства, одежды и ее изготовления, пищи и т.п.

Численно солидное расхождение слов в латышском и русском языках связано с их источником, восходят ли они к древнегреческому или византийскому оригиналу: слова в древнегреческом обличии через латинский и немецкий языки пришли к латышам, в то время как к русским — в их византийском произношении. Поэтому русские Афины по-латышски звучат *Atēnas*, поскольку древнегреческие прозвонения «тхеты» и «эты» сохранились в латинском языке, а в Византии они превратились в звуки «ф» и «и». Эта особенность проявляется в именах, начиная с Иисуса, который в латышском языке, также в соответствии с древнегреческими произносительными нормами, — *Jēzus*. Это же относится к именам: Фекла — *Tekla*, Фома — *Toms*, Федор — *Teodors*, Феодосий — *Teodosijs*.

Закономерность эта затрагивает ряд слов, связанных с грамматическими и культурологическими терминами: алфавит — *alfabēts*, вивлиофика (так она называлась в XVIII в.) — *bibliotēka*.

Заимствования в латышском из русского

Латышско-русское языковое единство подкрепляют и расширяют многочисленные заимствования предками латышей латгалами (в русских летописях латыгола или латыгора) из языка кривичей.

По мнению литовских и латышских языковедов, данный процесс начался сразу после того, как первые восточнославянские и восточнолатышские племенные формирования стали выделяться из общего балто-славянского языкового единства и расселяться на территории Южной Латвии (середина I тысячелетия н. э.).

Итак, по авторитетным исследованиям литовских и латвийских языковедов Казимира Буги¹⁹, Яниса Эндзелина²⁰ и Эрнста Блесе²¹, давность (или древность) заимствований зависит как от значения слова, так и его формы, прежде всего, соотношений дифтонга (двугласного) и монофтонга (одноголасного), и прежде всего латышского «*uo*» и русского «*у*». Поэтому к наиболее древним заимствованиям относят латышское *kažuoks* (кривичское кожух), латышское *suolīt* (кривичское сулить). К. Буга эти заимствования датирует VI—VII, а Э. Блесе — VII—VIII вв. По содержанию древнейшим заимствованием согласно исследованиям Я. Эндзелина является *kalps* из протославянского холпъ и *kalpuone* из холпуни.

К этим же векам относятся: *guoba* (земля, подать) < др. рус. губа, *kuods* (совр. русское худ), *kuoma* (кума), *kāpuosti* (капуста), *uoma* (ум), *puosts* (пуст), *suoma* (сума), *kuodeļa* (кудель), *kuokalis* (куколь), *muokas* (мука), *puods* (пуд), *guobeža* (рубез), обл. *siņuobs* (овинное бревно, др. р. сьрубъ, русск. сруб), *skuops* (скуп), *suodīt* (судить), *suogis* (др. рус. судии, рус. судья).

Также в совместных заимствованиях из германских языков: *duoma* (дума, готское *dōms* — суждение, *domjan* — судить-рядить). Данные заимствования происходили в IX в. н.э.

К V—VII столетиям относятся также слова, в которых соотносятся двугласные *ei* с *и*, *au*, *ou* с *ō*.

Заимствования XI—XII веков определяются по «падению глукх» в восточнославянских языках — *dukurs* (из дъхоръ, хорек), *istaba* (< истъба), *kubls* (къбълъ), *kurts* (хъртъ), *tulks* (тълкъ), *tīrgus* (търгъ), *birkavs* (бърковъ), *cilvēks* (кривичское цълвѣкъ), *kristis* (< крьсть), *smirds* (< смърдь), *stikls* (< стькло).

¹⁹ Buga Kaz. *Latviešu vietu vārdi* [Recenzija] // *Tauta ir zodis*. — I. Kaunas. *Humanitārīnā Mokslo Fakulteto laidinys*. 1923. — 376.—397. lpp.

²⁰ Эндзелин Я. Латышские заимствования из славянских языков // *Живая старина*. — Спб. 1899. — III. — С. 285—312.

²¹ Blese E. *Krievu valodas ietekme* // *Latviešu konversācijas vārdnīca*. — Rīga: A. Gulbja apgāds, 1933.—1934. — 18450.—18456. sl.

Baznīca (< кривичского бозьница, дохристианский храм) заимствовано позднее, возможно, в XIII в., когда ь, ь уже не произносились.

По значению к древним заимствованиям (до XII—XIII вв.) относится лексика:

а) связанная с принятием православия: baznīca, gavēnis (говѣние), gavēt, grēks (грѣх), grēkot, grēcinieks, karogs (хоругвь), klanīties (кланяться), kristīt, kristis (впоследствии под влиянием латинского сruh — krusts), kūms, kūma, svēts (святой), svētīt (святить), svētki (святки) zvanīt (звонить), zvans (звон — колокол), kriens (крен), grāmata (грамота), kaļada (коляда), pabags (небог), nedēļa (< не дѣлать), ubags (убог);

б) слова, связанные с общественно-политической жизнью: bagaturis (богатырь), silvēks, dāņa (дань), образования от слова guoba — guobnieks, guobzemis, guobzinis; kalps, kalpūne, karālis (при посредстве литовского языка), kriens (крен), malacis (молодец), pagasts, paruobs, puosts (пуст), prāva (право), prāvnies, prāvuoties, pulks (полк, др. р. пълкъ), razbainieks (разбойник), ruobeža (рубеж), smirds, suods (суд), suolīt, strādnieks (др. р. страдник), страдать (strādāt), strēlnieks (стрѣльщик), tulks; более поздние заимствования: ierēdnis (урядник), rēdīt (рядить, приводить в порядок);

в) слова, относящиеся к торговле: bezmēns (безмѣнъ), birkavs (биркав, мера весов, используемая в шведском городе Бирка), dabūt (добыть), kurcis (купец), muiža (мыто), puods (пуд), turgus, cena (цена);

г) бытовые предметы: bļūda (блюдо), bulvāns (болван — чем птиц пугают; др. р. бълванъ), dūdas (дудка), istaba (изба < истьба, древнее заимствование из германских языков, в свою очередь заимствование из латинского stuba — баня), katls (ссл. котель), kaļuks, kuodeļa, kubls, kupača — kupica (копица), kūķi, ķika (женский головной убор), ķīselis (кисель), mētelis (р. мятель ср. др. английское mentel, шведское mantel), muokas (муки), muocīt (мучить), pagrabs (погреб), pīrags (пирог), postaša (пустошь), rūne (пуня), siruobs, suoma (сума), stikls, strūga (струг), ūsas (усы), zābaks (сапог), zizlis (жезл);

д) прилагательные: bagāts (богатый), gatavs (готовый), kuods или kūds (худ), prasts (прост), prāvs (прав), skuops (скуп).

Много заимствований профессионального характера — у плотников: korpīks, drīgalka, malacis; у рыболовов — название сетей и их деталей.

Русизмы (поздние заимствования): pieduot (придать), izsaukt (вызвать), nozīmēt (назначить), pateicoties (благодаря), neskatoties (несмотря), maz pa mazam (мало по малу), kā tas arī nebūtu (как бы то ни было), pielikt rokas (приложить руки), kā nebūt (как-нибудь).

ПЕРЕЧЕНЬ НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ ЛАТЫШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ, КОТОРЫЕ ПО СВОЕМУ ЗВУЧАНИЮ И ЗНАЧЕНИЮ (В ТОЙ ИЛИ ИНОЙ СТЕПЕНИ) ТОЖДЕСТВЕННЫ ИЛИ РОДСТВЕННЫ

Перечень включает как слова, унаследованные обоими народами (или предками этих народов) из общего балто-славянского (или германо-балто-славянского) праязыка, так и совместные заимствования из других языков, а также ранние и поздние заимствования, приобретшие общенародный характер и в латышском, и в русском языках.

Лексический материал распределяется по систематическому принципу.

В каждом подразделении выделены 1-2 слова, наиболее значимые в данном подразделении, имеющие наибольшее количество соответствий в индоевропейских языках. Наиболее значимые параллели приводятся. Остальные слова приводятся только в латышском и русском звучании (в особых случаях дополняются еще одним-двумя наиболее значимыми соответствиями, помогающими объяснить отклонения от единого звучания или значения). В перечень не включены слова, родство или близость которых либо недостаточно доказаны, либо подвергаются оспариванию, либо требуют исключительно сложных доказательств их близости и родства.

А. Астрономия, рельеф, почва

1. Небо, небесные светила, божества

верх — virsa; быть — būt;

небо, небеса — debesis, санскритская аналогия (далее: *сскр.*) nabhah (туман), на языке хетов²² (далее: *х*) nepis < neves, на верхне-

²² Язык хетов (ливийцев) — в Малой Азии с XVIII по VIII в. до н.э. Клинопись, иероглифы.

немецком языке (далее: *вн.*) *nebul*, на греческом (далее: *гр.*) *nephos* (облако), на латинском (далее: *л.*) *nebula* (туман);

обл. пекло (ад) — *pekle* (омут, бездна);

солнце — *saule*; месяц — *mēnesis*; звезда — *zvaigzne*;

луч (*stars*) — *lauks* (светлый); мерцать (*spīdēt*), меркнуть (*bālēt*) — *mirkšķināt* (моргать), *mirdzēt* (блистать);

Див — *Dievs*; Мора, Морена — *Māra*; Перун — *Pērkuons**; Усень, Овсень, Таусень — *Ūsiņš*; Велес/Волос — *velns*.

2. Климат, времена года, части дня

зима — *ziema*, *сскр.* *Nemantah*, *гр.* *Neima*, *л.* *Niems*, на осетинском языке (далее: *ос.*) *zyam*;

снег — *sniegs*; лед — *ledus*; серен — *sārma*; обл. слана — *salna*; иней — на литовском языке (далее: *лит.*) *ynis*;

ветер — *vējš*, *vētra* (буря); вих(о)рь — *viesulis* (чередование “s” и “х”!); буря — *baugout* (реветь); морозга (мелкий дождик) — *mārga*;

весна (*pavasaris*) — *vasara* (лето); лето — *lietus* (дождь); туча > обл. *tūce*; лить — *līt*, *lietus* (дождь); мгла — *migla*; роса — *rasa*; влажный — *valgs*; мокрый — *mitrs*;

утро — *jautrs* (веселый), *aust* (светает); заря (*ausma*) — *zars* (ветвь); день — *diena*; вечер — *vakars*; тьма — *tumsa*; ночь — *nakts*;

год — *gads*; век — *veikt* (выполнить); неделя < *nedēļa* (заимствовано в XI—XII веках!).

3. Числительные

сто, сотня (*simtnieks*) — *simts*, *сскр.* *satem*, на языке скифов²³ (далее: *ск.*) *sata* на тохарском²⁴ (далее: *тох.*) *kant*; на языке готов (далее: *го.*) *hund*, *гр.* *hekaton*, *л.* *centum*;

од-ин — *v-ie-nš*; два, на старославянском (далее: *ссл.*) *дѣва* — *divi*; три — *trīs*; четыре — *četri*; пять, *ссл.* *пѣти* — *pieci*; шесть — *seši*; семь, седьмой — *septiņi*, *septītais*; (в)осьмь, восемь — *astoņi*; девять — *deviņi*; десять — *desmit*;

* Точности ради латышское «о» обозначается сочетанием «uo».

²³ Скифы — народ, населявший территорию на севере Черного моря с VII по III в. до н.э.

²⁴ Тохарские языки, на которых говорило население восточного Туркестана (Синьдзянь) в VI—VII вв. н.э.

один-на-дцать — *vien-pa-dsmīt*; два-дцать — *div-desmit*; две-сти — *div-simt*; тысяча (< *ссл.* тыти — пухнуть) — *tūkstotis* (< *tūkt*); оба — *abi*; раз — *reiz*; пара — *pāris*; ряд — *rinda*; частый (*biežs*) — *šķīsts* (чистый); целый (*vesels*) — *cēls* (благородный); мера — *mērs*; мерить — *mērīt*;

4. Рельеф

холм (< немецкого языка) — *kalns* (гора); гора — *лит.* *giria* (лес: “лесом поросший холм”), *лат.* *garš* (длинный); гряда > *grēda*, грядка (*dobe*);

скала (*klints*) — *skals* (лучина: “осколок полена”, “осколок большого камня”); бугор — *baugurs*, *paugurs*; вал — *valnis*, *velt* (катить);

низина, низ (*zema vieta*) — топонимы *Nīca*, *Nīcgaile*; долина (*ieleja*), — *tāle* (даль), *tāļš* (долгий), *tālums* (далекое расстояние);

овраг, буераг, рогатина, яруга (< тюркских языков) — *grava* (овраг); яма — *juoma* (глубина между отмелями);

ком — *kams*, *kuoms*; гряда — *grūds*, *gruods* < *grūstais (продукт глагола “толочь”); куча — *kaudze*, *čupa* (метатеза); копа — *kāpa* (“копа песка на взморье”);

тут (здесь) — *tuvs* (близкий).

5. Почва

земля — *zeme*, *х.* *tegan*, *сскр.* *ksmah*, на языке Авесты²⁵ (далее: *ав.*) *zā*, *гр.* *chton*, *л.* *humus*, *тох.* *t'kam*, на индоевропейском праязыке (далее: *иде*) *dhegom > *ghadhom* > *гр.* *ghem*, балто-славянское *zem-*;

вода — *ūdens*, *лит.* *vanduo*, *го.* *wato* (немецкое *Wasser*), *сскр.* *vatn*, *ав.* *waēēar*, *х.* *uātar*, *л.* *unda* (волна), — все восходят к *иде* **au(e)* «течь»; влага — *valgms*; течь — *tecēt*;

камень — *akmens* (метатеза); кремь — *krams*; герства, грества, (грубый песок) — *zvirgzdi*, обл. *garžda* (гравий); глина — обл. *gliemis*, *glīzns*, *glīzda* (слизь); песок (*smiltis*) — *pišli* (прах); древне-русское (далее: *др.п.*) персть (прах) — *pirkstis* (искры в пепле);

слой — *slānis*; грязь (*dubļi*) — *grimt* (тонуть).

6. Ископаемые

железо — *dzelzs* (заимствовано индоевропейским языком из хетского *hapalki*);

серебро (< скифских языков) > до X века *sudrabs*;

²⁵ Авеста — сборник священного писания зароастровцев, III в. до н.э.

золото (*ссл.* злато) — *zelts* (по желтому цвету); блеск, блестя — *blisināt* (мерцать); олово > *alva*; свинец — *svins* (< *ide* из *х.*); сера > *sērs* (до XIII в.); руда (< шумерского яз.) > *rūda*; уголь — *uogle*; чугун — *čuguns*;

соль — *sāls*, *сскр.* *salt*, немецкое *Salz*, *гр.* *hals*, *л.* *sal*;

медь (< иранских языков по топониму Медия/Мидия) — *varš* (< «*vārit*» — варить, по образу приобретения металла);

янтарь < куршского языка — *dzintars* (на языке летиголы — *zītars*).

7. Водяные поверхности

алес (мокрое место) < *aluots*, *aluogs* (источник); буга (низкий берег) — *bauga* (болотистая местность у реки); крутой (*stāvs*) — *kraut* (грузить);

слякоть (*slapjdraņķis*) — *slacīt* (окроплять);

брызги — *обл.* *bruzgas*, *bruzgāt* (вылить много воды); мокрый (*slapj*) — *mākties* (хмуриться, о погоде); плескать — *обл.* *pleskāt*; (ис)сякнуть — (*iz*)*sīkt*;

струя — *straume*; *обл.* бруя (струя) < *обл.* *braulums*; *обл.* *strūga* (струя); струмень (ручеек) — *straume* (струя), *strauts* (ручей); остров (*sala*) — *strāva* (струя); течь — *tecēt*; (по)ток — *tecēšana*; волна, вал — *vīlnis*;

обл. пелька (прорубь) < *peļķe* (лу́жа); лужа — *ļuodzīt* (раскачивать), топоним *Ludza*; *обл.* дебрь (лу́жа) — *dubra* (лу́жа); *обл.* ляга (лу́жа) — *обл.* *lengē* (лу́жа меж холмов); *обл.* ласа (*peļķe*) — *lāse* (капля);

обл. у́па (река) — *upe*;

озеро, *ссл.* *езеро* — *ezers*; *обл.* алодь (открытое озеро) — *обл.* *aluots* (источник); край (*mala*) — *krasts* (берег);

море (*jūra*) — в куршских топонимах „*kuršu mare*” (залив); древнерусское (далее: *др.п.*) юрмала < *Jūrmala* (взморье);

обл. голомя — *dzelve* (пучина); *обл.* губа (залив) < *обл.* *gumba* (залив); *обл.* лухна (залив) < *лит.* *lūksta* (залив);

обл. лука (луг в изгибах реки) — *lanka* (низменность); грива (устье реки) — *grīva*; устье (*др.п.* уста — рот) — *uosta* (гавань); половодье — *pali*; брод — *brasla*; *обл.* лупа (отмель) — *обл.* *laupa* (то же).

8. Болота

обл. мерега, мочага, мокрота (болото) — *mārks* (пруд, древнее значение — болото); *обл.* лом < *обл.* *lāma* (болото); *обл.* рян (моховое болото) — *обл.* *remenes* (то же); *обл.* лава, лыва (топкое боло-

то) — *обл.* *lēvenis* (то же); *обл.* дрягва, дрегва (болото) — *drēgns* (сырой);

обл. вись (болотная трава) — *vīksne* (то же).

Б. Флора и фауна

9. Деревья и кусты (в том числе плодовые), ягоды

дерево (*kuoks*) — *darva* (деготь); корень (*sakne*) — *cers* (куст); *обл.* мзга — *miza* (кора);

береза — *bērzs*, *сскр.* *bhurja* (специфическое для Индии дерево), древнеперсидское *barza*, фракийское²⁶ *bersa* — древневерхненемецкое (далее: *др.вн.*) *birka*, *л.* *fraximus* < *bherg-enos (ясень);

липа — *liepa*; ель, польское *jodla* — *egle*; ольха — *alksnis* (“х” — “s”!); клен — *kļava*; осина — *apse*; ясень — *uosis*; граб — *guoba*; вяз (< *ссл.* в *Азъ*) — *vīksna*;

смола — *обл.* *smelī* (смолистые поленья); сок (*sula*) — *sveķi* (смола); хвоя — *skujas* (“х” — “s”); лыко — *lūks*;

дуб, ср.: *duobums* — дупло — *uozuols*, ср.: узел (*mezgls*); желудь — *zīle*;

ива (*vītuols*) — *ieva* (черемуха); черемуха — *sērmūkslis*; верба (*pūpuols*) — *irbulī* (палки);

яблоня — *ābele*; яблоко — *ābuols*; лезговый орех — *lazdas rieks*; крыжовник — *križdoles*; смородина (< смердеть) — *jānogas* (поспевает к Иванову дню); *обл.* поречки (смородина, растущая “по реке”) — *upenes* (< *upe* — река);

земляника — *zemenes*; черника (< черный) — *melenes* (< *melns*, черный); брусника — *brūklenes*; *обл.* журавина (< журавль) — *dzērvenes* (< *dzērve*); ежевика (“еда ежа”) — *kazenes* (“еда козы”).

10. Овощи

зелень (*zaļumi*) — *zelt* (процветать);

лук (*sīpuols*) — *luoki* (перья лука); боб (*pupas*) — прусское *bobo*; редька (*др.п.* *редька) — *rutki*; конопля — *kaņepes*; огурец > *gurķis* > нем. *Gurke*; капуста (отмечено в документах 1193 года) > *kāpuosti*; *обл.* рункуль < *runkulis*; мак — *maguone*; кочан — *kacens*;

²⁶ Фракийцы — древнее население северо-востока Балканского полуострова, на северо-западе Малой Азии, предки болгар и румын.

11. Грибы

боровик (< бор — sils) > baravika; волнушка — vilnīši; мухомор — mušmire; рыжики — rudmiesas; подосиновик — aršu beka; маслята — sviesta beka;

12. Жито. Технические культуры

рожь — rudzi, *сскр.* vrīhih (рис), персидское vrīzei > *гр.* oruza > л. orīza > средневековолатинское rīsum, древнеисландское (далее: *др.исл.*) rugr, германское (далее: *герм.*) *rughī-, *ав.* rosko;

конопля — kaņeres, *сскр.* šaṇa-/kaṇa > *гр.* kannabis > л. cannabis > *герм.* *hanapis, hanapa > *др.вн.* hano > *ссл.* *конопьо > *канопь;

овес — auzas (топоним Яуза); лен — lini; тмин — ķīmenes; *обл.* ляча, лаша < lēsa (чечевица); гречка > griķi; вика — vīķi (оба < нем. языка); просо (известно с XIII века) > prosa.

13. Цветы. Травы (целебные)

стебель — stublājs, stiba (прут); *обл.* мозга (asni) — mazgāt (мыть); *обл.* зелье (травы) — zāle; пучок — rušķis; вянуть — vīst; вить — vīt;

вереск — virši; папоротник, *ссл.* папортъ — paparde; любисток — lubslājs; *ссл.* нать (крапива) — nātre; полынь > *обл.* pelekes (vērmeles); *обл.* баланда (лебеда) < balanda; мята (< польского) — mētra;

девятьмужиксила²⁷ (целебное растение) < deviņvīru spēks;

куколь — kuokalis; *обл.* кула (сухая трава) < kūla; мурава (луговая трава, мелкое сено, “травка-муравка”) < mauriņš; *обл.* отала (скошенная трава) < atāls; чемерица — čemerīņš; *ссл.* мержа — mārġa; *др.п.* ушь — ušņi; омела — amuols; *обл.* вилица (плющ) — vilicis; лопух — lapa (лист); осока (grīslē) — asaka (рыбья кость).

14. Большие звери. Хищные и травоядные

волк — vilks, *го.* wulfs, *сскр.* vrkah, *гр.* lukos < *ul^uos, *ск.* varka, топоним в Латвии Varkava, Varaklāni;

лиса — lapsa, *сскр.* lapašah, *гр.* alopeks, *ск.* raupasu;

рысь — lūsis; (p > l);

зубр — sūbrs, sumbrs, ятвязское²⁸ *sumbris; туп — tauris (“сильный”);

олень (briedis) — alnis (лось < нем. яз.); серна — stirna (горная коза);

вепрь (дикий боров, кастрированный боров) — verpris; *ссл.* *кыль, *р.обл.* киляк — kuilis;

слон > zilonis;

кусать — kuost; рвать — raut; рыскать — rikšuo (скакать);

рог — rags.

15. Мелкие зверюшки

др.п. веверица белая (> *р.* белка) — vāvere; заяц — zaķis; бобер — bebris; крот — kurmis; еж — ezis; хомяк — kāmis; суслик — susuriņš; выдра — ūdris; соболь — sabulis; *др.п.* дъхорь > хорь — dukurs (sesks); грызть — grauzt.

16. Домашние животные

овца, *др.п.* овен — aita (< avitiņa), avs, *сскр.* avih, *х.* havi-, *го.* awehi, *гр.* ois, л. ovis; ярка — jērs (ягненок);

коза — kaza; козел — kazlis (словарь Элгера²⁹); блеять — blēt;

корова — *лит.* karvė, на языке прусов (далее: *прус.*) kurwis, *лат.* guovs (корова) — говядина, господин — “один сам с короной” — хозяин коровы, *х.* gūnai-, *сскр.* gauh, goh, *ск.* gau, *гр.* bous < *g^uous, л. bos; яловица — ālava; бык — bullis; *ссл.* теля, теленок — telš; бодать — badīt; мычать — maut, mauruot;

конь (< *ссл.* комонь) — kumelš (жеребенок); осел — ēzelis; мул — mūlis; лягать (spert) — lina;

свинья — sīvens (поросенок); *обл.* чуха (свинья) — cūka; порося (sīvens) — *прус.* passtiau; боров (kuilis) — bars (толпа); *ссл.* кыль — kuilis (боров); квичать — kviekt;

кот, кошка — kaķis; мяукать — ņaudēt; сука (kuce) — suns (собака); *др.п.* хъртъ (порода собак) — kurts; лаять (riet) — lādēt (проклинать).

17. Птицы. Большие. Хищные

ссл. пѣтить, *р.* птица — putns; летать, лететь — liduot;

²⁷ Такое русское написание целебного растения отмечено в «Книге русского языка» Тенниса Фенне — Low German Manuel Spoken Russian, Pskow 1607. 1-2 Bd. Kopenhagen, ed. Hamerich, Roman Jakobson u.a., 1960—1970, p. 65.

²⁸ Ятвинги, или Ятвязь — балтийское племя, проживавшее в верховьях Шетупе и Нереве. Ятвингами называли себя еще в 1857 году 30 тысяч жителей Гродненской губернии.

²⁹ Dictionarium Polono-Lacino-Lattavicum opus posterior R.P. Georgii Elger. Vilnae, Typis Academicis Soc. Jesu. 1683, p. 127.

орел — ērglis, *лит.* arelis, *го.* ara < *aran, *нем.* Adler < Aar, *х.* huro(n), *гр.* ornis;

ворона — vārna, *лит.* varna; ворон (krauklis) — kovārnis (галка), *лит.* varns; коварон (kraukis), *ссл.* крук — krauklis;

выпь — ūpis (dumpis); журавль — dzērve; стерх (белый журавль) — stirka (длинноногое существо);

др.п. яробь, ерябь (куроптка) — irbe.

18. Мелкие птицы

ссл. зегзица, *др.п.* зозуля (кукушка) — dzeguze; куковать — kūkuot;

ссл. желна — dzelna; дятел — dzenis; воробей — zvirbulis (метате́за); иволга (< *ссл.* *вьлга), vālodze, чешское vlha, польское wilga, *ав.* vārs(n)gan; перепел — paipala; лелек — lēlis; синица (< синий, zils) — zīlīte; снегирь (< снег) — sniedze (< sniegs, снег); чибис — ķīvīte (звукоподражание); ронжа — rudze; дрозд — strazds (метате́за); sluoka — sluoka;

соловей (< иранских языков), *прус.* salawis;

гнездо — ligzda (метате́за); хохол — sekulis;

крыло (spārns) — skriet (бежать); перо — spārns; верещать — verkšķēt (spriegt — пищать).

19. Домашние птицы

цыпленок — cālis; пищать — pīkstēt;

лебедь (< нем. яз.) — gulbis (звукоподражание); голубь (balu-odis) — gulbis (лебедь);

гусь — zuoss, *обл.* guza, нем. Gans, *сскр.* havsah, л. anser;

утка — *лит.* antis (анчутка — болотный черт), сербское pile;

гоголь — gaigals; павлин — pāvs (оба из герм. яз.);

нырять — nirt; плавать — peldēt; *обл.* гуз (puns) — guza;

20. Рыбы

норост — nārsts; осьть (asaka) — ašķi;

лосось — lasis, *тох.* laks (рыба), нем. Lachs (общее германо-балто-славянское слово, неизвестное в южнославянских языках);

угорь — zutis (< эстонского яз.), *лит.* ungurys, *прус.* angurgis;

обл. мень, ментуз (налим) — menca (треска), mīksts (мягкий);

протославянское *esera (окунь) — asaris, *сскр.* ašrih (ось, ребро); лещ (plaudis) — leste (бу́те, камбала); сом — sams; карп — karpa (оба < нижненемецкого); сиг — siga (оба древние < из скан-

динавских языков); карась — karūza (оба < нижненемецкого); линь — līnis; сельдь, селедка — silķe (оба < скандинавских языков); вымба — vimba (оба < ливского); таймень — taimiņš (оба < финского языка); язь (alants) — āzis (козел).

21. Змея, ящерица

уж (zalktis) — uodze (змея), *сскр.* ahih; *ав.* ažis; *гр.* echis, ophis; червь (sliēka) — cērme (глиста);

ящерица (ķirzaka) — протославянское *ašcerica < *aščerъ, *иде* *(s) ker (скакать);

лезть (ползать) — līst.

22. Насекомые

кишеть — kustēt(ies) (шевелиться); жалить — dzelt; жужать — žužuot, zummēt;

муха — muša („х” — „s”), *гр.* myia, л. musca; мошка — knislis (< knist — niezēt — “чесаться”);

пчела (< бьчела < *bitjola < *иде* *bhi-k-el) — bite;

оса — lapsene, vapsene, *ссл.* вопса, нем. Wespe, л. vespe, *иде* *uebh (кишеть); трутни — trani (балто-славянское *trать) < *иде* *dher — (жужжать), *гр.* thronax, *сскр.* dhranat (звенят), нем. Drohne, drohnen (греметь);

комар — uods, *обл.* kamars, kamene (шмель); овод — dundurs (< нем. Donner — гром); шмель (< *протослав.* *чвмель) — sisenis; *обл.* шершень — sirsenis, нем. Hornisse, *тох.* kronse (пчела); жук (звукоподражание), *обл.* веблица (глиста) — vabuole (жук);

таракан (< тюркских языков) — tarakāns, prūsis (прусак);

блоха — blusa („х” — „s”), протослав. *блѣха, нем. Floh, *сскр.* plusih, *гр.* psylla < *blusia, л. pulex;

клоп (blakts), белорусское блошица > *лат. обл.* blakstiņi;

вошь (< *ссл.* вѣшь) — uts («колящий»); гнида — gnīda (оба < древнескандинавского gnit).

В. Человек

23. Биологическое существо

человек, кривичское³⁰ цѣловѣкъ) (цѣло — «челядь», вѣкъ — *лит.* vaikas — дети, семья, домочадцы) > cīlvēks;

³⁰ Кривичи — восточные соседи латгалов в V—XIV вв.

мясо (gaļa) — miesa (тело); плоть (ссл. плоть) — pluts (мясо, кожа); тело (miesa) — tēls (образ); *сербское* stav — stāvs (стан);

кровь (asinis) — *лит.* kraujas (кровь), *прус.* crayo; *лат.* krevele, *сскр.* kравуон, kравih (мясо), *кимбрское*³¹ cгау, древнеисландское (далее: *др.исл.*) kry, *гр.* kreas < *kreiје (мясо), *л.* cruor < *kreuōs (свернувшаяся кровь = krevele), *иде* *kreu (густая вытекшая кровь);

дух, душа — dvēsele, dvaša, dvēsma, dūša (храбрость);

др.п. чело (лоб) — celt (поднимать); голова (ссл. глава) — galva; борода (ссл. брада) — bārda; ус — ūsas;

ссл. око (глаз) — acs, *сскр.* akesi, aksi, *го.* augo < *герм.* *ago, армянское (далее: *арм.*) aku, *гр.* osse, *л.* oculus; веко (acu plakstiņš) — vāks (крышка);

ухо — auss („x” — „s”), *ав.* uši, *го.* auso < *герм.* *ausau, *гр.* ōs < *ous, *л.* auris < *ausis;

зуб — zuobs, *ссл.* зѣбъ, *сскр.* jambhah, *тох.* kom, keme, *др.вн.* chamb, албанское (далее: *алб.*) dhenab, *гр.* gomphos (гвоздь); черен (зуб мудрости) — ceroklis;

слюна, слина > slienas; *др.п.* мом (небо) — muomelis;

горло, гортань (rīkle) — gurklis; язык — *прус.* insuwenis;

лик, лицо (seja) — *прус.* laygnan (щеки);

нос (deguns) — nāss (ноздри), *прус.* pozu; сопля (puņķis) — sapuļi;

рука (ссл. гака — рѣка) — ruoka, *лит.* ranka; ладонь, долонь, длань — delna;

др.п. перст (палец) — pirksts, *сскр.* prstham (вершина), *ав.* paršta (спиной хребет), *л.* postis (столб), *др.вн.* first (вершина);

фига > pīga; горсть (sauja) — gurstē; локоть — elkonis (метате-за), *х.* alkistanf (ветвь), *др.исл.* — aleina; *гр.* olene, ōlēn, *л.* ulne;

нога (kāja) — pags (ноготь); *обл.* лапость (pēda) — lāpsta (лопата); *др.п.* плезна — plezna; пята — piets (тупая часть топора); пядь — pēda, *сскр.* pad-, padam (нога), *ав.* pad-, *х.* pata, *ск.* pada (пядь), *осет.* fad (пять), *го.* fotus; *гр.* pūs, podos, *л.* pēs, pēdis; колено — celis;

грудь — krūts; ребро — riba; *др.п.* плучо (легкое) — plaušas; плечо (кривичское «плечо») > plecī; *др.п.* кукры (спина) — kukurs, kukuragas (на спине); пазуха — paduse; горб — kupris;

сердце — sirds, *сскр.* hrd, hārd < *z’hrd-; *х.* ker/kard, *арм.* sirt, *го.* hairto, *гр.* kēr, kardia, *л.* cor, cordis, *ссл.* *сърдько;

жила — dzīsla; желчь — žults; *др.п.* исто (почка) — *обл.* īkstis; *др.п.* чересло — cirksnis;

сон (< *сѣпнь) — sarnis; *ссл.* навь (смерть) — nāve; смерть — mirt (умирать);

тьнь (ēna) — *обл.* tene (plāna plēvīte); вид (izskats) — veids (образ); сень (praēna) — seja (лицо).

24. Человек в семье

семья — saime (родственники, батраки, приживалы);

мать — māte, *сскр.* mātā, matar, *ав.* matā, *др.вн.* muoter, *гр.* mēter (в дорийском диалекте māter), *л.* māter;

брат — brālis, *обл.* brātāritis, *сскр.* brātā, bhrāhār, *го.* brosor, *гр.* phrāter, *л.* frāter < *bhrāter;

отец (уменьш. тятя) — tēvs, tētis; дочь — *лит.* dukte, *лат.* meita < *нем.* Maid; сын (dēls) — *лит.* sunus;

люди — ļaudis; баба — bāba; дед (vecais tēvs) — dedēt (стареть, ветшать); ветхий — vecs; юный — jauns; юноша — jauneklis; ребята (дети) — bāris (сирота); пасторка (pameita) — pastarīte (последняя дочь в семье);

род — rads (родственник); сват — svats (svešs — чужой); кум > kūms; свояк — svainis; муж (vīrs) — mūžs (век); жена (sieva) — *прус.* genno; зять — znuots (< zināt — знать); невеста (< не ведать — nezināt) — līgava (< līgt — договариваться); деверь — dieveris; ятровь — ietere, ietaļa; невестка — vedekla (< vest — вести, приводить);

рожать (dzemdēt) — ražuo (производить).

25. Местоимения

я (ссл. азъ, язъ) — es, меня — manis; мы — mēs, нас — *прус.* posson;

ты — tu; тебя — tevis; он — v-iņ-š; кто? — kas?; тот — tas; та — tā; сей — šis;

ссл. вьсь (весь) — viss; который — *др.* латышское katrs (который из обоих); свой (savs) — *прус.* swais; твой (tavs) — *пруск.* twais; себе — sev.

26. Физические и духовные качества человека

большой (liels) — bāliņš (братик), *сскр.* balī (сильный); баламут (болтун) > balamuts; *др.п.* благой (хороший) — *обл.* blags (слабый); веселый (jautrs) — vesels (здоровый); глупый — *разг.* glups; гру-

³¹ Кимбры — германское племя на Ютландском полуострове во II столетии до н.э., затем переселились в Северную Италию.

бый (rupjš) — grubulis; дрянь — draņķis; дерзкий (pādrošs) — drošs (храбрый); дикий (mežonīgs) — dīks (бездейственный); дорогой — dārgs; дурной (плохой) > обл. durns; живой — dzīvs; истый — īsts; *др.п.* лѣпый (красивый) — laipns (приветливый); милый — mīļš; малый, маленький — mazs; мудрый (gudrs) — muodrs (бдительный); *др.п.* нагой (голый) — обл. nuogs (голый, бедный, неимущий); новый > обл. naujš; простой (vienkāršs) — *разг.* prasts; полный (толстоватый) — pilnīgs; плечистый — plecīgs; обл. пыня (uzpūtīgs cilvēks) — raunis; рыжий — rudais, ruds; слабый (vājš) — обл. slabs; смуглый (темнолицый) — обл. smauklis (нечистый); скупой — skuops; слабый — *разг.* slabs; славный — slavens; сытый (paēdis) — sātīgs; обл. шулый (сонливый) — snaust (дремать); строгий — stingrs; тощий (liess) — tukšs (пустой); тихий (kluss) — tiešs (прямой); толстый (resns) — tulzna (мозоль); хитрый (viltīgs) > neķitrs (гнусный); храбрый (drošsirdīgs) — skarbs (резкий, суровый); чистый (честный) — šķīsts (чистый, целомудренный); шельма > šķelmis.

27. Действия — движения человека

бежать, бегу — bēgt, bēgu; брести, бреду — brist, brienu; бродить, брожу — bradāt; бывать, быть — būt; валяться — valāt(ies); вести, веду — vest, vedu; водить — vadīt; возить — vazāt; влечь, обл. волочь — vilkt; гнать, гонять (dzīt, dzenāt) — ganīt, gaiņāt (разгонять); грести, гребу (airēt) — grebt (вырезать на дереве); ехать (braukt) — jāt (скакать); обл. зыдти (исчезнуть) — zust; идти — iet; лезть — līst, lēzens; лазить — luožņāt; мчаться (steigties) — mukt (убегать); переть (spiesties, stampāt) — spert (пнуть); сесть, сидеть (ap)sēsties, sēdēt; стоять — stāvēt, *сскр.* stha-, *ав.* sta-, *тох.* ste, *гр.* histēmi, *л.* stare; (по)спеть — spēt; трафить (ieturēt virzienu) > trāpīt (попасть).

28. Действия — общения людей

аукать (ūjināt) — auka (буря); *др.п.* блясть — blenzt (смотреть); божиться > bažīties (опасаться); болтать (pļāpāt) — balss (голос); бороться (cīkstēties) — bārties (ругаться); велеть — (pa)vēlēt (приказывать, желать); ворчать — urkšķēt (хрюкать); врать (meluot) — vervelēt (невнятно говорить); гадать (zīlēt) — gādāt (заботиться); думать — duomāt; жалеть — žēlot; желать — žēlot (жалеть); знать — zināt; кланяться > klanīties; обл. кукать (kurnēt) — kaukt (вопить); ломать (lauzt) — lamāt; обл. лучить (заботиться об) —

lūkuot (смотреть), *сскр.* lokote (смотреть), lokoyste (рассматривать); *х.* lūk (блестеть), обл. нем. lugen (смотреть), *гр.* leusgo (вижу); манить (завлекать) — mānīt (обманывать); (вни)мать — minēt (упомянуть); миловать (žēluot) — mīlēt (любить); мнить (duomāt) — minēt (упомянуть); мормотать — murmināt; обл. раять (шуметь) — riet (лаять); охать — vaidēt; решать — raisīt (развязывать); *ссл.* решти, рекж, *др.п.* речь — rēkt (рычать), *тох.* rake/raki (слава); славить — slavēt;

с-луш-ать — k-laus-īt(ies) (слушаться); считать, честь — skaitīt; тешить (uzjautrināt) — taisīt (делать); *др.п.* тягати (prašņāt) > tēgāt; обл. тькать (pļāpāt) — tenkuot (сплетничать); хныкать — šņaukt (сморкаться); чтить — šķīst (уважать).

29. Различные действия человека

бздеть — bezdēt; бить — bīdīt (продвигать); блудить > bludīt (вести себя непристойно, Стендер³²); бороться (cīkstēties) — bārties (ругаться); брать, беру (ņemt) — bērt, беру (сыпать); брызгать — обл. bruzgāt; вертеть (gruozīt) — vērst (направлять); вить — vīt; (от)ворачивать, (по)ворачивать — vērt; воротить (griezt atpakaļ) — vārstīt (вращать); гасить — dzēst; гладить — glāstīt, glaudīt, gludināt; грабить (сгрэбать, разбойничать) — grābt (хватать); грести, гребу (airēt) — grēbt (вырезать на дереве); обл. грыхать (mīstīt) — graut (разрушать); давать, дать — duot, dāvāt (дарить); дергать (raustīt) — dragāt (разбивать); деть (likt) — dēt (нести, о птицах), *сскр.* dadhate, *х.* dāi (заставлять), *го.* ga-dess (работать), *гр.* tithēmi (класть); деться — dēties; делить — dalīt; добыть — dabūt; драть — dīrāt; дуть — dūkt (издавать низкий глухой звук); жечь — dedzināt; звонить — zvanīt; (со)здать, *ссл.* зьдати — ziest (творить); *ссл.* имать (брать) — jemt; искать (meklēt) — ieskat (давить вшей); класть (likt) — klāt (покрывать); кобенить (sist, smagi nest) — kabināt (вешать); колотить — kult; колоть — kalt; обл. корнать (обрезать) — karnīt; лить — liet; обл. лапить — lāpīt (штопать); ломать (lauzt) — lamāt (ругать).

(от)лучить — luocīt; лупить — lupt; мазать (ziest) — mēzt; метать — mētāt; мучить — muocīt; нести — nest; носить — nēsāt; плевать — spļaut; *др.п.* прать, пороть (sist; žņaugt) — pērt; *ссл.* пърнати (наполнять) — pildīt; рвать — raut; рубить (cirst) — ruobs (пробел); рушить, рух (tracis) — rošities (проявлять активность);

³² Stender G. Fr. Lettisches Lexicon. Mitau, J. F. Steffenhagen [1784]. — P. 25.

обл. сербать, стербать, ссл. срьбати (лакать) — strēbt; скрести, скребу — skrabināt; скубить, ссл. *скубти, скуб (срывать) — skubināt (побуждать); смеяться — smieties; обл. слякать (полоскать) — šļakstīt (течь, капать); совать, сунуть — šaut (пихать); стлать — slānis (слой); сыпать (bērt) — šūpuot (качать); творить (radīt) — tvert (хватать); тереть — trīt; обл. трупить (drupināt) — trupēt (мельчиться); цапать (kampt) — čaruot (брести); черпать — kārpīt (выгребать); чесать — kasīt.

30. Различные состояния человека

бдеть, будить — baudīt (пробовать, наслаждаться); блевать (vemt) — blaut (кричать); бояться — baidīties; витать (uzturēties) — vieta (место); обл. врети (сильно потеть), ссл. вьрѣти (вариться, бурлить) — vārities; гибнуть — ģibt (падать в обморок); гнуться (liekties, locīties) — gubt (сгибаться); годиться (derēt) — gadīties (случиться); добиться, добиваться — dabūt (получить); дышать — dusēt (лежать, отдыхать); жать, жму (spiest) — gumt (kumpt); жалеть — žēluot; ждать — gaidīt; жевать — žaunas; желать (vēlēties) — žēluot (жалеть); жить — dzīvuot; (за)жигать — dzīt; кашель (klepus) — kāss; курить (pīpēt) — kurt (зажигать костер); лизать — laizīt; махать — māt; мигать — mirkšķināt; миловать (žēlot) — mīlēt (любить); мочь, могу (varēt) — mēgt; плакать (raudāt) — plakt (sist, pērt); пробовать (mēģināt) — pārbaudīt (проверять); пухнуть (pampt) — pušķis (букет; кисть), pampt; пыхтеть (dvest, elst) — pūst; рыгать (atraugāties) — rūgt (skābt); рыдать — raudāt; обл. рупить (sagādāt) — rūpēties (заботиться); скорбеть — skurbt (хмелеть); скулить — skaļi (громко); смеяться — smieties; смердеть — smirdēt; смотреть (skatīties) — manīt (заметить); спеть — spēt; становиться (kļūt) — stāt; стоять — stāvēt; стонать — stenēt.

31. Общественная жизнь человека. Юриспруденция

благо (labums) — blāzma (северное сияние); доля — daļa; воля — vaļa (свобода); неволя — nevaļa (недостаток времени); милость (žēlastība) — mīlestība (любовь), mielasts (угощение); жалость (žēlsirdība) — žēlabas (жалоба);

друг — draugs; враг, др.п. ворог (ienaidnieks) — vārgs (тщедушный); богатый — bagāts; богатство — bagātība; уст. убогий > ubags; скупой — skuops; сума — suoma;

др.п. страдник > strādnieks (работник); страдать (ciest) — strādāt (работать); мѹка — muokas;

боярин > bajārs (зажиточный крестьянин); др.п. смердь > уст. smirds (kalps); холоп > kalps; др.п. халпуни > kalpone; свободный — svabads; староста > starasts; просить (lūgt) — prasīt (требовать); пустой (tukšs) — puosts (разорение); босой — bass;

толпа (pūlis) — telpa (помещение);

право (tiesības) > prāva (судопроизводство); др.п. правож (tiesa) > prāva; вина — vaina; жалоба (sūdzība) — žēlabas (сезования); бато́г — pātaga (кну́т); красть (zagt) — krāt (собирать); губить (puostīt) — sagubt (izliekt, искривлять); лупить (бить) — laupīt (грабить); обл. плюха — plauka (пощечина); вина — vaina.

32. Управление государством. Война и мир

царь — cars; князь — kungs; воевода (karavadonis) — vaivads; др.п. толк (толмач, переводчик) — tulks; полковник > pulkvedis; полк — pulks; солдат — zaldats; враг (ienaidnieks) — vārgs (слабый); стрелец — strēlnieks; богатырь > обл. bogaturs (герой);

власть (vara) — волость (pagasts) < valsts (государство); владеть — valdīt (властвовать); погост (kapsēta) > pagasts (волость); мыза — muiža (оба < ливского); др.п. губа — guoba; обл. ез — eža (межа), рубеж — robeža (граница); делить — dalīt; копец > разг. kupica; иго — jūgs;

кривич — krievs (русский); цыган — čigāns; жид — žīds; сабер — sabris;

мир — miers; война (karš) — vaina (вина); слава — slava; плен, др.п. полон (gūsts) — pelni (пепел), peļņa (заработок, доход);

беглец, беженец — bēglis;

др.п. хоругвь > karogs (знамя, флаг); жезл (< *зызьль) > zizlis; лук (для стрельбы) > luoks; кий — kūja; стрела — уст. strēle; броня > bruņas; бомба — bumba; весть — vēsts.

33. Производственная деятельность. Сельское хозяйство. Полеводство

пустошь (paruve) — puostaža (разруха); межа (eža) — mežs (лес);

орать (пахать) — art; др.п. ратай — arājs (метатеза); лемех — lemesis; рога́ч — ragulis; соха (ešešas) — saka (отросток на дереве; из них изготавливалась соха);

сеять — sēt; зерно (graudi) — zirnis (горох); сито — siets; семя — sēkla; работать — darboties; работа — darbs (метатеза);

урожай — raža; серп — sirpis; грабли — grābekļi; копа (kaudze) — kaps (могила); (по)спеть (nogatavoties) — spēt (мочь); сухой — sauss; скирда — stirta; ток — taks; зарод — zārds;

веять — vētīt; полова — pelavas;

молоть — malt; *уст.* мелен (мельница) — milna; *сскр.* mīnāti, *х.* malla (молот), *го.* melan, *гр.* myle, *л.* melere; жернова — dzirnavas (мельница); короб — kārba;

обл. толока — talka; сутолока (burzma) — talka.

34. Животноводство. Рыболовство. Пчеловодство. Технические культуры

луг — lanka; сено — siens; солома — salmi; доить (slaukt) — dēt (нести яйца); драть — dīrāt (сдирать кожу);

лен — lini; конопля — kaņepes; мять, мну — mīt, minu, mīstīju; чесать (освобождать от головок) — kasīt; прясть (vērpt) — spriest (рассуждать); бердо — birde; уток — aust (ткать);

ремесло — remesis;

лыко — lūks; мезга — mīza; пучок — pušķis;

ковать, кую — kalt, kaut, kauju (убивать);

обл. мерега, мереж — merga; вятер, вентерь, ятерь — venteris; торба — tārba; бредень (вид сетей) — brist (брести); коптить (рыбу) — kupināt; удить — ūda (удочка); сеть (tīkls) — siet (вязать); невод — vads (провод);

борть — burtenis, burt (колдовать); *уст.* жень — dzeinis (при-
способление забираться на дерево); улей — aulis; пила — peilis (нож); воск — vasks; мед — medus;

сечь — sēks (sirpis, zāģis); *обл.* черь (топор) — cirst, cirvis; точило — tecila; лом — lauznis; лопата — lāpsta; оселок (galoda) — asns (росток); острый — ass; ось — ass; копать (rakt) — kāpāt (разру-
бать), kaplis; колоть — kalt; раяти (о звуках) — rāt (ругать);

др.п. тенета (zvēru ķeramie tīkli) — *обл.* tīt (tūkt).

35. Торговля (мера и вес)

торг (< *търгъ) — tīrgus; мена — maiņa; топоним Митава (мес-
то, где меняют); менять — mīt, mainīt; купец > kircis; копейка > kapeika (заимствование из разговорного языка по произношению); рубль (< рубить — cirst) > rublis; цена > cena; мыто < muita (оба из
ливского); мера > mērs; сума > suoma; сулить > suolīt; ноша —
nasta; бирка > birka; биркав (мера веса) > birkavs; добыть — dabūt;
пуд > puds (мера веса), puods (горшок); дорогой — dārgs; ку-

пить — *прус.* kupiskan; гудеть (dunēt, dūkt) — gauduot; горсть —
gurstē; куль > kule (мешок); легкий (vieglis) — liegs, liegt (запре-
щать).

36. Транспорт. Упряжь

ехать (braukt) — jāt (скакать); след (pēdas) — sliede (рельса);
стезя (тропинка) — stīga; гать — gātve, gāte, gals (конец); *обл.*
ток — taka;

(за)прягать (iejūgt) — saspringt (напрячься); вожжи (gruoži) —
važas (цепи); седло — sedli, segli; седлка — sedulka; подкова —
pakavs; воз — vezums; карета > kariete; дуга (luoks) — *обл.*
daudzis, dauga (разъезженная дорога); баторг — pātaga; деготь <
deguts;

якорь — enkurs; парус > buras; плот — pluosts; паром — prāmis;
уст. волок — valks; кормчий, кормник > korņiks; челн (лодка) —
celms (основа); лава (pluosts) — lāva.

37. Посуда

блюдо — bļūda; ковш < kauss; нож — nazis; сито — siets; ко-
тел — katls; пест — piests; кружка — krūze; *обл.* пожар (кочерга) >
ražags; поварница (ложка) — pavārnīca; *обл.* песта — piests; дно
(< *дъбно) — dubens; *др.п.* кораб — kārba; жбан — ciba; *обл.* ча-
барка — ciba; корыто — karote (ложка); ключ — kļaut (прижи-
мать); пустой (tukšs) — *обл.* pūsts.

38. Пища, ее приготовление

мясо (gaļa) — miesa (тело); масло (< мазать, ziest) — sviests
(< sviest — бросать); *ссл.* тук (сало) — tauki; говядина (< guovs —
корова) — guovs (vērsa) gaļa; яловчина — ālavas guovs gaļa; свини-
на — cūkgaļa; телятина — teļa gaļa; молоко (piens) — malks (гло-
ток); пена (plēve) — piens (молоко); сливки (salds krējums) < сли-
вать (nuoliet piena virsējo daļu) — krējums (< kriet — сливать верх-
нее жирное молоко); сыр — siers; хлеб (maize) — klaips (буханка),
maize (< mieži — ячмень); ветчина (šķiņķis) < ветхий (vecs), šķiņķis
< германских языков; крупа — grūbas, *обл.* kraupa; мед — medus;
соль — sāls; солод (< сладкий) — salds; сахар — cukurs (оба < не-
мецкого языка в разные эпохи); *обл.* ол — alus (пиво);

мягкий — mīksts; твердый — tvirts (stiprs, izturīgs); сивый —
sīvs; свежий — svaigs; сладкий — salds; соленый — sāļš, sāļts; горь-
кий — rūgts (метатеа); мелкий — smalks; готовый — gatavs;

плита — plīts, plīte; печь (krāsns) — ceplis (кирпичный завод); печь — cept; огонь — uguns; дым — dūmi; пепел — pelni; смрад — smirdoņa; головешка — pagale; сажа (< *sadja) — sadegt; гарь — gars (дух);

повар — pavaris;

готовить — gatavuo; месить (mīcīt) — maisīt (мешать), *сскр.* mīks (мешать), mimikšate, *х.* immīno (замешивать), *др.вн.* miškan, *гр.* meignymi (смешивать), *л.* miscere; кипеть (vārīties) — kūpēt (дымиться); есть — ēst; жрать (rīt) — dzert (пить); лакать — lakt; кусать — kuost; варить — vārīt; киснуть (skābt) — kūsat (подниматься, о тесте); липнуть — līpt; хлопотать — klapatouties;

еда — ēsma; суп — zupa; борщ — borščs; кусок (kumuoss) — kuost (кусать); пирог > pīrags; кисель > ķiselis; *уст.* лѣкъ — atlikums; кутья (ритуальная еда на Рождество) — *обл.* kūces, kūči, koša.

39. Местности (географические понятия)

деревня (sādža) — drava (пасека), druva (поле), дерево (kuoks); деревянный (no kuoka taistīts) — то же; *ссл.* место (vieta), местечко — miestīņš, miests; *ссл.* вѣсь (sādža) — viesis (гость), *сскр.* vis, *ав.* vis-, *гр.* oikos, *л.* vicus, *го.* veihs;

слобода (sādža ar baznīcu) — svabads (свободный); мыза — muiža (оба из ливского); двор (sēta) — *обл.* dvors (крытый хлев); даль — tāle;

улица (iela) — uolnīca; гать — gāte, gatve; путь (ceļš) — *нпрс.* pintis; *уст.* стезя — stīga; след — sliede (пельса); верста — versts, vērt (открывать); чрез (caur) — šķērs (кривой).

40. Постройки

изба (< *истьба) — istaba; клеть — klēts; *обл.* рей, рига — rīja; хлев — klāvs; *др.п.* перть (баня) — pirts; *обл.* стадол (конюшня) — *обл.* stadula, *ссл.* сѣрубъ (celtne) — siruobs (овинное бревно); *обл.* зобенька (баня) — zebenieks (auzu kule); забор (žuogs) — bars (juosla); *обл.* клуд (kārts, miets) — sklanda (žuoga kārts, zedenis); стояк — stulps (stabs); щель — šķirba, šķelt (рассекать); щепа — šķērs (пика); *обл.* пуня — pune;

мельница, млин, *обл.* мелен (dzirnavas) — milna; жернов — dzirnavas (мельница); божница (кривичское бозница «языческий храм») > baznīca; капица (языческое место культа) > kapī (кладбище); *уст.* погост (kapsēta) > pagasts (волость); казарма >

kazarma; кров (pajumte) — kraut (нагружать); верх — virsa; стена — siena; дверь — durvis; ворота — vārti; погреб > pagrabs; око (колодец) — aka; *обл.* асвер (журавль колодца) < svira (рычаг); столб — stabs.

41. Мебель

кресло > krēsls (стул); нары > nāras (guļamvieta); *уст.* корста (гроб) — šķirsts; свеча (кривичское свеца) > svece; свет (gaisma) — sveķi (смола); щепка — suķe; стекло > stikls; крен — kriens; труха — trausls (хрупкий); щербина — šķirba (skramba);

ремесленник — remesis;

др.п. оскорд (большой топор) — šķērst (разрубать); *ссл.* скобель (kasīklis) — skābt (киснуть);

щебень — šķemba (осколок), skabarga (заноза);

гладкий — gluds; сырой — sūrs (горький, тяжелый); редкий — rets; тесать — tēst.

42. Одежда. Украшения

кожух > kažuoks (заимствовано в VI веке); *обл.* чаплажка — серуре (шапка); *обл.* мятель — mētelis;

полог — palags (простыня); мешок — maiss; сума — suoma; торба > tārba; куль — kule; пуговица — puoga; узел — uozuols (дуб, «узловое дерево»);

дыра (caurums) — durt (протыкать);

нить — nītis; *др.п.* волна-овча (шерсть) — vilna; кудель — kuodaļa; пакля (< *пакля) — rakulas; мех (kažuokāda) — maiss (мешок); вервь, веревка — virve;

мягкий — mīksts; дорогой — dārgs; мелкий — smalks; тонкий — tievs;

обл. пасмо (приспособление для сучения) — puosms (звено); цевка — saiva (в ткацком станке);

шить — šūt; швы — šuves; прясть > *обл.* prest, spriest; *др.п.* вѣршти (рвать) — vērt (прясть); ткать (aust); прядать (есть) — spraust; кроить — krija; (по)ласкать — skaluot; *обл.* валец — vāle;

лента — lente; пряжка — sprādze; (по)яс — juosta; венец, веноч (вено — выкуп за невесту); *ссл.* веньць, *обл.* вайник (повойник)³³ — vaiņags, vīt (вить).

³³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Москва: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1956. — Т. I. — С. 160.

43. Обувь

обл. сора (jēlāda, шкура) — skara (платок); лыко — lūks, ilknis (клык);

плеть — pletne;

обувь — араві; сапог > zābaks (древнее заимствование); лапоть (pastala) — lāpīt (штопать); подкова — rakavs; обл. чобот > čabata; (раз)уть — (no)aut.

44. Духовная культура. Развлечения

коляда > kaļadū (рефрен); гадать — gādāt (заботиться о); бес — baidīties (бояться); доля — daļa (часть); дивный (brīnišķīgs) — dīvains (удивительный); Баба-Яга — īgns (угрюмый); паганный — pagans;

крест > krusts (под влиянием латинского crux); крестить > kristīt, krustīt; святой > svēts; святить > svētīt; говеть > gavēt; говение — gavenis (пост); пост — puosts (разорение); *уст.* звон (колокол) > zvans; звонить > zvanīt; грех > grēks; грешить > grēkuot; святить — svaidīt; пекло > pekle (ад);

ум — uoma (настроение); дума — duoma; думать — duomāt; грамота (valdnieka vēstule; lasīt un rakstīt mācēšana) > grāmata (книга);

танцевать (dejot) — dancuot (плясать); хор — kuoris; дуда — dūda; дудеть (играть на дудке) — dūduot; шлея — sleja;

краса (skaistums) — krāsa; *уст.* вап (krāsa) — *уст.* vare; (пре)красный — krāšņs; краски — krāsas; рудый (asinssarkans) — ruds; русский (gaišbrūns) — rūsa (ржавчина).

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

В контексте сопоставления латышской и русской культур как проявления близкородственных, поначалу почти идентичных этнопсихологических структур («ментальности»), язык и мифология принадлежат к наиболее ранним (древним) этапам развития, в то время как фольклорные контакты — более поздний период, а литературные — почти наша современность.

Что касается мифологии, то уже древние русские «мифологи» — фиксаторы и комментаторы древнерусских верований, отмечали, что культ берегинь и упырей существовал гораздо раньше, чем культ Перуна¹, который в X в., незадолго до введения христианства как государственной религии на Руси, приобрел «статус первой пробы» для создания такой государственной религии.

Такой «исторический» подход древнерусских мифологов соответствует общей концепции развития воззрений на потусторонние силы — от примитивного материализма до развитого идеализма. И так же как при сопоставлении латышского и русского языков, так и при сравнении мифологических представлений приходится констатировать сохранение в сознании латышей XVIII—XIX вв., когда был собран основной корпус латышского мифологического фольклора — песен, преданий, сказок, заговоров, примет, обычаев и обрядов, более древних воспоминаний о своих мифологических персонажах, которые во многих случаях подвергались «улучшению» их функций по сравнению с первоначальными представлениями. В русских же фольклорных записях сильно сказалось влияние православия и воспоминания о древних мифологических представлениях просвечивают разве что в записях середины

---

¹ Шевырев С. П. Поездка в Кирило-Белозерский монастырь. — М., 1850. — Ч. II. — С. 33.

XIX в. и то весьма отрывочно и непоследовательно. Зато в отличие от латышской мифологии, которая почти не оставила никаких следов в хрониках и церковных постановлениях XIII—XVIII вв., русская мифология проявляет определённые преимущества: уже с XII в. духовные писатели с целью осуждения подробнейшим образом описывают праздники зимнего и летнего солнцеворота, а в Ипатьевской летописи приведена уникальная информация о попытках Владимира создать языческое капище на княжеском дворе и Подоле. Хотя исследователи еще до сих пор не пришли к единому мнению об этимологии и функциях отдельных божеств, все же приведенные в летописи сведения дают бесценный отправной материал для характеристики древнерусской мифологии в сопоставлении с близкородственной латышской.

I. КУЛЬТ ПРЕДКОВ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Уже на самой ранней ступени человеческого существования смерть близкого человека вводит его живых родственников в необходимость осознать случившееся, попытаться как-то истолковать данное событие. Первоначальное представление у всех первобытных народов — человек заснул, — и в такой заснувшей позе его оставляют на земле неподалеку от местожительства, иногда закладывая ветками, камнями, землей. Об этом свидетельствуют и латышские и русские археологи, раскапывавшие могильники каменного века. То, что этот человек нуждается в воде, пище, тепле, различных предметах первой необходимости, а это — нож, наконечник копья, стрелы, у женщины — иглы, пряслицы, свидетельствуют соответствующие археологические находки, отмеченные и латышскими и русскими исследователями².

Такое представление о продолжении жизни после смерти, характерное для всех примитивных народов, с небольшими дополнениями и преобразованиями сохраняется не только до принятия христианства, но и после этого события. Вера в загробную жизнь, лишь несколько преображенная в соответствии со священными книгами и христианскими преданиями сосуществует с христиан-

ством вплоть до нашего времени (дни поминовения умерших латышами «veļu laiks» или периодические поминовения усопших в установленные церковью дни как в храмах, так и на кладбище).

Хотя в христианизированных землях латышей и русских покойников стали хоронить на кладбище, но связь с родным домом не прекращалась. Поминовение умерших предков, их «приглашения», которые с предельными деталями описаны польскими хронистами Малецким, Ласицким и Стрыйковским, немцем Фабрициусом, отнесены как к прусам, литовцам и латышам, так и к восточным славянам³.

«Угощение» для душ предков — у белорусов они называются «дзядамі» (по-русски «деды»), у латышей «vecīši» (старички), но латыши чаще употребляют эвфемизм⁴ «vēļi» (от глагола «vēl-ties» — катиться; так «vēļi» перемещаются — катятся, как клубок) — проводится обычно поздней осенью — в октябре-ноябре. Место угощения, обычно, жилое помещение, но иногда, баня, овин, в древности — леса, места захоронений. Пища — кутья (раздавленный невареный ячмень с медом, впоследствии — рисовая каша с изюмом — у русских), пироги.

Хозяин отворяет окна и двери, зажигает лучину или свечу и «зывает» души умерших: «Деду, иди до обеда», иногда перечисляя всех по имени, благодарит за приплод скота, изобилие полей, плодородие в семье. Помещение наполняется велями-дзядами — душами предков. Малые идут через окна, большие — через двери. Похожи они на людей, души которых представляют, иногда появляются в виде животных. Увидеть их можно если посмотреть промеж ног, но видеть велей — ничего хорошего не предвещает.

Само «угощение» происходит по-разному. То ли их оставляют одних, а утром определяют, ели ли «вели» или нет. Последнее предвещает несчастье. Обычно на другой день остатки доедают сами хозяева с батраками, а кости то ли сжигают, то ли закапывают. Бывает, что во время еды куски пищи и глотки браги сплескивают под стол.

После «угощения» велей провожают напутствием и впредь заботиться о благосостоянии скота, урожае полей, благоденствии се-

³ Библиографию по разделам мифологии см. Инфантьев Б. Восточнославянская мифология в свете латышского фольклора // Acta Baltico-Slavica. — 1994. — № 22. — P.14 — 58.

⁴ Эвфемизм — замена подлинного имени другим менее «опасным», чтобы не вызвать появление или присутствие того или иного нежелательного существа.

² Aizkapa pasaule // Mitoloģijas enciklopēdija. I. — Rīga: Latvijas enciklopēdija, 1993. — 22.—25. lpp.; Kārlis Straubergs. Pār deviņi novadiņi. — Rīga: Zinātne, 1995. — 278.—291., 299—302. lpp.

мы. Их провожают словами, зафиксированными еще в XVI в. польскими хронографами: «Пили, ели, душицы, пошли вон!» (Эти белорусские слова Ласицкий приписывает литовцам и куршам.) Иногда даже выметают метлой, вырубает топором, чтобы ни один не остался⁵.

В латышских фольклорных записях проводы зафиксированы словами: «Ургучи, вон! Биц! Бац! Бац!»

Примечательна связь «велей» — «дзядов» с животноводством и полководством. Дело в том, что эта, очевидно, их основная обязанность по отношению к живым. Недаром хозяин и повелитель «велей» — балтийский Велнс — родной брат древневосточнославянского Велеса — «скотьего бога», кумир которого в Киеве стоял на Подоле, а сам он был не только покровителем скота и плодородия, но обеспечивал благосостояние всего древнего восточнославянского мира. Недаром он пользовался всенародным уважением и Игорь, заключая мирный договор с греками, клялся Перуном — как богом и покровителем князя, так и Велесом — как богом и покровителем всего восточнославянского люда.

Латыши по своему обыкновению в многочисленных четверостишьях о «велях» нарисовали своеобразную картину жизни «велей» на особой горе «велей», где они пасут скот, варят пиво, даже женятся.

Но «вели»-«дзяды» не только там, — на горе велей. Они — или их производные превращаются в духов — покровителей своих латышских и восточнославянских потомков и наподобие римских ларов и пенатов поселяются здесь же в жилом доме за печкой, в жерновах и в очагах, во дворе в колоде дров, в овине, на полях, в лесах, на мельнице, в болотах и различных водоемах. Они разные по своему виду (русские нашли адекватные средства изобразительности в посвященных этим духам лубочных листах) и функциям, которые то ли благоприятны хозяевам дома, то ли неблагоприятны.

Наиболее благоприятный человеку русский *Домовой*, латышский *Mājas kungs*, симпатии к которому русские выражают многочисленными синонимами и эвфемизмами: дедко, дедушка, хозяин, он, сам, домовик, доможил, суседка, братанушка, жировик, нежить, другая половина, хатний. И латыши знают немало обозначений: *vecāis tēvs*, *maizes runcītis*, *rudzu runģītis*, *maizes runkuliņš*, *luņģītis*, *dūdiņš*, *Cēlis*, *Bēlis*, *Ašgalis*, *Ļulķis* (совсем как у Стрыйков-

ского и Ласицкого по именам называются патроны-заступники помещичьих семейств, волостей, поместий).

Внешности этот дух может быть разной — покойный хозяин, кошка, собака, крыса, жаба, змея. Поэтому, переезжая в новый дом или квартиру, и латыши, и русские сначала выпускают кошку, курицу, а потом только входят сами.

Домовой живет за печкой, куда русские сыпят крошки, «чтобы домовый не перевелся», а в погребке под полом живет жена Домового — Кикимора, которая все время прядет, издавая особый звук. Она тоже благосклонна к доможителям, но иногда крадет кур и детей.

Варианты «Домового» называются по тому месту, где они пребывают: *Банник* — *Pirtnieks*, *Овинник* — *Rijnieks*.

Но не все производные велей являются такими благосклонными. В конюшне иногда появляется злой «велис», происшедший из душ некрещенных или умерших неестественной смертью детей. Это латышский *Lietuvis*. Он по ночам загоняет лошадей в пот, иногда душит людей.

К домашним духам принадлежат русские *каргоруши*, *коловерши*, *змиулань*, которые крадут у соседей добро — жито, молоко, принося своим хозяевам. У латышей это *pūķi*, которые запечатлены в многочисленных народных песнях.

Pūķis vilka rudzu sieku
Par bāliņa pagalmiņu.
Nem brālīti krusta koku,
Dzen to pūķi atpakaļ.

Примечательно, что согласно легенде латыши пукисов могут купить в Риге у немцев⁶.

Но души предков — вели превращаются не только в домашних защитников — покровителей своих потомков. Ими населены луга, поля, леса, водоемы. Не все они одинаково добросклонны к своим потомкам. Много зависит от того, кем (или какими) эти духи-вели были в своей земной жизни, какой смертью умерли, не перепрыгнула ли над трупом нечистая сила, хотя бы в виде черной кошки.

Самым благосклонным к человеку и скоту является *Полевик* (дух полей) — литовский *Lauksargas* (полевой сторож), латышская *Lauku māte* (мать полей).

Леушый, латышский *mežainis* — *meža tēvs* выступает уже в двойной функции. Он вообще к человеку благосклонен; помогает охотникам,

⁵ Цитировано по W. Mannhardt, Letto-preussische Gotterlehre. — Riga: Latv. b-bas Rakstniecības nodaļa, 1936. — 298. lpp.

⁶ Pūķis // Mītoloģijas enciklopēdija. — R.: Latv. Enciklopēdija, 1994. — 216. lpp.

которые ему молятся, пишут письма, принося жертвы, помогают добывать лесную дичь. Но может и пошутить: пугает своим хохотом собирающих грибы и ягоды, иногда заводит в лесную чащу так, что и нельзя выйти (у латышей этим делом занимается *Vadātājs*); русские лешие могут перекинуться в картишки на зайцев и т.д.

Русский леший, как он представлен на лубке — остроголовый, с зачесанными налево волосами, без бровей и ресниц, иногда с рогами и копытами. Кафтан запахнут направо, левый лапоть надет на правую ногу (последнее свойственно и латышскому хозяину леса). И русский леший и латышский хозяин леса — огромного роста и силы. „Храбер, силен, а с лешим не справится”, — говорит русская пословица. Латышский же хозяин леса, очень похож на русского, большой популярностью не пользуется. В „Поверьях” П. Шмита он отмечен лишь в 20061 номере из Восточной Латвии⁷. Гораздо популярнее и благосклоннее к человеку в Латвии — *Meža māte* (как и все многочисленные латышские „матери” заимствована из ливского).

С лесной стихией связан специфический балтийский мифологический образ *vilkacis* — оборотень, способный превращаться в волка (стоит только пролезть через корни деревьев, оказавшиеся на поверхности земли). *Vilkači* бывают разные — постоянные и „временные”, которые волком становятся только по ночам, иногда с особой целью — отомстить своим врагам. О популярности этих оборотней свидетельствуют многочисленные протоколы процессов, которые в свое время велись против вилкачей.

Славянский вариант — *волкодлаки* в сербских текстах упоминаются уже в XIII веке: „влькадлаци Луну изедоша”. У русских и латышей этим делом занимается черт:

Tumša nakts, tumša nakts,
Kas to tumšu pataisīja?
Velns nočiepa menēstīņu,
Iesvied elles dibenā.

Балтийские племена в средние века славились своими вилкачами по всей Европе.

Но из всех не дворовых духов самым вредным, самым злым был *водяной*, бывший „заложный” покойник из среды самоубийц, колдунов, злых людей. Это был мужчина с некоторыми признаками живот-

ного — лапами вместо рук, рогами. Иногда его представляли в виде безобразного старика, всего в тине и водорослях с длинной бородой и зелеными усами. С одежды постоянно капала вода. Водяной любил черных животных, поэтому именно таковых держали на мельнице. Рыболовы водяному в жертву приносили черную лошадь, приговаривая: „Вот тебе, дедушка, гостинец на новоселье, люби да жалуй нашу семью”. Излюбленное его занятие — затаскивать к себе в омут людей, пугать купальщиков. Из воды он всплывает колесом или бороной. Водяной недруг Домового — самый злой из нежити. Именно это послужило причиной тому, что с латышского Олимпа, как и другие злые существа, он исчез — его заменили матери морей, озер, рек, которые куда любезнее своего русского собрата, хотя иногда и топят корабли.

Jūras māte, jūras māte
Valdi savas kalponītes:
Sasegušas baltas sagšas
Nelaiž mani maliņā.

Такая же участь постигла и других балто-славянских духов, неблагодарных к людям: русалок и упырей. *Русалки* (от среднегреческого русалиа — Троица), они же шутихи, веселые, лобасты, лопасть — это уже упомянутые берегини, которые восточными славянами обоготворялись еще до Перуна (до создания Владимиром общевосточнославянского Олимпа). Слово это, связанное с древнерусским “прегини” (холм, поросший лесом) и русским “берег”. Особого внимания заслуживают украинские названия русалок — навки, мавки, что этимологически тесно связано с древнерусским словом навь и идентично с латышским *nāve* (смерть). Другое название русалок — водяные, водяницы — соответствует литовскому их названию *Vandene* и заимствованному из польского *Undina*. В русалок превращаются утопленницы, которые в определенные календарные сроки по ночам выходят из водоемов, резвятся, пляшут, поют, заманивают к себе в омут добрых молодцев, щекотая их до смерти.

Латышские *nāras* (в поэзии Райниса) заимствованы с Запада. В народных песнях они упоминаются изредка — как дочери матери леса.

Литовские *лаумы* весьма своеобразны. Эти красивые голые женщины с огромными грудями и длинными волосами были в какой-то мере похожи на один вариант восточнославянской Бабы-Яги. Функции лаум напоминают проказы восточнославянских русалок. С южнославянскими вилами лаум роднят птичьи ноги. Лаумы крадут детей, убивают и съедают их.

⁷ Šmits P. Latviešu ticējumi. — R.: Latv. folkl. krātuve, 1940. — III s. — 1225. lpp. (no Asūnes).

Латышам чужды также исключительно популярные у восточных и южных славян *упыри* — явно вредные покойники — колдуны, злые люди, которые выходили из могилы и сосали кровь преимущественно своих родственников. Те в свою очередь также превращались в упырей. У южных славян в такую категорию попадали целые деревни. Единственное средство успокоить упыря — вбить в него осиновый кол.

В “Поверьях” Шмита лишь в двух случаях отмечены людоеды, но про упырей нигде никто никогда ничего не слышал.

Завершая этот первый раздел балтославянской мифологии о велях-дедах и их производных, остается еще высказать несколько соображений о хозяине этих духов *Велесе-Велне* и его функциях.

В. Топоров и В. Иванов называли „основным” широко распространенный среди восточных славян и балтов индоевропейский миф о постоянном противостоянии Велеса-Велна и Перуна-Перкона⁸, бога грома и молнии, туч небесных и благотворного плодородного дождя — основы жизни и процветания на земле. Этот миф, широко отраженный в восточнославянском и балтийском фольклоре, отмеченный в хрониках польских и немецких „мифологов” XVI—XVII вв., заключается в следующем:

Вечный антипод Перкона-Перуна Велнс-Велес украл у своего противника жену, скот. Во всем мире наступила засуха со всеми плачевными последствиями. Перконс-Перун преследует своего врага повсюду, наконец настигает в дубу. Жена и скот возвращены, идет плодородный дождь, природа оживает, жизнь возобновляется.

Sper Pērkon avotā
Līdz pašam(i) dibenam:
Tur noslika Saules meita
Zelta kannas mazgādama.

Вместо Велна — Саулес мейта!

Sasatika Dievs ar velnu
Vidū jūras uz akmeņa,
Kažociņi briku branu,
Zobentiņi šmigu šmagu.

Вместо Перкона — Диевс!

⁸ Топоров В. Еще раз о Велесе-Волосе в контексте «Основного» мифа. Балто-славянские этноязычные отношения в историческом и ареальном плане / Тез. докладов. — М., 1983. — С. 50—56.

Dieviņš rūc, Dieviņš rūc,
Zibšņus met ozolā;
Labāk met ozolā
Ne baliņa sētmalie.

Даже в детских играх восточных славян (белорусов) и балтов (литовцев и латышей) отразились основные противостояния:

- Ты меня не убьешь, я спрячусь.
- Нет, не спрячешься.
- Я в человека влезу и спрячусь.
- Когда человека убью, ему грехи отпущу, но тебя прежде всего добуду.

После христианизации восточных славян и балтов образы Велеса-Велна изменились. Если Велес-Волос стараниями распространителей православия на Руси превратился во св. Власия, то латышский Velns стал противником христианского Dieva — всемогущего вседержителя, создателя всего сущего. Однако до библейского Сатаны или Вельзевула балто-славянскому черту далеко. Ничего общего он не имеет также с падшим ангелом. Его рожки, коровий хвостик и лошадиные копыта роднят и христианского черта — уловителя душ христианских и соблазнителя с тем же древним властителем царства велей, главная забота которого была уход за скотом, как в царстве велей, так и на земле у потомков — восточных славян и латышей.

Весьма сложны этимологические русско-латышские соответствия различных обозначений этого вида нечисти. Русское „черт” соотносится с черным цветом кожи и всего облика этого мифологического существа. И ему в таком случае ближе всего подходило бы сопоставление с латышским названием jods, литовское jodasis (черный). Но jods-jodasis не оставляет такого отрицательного впечатления как русский черт, по эмоциональному восприятию к которому гораздо ближе современный латышский „Velns”. Jods же в таком случае скорее подходит к русскому „бес”, которое сопоставляется со словами „бояться”, „боязнь”, латышскими „baidīt”, „baidīties”. Мало помогают в разграничении этих понятий и приводимые В. Далем русские поговорки: „Старого черта да подпер бес”, „Дьяволом подложен, бесом опушен”, „Шутил бы черт с бесом, водяной с лешим”⁹. И только соотнесение с греческими экви-

⁹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Госиздат иностр. и национ. словарей, 1956, — Т. I. — С. 157—158 (бесь); Т. IV. — С. 157—158 (чёртъ).

валентами вносит некоторую ясность в дифференциацию нюансов значения этой нечисти: черт — диаволос, бес — даймонос.

Этим, разумеется, все разнообразие восточнославянской нечисти не исчерпывается, доказательство тому хотя бы украинский *Вий*, белорусский *Анчутка* (болотный бес) из литовского *antys* (утка). Не названы еще полумифологические, полупоэтические существа как Кощей бессмертный (заимствование от тюрков), Баба-Яга — костяная нога, чудо-юдо, двенадцатиглавый Змей, Змей-Горыныч... У латышей же своими „национальными” злыднями являются *sumpurņi* (псеглавцы), *milži* (великаны), *gaganas* (ведьмы), связанные как с северным, так и западным ареалом.

II. БОЖЕСТВА СУДЬБОНОСНЫЕ

Эта категория божеств формируется, очевидно, на более развитой ступени человеческого сознания, когда человек начинает понимать чередование радостных, счастливых событий в его жизни с печальными, горестными, когда сама смерть начинает осознаваться как что-то трагическое, противоестественное, неприемлемое.

И в этой категории потусторонних существ можно различить нижнюю и верхнюю ступень развития. Правда, на нижней ступени между восточными славянами и латышами (именно латышами, а не балтами вообще) наблюдаются существенные различия, связанные с исключительно сильным влиянием до-индоевропейского, а именно финно-угорского, ливского субстрата, который по верному наблюдению М. Гимбуте характеризуется именно подавляющим большинством женских божеств и духов, и прежде всего триединством Лайм, к которой в качестве вариантов прибавляется еще Декла и Карта¹⁰.

Лайма в латышских народных песнях представлена исключительно разносторонне, с большой любовью и уважением

Trim lapām bērziņš auga
Rīgas ceļā maliņā.
Vienā Saule norietēja,
Otrā Saule uzlēca.
Trešajā lapiņā
Laima vija vainadziņu.

¹⁰ Dēkla, Kārta, Laima // Mītoloģijas enciklopēdija. — Rīga: Latvijas enciklopēdija, 1994. — 2. s. — 118., 191., 198.—200. lpp.

И внешность, и занятия Лаймы в песнях отображены столь же детально и образно как деятельность латышских велей. Ее латыши представляют в зеленых башмаках. Иногда она сидит на березе и плетет венок, иногда — на липе или холме. Перемещается она то ли верхом, то ли в повозке.

Изредка в песнях появляются три Лаймы. В таком случае функции каждой дифференцируются. Иногда все три спорят, определяя судьбу человека: первая судит своему подопечному погибнуть в пожаре, вторая — утонуть, а третья — стать сиротой. Ближе к славянским взглядам мысль, что у каждого человека своя Лайма — свое счастье.

Спутницы Лаймы — *Декла* и *Карта* (названия произведены от глаголов, обозначающих определения судьбы) заботятся главным образом о благосостоянии рожениц. Иногда в функции Лаймы выступает „любезная Мара”. Этимологически название этого женского божества ассоциируется с глаголом *mirt* (умирать) и русскими мор, смерть, умирать, мертвец, и славянскими божествами также женского рода: Мара, Морена, западнославянская Моржена, которые в славянской мифологии связаны со смертью, уничтожением, болезнями (мор). Поэтому восточные и западные славяне самым различным образом борются с ее пагубным, смертоносным воздействием и в определенные времена — в ночь на Ивана Купала в виде куклы Мары — Марьи — Моржены носят с песнями по полям, а затем топят. В других случаях их сжигают, разбрасывают по полям для поднятия урожая или уничтожают другим образом.

То, что латышская *Мара* поначалу выполняла свои этимологически обусловленные функции, то есть была божеством смерти, свидетельствует и следующая песня:

Kur, ļauliņi, jūs bijāt,
Smiltainām kājiņām?
Novedām mūs māsiņu
Miļās Māras kalniņā.

Однако, вскоре основная функция Мары была забыта. В большинстве латышских песен и поверьях „милая Мара” давно уже стала благодетельницей и покровительницей женщин, вдов, сирот, а также скота женского пола, прежде всего коров. Сказалось в этом процессе и влияние иудейско-христианской Марии.

В восточнославянской мифологии картина низших божеств судьбы не так рельефна и убедительна. Правда, *Род* и *Роженцу* упоминают уже древние источники, разоблачающие и борющиеся против

языческих реминисценций в виде приносимых им жертв — кутьи, хлеба, масла и медового напитка (так же, как латыши — велям).

Различные же другие названия судьбы — *Суд* — *Усуд*; *Среча* — *Несреча* — *Устреча* — *Встреча* („встреча со своим счастьем”?) антропоморфизированы в образе украинского и южнославянского *Полазника* — так называют любого человека или животное, с которым произошла первая встреча в новом году. От того, с кем произошла эта первая встреча, зависит вся дальнейшая судьба человека.

Подобные верования широко распространены в латышских традициях: несчастье сулит встреча с черной кошкой, бабой с пустым ведром, зайцем, который перебежит дорогу... Причем важно каждый раз учитывать с какой стороны появляется пересекающий дорогу. Иногда встречный оценивается по-разному: так русскому встреча с попом сулит несчастье, латышу же — счастье, особенно если удастся коснуться его рясы (равно как и одежды трубочиста).

Семантически к латышской Лайме и Нелайме подходят ближе всего русские Доля-Недоля (литовское *dalia*, *dalis*, прусское *dallilis*). Это название часто упоминается в сказках, но в данном случае скорее следует говорить о художественном образе, чем о персонифицированном мифологическом существе. Тем не менее, эти славянские обозначения проникли и в латгальские дайны в форме „*častis, daļas*”, которые спрашивают у главного вершителя человеческих судеб — божества счастья высшего порядка Диева (о нем дальше). Литовцы же знают божество, называемое *Laima-Dalia*.

Восточнославянский „малый Олимп” поражает изобилием различных персонифицированных видов несчастий. Это и *Лихо* (латышское *liess* — тощий), и *Горе* (соотносимое с древнеиндийским *sokas* — „печаль”), и *Беда* (латышское *bēda*), и *Нужа-Нужда* (литовское *panūsti* — „затосковать”), и *Кручина* (латышское „*krun-ka*” — складка, морщина), и *Злыдни* („бодай вас злыдни побили”), соотносимые с литовским *įžūlus* (наглый, грубый).

У восточных славян отрицательные мифологические персонажи (или представления) превосходят по своей численности положительные в отличие от латышских традиций, где это соотношение диаметрально противоположно. Восточнославянские представления о Доле-Недоле и сродных им в отличие от латышских Лаймы и Мары исключительно абстрактны и неопределенны.

Разные судьбы латышской *Мары* и восточнославянских *Морен-Моржен* повторились и в разном развитии судьбоносных божеств высшего порядка — латышского *Dieva* и восточнославянского *Дива*.

В этимологическом родстве этих наименований никто не сомневается. Трудности начинаются в определении функции обоих высших вершителей судеб людей и всего мира в целом. Основой ложной трактовки функций этого божества судьбы послужило смешение у латышей представления о Диеве как дохристианском национальном божестве судьбы с христианским представлением о Диеве как наследнике иудейско-христианского Яхве (Иеговы) — Саваофа, „вседержителя, творца неба и земли”. Судьбу же восточнославянского Дива определило ложное толкование его образа Далем в „Слове о полку Игореве”. Как известно, Див, сидя на дереве (вспомним: Лайма тоже сидит на дереве!) своим отчаянным криком предвещает гибельный исход выступления князя Игоря против половцев. Именно это дерево стало основой для заключения, что Див — это вещая птица угод. Известный немецкий этимолог Фасмер, полагаясь на авторитет Даля, тоже усмотрел в Диве вещую птицу филина. Но оба исследователя не обратили внимания на то, что „птица” эта, после свершения ее неблагоприятного предсказания, в отчаянии падает с дерева на землю. Какая же птица, какой бы вещей она ни была, в такой ситуации бросалась бы на землю? Для антропоморфизированного же божества такой поступок вполне реален и понятен.

К сожалению, о восточнославянском Диве мы больше ничего не знаем. Его нет ни в божнице князя Владимира в Киеве, ни на Подоле рядом с Велесом.

Зато латышский *Dievs* в четверостишиях встречается исключительно часто и весьма образно, как уже видели, неоднократно подменяя Перкона. Изредка он подменяет Домового — Маяс Кунга:

Meitām Dievs aizkrāsē.

Но *Dievs* может выступать и как дух плодородия (наподобие Егория, о котором далее):

Dievs gāja pa lauku Pa ežu ežām,
Zālīte mīdams, Rudzīšus celdams.

Отсюда — рукой подать до создания образа Диева по людскому подобию:

Dieviņš prieka nevarēja
Pa pagalmu staigādams:
Kulā dzied kulejiņi,
Maltuvē mālejiņi.

Песен же, которые передавали бы подлинную судьбоносную природу Dieva, не так много:

Dieviņš tavu lielumiņu
Gaiša diena, gaiša nakts:
Dienā gaiša saule spīd,
Naktī gaiša mēnesnīca.

Но, соответственно ироническому складу латышского сознания, и в песнях о языческом дохристианском Диеве звучат не совсем приемлемые для воспевания божества напевы:

Kur, Dieviņ, tu paliksi,
Kad mēs visi nomirsim?
Ne tev sievas, ne tev bērnu,
Kas tev vecam maizi dos?

После христианизации латышей Dievs занял место иудейско-христианского Яхве-Саваофа. Между прочим, когда эстонцы и финны возвели в такое же достоинство христианского Бога своего Юмалу, русские православные иерархи были весьма встревожены этим фактом. Против же возвеличивания латышского дохристианского Диева никто не возражал, очевидно, в связи с тем, что Dievs — однокоренное с латинским Deus.

Восточнославянский же *Див* был вскоре забыт и его место прочно занял однокоренной с арийским Bhagas русифицированный Бог. Являлся ли он заимствованием из арийских языков (например, из скифского) или существовал испокон веков вместе с Дивом как божество счастливой судьбы (об этом красноречиво свидетельствуют однокоренные богатство, богатый, перешедшие в таком же звучании и в латышский язык).

Что „Бог” в восточнославянских языках может быть заимствованием, свидетельствует полное отсутствие этого корня в балтийских языках. А то, что bagāts и bagātība являются заимствованиями, свидетельствует сохранение русского „а” и в латышском языке. Если бы эти слова восходили к общему балтославянскому языку, то согласно Эндзелину, они звучали бы baguots, baguotība.¹¹

С другой стороны, наличие корня “бог” и в западнославянских языках (*Чернобог*, *Белобог*) свидетельствует о присутствии этого

названия уже в эпоху единства славянских языков. Но не исключено и более позднее заимствование этого корня западнославянскими языками из восточнославянских, которые это слово заимствовали из скифского.

Упомянутая уже ранее теория М. Гимбуте о древнем субстрате финно-угорской (ливской) мифологии, проявляющаяся в латышской мифологии в образах богинь, помогает нам объяснить одновременное появление в латышских песнях и Диева и Лаймы.

Lyudzu Dīva, lyudzu Laimis,
Celiņūs mazdamās
Nu Dīveņa častis, daļis,
Nu Laimiņis vīgla myuža,
Lai nolaižu dzeivuodama.

С божествами и духами судьбы, счастья и несчастья сочетается семейная *обрядность* и связанная с нею поэзия: крестинная, свадебная и погребальная, так и культ поминовения предков (последний рассмотрен в предыдущем разделе).

Крестинные обряды, обычаи, приметы теснейшим образом связаны с определением судьбы будущего человека.

Поскольку собранные материалы об обрядах, поверьях, обычаях и по своему объему и по характеру неадекватны (огромное количество латышских записей несопоставимо со случайными эпизодическими сведениями в восточнославянских этнографических и фольклорных записях), приходится ограничиться немногочисленными заметками, связанными с отображением этих обрядов в песнях.

Уже дородовой период — беременность женщины — отразился в латышских и восточнославянских песнях, все же отличных по своей образной системе.

Латышская молодуха „Raud galviņu saņēmusi, vēderiņu glaudīdama” (22910)¹², в то время как белорусская „крычыць баба жыва-том” (№ 179).

В то же время и мать, и отца волнует вопрос, кого же ожидать: мальчика или девочку? Отцы, и латыши и восточные славяне, отдают явное предпочтение мужскому полу:

¹² Приведенные после латышских цитат номера — из сборника Кришьяна Барона “Latvju dainas”. После белорусских — из сборника Сергея Сахарова “Народная творчасць Латгальскіх і Лўкстэнскіх беларусаў”. — Т. I. — Рига, 1940.

¹¹ Endzelīns J. Latviešu valodas gramatika. — Rīga: Zinātne, 1951. — 96. lpp.; Milenbachs R. Latviešu valodas vārdnīca / Red. J. Endzelīns. — R., 1923. — I. — 249. lpp.

Ja būs dēls, mucu raušu,
Ja būs meita — pumucīti (22912);

Калі на дачку, дык я і з току не пайду,
А калі на сына, дык я мёду прынясу (№ 170).

Присутствующие при крещении высказывают пожелание — снова вместе встретиться на свадьбе только что крещенного:

Як мы бачылі яго пад храстом, —
Дай, Божа, бачыць яго пад вянцом! (№ 68)

Сходную преемственность высказывает и латышское четверостишие:

Trīs reizītes māmuliņe
Man godiņu godināja:
Krustīdama, atšķirdama,
Tauliņās vadīdama (23521).

Главные персонажи песен, связанных с родинами и крестинами: кум, кума и бабка. Кум-кума упоминаются преимущественно вместе с восточнославянской «гарэлкой» или пивом. Тематика песен, связанных с бабкой — благодарность ей за проделанную работу, которая оценивается очень высоко:

Ды была-б жа я ў сырой зямлі гніўшы,
Каб гэту ночку бабулькі ня быўшы (№ 175).
Kūmi dōrgi, kūmi dōrgi, vacōmote vėl dōrgōka;
Kūmi gōja priceņā, vacōmote bēdeņā (24418).

У обоих сопоставляемых народов не раз возникают песенные раздумия о неодинаковой доле, получаемой детьми при рождении и крещении:

Адна маці нас радзіла,
Не аднэй доляй надзяліла:
Цябе, брацітку, — багатою,
Мяне, сястрыцу, — беднатою (№ 180).
Tu vienādi nedarīji.
Cītam kāri vieglu mūžu,
Cītu gauži raudināji. (23290)
Vienas mātes tie bērniņi,
Ne visiem viena laime;
Ne tie visi mazgājās
Vienas laimes ūdenī. (23294)

Свадебная обрядность и песни

Обычаи, обряды и песни, связанные с подготовкой к окончательному и решающему этапу в жизни молодых людей, становящихся на путь самостоятельной жизни, созданию новой семьи — основной ячейки рода, общества, государства могут быть рассмотрены в двух планах:

- 1) балто-славянских отношений в целом,
- 2) балто-славянских отношений именно в Латгалии, где на протяжении тысячелетий (с V в. н.э.) сосуществуют балтийские и восточнославянские племена.

В данном исследовании эти два направления особенно не дифференцируются, исходя из предположения о первоначальном балто-славянском языковом и обрядовом единстве, которое распалось на протяжении тысячелетнего исторического развития в связи с различными влияниями иных народов, с которыми и балты и восточные славяне приходили в более тесное соприкосновение: это ливы, с одной стороны, хозары, печенеги, половцы, скифы, монголы, поволжские и северные финно-угорские племена — с другой.

Между крестинами и бракосочетанием необходим большой промежуток времени, наполненный подрастанием, возмужанием, приобретением трудовых навыков, формированием моральных устоев, стремлений к дружбе и любви. Юность — пора нежных чувств, любовного восторга и разочарований. Все это отражено в массе пословиц и поговорок, песен, нежных лирических и эпических баллад, многие из которых носят переходный характер как сказки и предания. Но это все удел специального раздела в главе о фольклоре. Здесь же уместно поговорить о двух темах: „Выбор жениха” и „Выбор невесты”.

Первая тема, как она отразилась в латышских и восточнославянских традициях, носит преимущественно юмористический характер¹³. Тем не менее, используя этот юмор, можно с уверенностью утверждать, что для латышской девушки желанным мужем являлся пахарь, в то время как для русской девушки — помещик, барин, боярин:

¹³ Источники в статье: Инфантьев Б. Круповича Э. Выбор жениха в народных песнях латышей, белорусов, русских, поляков // Acta Baltico-Slavica. — 2001/2002. — № XXVI. — S. 86—99.

Жизнь боярина, что рай:
Только знай себе, гуляй.

И русская и латышская девушка отвергает и кузнеца:

Сам он в саже, черн как черт
Часто в кузнице бывает, Неравно он замазает.

Kalējam melni krekli
Sāp rociņas mazgājot.

Не нравится русским девушкам и муж из духовного звания:

Попы рано встают, Долго есть не дают.

Тема выбора невесты-жениха и в русских и в латышских песнях рассматривается и на более серьезной ноте. И в восточнославянских и в латышских песнях звучит предупреждение молодцу, помышляющему о женитьбе:

Выбірай, брацітка, на ніўцы,
А ня выбірай, брацітка, на рынку.
На рынку дзевачкі хвасьлівы,
А на ніўцы дзевачкі працаўлівы (№ 124).

В латышских:

Lobōk jēmu bōrineitis,
Na bogōtu mōtes meitu:
Bōrineitis čakla rūnas,
Tōs dzeiveiti darynōja¹⁴.

В песнях обоих народов громко звучит тема „Поездка молодца выбирать невест”. Этой теме посвящены и русские частушки

[...] Куда, Ванюшка, поедешь?
В Городок девок глядеть¹⁵.

Начальные строки –

Kur tu jāsi, smuks puisītis
Ar to bērū kumeliņu?¹⁶

вводят слушателя в пространную балладу о различных приключениях в поиске невесты в дальних странах. Подобных песен в публикациях латышского фольклора большое количество, и они отражают весьма древние воспоминания, восходящие к концу родового, началу феодального строя на земле латышей (возможно еще доливонского периода).

Первый этап свадебного процесса — *сватовство* и „выданье” (*izdeviņas*).

Когда русскому парню наступает срок жениться, он загуливает, отлынивает от работы, обленивается, „колупает гвоздем кирпич” печки в избе¹⁷. Латышский же парень ограничивается тем, что „трубит в козлиный рог” (Тиховский, с. 70).

Тогда родители в Латгалии через бродячих нищих или офеньевреев, а то и бродячих цыган наводят соответствующие справки. Об этом красноречиво свидетельствуют латышские песни:

Ar ubogu ziņi syuta,
Lai brauc svuoti uz meitom¹⁸.

В Латгалии этот период и эти действия называются специальным термином „atvaicošana” (Тиховский, с. 45).

Отправление сватов сопряжено с противоречивыми обстоятельствами. С одной стороны, выезжают втайне (чтобы в случае отказа не было совестно), особенно, русские. С другой стороны, сама езда связана с грохотом, стуком, стрельбой, поднятой на дороге пылью:

Ружжы заражаюць, перапелак страляюць (Сахаров, № 238).
Tautys gōja, zeme reib (14363, 8)
Tilti rīb, zvani skan,
Atbrauc mani preciniki¹⁹.

Таким же стуком и громом сопровождает свое появление поезд жениха, приезжая перед венцом за невестой:

[...] Zirgi zviedz, rati skan,
Paši dzied vedējiņi (16201).

¹⁴ Drizule R. Baltā gāja sērdienīte. — Rīga: Zinātne, 1944. — 86. lpp. (далее: Дризуле).

¹⁵ Макашина Т. Фольклор и обряды русского населения Латгалии. — М.: Наука, 1979. — № 15535 (далее: Макашина).

¹⁶ Tihovskis H. Kāzu parazās Latgalē. — Rīga: Zinātne, 1993. — С. 94 (далее: Тиховский).

¹⁷ Фридрих И. Русский фольклор в Латвии. — Рига: Лиесма, 1972. — № 63 (далее: Фридрих).

¹⁸ Šmits P. Tautas dziesmas. — Rīga: Latv. folkloras krātuve, 1940. — I—IV. — № 44002 (далее: Шмит).

¹⁹ Latviešu tautas dziesmas. Izlase, III. — Rīga: Zinātne, 1979. — № 2267 (далее: Izlase).

Как только латгальцы услышат эти подозрительные звуки, возвещающие о прибытии сватов, в избе начинается суматоха. Все берутся за какую-либо работу, а невеста прячется (Сахаров, с.79). Вот как подготовлены люди и избы к приему гостей:

[...] У нас лавки повымыты, стены повытерты,
Все полы поустланы сукном зеленым (Фридрих, № 70).

Šureit agri, mote cēla
Dižans vīs's gaidēdama
Ar pušķim nomu slauka
Ar ilūkīm ustobeņū;
Nomā jōja tautu dāli,
Ustobā brolēliņi²⁰.

Приезд и вступление в действие сватов сопряжено с рядом магически-ритуальных действий. Лошадей не загоняют во двор, и пока не договорятся стороны, привязывают за воротами. Начинается диалог: кто откроет ворота?

«Я нятчинюся — мамы баюся»²¹, — говорит будущая невеста.

Ворота отворять (или не отворять) посылается брат, мать, а иногда это делает сам конь. Делается недвусмысленный намек на то, что ворота надо отворить „серебряным ключиком”:

Braucēt tautys pogalmā
Metīt zelta sudobreņa
Lai natreuka tai mameņai
Meužam jaunās malējiņas (16242).

И намек этот правильно понимается и осуществляется:

Es pārcirtu zelta sliegsni
Ar sudraba zobentiņu (Izlase, № 3559).

Не забывается и магическая сторона вступления сватов в комнату:

Cirtu krustu ozolā,
Cirtu vārtu stuburā;
Pie vārtiem vēdejiņi
Raksteitām komonām (Шмит, № 44111).

²⁰ Aizsils A. Senas kāzas Daugavpils apriņķī. — Rīga: Folkloras krātuve, 1941. — № 602 (далее: Айзсилс).

²¹ Шейн П. Белорусские народные песни с описанием относящихся к ним обрядам, обычаям и суевериям. — СПб.: Майков, 1874. — С. 452 (далее: Шейн).

Латыши еще недавно (в XIX в.) рубили эти и многочисленные другие кресты для изгнания нечисти особыми свадебными (иногда даже деревянными) мечами, которые с древнейших времен передавались из поколения в поколение, начиная с XIV—XV вв., когда крестоносцы еще разрешали латышам носить оружие.

Все преграды преодолены, сваты теперь загоняют коней во двор, и начинаются переговоры сватов с родителями невесты:

Klusi, klusi klausījos,
Kas runāts klētēnā.
Tāvs ar mōti, trešs tautits –
Tī runāja klētēnā.
Tautīts lyudze mīla tāva
Capureiti nūjimdams,
I tai munai mīlai mōtei,
Boltys rūkis bučodams.
Tāvs atdeve as nagōju,
Dāram tovs lyugumeņš;
As naasmu putna bārns
Nu zareņa pajemams (Тиховский, № 117).

Одним из важных с мифологично-религиозных позиций эпизодов, осуществляемых во время сватовства, является стремление невесты при входе женихов спрятаться. У русских Латгалии: “невеста сидит за перегородкой”, тоже у латышей.

В западно-белорусских песнях явственно звучит этот призыв к невесте:

Uciekaj, Maryško, uciekaj
Czeraz akonaczko uciekaj,
Albo dzie u kucizak schawajsie
Bo uže iduć bojarje, ni dajsie²².

Такое же обращение звучит и в латышской песне:

Bēgat, meitas, bēgat, meitas:
Nu brauc jūsu precinieki;
Lieniet vienā aizkrāsnē,
Otra mātes pagultē (13351).

Поражает своей разносторонней изобретательностью ораторское искусство и латышских, и восточнославянских сватов в Лат-

²² Fedorowski M. Lud Białoruski. — Warszawa, 1958. — T. V. — S. 681.

галии, иносказательно сообщающих о причине своего приезда. Обычно это купцы, покупающие скот и другие товары (у латышей — чудесные цветы или цветок), за которыми они ездят по округу. Теперь заблудились, просят переночевать. Хозяева, понимая намеки, предлагают купцам на выбор своих телушек или цветки. Начинается торг, также иносказательный, пока ни сойдется на символической цене и бьют по рукам.

Обманные речи купцов отразились и в латышских песнях:

Gaisma aust, saule lec,
Ceļa veiri, ceļa prosa;
Tī nabeja ceļa veiri,
Tī meitiņu lyukōtōji (Тиховский, № 111).

У русских Латгалии сохранился своеобразный обряд. Невесту выводили из-за занавески, ставили перед хомутом. Она говорила: “Хочу — скачу, хочу — не”. Если прыгала — сватовство считалось завершенным (Фридрих, с. 66).

После положительного решения вопроса лошади сватов загонялись во двор, сваты приносили захваченные с собой напитки и снедь и отбивалась *малая водка* — *mazais brandvīns*, *малые запоины* — *aizderīnes* (запоины), *sadzerīnes*, *mazas apdzerības* (Айзсилс, с. 169—171).

После малой водки в Латгалии и латышами и восточными славянами отбиваются *смотрины* хозяйства жениха (латышские *vietraugi*).

Через некоторое время на *большой водке* отбиваются “смотрины” невесты, *глядзины* (ее выводят показать роду жениха при свете лучины или свечи)²³. После смотрин восточные славяне выходили на двор посоветоваться: родители хулили, жених со слезами упрашивал, наконец родители соглашались и сговор (“заручины”) считался заключенным. Веселое застолье с песнями и пляской завершало *большую водку*, *сговор*. Невеста теперь считалась *зарученой*:

Ú poli werba nachilonaja
Maladaja dzieuczynénka zareczonaja,
Zareczonaja, ni zapitaja
Tahda jeje zapiwali, tak sad zacwítai (Федоровский, № 219).
В огороде рута-мята засаженная,
А молодая дивчина зарученная (Фридрих, № 54).

²³ Straubergs K. Pār deviņi novadiņi. — Rīga: Zinātne, 1955. — 208.—210. lpp. (далее: Страуберг).

Этот мотив “пропивания” звучит во многих песнях как упреки родителям, братьям за отдачу сестры или дочери в чужие люди.

Мотив “пропивания” широко представлен и в латышских песнях, в которых отражен не только сам факт “пропивания”, но и детальное описание всего процесса:

[...] Velīt bucu ustobā,
Raunīt viņu vaļā
Kluojīt galdu ar butelēm,
Lejīt gluozis pynas
Tāvs ar muoti pīzalaide
Pi to ļeluo gūda;
Svuots ar čarkom
Pi juos kluotu
Tai jūs meili lyudze (Izlase, № 3012).

Не всегда сватовство, смотрины, заручины вспоминаются недавней невестой с радостью:

Отдали меня замуж в деревню большую,
В семью веселую: где бьются, дерутся,
Ножами режутся²⁴.

У латышей:

Oi Dīven, tu Juoneit,
Kaidā radņā tu nyu tyki;
Skūpājūs, dzikājūs,
Lelājūs gruobalūs (Шмит, № 46021).

Свадебный обряд

Подготовка свадьбы у латышей и восточных славян Латгалии, как и в больших масштабах между балтами и восточными славянами, хотя в основных линиях совпадают, или вернее: для них при желании можно отыскать точки соприкосновения, в деталях много весьма существенных различий, особенно если мы выходим за пределы Латгалии.

В отличие от других рассматриваемых разделов, где сведения о латышских обычаях и обрядах отражены также в песнях (четверо-

²⁴ Русские народные песни Молдавии. — Кишинев: Лумина, 1963. — № 54 (далее: Кишинев).

стишиях), подготовка к свадьбе исключительно бедна, ограничивается даже в специальных описаниях свадебной церемонии только в чисто материальных перечислениях: варят пиво, бьют скот и птицу, пекут хлеб, едут в город покупать кольца, невесте фату и подвенечное платье, едут к ксендзу (в Латгалии), который проверяет знание катехизиса и молитв, оглашает трижды вступающих в брак.

У восточных славян каждый из разделов превращается в завершенное драматизированное представление со специально для этого этапа созданными песнями и действиями, имеющими сугубо религиозно-магический характер.

Начинается этот подготовительный период с *девичника* (название это известно также латышам Латгалии), когда девушки чуть ли не всей деревни собираются в доме невесты, помогая ей пополнять приданое тканьем и прядением, а заодно поют “бядливые” песни о будущем, тяжелом существовании молодухи в чужой семье (Макашина, с. 81).

В религиозно-магическом плане следует отметить, что на этом девичнике восточные славяне изготавливают *красу*, которая символизирует девственную чистоту невесты и присутствует на всех последующих этапах и подготовки свадьбы, и в самом свадебном процессе. Русские северной Латгалии *красу* изготавливали из елочки, которую украшали искусственными цветами и лентами и вставляли в бутылочку, которая заворачивалась в красную бумагу наподобие сарафана с передником. В южной Латгалии (по соседству с Беларусией) и в других местах проживания русских *краса* — это была чашка, покрытая платком и украшенная разноцветными лентами.

На девичниках *красу* ставили на стол, возили с собой в различных ритуальных поездках, затем ставили у икон (Фридрих, с. 73).

Латыши Латгалии такую сходку девушек организуют на последней неделе перед свадьбой (Тиховский, с. 50).

Елочка, однако без украшений, также играла определенную роль в свадебной церемонии латышей, но какого бы то ни было названия не имела и специально не изготавливалась, а бралась какая попадется под руку.

Само название “девичник” обнаружено только в одной западно-белорусской песне:

Da siehonie da dziewiczy wiecz
Da nie budziem usiu nocz spaci.
Da budziem swiecy palici,
Da dziewoncy da wienok wici (Федоровский, № 1067).

Восточные белорусы девичник называют иначе:

Зборная субота настала,
Ганулька дзяўчат зьбірала (Сахаров, № 219).

В этой же песне вся процедура девичника:

Сабраўшы — у радочак сажала,
Сама села, малада, вышэй усіх,
Скланіла галоўку ніжэй другіх:
— Бывайце-ж, дзяўчаты, бывайце!
Не на адну ночку — на ўвесь век! (Сахаров, № 219)

Сходная мысль — прощание с девушками и в латышской латгальской песне:

Padzidosim mes, mosenis, Koleidz vīnā vītenā,
Dīvam zynōt cytu godu,
Kur kura paliksim... (Тиховский, № 133).

Сходный мотив латгальских песен латышей и восточных славян — несдержанные обещания замуж не выходить:

[...] Ты сказала, что я замуж не пойду... (Фридрих, № 63)

[...] Es naišu tautenōs,
Borga tautu dzeivōšana (Тиховский, № 8; Айзсилс, № 717).

Излюбленная тема песен девичника — *венки*, известен и латышам и восточным славянам.

Осветила улицу душа — красна девушка,
Своим золотым венком, цветным платьицем (Фридрих, № 79).

Не родной ли этот золотой венок тем церковным венцам, которые используются при венчании православных?

Vaiņuk, munu vaiņuceni,
Sudobrōtim zarenim;
Soka tautys caur jōdamys:
“Te lāc saule ustobā!” (Тиховский, № 157).

Если латышской девушке золотой венок покупают пять своих, девять братиков (Тиховский, № 149), то для восточнославянской невесты роскошный венок вьет “в Краслаўцы”, а довивает “ў Вільні” (Сахаров, № 302).

С девичника начинается *ритуальный плач* невесты, который не прекращается до самого конца свадебного ритуала. Этот ритуаль-

ный плач вместе с типичными свадебными причитаниями зафиксирован уже Малецким в хронике 1551 года:

“Гу-гу! Кто теперь моему батюшке и матушке постелю застелет? Кто вам ножки помое? Кто вам скотинку будет пасти? Моя любимая кошечка, собачка, курочка, гусынька, поросенок, лошадка, кто о вас позаботится?”

Буквально такая же песня записана от латгальских белорусов уже в наше время (Сахаров, № 215).

Среди латышей подобные плачи тоже распространены повсеместно (и не только в Латгалии):

Raudinis, raudinis šis vakariņis:
Tēvs rauda namā,
Māt' istabā,
Tās maģas māšinas
Dziernu kombarē;
Tie maģie brālīši
Zierdzina stalli (17342).

В латышских песнях от слез мокнут глаза, ноги, рукава. Латышские девушки не хотят далеко уходить от родного дома (Шмит, № 44625).

Плачет не только сирота, плачут и богатые девицы:

Gan bogōta broļu mosa.
Īt tautos raudodama (Айзсилс, № 803).

В плачах этих упрекаются родители, братья, не пожалевшие девушку, отдавая ее в чужие люди:

Не жалеиць мяне татка,
Не жалеиць мяне мамка.
Рана замуж аддаюць (Сахаров, № 223).
Ты не жалостлив, мой батюшка, до меня
Отдаешь, отдаешь молодешеньку от себя (Фридрих, № 62).
Māmiņ mana, mīļa skaista
Kai nabeija tjai maņ zēl?
Ka(i) tu mani tik(i) jaunu
Tautēņuos pavadēji (Шмит, № 44905).

Плачет не только невеста, плачут все окружающие: родня, все деревенские девушки, у латышей — даже маленькие березки (17708.1), все берега болот (17712.2).

Если невеста не плачет, это вызывает общее возмущение:

Знать тебе, Зиночка, замуж хочется,
Что у тебе слёзухны с глаз не катются²⁵.

Cieta, cieta mātes meita
Ne asara netecēja (Izlase, № 3766).

Если не будешь плакать теперь, грозит латышская песня — наплачешься потом (11746i), другая советует: поплачь хоть ради приличия (24428, 3).

И белорусы, и латыши знают хорошее средство, чтобы слезы потекли:

Palicīt Anītei
Kōč seipūlu zem daguna,
Lai izspīde asariņu
Koč seipūla syurumiņš (Шмит, № 44943).

Русские тоже знают этот прием, но не всегда он оказывается действенным:

Настынька цыбульку сыжувала,
З ясных воч горких слез да ня пыкачила²⁶.

Ритуальное *умывание* перед венцом также более оформлено как религиозно-магическое действие. В бане умываются перед венцом и латыши, и восточные славяне, но отразился этот обряд в русских песнях:

Затопилась баенка, разгорелась каменка,
Расплакалась княгиня-душенька
По своей сторонущке (Фридрих, № 85—87).

Латышская же девушка умывается в ручейке *straujupītes maliņā* (Тиховский, № 128). Зато утирается латышская девушка ручником, данным Лаймой:

Kur, mōseņ, slaucēsīs,
Ka tu brauksi laulētūs?
Ūlneicenis golenī
Laima kora ručņiceni (Тиховский, № 129).

²⁵ Фольклор русского населения Прибалтики. — М: Наука, 1996. — № 2130 (далее: Прибалтика).

²⁶ Шейн П. Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. — Спб., 1898. — I. — С. 54. — № 79 (далее: Велико-росс).

Восточные же славяне умывание в бане используют и в дальнейшей подготовке девицы к венцу: когда ее одевают, она должна стоять на том самом веннике, которым ее парили в бане.

Но особо разветленно и обстоятельно разработано восточными славянами, особенно белорусами, изготовление *свадебного каравай*, что превращается в специфическое театральное представление. В песнях исчисляется огромное количество муки (семь пудов), яиц (три пуда), сала (три пуда), масла (три пуда), которые замешивают в каравай.

Каждое действие (замешивание, выпечка, сажание в печь, вынимание из печи и т.д.) сопровождается своей песней, не всегда пристойного содержания, воздается благодарность Господу Богу за помощь в изготовлении этого важного участника свадебного ритуала.

Ничего подобного нет у латышей, хотя в Латгалии и латыши изредка свадебный пирог называют караваем или сокращенно “каравом”. Обычно же речь идет о “karašiņas”, “placenis”, “maizīte”, который также в свадебном ритуале играет свою определенную роль. Согласно песне даже свадьба латышская может расстроиться, если кот съел свадебную лепешку:

Kic, kaķīt, bēdulīt(i),
Kam apēdi plācenīt(i)?
Es paliku šo svē(t)dien(u)
Ar puisīti nelaulāta (Шмит, № 43985).

Приглашение на свадьбу у восточных славян Латгалии также разрастается в целое драматическое представление. Вооружась “красой”, невеста с подружками едет на кладбище к умершим родителям и родственникам, затем к живым родственникам и соседям. В каждой избе отбывается традиционный ритуал с земными поклонами, испрашиванием прощения, приглашением на свадьбу. Все это обильно сдабривается песнями наподобие следующей:

Здравствуйте, здоровы, люди добрые,
Соседушки приближенные, опальные,
Дожидали ли вы меня, молодешеньку,
Красну девицу с красным девушкам?
Что не свет мой, крестный батюшка,
Не втуляйся от меня, молодешенькой,
Пришанись ты ко мне близешенько.
Что об чем я хожу, низко кланяюсь,

Что прислала меня родна матушка
Позвать вас в дороги гости... (Фридрих, № 76).

Латыши всю эту пространную орацию могут облечь в одну-единственную строку:

Lūdzu, māšiņa, Maltītē!
Būsi baliņa Pievedēja (15897).

И в данном серьезном случае латыши никак не могут обойтись без иронии!

Lūdzam, ļautiņi, Nākat kāzās!
Dzersim alu, dziedāsim:
Ka būs kāzas pagalam:
Stupaj, bāba, pa vārtim (15898).

Или:

[...] Paši visi nenāciet,
Bērnus līdzī nevediet!
Maz ir maizes, maz ir gaļas.
Mācītājam liela daļa:
Pūrs pauti, pāra cāļu.
Rānīts zaķis, slaucīts tēters,
Aizpērnais bullenīts (15891).

Ритуальное одевание молодых перед венцом и у восточных славян, и у латышей характеризуется главным образом тем, что и в чулок, и в сапог закладываются обязательно серебряные монеты, чтобы были богатыми, а невесту обвивают хмелем, за пазуху закладывают горюх, ячмень. Латышская песня поясняет:

[...] Jam zierneiša puodumeņa
Apeneiša vīglumeņa (Шмит, № 44729).
[...] Jam zierneiti dreizumam,
Apeineiti vīglumam! (Шмит, № 44850).
[...] Mīzi ovu padumam,
Apeinīti vīglumam (Шмит, № 44729, 1).

Катание красы — самый своеобразный восточнославянский обряд, отбываемый накануне свадьбы. И на этот раз, вооружаясь “красой”, невеста с подружками с соответствующими “бядливыми” песнями обходит всю деревню, затем садится в сани или линейку и едет навстречу поезду жениха. Встретившись, отбывается предусмотренный церемониал, затем все возвращаются в избу невесты. В песне поминают “красу”.

[...] Куда ж мы теперь красу сподевать будем?
Вдоль по улушке пустить — краса загуляется.
Во чисто поле пустить — краса зашатается.

И так далее.

В конце концов “красу” решают отнести “на березушку” (Фридрих, № 145).

Что-то подобное наблюдается у латышей во время “мичевания”: никто не знает, куда девать снятый венок невесты, пока наконец он не попадает в руки матушки, которая относит его в сад и вешает на яблоньку (24610, 2).

Некоторые элементы “катания красы” можно усмотреть и в латышских традициях. Так, елочка также присутствует во многих латышских песнях:

Dej, eglīte, lec, eglīte
Tautu galda galiņā... (19173)

В латышских песнях присутствует и мотив «катания»:

Muni meiļi kaimineiši,
Paleidzīt man bādys bāduot:
Jyudzīt siernus kumelēnus,
Brauksim munys ļaudavjaņis (Шмит, № 43995).

И латыши, и восточные славяне знают и отправляют магический обряд — *сажание* “на посад”, “на квашню”, “на дзяжу” — символ плодородия.

Обычно в избу вносится квашня, оборачивается, на нее кладется козья шерстью навыворот, на который сажают невесту перед продажей, наделянием и благословением — центральными моментами дохристианского, народного бракосочетания (Сахаров, с. 82; латышские соответствия: Айзилс, с. 204—205; Тиховский, с. 56).

Тем более удивительно, что само упоминание “квашни”, “дзяжи” отсутствует и в восточнославянских, и в латышских песнях.

У русских, правда, иногда и сама квашня в описании обряда заменяется скамьей, стулом с положенной на нее подушкой.

Первым делом усаженной “на посад” невесты — обработка ее волос, которая у латышей называется *приглаживанием*, у восточных славян — *причесыванием-расчесыванием*.

И у восточных славян, и у латышей обряд этот происходит по строгому плану.

У русских Яунлатгале причесыванием головы невесты занимается старшая подружка, которая распускает волосы невесты, за-

плетенные в косы, оставляет в волосах гребень, которым трижды пользуются родители, а за ними — все присутствующие (Фридрих, с. 99) по приглашению свата.

[...] Есть гость дорогой, братец родной,
Иван Свет Петрович, встань, поднимись,
Буйну голову причеши (Фридрих, № 120).

Брат в этой функции упоминается и в западно-белорусской песне:

[...] Wyskaczzy brat z kamory;
Ja twoj, siestruonka, brat radżony,
Ja twaju kosańku razpletu... (Федоровский, № 892).

Русские “поющие бабы” приглашают отца и мать выполнять обряд расчесывания волос следующими строками песни:

Благослови, Боже, и отец и мати,
Своему дитяти косу расплетати (Фридрих, № 128).

Брат в качестве главного действующего лица в этом обряде упоминается и в латышских песнях:

Liec, bāliņ, vaiņuodziņū
Vieglajām rociņām;
Lai galviņa nesāpētu
Tautiņās noejot (Izlase, № 3613).

И в восточнославянских, и в латышских песнях иногда сама невеста обращается к отцу-матери с просьбой расчесать волосы, надеть ей на голову невестин венок:

Государь родимый батюшка,
Государыня — родимая матушка,
Станьте, пришанитесь ко мне, молодешенькой,
Буйну голову причешите (Фридрих, № 119).

И латышская параллель:

Sukoj, muote, man galviņu
Leidz čičišu galiņam.
Atstuoļ vītu lobajam,
Kur sarību dzeivuodama (Шмит, № 44700).

Следующий этап обрядности — *продажа невесты* — память о тех временах, когда невесты действительно продавались.

Поражает почти идентичность белорусской и латышской продажи, которую приводим для сопоставления полностью.

Белорусское описание обряда.

«В хате стоят два стола, застланных полотенцами. За один стол садятся жених со своей дружбой. Из соседней комнаты с музыкой и песнями выходит невеста со своей дружбой. Впереди идет с хлебом-солью отец невесты. Невеста со своей дружбой садится за другой стол.

Из-за стола молодого выходит сват с “падмаладым” и подходит к столу молодой. Сват говорит “орацию”, т.е. особую свадебную речь, а “падмалады” дает невесте от жениха венок на тарелке, прикрытый платком. Старшая “баярка” снимает платочек, невеста берет венок, а на тарелку кладет подарок для “падмаладог”.

Потом сват с “падмаладым” выкупают невесту. Сват и “падмалады” сначала на тарелку кладут по медяной монете. Старшая боярка эти гроши не принимает и говорит: “У нашим царстве гэты грошы ня ходзюць! Вашымі грошыма толькі катлы латаць!..” Сват подает бумажные гроши. На это боярка отвечает: “У нас такія грошы ня ходзюць! У нас гэтымі грошыма ногі обуваюць, онучамі называюць. Трапак нам ня трэба!” И чтоб показать, какие гроши наиболее ценятся, кладет на тарелку золотую монету. Сват и “падмалады” также кладут золотую монету и таким образом выкупают невесту.

После этого “падмалады” берет невесту за руку, ведет к столу жениха и сажает около жениха, а вернувшись к бояркам, насмешливо говорит: “Танка вы прадалі свой тавар: тавар — добры і мы за яго у тры разы больш заплацілі-б!” Боярка ж ему отвечает: “Мы рады, што вы яго купілі. Наш тавар — стары і гнілы, заты мы яго танна збылі”. Дружкам невесты необходимо продать ее дороже, чтобы потом не смеялись бы, что дешево продали!

После продажи все, помолвившись Богу, садятся за стол, причем идут за стол с одного бока, а выходят — с другого» (Макашина, с. 96).

В описаниях латышского обряда (Тиховский, с. 199—200) “подружки невесты требуют за невесту золотые монеты. Если “братья” жениха за невесту расплачиваются блестящей металлической монетой, и подружки за эти деньги невесту отдают, увозчики (vedēji) начинают смеяться над поезжанами: за такие мол деньги невесту отдали. Но поезжане в ответ начинают “опевание” (“корение”).

Описание русского обряда отличается только русскому народному творчеству присущим складом-ладом.

“Дружка стучит. Старшая подружка спрашивает из-за дверей:

— Кто там?

— Здравствуй, бóльшая подружка, убрана головушка!

— Друженька, старая походушка, ласкова поговорочка, приходите к нам поближе, мы поклонимся пониже.

— Пришел бы, поклон отдал бы, да ворота закрыты, наверно купцов боитесь.

— Куда вы ездили, куда вы летали, кого вы покупали: али куниц, али соболиц, али красных девиц?

— Нам не нужно ни куниц, ни соболиц, только нужно красных девиц.

— У нас девки очень дороги: одна коса триста, а на саму и цены нет!

— Нет, так дорого. У нас дешевы!

— Поезжайте туда, где дешевы!

— Нельзя ли полегче?

— Вы сватали, хвастали, что у вас полны дворы скота рогатого, полны полки посуды наставлены, полны корыта злата-серебра нарыты; а потом мы дознали, что у вас рогатой скотинки — петух да курица, медной посуды — крест да пуговица!

— Погодите, привезем старую старушку, разом и денег кадушку.

— Вместо денег у вас корыто грязи нарыто.

— Хватит у нас против вас!

— Коли хватит и мы рады!

— Нельзя ли подешевле?

— Давай триста и бутылку!

— Бутылочки нет, дорогой разлились.

— Поезжай и новую покупай!

— Ну, будем пить мировую!”

Продажей невесты торг не завершался. Надкосник лучиной собирается отрезать косу невесты и жених должен ее выкупать. Цены невестинной косе набивает ее дружба, всячески ее расхваливая, порицая жениха:

“Посмотрите, какая у нас невеста нарядная, красивая, а у вас жених — козел с бородой”, а затем: “Ты, друженька, не скупись — золотую казною расплатись” (Макашина, с. 82).

Продажа невесты и ее красы отразились и в песнях:

Татарин брациць, татарин

Одаў сястрицу за даром,

А русую косыньку за питак,
А белое личийко пошло и так (Шейн, с. 38, № 57).

Broŭi mosu pardavuši Par kopustu lizeicenu (26150, 1)

Наступает самый торжественный, главный в дохристианском балто-славянском мире момент свадебного торжества — *благословение невесты*. Кстати сказать, у староверов, не приемлющих брака, единственным обрядом, соединяющим молодых людей на совместную жизнь, является благословение родителями.

Благословение также происходит по определенному церемониалу.

«На дворе прибирают коней. В гриву коней вплетают цветные ленты, привязывают под дугу колокольчик, а к хомуту — звонки и бубенцы. Когда кони готовы, молодые и вся дружба садятся за стол. На стол родители ставят хлеб-соль и крыж с двумя свечами или икону. Жених с невестой становятся на колени на самотканом коврике, за ними вся дружба и молятся Богу. Потом отец и мать благословляют молодых и дают им поцеловать икону или крыж.

После этого происходит общее благословение. Главный сват при этом говорит “орацию”, а все, к кому он обращается, отвечают: “Бог благословиць!”

“Есьць у гэтым пиру вяселым, у доме свянцоным азец и маці радзімыя. Калі есьць, прашу багаславіць пару людзеў гэтых на шчаслівым мейсцы сесыці!”

Таким же образом приглашаются благословить “татахи, мамы, хия, якія пад Божы хрэст паднасілі, у Бога шчасьцу і доли прасілі”, “цёткі, дзядзюкі, панічкі, дзеванькі-паненачкі, сабрания, сазваныя”, “суседзі, суседачкі, маленькія дзетачкі і тыя бабылкі, што ня маюць ні коніка, ні кабылкі, на плечах дроўкі носяць, у Бога доли і шчасьця просяць».

У русских (по описанию Фридриха) благословение проходит менее торжественно. Родители поднимают над головой невесты хлеб-соль и икону и трижды посолонь движут над головой невесты, после того ставят хлеб-соль и икону, кладут на тарелку деньги и отходят. Так делают все остальные. Каждому подносят водку (Макашина, с. 87).

В описании латышского обряда у Тиховского (с. 60) буквально повторяются белорусские призывы свата:

“Vai tāvs un mōte ir ustobā? Lyudzu, bagaslavējīt savam bārnam!” — “Lai Dīvs bagaslavej!”

Затем дочка целует родителям руки, становится на колени и молится. Родители, ее благословляя, крестятся и плачут.

Обряд этот исключительной значительности широко отразился и в песнях.

У белорусов:

Благаславіся NN, благаславіся, маладая! Благаславіся з татанькам, благаславіся з родным; няхай Бог багаславіць, Найсвеншая Матка (Сахаров, № 276).

Русские песни во время благословения были сложны по своему образному составу:

Сестрицы, милые подружки,
Сядьте в ряд по лавочке,
Приукрыкните родимую матушку —
Прицепись, родимая матушка,
Покрой мою головушку злой кручиной,
Благословите меня в Божий путь пойти,
Божью думу думати,
Свадебную думу думать (Фридрих, № 123).

У латгальских латышей тоже записана многострофная песня благословения, по своему строю и характеру близко подходящая к белорусской песенной традиции:

Aizgula sauleite aiz kalniņa
Prosa nu mēnesa spuodreibas
Aizasāda mōsiņa aiz galdeņa
Prosa nu tāva baslaviņas.
Tēteit mīlais, bogoslavej man
Na iz vīnas dīneņas, iz vysu miužu... (Тиховский, № 163).

Обряд благословения и у латышей, и у восточных славян отличается еще одной ритуальной особенностью — низкими (у русских — земными) поклонами, отразившимися и в песнях.

Da klaniajsia, dziewczaczka, Staromu i malomu,
Da baciuzka u nohu, Da dasć tabie Buoh
Da szczaśliwuju dolu (Федоровский, № 843).

У латышей —

Pasakloni, tu muoseņi,
Jaunajam i vacajam;
Vacis tjav i Dīva lyugs,
Jaunis tjav i atsaklaņa (Шмит, № 45163).

Совсем как у белорусов:

[...] Пашла малада NN — пакланяецца,
Старога малога ня минаючы:
У старога малога — шчасьця многа (Сахаров, № 278).

В латышских и восточнославянских песнях Латгалии особое место отводится песням *сиротки*, сетующей на отсутствие при этом важном обряде умерших отца и матери. Она отправляется на кладбище, где со слезами умоляет умерших родителей прийти ее благословить, посылает “на Украйну” соловья или кукушку, чтоб отнесли покойным родителям приглашение на свадьбу, обращается к Богу с просьбой отпустить отца-мать дать ей благословение, обращается к буйному ветру с просьбой развеять пески желтые, расколоть гробову доску, чтоб родители могли встать и дать ей благословение. У латышей Латгалии (именно Латгалии: в соседних регионах отмечены только единичные записи, очевидно, от поселившихся там латгальцев) сложился оригинальный тип песни, отличающийся от аналогичных белорусских записей оригинальным зачином, известным только латышам Латгалии и не известным в других регионах Латвии:

Pa kam var pazeit Avīšu kryumu?
Bolti zīdeni, Sorkonas ūgas,
Pa kam var pazeit Boreni pulkā?
Zemli sēdēja, Gauži raudāja (30890).

Этот зачин бытует и как самостоятельная песня, но в 50 вариантах за ним следует пространный диалог сиротки с отцом-матерью, которые поясняют, почему не могут выполнить просьбу своей дочери — они замкнуты тремя замками, которые не позволяют им встать из могилы:

Pirmā atslāga — Zaļa zoleite Uz krūtīm uzauga
Ūtra atslāga — Dzeltas smiltis Acis aizbēra
Trešā atslāga — Uzula grobs Placus samīdza (30904).

Далее следует в большинстве случаев обращение к Богу с просьбой послать ветер, бурю, чтобы сломать эти замки.

Мотив трех замков сравнительно хорошо известен в белорусском фольклоре, но преимущественно в Латгалии, в Витебской губернии в публикациях П. Шейна. Чем дальше от Латгалии, тем чаще “замки” заменяются преградами вообще.

В русских песнях (даже Латгалии) слово “замки” встречаются только в одной записи в сборнике Ш. Фридриха, в других же песнях только преграды, правда, весьма последовательно приводимые: сначала травка, гаек, дерн; затем пески, смага земли; наконец, гробовая доска, также белый саван.

Все сказанное заставляет искать источник песни в тесном сотрудничестве латышского и белорусского творческого гения.

Для русских, особенно других регионов России, характерно обращение сиротки даже не столько к Богу, как к отцам духовным, желание сиротки самой ударить в церковный колокол и разбудить покойных отца-мать от вечного сна.

В единичных восточнославянских песнях сам Бог собирается вместо умерших родителей придти и благословить сиротку, в единичных песнях появляются ангелы, которые на просьбу умерших родителей отвечают, что они сами были на свадьбе сиротки и видели, что все там обставлено как положено*.

Целая цепочка обрядов и примет сопровождает *поездку брачующихся в церковь* или костел, сам обряд венчания и обратный путь. Учитываются абсолютно все предзнаменования, включая и встречного муравья, и перебежавшего дорогу зайца, и споткнувшегося коня.

Но особенно волнует белорусского участника брачной церемонии:

А ці гучна званы зьвінелі?
А ці ясна сьвечы гарэлі?
А ці голасна папы сьпявалі,
Як вас, маладых, вянчалі? (Сахаров, № 282)

Главный вопрос, который волнует латышского участника свадебной церемонии — венчание должно быть прочным:

Es tev lyudzu, bazneickungs,
Lauloj mani stipri cīši (16038).

И чтоб не было так, как со старшей сестрой:

[...] Vacu mōsu manis laulovi:
Veiris nubaga par Dubnaju (16039, 1).

Для этих целей белорусы используют даже тексты заговоров, вплетая их в песни:

---

* Мотив этой песни исследован особо и в рукописи хранится в архиве Б. Инфантьева.

Ай рэки, рэки Йордани,
Стояли попы рядами,
Там нашего Паулюську виньчали,
Ризками ручыньки звизали,
Нихто ня можыць развизаць (Шейн, с. 19 № 7).

Здесь, в церкви или костеле, присутствуют и самые различные мифологические существа — христианские и дохристианские.

Kur, Laimen, tu stāvēji,
Ka es goju tautenõs?
Es stovēju pakalā,
Bazneicīņas videņā (Айзсилс, № 719).

Западные белорусы дают невесте такие советы:

Pajedziesz da do szlubu,
Nie stanawisie pasierod kasciula,
Stan, mala dzieuka, u kascieli pry scieni.
Tudemo iscimie da Bożaja Matka
Jena isci mie da dolu niescimie.
Da budzie pytaci, szto za dolu daci:
Da ci daci dolu hraszawuju,
Da ci daci dolu chlebowuju?
Da davaj, Matko, usielaku (Федоровский, № 1006).

Мифологической тематикой изобилуют и восточнобелорусские тексты старой записи:

Быць яму, быць яму у божзем дому
Гдзе сам Бог суды судзиць,
Прачиста Матушка пирасуживаець
Сын Божий vineць дзэржиць,
Святая Сулука сылучаець:
Сылучи ж, Госпдыз, етых дзеток! (Шейн, с. 58 № 89)
Троица по церкви ходзила,
Спаса за руки водзила (Шейн, с. 344 № 15)
Ты, Святы Боже, Кузьма Демьян,
Приходзи на свадзьбу к нам,
Со своей кузанькой (...). Ты, святой Лука-Боже!
Солучи нашу свадебку... (Шейн, с. 293 № 1)

Обратный путь из церкви то ли в дом невесты (при долгой свадьбе) или в дом жениха (при краткой свадьбе) сопряжен с теми же

оберегами и приметами, что и путь в церковь. Но самое главное — преодоление «шлагбома» — препятствия в виде жерди, веревки, перегораживающего путь или остановки у брамах (bramu — польски «ворота»), где дружка жениха должен «выкупать» преграду, угощая собравшихся окрестных жителей.

Сам «шлагбом» (от русского слова «шлагбаум») или брамы ни в латышских, ни в восточнославянских песнях не упоминается. Содержание этих песен связано с желанием присутствующих посмотреть на молодуху. Белорусы поют:

[...] Сваю́я-брату́я з стараны едуць,
Маладу нявесту з сабой вязуць,
Ня пусьцім, ня зазначыўшы (Сахаров, № 281).

Русские поют:

Расшанитесь, бояре, на четыре стороны,
Покажите, бояре, князя молодого.
— Девицы, певицы, молоды молодухи
Можно князя узнать, можно приметить:
Бояре во бархате, сам князь в золоте (Фридрих, № 184).

Латыши поют:

Šķiratiesi, siki krūmi,
Lai es redzu vedamo,
Vai bij pate sudrabōta,
Vai zeltīti vedējiņi (18474).

Характерна угроза сватам, не выставляющим сразу же угощение:

[...] А, сват, дай нам водки: Пересохло в глотке.
А если не дадите, Весь день простои́те (Фридрих, № 168).

Удивительно выраженное в русских песнях предупреждение опасности быстрой езды, которая обычна в свадебном ритуале:

[...] Потихоньку, бояре, со горы спуститесь,
У нас горы круты, у вас кони добры,
Не споткнулся б конь вороной,
Не свалил бы шапочки бобровой,
Не уронил бы плеточки шелковой (Фридрих, № 183).

Предупреждение это тем более удивительно, что находит полное соответствие и в латышской песне:

Brauciet lēni, vedējiņi,
Ziedu manu nekaisiet.
Man aizgāja trīs dieniņas
Viena zieda meklējot (Izlase, № 3889)

Правда, мотивация необходимости медленной езды в латышской песне иная, чем в русской.

Ожидание и встреча молодоженов родителями, родственниками и всеми участниками свадебного торжества то ли в доме невесты, то ли жениха в какой-то степени одинаковы.

Главный мифологически-магический элемент этого эпизода — использование огня при встрече молодых как обеспечение их благополучия в будущем. Огонь и ключи везет невеста с собой.

Uguntiņu, atslēdziņu
Līdzī vedu tautiņās.
Ūguntiņa sasildīja,
Atslēdziņa pabaroja (18183).

Огонь вообще играл большую роль в древней свадьбе: невеста всегда брала с собой на новое местожительство огонь из родительского очага, лучины или свечи всегда зажигались на смотринах. И теперь первой песней, которой бабы-игрицы встречают молодых в Латгалии, становится такая:

Запали, татка, свечку,
Да ты выйди на сустречку (Макашина, № 143).

Огонек этот светит и в латышских песнях:

Dedz, mana māmiņa,
Duj svecītes,
Lai redzu meičiņu
No vaidziņa;
Vai baltu vaidziņu,
Vai sarkanu,
Vai koša drāniņa,
Vai bagāta?... (18595)

В русских песнях мотив свечей отсутствует, зато высказывается прямое обращение к матери:

— Люба ль вам, матушка, будет лебедушка? (Фридрих, 192)

И традиционный ответ:

Наше милое дитяtko, как тебе любa,
А нам давно хороша (Фридрих, № 192).

У русских опять требуется благословение родителей «во высок терем войти» (Фридрих, 189).

В этот момент начинается величание невесты, которое особенно распространено в восточнославянских традициях:

Есьць ў мяне жоначка — як баярыня:
Ростом яна — тонка, высока,
Ліцом яна — бела, румяна,
Броўцы яе — чарнабровыя,
Глазкі яе сакаліныя,
Слоўцы яе — ўсе верныя! (Сахаров, № 318)

Так же представляет свою женушку и латышский парень:

Pasaverit, jyus, ļautini,
Kaida myusu vedekliņa!
Poša bolta, posorkona
Dzeltonimi matēnim (Шмит, № 45164).

При встрече же молодых в семье жениха часто вместо величания невесты можно встретиться с корением (опеванием):

[...] Привезли невесту, як цыганочку,
Привезли невесту, как шпилечку,
Ты выйди свекровка богатая
Перейми невесту горбатую (Прибалтика, № 144).

А латыши в доме жениха невесткой пугают детей:

Bēdzit, bērniņi, bēdzit, bērniņi
Ezi ved ustubā;
Cytam dura rūku, kuoju,
Pabērnišam suonkaulīti (Шмит, № 45047).

С темой встречи молодых можно связать песенный мотив молодых в чужой семье, которая по-разному, но очень образно трактуется и в восточнославянском и в латышском фольклоре, однако, этот мотив относится уже к бытовой тематике, где и будет рассмотрен.

То же следует сказать о мотиве кладок, мостиков и мостов, по которым суженая находит путь к своему возлюбленному.

С мифологически-магической точки зрения важно отметить осыпание молодых житом, что известно в балто-славянских опи-

саниях свадеб (у Малецкого, Стрыйковского, Ласицкого, Преториуса) уже с XVI в. (Макашина, 83).

Сразу же по прибытии молодых и в доме невесты, и после этого в доме жениха происходит «наделение», «напевание» невесты, «*ragasta mešana*».

Деньги, главным образом невесте, собираются и в связи с выполнением других обрядов, например, благословением, но главным образом это происходит сразу же по приезде после венца в дом невесты. Тут ее наделяют все те участники свадебного ритуала, которые не едут вместе с невестой в дом жениха. Остальные осуществляют этот обряд в доме жениха.

И латышский и восточнославянский обряд надения начинается с установления на столе покрытой платком тарелки, в которую все присутствующие кладут деньги, а на стол рядом — одежду, пригодные в хозяйстве предметы, а что в комнату не влезает, повисало в воздухе как словесное заявление. Сват поименно вызывает всех присутствующих (в строгом порядке старшинства), потом остальных (включая подростков и детей) наделять, до венца — невесту, после венца — молодуху.

В книге С. Сахарова (с. 98) приводятся те формулы, которыми присутствующие заявляют о своем подарке: «Я напяваю тебе, племянница, сечак (пляценка, мерка для збожжа) грэцки», «Я напяваю тебе, сятрица, карову». Бабки в это время поют:

Хлопцы, нясіце чырвонцы!
Дзеваньки-падружанькі,
Нясіце па стужанькі! (Сахаров, с. 98)

В белорусских песнях отражен и другой немаловажный эпизод этого обряда — поднесение «напевающим» чарки:

Пойдзем мы на вясельле маладуху дарыць
І вып'ем мы па румцы водкі
І па дзьве шклянцы піва.
Тады мы будзем госьці прынятыя
І будзем сьмела гуляць (Сахаров, № 211).

С мифологических позиций примечательно приглашение на наделение самого Спаса:

Да не стой, Божа, на дворе,
Войдзи, Божа, у хату,
Да стань, Божа, на куце,

Да дай долю сираце!
Ой, Спасу, мой Спасу!
Ходи ко мне в хату,
Еличек довиваць, песенку допеваць (Шейн, № 15).

В песнях призываются и присутствующие наделять невесту и «золотой гривною» (Фридрих, № 166): и «умом-разумом» (Фридрих, № 123).

С такими же призывами обращаются к присутствующим и латышские песни:

Metit, puiši, metit, puiši,
Naturit kārmanā:
Turēsīt kārmanā,
Pēles vilks midzinī (25694).

Перевезение в дом жениха приданого невесты в большой степени имеет экономическое или юридическое значение, хотя и здесь некоторые приметы и песни в какой-то мере приближают и этот эпизод к верованиям. Следует только отметить как существенно русскую особенность — скот в приданое здесь не дается.

Лайма же призывается на помощь только латышами, когда молодуха с родной матерью начинает делить имущество:

Ej, Laimen, daleītos,
Mot ar meitu dalējosi
Dola govīs, dola vuškas,
Dola boltas vylloņenas (16412, 1).

В то же время с глубокой древностью и древними верованиями сопряжено, особенно у латышей, одаривание молодухой всего и всех, что только ей повстречается на дороге из костела в дом своих родителей и далее в дом новой семьи.

В белорусских песнях и преимущественно старой записи находим только намеки на такое одаривание:

А ехала Матрунка зпод винца,
Ай сеяла росаду з рукаўца.
Дайся долинька з винчанья,
Щасьция, богацьця у рукаве,
Разум, здоруе у галаве (Шейн, с. 19 № 8).

Что же касается одаривания участников свадьбы, то в сборнике Сахарова называется только: свекра рубашкой и подштанниками,

свекровь — «сукенкой» и «хусткой»; одаривает молодуху и музыкантов, давая им либо пояс, либо «споднично» (Сахаров, с. 114).

Такая щедрость молодухи отмечается и в песне:

У добрага татухны — дзіця добрае:

Не паспелі песьню сьпець — падаркі шлець! (Сахаров, № 264)

И только в песнях старой записи можем отыскать указание на подарки другим участникам свадебной церемонии:

Да не зуорка свецила, Там Ганулька ходзила,

Там Ивановна ходзила, 3 золотыми ключами.

Кублики отмыкала, подарочки выбирала,

Давала, не шкодовала, Резала да не мерила (Шейн, с. 293, № 12).

Здесь отмечена примечательная особенность одаривания у восточных славян. В отличие от латышек, которые одаривают всех присутствующих готовыми предметами своего изготовления, восточные славяне отрезают куски, очевидно, своего тканья.

Латышские же молодухи — и это отмечал уже Броце (Страуберг, с. 220), одаривали всех и вся уже по дороге из церкви, оставляя пояски и перчатки на кустах, деревьях, камнях, перекрестках дорог, на мостах, на пороге дома, на очаге, жерновах, в углах комнаты. Одаривались все присутствующие на свадьбе. Латыши посвящают этой теме много песен и восхваляя подарки, и высказывая им порицание.

Следующий обряд — снятие венка, одевание белорусской намитки, русского чепца или повойника, латышской — мице или аубе. Только после этого обряда молодуха становилась полноценной женой. Хотя в Пруссии в XIII—XIV вв. и даже позднее на Западной Украине молодуха становилась полноправной женой только после рождения первого сына.

Обряд снятия венца и надевания чепца у латышей и белорусов проводится весьма торжественно. Русские же иногда надевают повойник тут же в притворе церкви без особых церемоний.

Белорусы же и латыши зажигают свечи, сажают молодуху на дзяжу-квашню и с песнями латыши — свадебным мечом, белорусы — кнутовищем трижды снимают венок и надевают молодухе чепец. Она дважды чепец сбрасывает и только в третий раз оставляет на голове (Страуберг, с. 231—235).

Каждому из этих эпизодов и белорусы и латыши посвятили немало песен с поэтически-магическим описанием происходящего.

В песнях отмечается позднее время дня, когда этот обряд отбывается:

— Хоць проси, дзицетко, хоць не проси,

Таки до вечера веночек поноси,

А з вечера дружки веночек разовьюць,

Друобные слезочки разольюць (Шейн, с. 291 № 5).

Mičojīt, mičojīt, Gaiļa laika nagaidot,

Lai gaileits nāaizdzīd

Ar tu mirtu vainaceņu (Айзсилс, № 1167).

Магия огня упомянута только в латышских песнях:

Dedzini, brālīti, Trijžuburu sveci;

Nu tautas māsiņas Vainagu ņem. (Izlase, № 4631)

Зато сбрасывание чепца упоминается и в белорусских песнях:

На што мне чапец? Я кину на пиеч (Шейн, с. 109, № 107).

Svied zemē, svied zeme

Nepieder, nepieder;

Nepieder suņa auss

Pie tā ziļu vainadziņa (Шмит, № 47571).

После третьего надевания бабы удовлетворенно поют:

Хвала ж тебе, Боже,

Надзела Агашка чапец (Шейн, с. 110, № 108).

И латышская молодуха говорит:

Varit likt man aubīti

Tik vīn cīši nasīnīt;

Sasejuši, palaidīt,

Lai galveņa nosuopēja (Шмит, № 47575).

И латышам и восточным славянам является общим целый ряд песенных мотивов, связанных со снятием венка, надеванием чепца. Один из этих мотивов: «кто красивее — девица в венке или молодуха в чепце?» Латышские песни решают вопрос по-разному.

Благодарность матушке выражают и восточнославянские и латышские молодухи.

— Дзякуй, дзякуй, родна матулька, за тое

Што ты мяне малюсеньку ўзрасьціла,

А ўзрасьціўшы — у добры людзі пусьціла! (Сахаров, № 279)

То же у латышей:

[...] Paldis soku māmiņai
Ka jei vīgli izauklēja (Шмит, № 44375).

Большой разговор в песнях ведется о том, куда девать снятый венок. И русские, и белорусы предполагают отдать «шаферкам» или сестрам жениха (Макашина, с. 99); частушка отсылает венок младшей сестре:

С меня молодость снимают,
Меня замуж выдают.
С косы ленту выплетают,
Сестре младшей отдают. (Макашина, № 1878)

Младшей сестрице веночек достается и в латышских песнях:

Nūnes munai māmeņai
Munu jauku volūdeņu,
Jaunuokai muoseņai
Munu mirtu vainadzeņu (Шмит, № 47504).

Но бывают и другие решения. Если у молодухи нет ни сестер, ни братьев (в латышских песнях и он может претендовать на венок своей сестры — Айзсилс, № 1162), венок вешается «на гвоздь в каморе»:

[...] У каморе на приборе, на железном гвоздочку,
На серебряном пруточку (Прибалтика, №128).

Латышская молодуха просит братика для этого вбить золотой гвоздик:

Sit, balē, zalta vadzi
Sovys klēts dybynā,
Ka atvessi jaunu meitu,
Tur pokōrsi vainidzeņu (24618, 5).

И у латышей, и у восточных славян популярен мотив о передаче венка матушке, которая относит его в садик роз.

Ішла Ганулька з поля,
Нясла Ганулька рутаньку — з трох полёў,
У яе вяночак пры stole і пакаціла па стале,
Па бялюсенькім абрусе: <...>
Пераймі, матулька, вяночак!
З руты-лілеі вяночак! (Сахаров, № 220)

Мотив этот популярен и у латышей:

[...] Broļeiti mīlu, Kur lyki vainagu
Nūnešu, atdevu Vydnyksai mosai,
— Moseņ, mīlī, Kur lyki vainagu?
Nūnešu, ilyku Māmeņai klēpī.
— Māmiņ, mīlu, Kur lyki vainagu?
Nūnesu, ilyku Roženu dōrā... (24610, 2, 5)

Популярен и среди латышей, и восточных славян мотив «Одной девкой меньше, одной бабой больше».

У нас сягонья панядзелак —
Адлучылі Ганну ад дзевак.
У нас сягонья аўторак —
Прылучылі Ганну да жонак (Сахаров, № 321).

Если белорусы только констатируют самый факт, то латыши высказывают по этому поводу эмоционально-оценочные примечания:

Raudiet meitas, raudiet meitas,
Viena meita mazumā;
Dziediet sievas, dziediet sievas;
Viena sieva vairumā (Айзсилс, № 1157).
[...] Ekur buobom lela priķa,
Nu meitiņu buoba tyka (Шмит, № 47580).

В свадебном ритуале, особенно при снятии венца и надевании чепца важную роль играет не только свадебный каравай, но и «мичевальный сыр» — «mices siers» (Тиховский, с. 93).

Его знают и белорусы:

Цябе мамка выпраўляла —
Кішані сырам насыпала:
— Там будучь бабаныкі пяць,
А ты будзеш сыры даваць (Сахаров, № 265).

У латышей:

Annīņa, Annīņa, Mičota sīva,
Jōdūd Annīņai Mičōta sīra. (Айзсилс, № 1156)

Снятие венка и надевание чепца и у латышей, и у восточных славян связано с поучением молодухе, как ей жить-поживать в новом своем состоянии (поучения молодому мужу еще предстоят позднее):

Valkā mīci, mīļo vīru,
Glāba bērnu, audze lielu (24712).

Остается лишь назвать несколько художественных образов, которые именно в этот период свадебного торжества нашли отражение в восточнославянских и латышских песнях.

Первый мотив «Отлучилась лебедушка от стаи лебединой».

Русский вариант этой песни насчитывает 28 строк и тем самым относится к северно-русскому фольклорному ареалу.

Что по морю, морю синему
Там плыло стадо серых гусей,
А второе лебединое.
Отлучалась лебедушка,
Отлучалась лебедь белая,
От стада лебединого.
Прилучалась лебедушка,
Прилучалась лебедь белая
К станичку, ко серым гусям.
Как начали гуси серые
Щипать лебедь белую, —
Ах вы, гуси, мои гуси,
Мои гуси серые,
Не щеплите меня да лебедь белую.
Не сама я к вам залетела,
Занесли меня ветры буйные.
Отлучалась девчонка прочь
От стада девичьего,
Прилучалась девчонка
К молодым молодушкам.
Начали молодушки судить,
Судить и рядить.
— Ах вы, мои молодушки,
Не судите меня, девушку!
Что не сама я к вам заехала,
Завезли меня добры кони,
Добры кони Михаила,
Михаила Ивановича (Фридрих, № 198).

Эти 28 строк латыши воплощают в четверостишие:

Šķīraties, zosu draudze,
Laidiet gulbi, ezerā;
Šķīraties, sveši ļaudis,
Laidiet brāļus istabā (19102).

И совсем идентичный образ:

Учора — ж у нас мароз бив,
А сянно у нас иней пав
Не на землю ен пав,
Да на Аленушку (Шейн, с. 478, № 44).

Латышская параллель:

Sorgītēs jūs muosiņas,
Šūvokar sorma kriss:
Nu tuos sormas krītumiņa
Paliks citai bolta galva (Шмит, № 47343).

Неотъемлемая составная часть всей свадебной церемонии — величание и корение (величание было излюбленно и развито у русских, корение — у латышей и белорусов), исключительно важный материал для изучения русско-латышских эстетических и этических воззрений, непосредственно с мифологией имеющие довольно далекие, весьма опосредованные контакты, поэтому здесь не рассматриваются.

Связь с мифологией начинается сразу же после ритуального снятия венка, одевания чепца — в проводах и укладывании молодых спать. От первой ночи зависит многое — и семейное счастье, и благополучие, но самое главное — для чего свадьба играется — для продолжения потомства.

Здесь же у ложа совершается чуть ли не древнейший обряд — разувание молодого в знак покорности молодухи; обряд этот отмечен уже в самых древнейших русских летописях (вспомним Рогнеду Гориславовну: «Не хочу разути робичича»).

Обряд этот отражен и в более поздних песнях:

[...] Иван-сударь величается,
Над своей молодой женой:
— Марьюшка, разобуй ты меня,
А Иван-то Петрович не хотел себе руки валять,
Себе золотой перстень ломать.
— Уж я роду купеческого, а люблю сына отеческого,
Ивана свет Петровича (Фридрих, № 149).

Разувание столь важный обряд, что вошел даже в частушку:

У Вани частая походка,
Лакированный сапог.
Неужели не придется
Разувать евонных ног (Макашина, с. 132).

У латышей:

Kur ti muni veira kolpi,
Ka kuojiņu nanūova;
Ka kuojiņu nanūova,
Ka gulēt nanūveda? (Шмит, № 47752)

Или:

[...] Kāda rada tautu meitai?
Balīnam I kājas āva (22703).

С учетом разных примет и верований происходит подготовка постели. Мать новобрачных или сваха проверяет, не заложена ли в постель порча в виде ножа или чего-либо другого режущего или колющего. Но с другой стороны, заложенное острое обеспечит рождение сына, а прялки — дочери (Тиховский, с. 495; Айзсилс, с. 343). По другим поверьям, родится ли сын или дочка — зависит от того, кто первый ляжет в постель (Айзсилс, 343). В шутку белорусы говорят:

Ай, ели мы пячонки, — Дай Боже дзяучонку,
Колупали мы сыры, — Дай Боже, сына (Шейн, с. 29 № 319).

Молодых проводят спать обычно в клеть, латыши при этом ее не отапливают, не обогревают, даже если свадьба происходит зимой. Свадебные гости продолжают пировать.

В подлинный ритуальный праздник превращается пробуждение молодых утром следующего дня. Вся свадьба с музыкой, песней идет к клетки, где вытягивается веревка с бубенцами. На эту веревку мать или сваха выносит рубашку молодой или все спальное белье, чтобы доказать невинность молодой. Как свидетельствует П. Шейн, этот обряд в древности у белорусов имел большое значение. Если молодуха оказывалась невестенной, свата избивали, иногда свадьба расстраивалась (Фридрих, с. 139; Сахаров, с. 114; Тиховский, с. 95; Макашина, с. 94).

Общим для всех трех народов является требование при пробуждении разбить глиняный горшок. Сколько черепков, столько детей (Тиховский, с. 95).

Следует ритуальное умывание молодых. В поданное матерью блюдо молодой бросает монеты, которые мать берет себе. Вода, в которой умывались молодые после первой ночи, считается плодородной, поэтому выливается тут же на землю.

Ритуальное введение молодой в новый дом «jaunuves iekrustīšana par saimnieci» детально описано и белорусами, и русскими, и латышами (Сахаров, с. 114; Шейн, с. 122, № 139).

Особенно пространно описан этот обряд в сборнике И. Фридриха (с. 139—140):

«Свекровь вела молодуху к умывальнику:
— Посмотрим, умеет ли молодуха мыться?

Та в присутствии гостей мылась, утиралась своим полотенцем и отдавала его свекрови. Свекровь давала молодухе веник:

— Подмети-ка пол! Да так, чтоб было чисто.

Молодуха подметала. Гости сзади сорили, пока она не дарила свекрови платок.

— Пойдем на колодец. Умеешь ли воду таскать, — говорит свекровь, давая молодухе ведра.

Молодуха, свекровь и бывшие в избе женщины шли на колодец. Молодуха доставала из колодца воду, наполняла ведра и собиралась нести их в избу, но кто-либо из женщин брал у нее ведра, молодуха давала свекрови дзянки. Затем шли в сенной сарай. Там молодуха вязала «беремя» (вязанка) и поднимала его на плечи, чтобы отнести в хлев. В хлеву молодуха обвязывала корове рога полотенцем. Из хлева шли в баню. Там молодуха клала платок на каменку. Выходя из бани, свекровь говорила: — Будя! Хороша моя молодуха, да негоразд, сильная, да неповоротливая, работающая, да непоклонливая! — и впереди всех, как бы выражая свою неудовлетворенность, направлялась в избу. Молодуха и женщины шли вслед за ней».

По описанию этого обряда у Тиховского (с. 96—97) одна из главных проверок молодой у латышей — выяснение, умеет ли она топить печь. Свадебные гости этому всячески мешают: обливают дрова водой, затыкают трубу — дым валит в комнату, молодуху высмеивают. Всюду, куда свекровь вела молодуху — в клеть, сарай, баню, к колодцу, — всюду молодуха оставляла перчатки, пояски. В помольной к жерновам гости привешивали бубенцы, в бане разбирали каменку (Айзсилс, с. 362—363).

В латышских песнях отмечены, правда, более существенные виды проверки — сучить шерсть, одевать ребенка (Шмит, № 46291), тягать лен (Шмит, № 46241).

В брачных традициях всех трех рассматриваемых народов особо отмечается «начало конца» свадебной церемонии — совсем незауалированное выпроваживание гостей домой:

Едзьце, сваты, дамоў — ня гудзьце нашых двароў!

Нашы двары пагудзіце — і самі паблудзіце,

Ды па мхах, па балотах, па дубовых калодах (Сахаров, № 327).

— Да дому, сваточкі, да дому!
 Паелі конікі салому!
 Валіцесья, шапачкі, з паліцы! —
 Вяртайцесья, госьцікі, да дому! (Сахаров, № 328)
 Праданыя курка з’елі, а дзе яны скурку дзелі?
 Скурку — на панчошкі, а кішачкі — на падвязкі (Сахаров, № 324).

Русские в этом отношении не уступают белорусам:

Пора гости до дому, Съели кони солому.
 Где гости сидели, Там лавки смердели.
 Гостиньки, гостиньки, едьте домой.
 Съели семь поросят, только ножки висят (Макашина, с. 95).

У латышей:

Ra ceļu, ra ceļu Jius, ceļa ļaudis
 Dīvs jius priškā, Dīva pakaļā (Айзсилс, № 356).

Если при одевании повойника в песнях указывали молодухе на ее новые обязанности, то теперь очередь за молодым. В белорусских песнях ему даются такие указания:

Ні давай жоначкі заганыць,
 Ні давай ваду насіць, ні давай дзяжу мясіць.
 Ды каб ня стаяла ў цёмную ночку пад вакном,
 Каб ня ўцірала дробныя сьлёзкі рукаўком,
 Ды каб ня была, што паветка — то хатка,
 Ды каб ня была, што суседка, то — матка (Сахаров, № 330).

Сходные наказы звучат в русских песнях:

Бери, Федя, женку, Да умей шановати,
 Да умей сберегать: Она дитя драченное,
 Калачом кормленное (..), Да посытой паеное,
 Не посылай воду носить,
 Не заставляй дежу месить.
 Дежу месяя оборвется,
 Воду нося, обольется. (Прибалтика, № 169)

В белорусских песнях старой записи указания еще радикальнее:

[...] Ня бийце Матрунку дубцамі,
 Навучайце Матрунку слоўцамі.
 Ня бийце яе вярхоўкай
 Навучайце яе гаворкай;

От дубцоу яна дурнеиць,
 От слоуцоу разумеець (Шейн, с. 371 № 55).

Латышские соответствия:

[...] Pats tu ej sīna plaut (rejas kultu),
 Tin Vereiti kažukā (26069; Шмит, № 44468).

[...] Vaļa celt, kulit(i) malt(i)
 Nava vaļa rūdināt (Айзсилс, № 1253).

К этому мотиву можно отнести целый раздел балладообразных песен (и латышских, и восточнославянских), в которых брат едет на выручку сестры, обижаемой в новой семье. Об этом в разделе фольклора.

Завершением свадебного ритуала как реминисценцией древних похищений невест и военных действий, вызванных этим событием, является разрушительный разгул в завершении свадебного пира перед разъездом, который отразился в песнях и латышей, и восточных славян.

Saskaļdēju tautu goldu
 Devinim gobolim;
 Taitīšam golda žāl,
 Man mōsenis vairōk žāl;
 Tautas goldu salasēja,
 Man mōsenis naatdeva (26292—26297).

К реминисценции кражи — увоза невест относится практиковавшееся еще совсем недавно кража невесты и погоня поезда жениха, выражающаяся, с одной стороны, в обычаях провожать поезда с поездом жениха. С другой стороны — в обычае привязывать к поезду невесты всякие тяжести, чтобы затруднить езду.

III. КЛИМАТИЧЕСКИЕ (НЕБЕСНЫЕ) БОЖЕСТВА И КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Низшая мифология, связанная с небесными светилами — солнцем, месяцем, звездами, их положением и фазами, проявилась в календарной обрядности.

Главные дохристианские праздники, как свидетельствуют древние хроники, церковные и другие документы, были связаны с по-

севом жита весною, выгоном скота на пастбище и уборкой урожая осенью, сжатием последнего снопа, в который прятался дух поля — дух жита, приносящий урожай. Тесная связь этих духов и бо- жеств с культом предков — очевидна.

О празднествах, связанных с культом солнца, древние сведения имеются только в восточнославянских летописях и церковных ма- териалах (проповедях, поучениях), особенно о праздновании лет- него солнцестояния.

Поскольку аналогичный материал находим в латышских народ- ных песнях, можно сделать заключение о том, что и предкам латы- шей эти празднества, связанные с солнцестоянием, известны были в той же мере.

Я. Дарбенице²⁶ в своем сопоставлении латышских и русских календарно-обрядовых песен справедливо отметила несоотноси- мость обычаев и широты тематики и образности песен, связанных с зимним и летним солнцестоянием в русских и латышских tradi- циях: в русских традициях богаче представлен зимний цикл или святки, у латышей — летний (Ивановский цикл). В какой-то мере это объясняется глубиной воздействия христианства. Иванов день у русских оказывается в петровом посту, а сам день — постный, когда никакие шумные «бесовские» развлечения не разрешаются. В то же время зимние святки как веселый и радостный праздник (второй после Пасхи) отмечает и сама церковь, хотя бы сплошным мясоедом. У латышей же церковь, которая до XVI в. вообще мало влияла на духовную жизнь, а впоследствии одинаково преследова- ла и зимние и летние праздники, не смогла все же более или менее серьезно повлиять на народную жизнь ни зимой, ни летом.

Святки

Святки — время зимнего солнцестояния и в новое время — ко- нец старого и начало нового календарного года — ознаменованы двумя персонифицированными образами этих знаменательных дней — колядой (символом зимнего солнцестояния) и карачуном (символом старого года).

²⁶ Darbeniece J. Dziesmu mākslinieciskā izteiksme un struktūra agrāro kalen- dāro svetku ciklos (latviešu un krievu folklorā) // Latviešu folklorā, žanri, stils. — Рига, 1979. — 165.—214. lpp. (далее: Дарбенице). Источники — в данной публикации Я. Дарбенице.

Популярность обоих символов, степень их персонификации у восточных славян и латышей различна. Разносторонне представ- лена в песнях коляда, латышские *ziemas svētki*.

Пришла Коляда накануне Рождества
У Петрова двора на каждой тычинке
Блестит по звездинке.

*Ziemašvētki atbrauca pa rudzu lauku
Ziemašvētki atbraukuši Rakstītām kamanām.*

С латышскими «расписанными санями» перекликается также необычная повозка в белорусской песне:

Ехала Коляда у чарвоном возочку
На сивым конечку²⁷.

В первой песне отмечается очень важная функция латышской ко- ляды, которая уже своим приездом способствует плодородию полей:

[...] *Zālīti mīdami, Asniņus celdami* (33287).

Откуда Коляда приезжает, где она была до своего приезда?

Коляда, Коляда, Где ты раньше была?
Я у поле ночевала Теперь и к вам пришла (Дарбенице, с. 177).

В латышских песнях на вопрос «*Kur guļ Ziemassvētki, atnākdami?*» следуют ответы:

*Miežu, rudzu klētī, Apcirknī
Zirdziņu stallī Pažobelē.*

Важная функция Коляды как подателя житейских благ:

Возила килбасы у решеце (Материалы, № 89).

То же самое делают и латышские *Ziemašvētki*:

Atīdami Zimassvātki Atnes lelu dasu kuli.

И в латышских песнях и у восточных славян с Колядой проис- ходит несчастье.

Пойшла Коляда по леду
Рассыпала коляду.

²⁷ Шейн П. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо- западного края. — СПб.: АН, 1887. — Вып. I. — № 89 (далее: Материалы).

У латышских Ziemassvētki со льдом связаны другие дела:

Ziemaasvētki naudu skaita
Ledus kalna galiņā.

Общим мотивом латышских и восточнославянских песен является пляска, игра на дудочке и приглашение девочек плясать:

[...] Сама села на куце у перынце:
— Грайце, дудечки, голосьно,
Скачье, дзевочки, хорошо (Материалы, № 88).

В латышских песнях пляшут сами Ziemassvētki:

Ziemsvētki dancāja Ar raibām biksēm (Шмит, № 54343).

Однако Коляда-Ziemsvētki примечательны и знаменательны не только принесенной колбасой.

Главное значение прихода Коляды-Ziemassvētki — пожелания хозяевам, хорошо накормивших колядовщиков:

[...] А дай Бог тому, Кто в этом дому (...)
Ему рожь густа, Рожь ужимиста
Уродися на лето рожь с овсом.
[...] У хозяина в дому Велись бы ребятишки,
Велись бы телятки, Велись бы ягнятки,
Велись бы жеребятки, Велись бы поросятки,
Велись бы козлятки, Велись бы цыплятки,
Велись бы утятки (Дарбениеце, с. 185).

Сходное у латышей:

Dievs dod mūsu saimnieci
Pulku mazu siventīņu
Citu melnu, citu baltu
Citu tādu svibilētu (Дарбениеце, с. 184).

В большинстве латышских песен пожелания высказываются не отдельным хозяевам, хорошо накормившим колядовщиков, а всем хлеборобам и животноводам той местности, где ходят и поют ряженые (ķekatnieki, būdeļi, čigāni)!

Atīdami Ziemassvētki
Kū jī laba atnasuši?
Klāvā raibu raibaļu
Stallī labu kumeliņu (33252).

Kam tie tādi melli zirgi
Pie manām rijas durvīm
Ziemassvētku kumeliņi
Vēda rudzus klētiņa (33262).

Нередко пожелания гиперболизируются и в латышских и в восточнославянских песнях:

Дай тебе Бог Сто быков-годовиков,
Двести телушек, Все годовушки (Дарбениеце, с. 212).

Латышский аналог:

Simtiem govu, Simtiem vēršu
Simtiem bērū kumeliņu.
Pūti, pūti, ziemelīti,
Ziemassvētku vakarā
Klētī pūta miežus rudzus
Stallī bērū kumeliņus (33282).

[...] Pūt laukā tīrus rudzus
Mežā smilgas, lācenītes! (33283)

Персонификация Старого года на святках у восточных славян — карачун, принадлежит к персонификациям, особой любви не заслуживающим: выражение «Чтоб тебя карачун побрал» — ничего хорошего не предвещает. У восточных славян это обгоревшая головешка, которую с песнями и шутками носят по деревням, потом сжигают как старый год со всеми его бедами и несчастьями. У латышей функции старого года выполняет чурбан — «bluķis», который так же как восточные славяне головешку-карачуна таскают по усадьбам и хуторам, а потом сжигают так же освобождаясь от старых болезней и несчастий.

Кстати сказать, наша традиционная рождественская елка также не что иное, как карачун-чурбан. Елку также немцы украшали как символ старого года, а потом с песнями носили по поселениям и сжигали. А со временем украшенную елку не сжигали, а зажигали на ней свечи. Так появилась немецкая рождественская елка, которой было суждено завоевать весь мир.

Ziemassvētki, Lieladiena
Tie Dievam dārgi laiki;
Ziemassvētki bluķi vilka,
Lieldienā sūpli kāra.

Отличительная черта святочных празднований — разветвленная система гаданий, прежде всего о замужестве. Эти гадания в своей поэме «Светлана» перечисляет Жуковский, подблюдные песни — Пушкин. Гадания приводит в своем сборнике И. Фридрих:

«Девушки выходили на двор и произносили:
Полю, полю белый снег, Приелся батькин хлеб.
Залай, залай собаченка на свекровом дворе!

Затем девушки прислушивались: в какой стороне раздастся лай собаки, в той стороне ей и суждено выйти замуж».

То же у латышей Латгалии (Айзилс, с. 108—110), как свидетельствует в своем сборнике:

«Девушки бегали к соседям красть дрова. Принесенные поленья считали: если число поленьев было парным, то суждено было выйти замуж, если непарным — не выйти замуж».

«В избу вносили курицу. Если та клювом становилась в сторону дверей — выйти замуж, если курица становилась хвостом к двери — остаться в девках».

Много было и других гаданий, которые известны и восточным славянам и латышам: растапливали воск, олово (старые пуговицы), сливали в холодную воду и по отраженной тени пытались выяснить, что полученная фигура предсказывает.

Широко известно и гадание у зеркала с зажженными свечами: кого в полночь увидит в зеркале, за того и замуж выйдет.

Подблюдные песни латышам неизвестны, поэтому здесь о них говорить не будем.

Большое мифологическое значение у всех трех народов приобрели ряженные, у латышей — *būdeļi*, *ķekatas*, *čigani*, в которых явно распознаются *veļi* — дяды, которые и на святки приходят к живым за угощением и одновременно с тем, чтобы повлиять на урожай, приплод скота, благополучие в семье.

Близость ряженных к велям-дядям указывают и сами песни, где эта дедова борода особо выделяется:

Budelīti, tētiņ, Tev gara bārdiņa
Dod manai meitiņai Istabu slaucēt²⁸.

²⁸ Архив латышского фольклора (далее АФ), 1595 (номер фонда), 586 (номер единицы хранения).

П. Шейн рассказывает о своеобразном обычае палить бороду «деду». Латыши вместо бороды палят сюртук:

Būdelim, tēvainim,
Liela skāde notikusi:
Aizkrāsnē sadegusi
Lecamie kamzoliši (АФ, 1595, 407).

На то, что ряженные представляют потустороннюю силу, имеющую власть и силу, свидетельствует такая восточнославянская песня:

Кого только уловлю, Отдам того журавлю.

Журавля изображали, переодеваясь в вывернутый кожан, в рукав которого продевали киселевку (большую мутовку, которой размешивали кипящий кисель) — это был клюв.

Рядом с журавлем популярнейшей маской был медведь (иногда вместе с вожатым), который показывал, как пьяная баба воду несет, как малые ребята горох крадут. О популярности медведя среди ряженных указывает и латышская традиция:

Danco lāci, danco lāci, Saiminiece maksās
(АФ 1378, 13; 1279, 8; 1311, 5118; 17, 8892).

Восточные славяне вместо медведя иногда заставляли плясать черта:

Чертенька, батенька, попляши
Добрых людей посмеши!

Для изображения черта изготавливались соответствующие маски с рогами и хвостом из шкуры животных.

Но особое значение в обеспечении плодородия, приплода скота, благополучия и среди восточнославянских и латышских ряженных приобретает коза как символ плодородия.

В этом отношении особенно показательна исключительно популярная среди белорусов песня:

[...] Дзе коза хвостом, Там жита кустом,
Дзе коза ногою, Там жита копою,
Дзе коза рогам, Там жито стогом. (Материалы, №№ 92—95)

Козе среди ряженных уделяется особое место и в латышских песнях:

Nākat, ļaudis, skatīties,
Kādi ērmi aizdurvē:
Brūna kaza, kara ragi
Visas četras kājas kaltas:
To varēs ik svētdienas
Puiši jāti baznīcā (33371 вар.).

В латышских песнях (так же как и в литовских) коза часто выступает в паре с волком:

Zimassvētku treis dīniņas
Darīsim oluteņu
Nyu ir laiki vilciņam
Kozu gyut duorziņā (59362);
Vilks ar kazu saderēja
Deviņāmi vasarāmi,
Vilks negaida treju dienu,
Krīt kazaji mugurā (Айзилс, с. 105).

Коза в латышских песнях выступает как вещное существо:

Balta kaza vēlējās
Avoteņa lejiņā,
Vai būs lietus,
Vai būs sniegs
Vai būs sausa
Vasariņa. (Айзилс, с. 105)

В заключение следует отметить широкое распространение славянского рефрена «Коляда» в латгальских латышских песнях в различных формах.

Второе заимствование — славянская «кутья» в латгальских песнях:

Kuča kaļadā, Rīteņa desa,
Rīteņa desa, Puscūkas galva! (33425);
Kuča kaļadā! Aitai pāres aveniņu (33455, 2).
Atej, munas mōseņas, Kučas dīnas vokaṛā:
Dūšu pupas, dūšu zērņus
Dūšu cyukas smecerīti (Drīzule, с. 73).

Веснянки

Приход весны символизируется у латышей и у восточных славян разными образами. У латышей «vasariņa zieme kāva» (АФ, 1668, 2876).

У восточных славян это добро приносит сизая галочка (Материалы, № 124), кума (Великоросс, № 1176), жаворонок (Прибалтика, № 1), пчелынька (Великоросс, № 1181).

У латышей добро приносит сама весна (АФ, 1341, 18700); отдувает ветер (32530).

Что это за добро, которое приносит весна? У латышей:

Lai zālīte zaļojas,
Lai kumeli barojas (32530).
Atnesīšu siltu laiku
Baltu rožu vainadziņu (АФ 1341, 18700).

Восточные славяне весну кличут на теплое лето, на густое жито, на яру пшеницу, на зелены конопли (Дарбениеце, с. 42).

Весна приходит с рожью зернистой, со пшеничкой золотой, с овсом кучерявым, с ячменем усатым (Дарбениеце, с. 43).

Широко распространенные у белорусов волочобные песни, в которых перечисляются все православные праздники, оставляющие видный след в сельском хозяйстве. Ничего подобного нет ни в русском, ни в латышском фольклоре.

Зато Юрьев день отразился если не в идентичных, то по крайней мере в близких по содержанию песнях. Если у восточных славян перечисляется прибытие и внешний вид Юрья, то в латышских сразу же говорится о его функциях:

Atjāj Jurgis vakarā
Sabruņotu kumeliņu;
Tas atnesa kokiem lapas,
Rudziem zaļu siltumiņu (АФ 929, 1588).

Разгулялся Юрьев конь, Разбил камень копытом,
Погоним Юрья в чисто поле (Дарбениеце, с. 12).

В латышских песнях Юрис предстает в весьма необычном виде:

Atjāj Jurgis vakara Sabruņotu kumeliņu (АФ, 929, 15858).

Почему «серебряный», «в латах»? Потому что он с той православной иконы, с которой православный священник обходил с молебном поля православных латышей в XIII—XIV вв. в Ерсике, Талаве, Кокнесе.

Одинаковы функции Юргиса, схожие в латышских и восточнославянских песнях.

Jurģitim jostu jozu,
Lai tas manas avis gana
Visu garu vasariņu (АФ 935, 22478).

Ты спаси нашу скотину
В поле и за полем (...)
От волка от хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого!

День Ивана Купалы — день летнего солнцестояния

Празднование Ивана Купалы зафиксировал уже стоглавый сбор (XVI в.):

«Русалии о Иоанне дни, сходятся мужи и жены и девицы на ночное плещевание и на бесчинный говор, и на плясание, и на скакание, и на богомерские дела, и бывает отрокам осквернение и девам растление, и егда ночь мимо ходит, тогда отходят к реке с великим кричанием аки беснии, умываются водою, и егда начнут заутреню звонити, тогда отходят в дома своя и падают аки мертвии от великого хлопотания»²⁹.

Отцы духовные свое дело свершили успешно. В сборнике П. Шейна «Великорос...» нет даже раздела «Песни и обряды Ивана Купалы». Забвению этого праздника во многом способствовало то обстоятельство, что день летнего солнцестояния падал на Петров пост, а сам христианский день поминовения Иоанна Крестителя был днем постным, поэтому большая часть песен и обрядов в русском фольклоре отнесена либо к Семику-Троице (завивание березки, плетение венков, «кумление»), часть к Петрову дню — празднику, которым завершается Петров пост.

Но вот у белорусов — и католиков, и православных день Ивана Купалы сохранился во всей своей первобытной красе, и не только в Латгалии, где в обрядах и даже в песнях ощущается не только близкая к латышским песням тематика, но даже отдельные мотивы и ритмика латышских народных песен. И не только в пародиях на латышские песни, которые сохранялись еще в воспоминаниях местных русских людей, например, в воспоминаниях рижского

купца Шутова, которые дважды — и в 70-е и в 90-е годы XIX в. печатались на страницах «Рижского вестника»³⁰.

Как и святки-Ziemassvētki, персонифицированный день Ивана Купалы — Jāņa diena к латышам и белорусам Латгалии либо приходит, либо приезжает на статном коне: Иван едет как жар горит. (Прибалтика, № 100 — из Литвы)

Латыши, как обычно, сообщают об этом факте куда детализированнее и конкретнее:

Jānītis jāja Jāņu naktī
Ābolainu kumeliņu
Ar sidraba lāsītēm,
Zeltītiem iemauktiem (Izlase, III, № 7270).

Жеребец Яниса в латышских песнях так высок, что даже шапка Яниса высоко виднеется над верхушкой леса (32904; 32905); на жеребце шелковый покров, золотое седло, серебряная упряжь (32906).

Такого коня у белорусского Ивана нет, зато его постоянно сопровождает Марья (белорусы даже знают лесной цветок Иван-да-Марья, в который превратились брат и сестра, совершившие смертный грех) и Купалка, у которой «уся яе голоука у злаце» (Материалы, № 240). Янис отдает свой золотой венец девушкам:

[...] Jānis pina zelta kroni
Jaunajām meitiņām (АФ, 1900, 2970).

В отличие от святок, когда солнце совершенно не упоминается, на Ивана Купала оно — в почете:

[...] Солнце играло: на жита урожай, на ярыцу умолот!
(Материалы, № 268)

[...] Солнышко, солнышко, рано усходишь
Солнышко, солнышко, рано усходишь, да играючи,
Солнышко, солнышко, играючи, Яна звеличаючи...
(Материалы, № 236)

Латышский эквивалент:

Jauka bija Jāņu diena
Par visām dienīņām

³⁰ Шутов С. И. Рассказы о прошлом в городе Риге // Рижский вестник. — 1870. — №№ 75—107; 1907, — №№ 207—282.

³ Стоглав. — Спб., 1863. — С. 141.

Līgo saule, līgo bite,
Līgo visa radībiņa (АФ, 1640, 575).
Rotājies tu, saulīte,
Tu rotāji, es rotāju
Tu rotāji zelta rotās,
Es jauno arājiņu (54285).

Примечательно, что иванокупальские праздники представляют нам целое сонмище мифологических субъектов — образов. Это не только белорусские Иван Купала, Марья и Купалка. В песнях упоминаются сыновья и дочери Ивана, Jāniša:

— Купалочка, где твоя дочка?
— А у городзе ячмень полет, красачки рве
Дзевочкам даець вяночки усць (Материалы, № 236)

или:

[...] Рожи полиць, руки колець
Цвиточки рвець Вяночки вьець (Материалы, № 235).

Сын «святого Яна», которого сам Ян собирается женить, даже назван по имени — Ефим (Материалы, № 230, Сахаров, №№ 38, 39).

И в латышских песнях упоминается сын Яниса, который только родившийся, сразу пошел пасти скот (32991). Кроме сына у латышского Яниса две дочери: Lielākā zeltu nesa, Mazākā sudrabiņu (32992).

В латышских песнях упоминается также жена Яниса, плетущая венки (АФ, 1773, 10614), и в таком же контексте мать Яниса (АФ, 1341, 20106).

Что касается «матери» и «отца» Яниса, то в латышских песнях этими наименованиями обычно обозначаются хозяин и хозяйка усадьбы (хозяин особенно в тех случаях, если он носит имя Яниса, что очень часто у латышей); к нему приходят Jāņa bērni (дети Яниса), которые в день летнего солнцестояния заменяют святочных ряженых. Они теперь без масок, но их характерная принадлежность — собранные по дороге травы и цветы, которые все имеют магическую целебную силу. Об этом свидетельствует латышская песня:

Visa bija Jāņu zāle,
Ko plūc Jāņu vakarā:
Papardiņa, maraniņa,
Ir baltais āboliņš (АФ, 1835, 2005).

И в латышских, и белорусских песнях, так же как в святочных, и в иванокупальских выясняется, где пребывал виновник праздничного торжества до своего появления у ивановских огней.

Одна белорусская песня из Лепельского уезда (Материалы, № 229) примечательна тем, что буквально напоминает латышскую песню о козликe (кстати, в белорусском фольклоре с домашним животным, в отличие от латышских песен не зафиксированную):

— Гдзе ты была Купаленька? Купала на Ивана!
— У сяле была Иваничка!
— Гдзе жь ты сядзела, Купаленька?
— А у запечку, на припечку, Иваничка!
— Што жь ты ела, Купаленька?
— Ела траву пометную, Иваничка.
— Што жь ты пила, Купаленька.
— Пила воду болотную, Иваничка.
— Гдзе жь ты, Купаленька? — У саде была, Иваничка.
— Гдзе жь ты сядзела, Купаленька? — На покуце, на золоце.
— Што жь ты ела, Купаленька? — Ела кашу рызовую, Иваничка.
— Што жь ты пила, Купаленька? — Пила мед вино зеленое.

В сборнике Сахарова (№ 47) Купалье «У чыстым полі гуляла — Татку з мамкай шукала». В том же сборнике (№ 48): «За ракой расло. — “А што рабіла?” — Красавалася».

В сборнике П. Шейна (Материалы, № 232) Купала «пребывала» — «у Кузьмы на дворочку»; в песне под № 235 — «ночевала ночку у широким борочку»: где «вячырила рыбку з перцем, з щирым сердцем, а варэнички с чэрным маком».

В латышских песнях заботятся не о том, откуда Янис пришел, а где его спать положить:

Ai Jānīti, Dieva dēls,
Kur mēs tevi guldīsim?
Klētspriekšā, paberzē,
Sudrabiņa šūpulī (32958, 1).

Другой вариант связан с исчезновением Яниса.

Sak' Jānīti pazudušu, Mēs Jānīti atradām
Mēs Jānīti atradām, Papartišu krūmiņā (32964).

Латыши решают эту поэтическую проблему менее реалистически, не так, как во время зимнего солнцестояния.

Восточнославянское название Иван Купала указывает на связь праздника с водной стихией:

Купала на Ивана! Купался Иван,
Да в воду упал. Купала на Ивана! (Дарбениеце, с. 16)
Jānīts kļiedza, Jānīts brēsa
Dziļas upes dibenā (Дарбениеце, с. 15).

Тема «созывание девок на праздники» широко используется и в белорусских и в латышских песнях.

В этих приглашениях на праздник латыши излагают всю программу:

Pūt, Jānīti, vara tauri
Paša Jāņa vakarā,
Lai sanāca Jāņu bērni,
Lai dziedāja Jāņu dziesmas.
Lai atnesa Jāņu zāles,
Lai iedzēra Jāņu alu,
Lai uzkoda Jāņu sieru,
Lai atnesa darvas mucu,
Lai darija vainadziņu,
Lai gaidīja Jāņa rītu
Kā saulīte rotājuse (АФ, 929, 55901).

Восточные славяне Латгалии поют:

Ходзіць Ян на вуліцы,
Завець дзяўчат у купальню.
— Пойдзем, дзеўкі, у купальню... (Сахаров, № 36, 2)

И в восточнославянских, и в латышских песнях четко обозначается причина организации таких праздников:

Гдзе Ян і Марыя хадзілі — на гары купальна,
Гдзе Марыя хадзіла, там жыта радзіла,
Гдзе Ян купаўся, там беражок зыбаўся (Сахаров, № 49).

Латыши просят Яниса обскакать льняные поля:

[...] Lai man labi linī aug
Līdz tavam kumeļam (Дарбениеце, с. 174).
[...] Пойдем-ка Иван! В нашем жите
Сам бог ходит! (Дарбениеце, с. 175)
Jānītis manas govīs gana
Visu sauru vasariņu (АФ, 1654, 6219).
Ходит Янис по полю, лиго, лиго,
Зовет девок на купалу, лиго.

Девки, бабы на купалу, лиго,
Кто поде на купалу, лиго,
Тот береза кудрявая, лиго,
Кто неезде на купалу, лиго,
Тот колода дубовая, лиго.

Единственная публикация этой песни — в романе Адольфа Эрса «Zemes balsis»³¹.

Но обычно колодой ругают хозяйку, которая не выходит угостить līgotājus (поющих лиго, славящих лиго):

Хто ня выходзиць на купалю —
Нихай ляжиць калодою, калодою дубовою.
А яго дзетки цільнучкамі
Цільнучкамі ольховымі
Корикавкамі яловымі (Материалы, № 213).

Ляжы, ляжы, як колода!
Твае дзеці — ак мядзьведзі! (Сахаров, № 37)

Ляжы, ляжы, калода!
Ляжы, ляжы, дубова!
Кару дзяры, хату крый
А сучча дзяры і печ тапі (Сахаров, № 42).

Латышские аналоги:

Liela, resna Jāņa māte
Guļ kā rumba istabā,
Guļ kā rumba istabā
Uz smalkiem palagiem (АФ, 1995, 779).
[...] Kad atnāca līgotāji, Guļ kā rumba istabā.

Обычно такое порицание заслуживает Jāņu māte, хозяйка, либо сама съевшая иванов сыр (АФ, 1600, 17925), либо не вышедшая к детям Яниса, пришедшим пожелать ей и хозяину всякого благополучия.

Jāņa tēvs, Jāņa māte как хозяева праздника, зажигающие у латышей праздничный огонь, а самое главное — организующие угощение в виде обязательного Иванова сыра и Иванова пива для детей Ивана, заменяющих в летнее солнцестояние зимнесвяточных ряженых — обязательный образ и латышских и белорусских песен.

Со стороны детей Яна звучат пожелания, аналогичные святочным:

³¹ Erss A. Zemes balsis. II. — Rīga: Gulbis, 1940. — 18. lpp.

Dievs dod mūsu Jāņa tēvam
Kuplu kuplu vasariņu
Kartupeļus tā kā kāļus
Kāļus rata lielumā (АФ, 1955, 787).

Белорусы завивают Ивановы венки

На годы добрые, на жито густое,
На ячмень колосистый, на овес серебристый,
На гречиху черную, на капусту белую (Материалы, № 178).

Угощение сыром и пивом — одно из существеннейших составных частей празднования Иванова дня (как пирогами на святках) у латышей и в какой-то мере у белорусов. Русские православные люди, которые пост считают чуть ли не самой главной составной частью религии — от сыра и пива воздерживаются (староверы вообще пива не пьют и даже хмель в своем хозяйстве не выращивают).

В белорусских песнях:

А на Яна — ночка мала, я малада не даспала.
Кароў ў поля выганяла, сыры, масла сабірала.
Купальніцу пераймала, купальніцу трахавала (Сахаров, № 50).

В других песнях хозяйку приглашают выйти «з большим сырам, з малым сынам» (Сахаров, № 37).

Только в одной белорусской песне рядом с сыром «гарэлочка»:

Не глядзі крыва, прынясі сыра!
И гарэлачкі у бутэлічкі,
И закусачкі на талерачкі (Сахаров, № 42).

И в одной песне — пиво:

Выйдзі, выйдзі, гаспадынька,
З белым сыром, з малым сыном.
Ні хадзі рабром, нясі піва вядром!
Ты, хазяйка, ні хавайся —
Сыра, масла пастарайся!
Ты, хазяін, ні лянісь —
Каля бочкі паварнісь! (Сахаров, № 46)

Одна из наиболее популярных тем латышских ивановских песен — пробование сыра и пива:

Jānīts nāca pa gadskārta
Savus bērņus apraudzīt,
Gan tie ēda, gan tie dzēra,
Gan Jānīti daudzināja,
Sēja sierus, taisa alu,
Kāva raibus siventņus (АФ, 279, 3075).

Иногда в песнях звучит угроза:

[...] Ja nedosi siera piena
Nepuškošu citu gadu (АФ, 1650, 2140).
[...] Ja tu sieru man nedosi,
Lai stāv govīs laidarā (АФ, 1961, 15).

Важная тема иванокупальских песен и у латышей, и у белорусов — собирание цветов и трав, плетение венков и гадание по ним. Как уже отмечалось выше, у русских эти действия связаны с Семиком-Троицей.

А на Яна ночка мала,
Я усю ночаньку ня спала,
Рожны зёлкі збірала,
А миламу — даравала. (Сахаров, № 50, 2)

На святого Ивана Дзеуки зелки збирали,
И зелачик ни знали, Да й до цара послали,
А цар зелак ни спазнау До короля обослау,
Гэта зелля купалля: Дзевоцкая умывання,
Дзецюцкая кохання (Материалы, № 227).

В латгальских белорусских песнях девушки обращаются с аналогичным вопросом к матери:

— Скажы, скажы, мамухна
Што ета за зельле,
Траякае карэньне? (Сахаров, № 51, 51a)

Латышские песни, как обычно, разностороннее, конкретнее. Латышская девушка также обращается к матери за разъяснением относительно ивановых трав:

Ak, pasaki, Jāņa mâte,
Kāda bija Jāņa zāle?
— Zilgalvītes, rēpējumi,
Buldurītes pa staprām (32366).

Dievkociņi, bišķrēsliņi
Jaunu meitu Jāņu zāles;
Puišiem oši, puišiem kļavi,
Puišiem zaļi ozoliņi (32366).

Особое внимание в латышских песнях уделяется папоротнику. В восточнославянских и латышских поверьях папоротник занимает выдающееся место. Он цветет только раз в году, именно в Иванову ночь. Кто сорвет цветок папоротника, тому открываются все клады, но чтобы их получить, надо принести нечистым духам, берегущим клад, жертвы, определенное количество человеческих голов, которые людьми смышленными заменяются куриными или овечьими. Обычно открытые клады счастья не приносят, как об этом повествует Гоголь в рассказе «Ночь на Ивана Купала». Однако, в песнях папоротник можем найти только у латышей, причем в большом количестве вариантов.

Visas puķes noziedēja,
Papardīte vien nezied,
Tā dziedēja Jāņa naktī
Zelta miglu miglodama (32414).

Из собранных Ивановых цветов плетут венки — одно из главных действий Иванова дня. Восточные славяне бросают венки в водоемы и наблюдают, какие венки сходятся, какие — нет. Латыши венками не только украшаются сами, но украшают и коров, пригоняя домой.

В песнях упоминается плетение венков:

Хадзица дзевочки у лес гуляци,
Зяленых вяночкоу завиваци.
А мы ужо вяночки завили
И горэлочку попили (Материалы, № 178).

Пойдзем дзевочки Во луга лужочки
Завиваць веночки. Мы завьем веночки
На годы добрые, На жито густое,
На ячмень колосистый, На овес респетый,
На гречиху черную, На капусту белую (Материалы, № 178).

Латышские эквиваленты:

Es nopirku vainadziņu
Visādām lapiņām;
Ziedēj mans vainadziņš
Visādiem ziediņiem (32327).

Es nopinu Jāņu naktī
Rudzu puķu vainadziņu
Gribēdama tīru vīru,
Tīru rudzu maizi ēst (53260).

Гадание на венках о женитьбе отыскано только в латышских песнях:

Metat meitas, Jāņu naktī,
Upē savus vainadziņus,
Kam ar straumi aizpeldēja
Vedīs tautas šoruden;
Kam nogrima dībenāji,
Tai bez vīra nodzīvot (АФ, 353, 7031).

Специфика русских троических песен — завивание березок и «кумление»: через завитую березку девушки с парнями целуются, называя друг друга кумом и кумой.

[...] Что ни кум со кумою, Со кумою сокупилися,
Что не молодец с девицей Три года водилися (Фридрих, № 43).

Иванокупальский огонь занимает не менее важное место в обрядах и песнях и белорусов и латышей и, как известно из памятников древней литературы, — и русских.

В белорусских немногочисленных песнях огонь не пользуется такой популярностью, как у латышей:

[...] А у цемным леси огонь горыць,
Кылы огня Купалка сядзиць,
Купалка сядзиць и у голос плачець:
— Ох, ни мала мне ясного соунинька
Тут досиць мне усяго, усяго
И плачу я того, што мене людзи ни так пिरаймаюць,
Только то й робят Што огни раскладаюць (Материалы, № 224).

В латышских песнях Ивановские огни представлены во всем многообразии:

Aizdedziet darvas mucu,
Modiniet Jānā bērņus,
Lai taurēja vara taures,
Lai dziedāja Jāņu dziesmas (АФ, 1174, 592).

В мифологическом аспекте важно отметить одну из главных тем Ивановских песен и обрядов — борьбу с самой различной нечистью:

[...] Няйдзи ведзьма у мае жыто:
Забью ведзьму кочаргою, Спалю ведзьму голоунею
(Материалы, № 268).

Ни ходзи ведьма у наша житы,
Ни ходзи, а то будзишь бита,
Ци одрезауши волосья набьем,
Ци дубьем соусим забьем (Материалы, № 211).

Купальской ночи Выкалим ведьмы очи,
Каб в ночи не ходыла, Каб росы не збирала,
Каб в печи не тушила, Каб в жернах не малола,
Каб каши не варила, Каб дзецей не кормила,
Каб ведзьмят не плодила (Материалы, № 212).

В этом контексте примечательны белорусские песни, опубликованные Яном Чечотом еще в 1846 г., где борьба с нечистой представлена весьма необычно, где на помощь Купалке приходят другие духи из числа христианских святых — Илья и Петр:

Звала Купалка Иллю на игрища:
Ходзи Милица ко мне на игрища,
— Ни маю часу, Купалачка:
Гэту усю ночку мне нада неспаци,
Надо не спаци, жита пильноваци!
Каб змяя залому ни ламала,
У жице корення не копала,
У короу молоки ни одбирала,
— Одбяры, Божа, тому ручки, ножки,
Ручки, ножки, со лба вочки (Материалы, № 231).

Латышские соответствия:

Iestādiju ērkšķu krūmu,
Savē govju laidārē;
Jāņa nakti ragan mātes
Pulcēties pulcejš. (32469)
Nem, Jānīti, melnu xirgu,
Apjāj kūti, laidārzeņu,
Lai ne skauģi, ne raganas
Nebur manus govis vēršus. (32485, var.)

К этой деятельности призывается также сосед Ивана Петр:

Сонейка, Сонейка, Ян с Петром ходзець,
Сонейка, Сонейка, да по межам ходзець,
Сонейка, Сонейка, да жита гледаець.
Сонейка, Сонейка, да идучы говорили:
Сонейка, Сонейка, усе жыто доброе,
Сонейка, Сонейка, Юрасово еще лепшое,
Сонейка, Сонейка, Габрусево еще najlepшое,
Сонейка, Сонейка, у трубу уецце,
Сонейка, Сонейка, Габрусева у отрыты кладзецца
(Материалы, № 233).

Латышские аналоги:

Jānītis dzina Pēterīti
Pa šauriem vārtniem,
Pēterītis Jēkaupiņu,
Pa to rudzu tīrumiņu (33051).
Boguōts, boguōts
Juoneits beja,
Vel boguotuoks
Pītereņš!
Juoneits nesa
Sīku kuli,
Pīters zuoļu vazumeņu.
Jākubeņš vel boguotuoks,
Tys vad maizis vazumeņu (33032).

Осенние праздники. Зажинки. Дожинки

Одним из первых прусских божеств, с которыми познакомились немецкие завоеватели, был *surhe*, дух плодородия, который прятался в последнем снопе, сжатом на дожинках. А именно с этим божеством завоеватели встретились впервые потому, что строго наблюдали, чтобы своевременно была сдана десятинная всего урожая. Под ланцетом исследователей прусское божество оказалось ближайшим родственником западнославянского курек (петух), который, кстати, был заимствован и соседними немцами-колонизаторами.

Славянские наименования зажинки и дожинки были хорошо известны уже в XVI—XVII в. из трудов Малецкого, Стройковского, Ласицкого, причем эти славянские названия выдавались за балтийские.

И в более поздние времена зажиночно-дожиночные обряды и песни с ярко выраженным магическим содержанием — пожеланием довольства и благосостояния тому, к кому трудовые люди, убирающие урожай, благоволят, кто поит гарелкой, и проклятием тому, кто заставляет изнемогать на работе — широко представлены и в белорусских, и в латышских традициях.

Правда, зажиночно-обжиночный дух — Jumis — присутствует только в латышских песнях. Jumis-Jumaliņa — это двойчатка, два колоса на одном стебле, два ореха, сросшиеся вместе, любой другой сдвоенный плод. У восточных славян это спорыш, раек, однако он далеко не так распространен и популярен. Обычно обходятся различными описательными синонимами: «ядраны жыта», «нивка», «жыта», «раек».

Так же как и в других календарных обрядах и песнях, и в этом разделе идентичными являются обряды, которые, следовательно, восходят к балто-славянской языковой и мифологической общности, в то время как песенные мотивы и образы довольно существенно расходятся, что свидетельствует о том, что они — более поздние формирования, возникшие уже на специфически кривичской и латгальской почве.

Обзор сходного песенного содержания можно начать с того, что уже сам созревший урожай дает о себе знать:

Што молвіло ядраное жыта
На полі стаючы:
— Я ні магу на полі стаяці... (Сахаров, № 122)

Сходные песни — у Шейна (Материалы, № 330).
У латышей:

Jumīts kļiedza, Jumīts brēce.
Tīrumiņa galinā.
Atsaucese Jumaliņa
Arodiņa dibenā (28532).

Сходное содержание — прославление своих жнецов:

[...] Жнеи молодые, Серпы золотые
Нива даловая, постаць широкая (Великоросс, № 1269).

В белорусских песнях прибавляется еще порицание соседей:

У суседа жнейки — старыя,
У их сярпы — ломаныя,

Яна на месяцу жалі
Свае сярпы паламалі (Материалы, № 109).

В латышских песнях подобное противопоставление звучит весьма неубедительно:

Mēs savu rudzīšu
Apkūlas dzerām;
Ciemīņi savus rudzus
Kā suni nosīta (28823).

Широко развернута и в белорусских и в латышских песнях тема тяжелого, изнурительного труда на поле при уборке урожая:

Ніўка, ніўка, аддай маю сілку
На другую ніўку!
Як я цябе жала-пажынала —
Сілку пацэрала!
Поля, поля, аддай маю волю
На другое поля! (Сахаров, № 97)

У русских Литвы:

Ніўка, ніўка, я тебя жала, Жала, не лежала
Снопы повязала, копны посчитала.
Нивка, нивка, дай мне силку на другую нивку (Прибалтика, № 3).

У латышей:

Pikusu, mīžus pļaudams
I vuorpeņas lasēdams;
Jau ruden atsapyušu
Bikerēti guozēdams (50483).

Но в песнях звучит и более горькая жалоба на изнурительный труд:

Маё жыта — рэдзінька,
Баліць мая сярэдзінка.
Не з кім стаці жыта жаці... (Сахаров, №№ 94, 95)

Латышский аналог:

Rudzu pļuoja, rudzu pļuoja,
Sauļa svīdrus tacynuo,
Sauļa svīdrus tacynuo,
Jumaleņis gaideidama (50265).

Именно в этих песнях звучит обращение к солнышку за помощью:

Солнышко, солнышко, катись поскорее,
Ты, верно, на пригоне не было,
Пригону не знаешь.

Это как бы переложение с латышского «Saulīt tecēt tecēdama, es paliku ravēni».

В песнях, опубликованных Шейном, солнце отвечает жнецам:

— Коли да мая воля, Вы б были дауно дома (Материалы, № 280).

И в латышских и в белорусских песнях звучит проклятие панам, заставляющим так много и так тяжело работать: «Dievs dod mūsu kundziņam Turpu gāru vazaties».

У белорусов картина, как обычно, более развернутая:

Бодай пану у дворе страшно.
Як нам в поле солнце зашло!
Солнце зашло, ще мы жнемы,
За месяцем снопы носимо (...)
Бодай пана не ховали,
Щоб собаки разорвали!
Паховали при долины,
Щоб по пану воуки выли.
Бодай пана громы убили,
Як мы ручки потомили (Материалы, № 282).

Такие песни напоминают нам о барщинных временах, оставивших печальные воспоминания.

В других песнях, относящихся к водворению последнего снопа-спорыша или Юмиса в доме хозяев, звучат более миролюбивые темы. Это прежде всего — обещание за работу гарэлки:

— Жнеце, жнеце, мае мілы жнейкі! —
Прынясу гарэлкі чатыры бутэльні (Сахаров, №№ 93, 102).

Сходные песни у Шейна (Материалы, № 253).

Латышский эквивалент:

Pļāuniet, mani pļavejiņi –
Kaušu āzi vakarā.
Nebisties tu, āzīti,
Es pļavejiem pameloju (Виляны).

Уникальным явлением белорусских песен можно считать появление ангелов, которые «нам помогали снопы носить», а теперь

Господа Бога просяць: «Зароди ж, Господзи, жито
На пришлое лето, Да с исподу ужиниста,
А зверху колосиста, А на току умолоутна,
А у дзежи дыхаходна...» (Материалы, № 321)

В латышских песнях ничего подобного нет: там достаточно Юмиса и Юмалины, которые в песнях упоминаются весьма часто.

В латышских песнях, совсем как в описании обычаев балтийских племен XVI—XVII вв., ограничиваются произношением пожелания при ритуальном отптии положенного глотка пива и соответственного выплескивания под стол или в угол для духов — подателей благополучия:

Dzeriet, brāļi kausiem alu,
Lai aug munis rudzu mieži,
Lai aug munis rudzi mieži,
Baltajās smiltiņās (28806).

И в этом случае латыши не обходятся без Юмиса:

Cep, māmiņa, kviešu maizi,
Dari saldu alutiņu,
Nu sanāca tavi bērni
Rudzu Jumi saņēmuši (28559).

Белорус за благосостоянием на следующий год обращается к Богу, латыш — к Юмису, матери Юмиса:

Радзи, Божа, жыта, Жыта и пшаницу
И усякую ярыцу: У поли копами,
А у гумне стогами, У клечи коробами,
А у печи пирогами (Материалы, № 331).

Ej, jumīti, nu uz lauku,
Garu ziemu izgulējs,
Sāci jaunu vasariņu,
Svētī mūsu labībiņu (28524).

Jumīšam kreklū devu,
Jumja mātei paladziņu,
Lai tas man šito gadu
Garus linus audzināja (28530).

Следовательно, культ Юмиса распространяется и на выращивание льна.

Юмиса латыши изображают с пучком колосьев в руках:

Jumīts nāca, Jumīts nāca,
Vārpu kušķis rociņā,
Vārpu kušķis rociņā,
Vainadziņš galviņā (50243).

Юмис выезжает на шести лошадях:

Kur tu brauci, rudzu Jumi, seši bēri kumeliņi? (28544)

У него шпоры:

Jumīts piešus kaldināja Tīrumā uz akmeņa (28534).

Русские и белорусы свой раек называют только по имени, более подробно его не характеризую (Сахаров, № 105).

Белорусский спорыш называется разными именами. В разделе о спорыше в песне № 366 (в белорусских песнях Шейна) речь идет о Боге как подателе всяких благ:

Ходзил Бог по полю, Пацерял корону.
Ваини жнитки жали, Корону подняли,
Корону подняли, Хозяину на руки подали.
Судзил Бог пожаци, Судзи, Боже, спозываци.
У корысци, у радосци И у добрам здоровьи.
Дай же, Боже, у гумне стогам, У дзежи подходом
А у печи ростом, За столом сыцью
Судзи, Боже, осени дождаци, Дочерей замуж отдаци,
Сынов поженици, Пива наварици. И нам погуляци
(Белорусские, № 366).

Во время «завивания бороды» поется песня, в которой главное действующее лицо — Козел, по пояснению Шейна — «душа нивы» в последнем снопу:

Ишоу козел по мяже Дзивицца бородзе:
«Бородонька, борода! Уся дзегчим улита,
Бяростыньку оббирай! Аудотанька, ня ляжи,
Бяростаньку оближи. Ишоу козел по мяже
Дзивицца бородзе: «Чья ж гэта борода,
Уся медом облита, Чорным шоуком обвита?
— Любушенька, ни гуляй, Черный шоук одмотай!

Любушенька, ня лежи, Бородоньку оближи.
Да я жала, не лежала, До вечера сноп дожала.
Я думала, зажалася. Одна в степи осталася.
Я думала, пирог дадут. Аж на меня с козой ведут».

(Материалы, № 298)

При обработке льна и прядении соблюдаются также различные обряды, в белорусских песнях персонифицируется кужалечык, но до ранга духа, божества ни одна персонификация не поднимается.

IV. КИЕВСКИЙ ОЛИМП КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВОВИЧА

В отличие от «полного» описания балтийского Олимпа, в трудах польских и немецких хронистов достоверные сведения о латышской мифологии появляются лишь в XVII в. в трудах Эйнгорна, а своего апогея достигают лишь в XVIII в. в перечнях Ланге, Стендера, и в XIX в. в книгах Меркелеса и статьях Юриса Алуна, свидетели о восточнославянских богах в Киеве были, возможно, современниками самого создания владимирского заповедника и скорой его ликвидации. В начальной русской летописи читаем: «И нача кнѣзжити Володимир в Києве един, и постави кумиры на хълме, вѣне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сѣребряну, а усь златъ и Хърса и Дажьбога и Стрибога и Съмарыгла и Мокошь и жъряху имъ, наричюше я богы».

Следует отметить, что на холме не было ни Велеса (его кумир стоял на Подоле, ему приносили жертвы торговые и ремесленные люди, хлебоборобы и смерды), ни Сварога, ни Сварожича, упоминавшихся в других памятниках древнерусской литературы, ни Ярилы, Коляды, Купалы, известных нам из народного творчества.

Из всего этого многоименного перечня в латышском Олимпе прочное место занимает балтийский Перкунас-Перконс, единственный балтийский бог, упомянутый уже в рифмованной хронике (как литовский бог) и в Волынской летописи в XIII в. Соответствие его древнеиндийскому Parjanya (бог; громовая туча) и другим индоевропейским громовержцам не оставляет сомнений в его подлинности. На идентичность восточнославянского и балтийского бога указали уже восточнославянские летописцы: «Перкунас, си есть Перунъ» (Густынская летопись), «Перкоунови рекше грому» (хроника Иоанна Малалы). Идентичность обоих подтвердил Ломоносов.

Важное свидетельство подлинной божественности Перуна — клятва Игоря при заключении мирных договоров с византийцами, отмеченных в летописи под 907, 945, 971 и 980 годами. О популярности бога свидетельствуют топонимы как в восточно-, так и в западнославянском и южнославянском мире, и особенно у балтов (латышей и литовцев).

Отражением «основного» индоевропейского мифа, как уже отмечалось в разделе о Велесе-Велне В. Иванов и В. Топоров считают широко распространенные среди восточных славян и балтов предания (отразившиеся даже в детских играх) о вечном противостоянии двух антиподов Перуна-Перкона и Велеса-Велна, о чем было уже рассказано.

Перконс принимает самое активное участие (вместе с Диевом и Лаймой) в небесной свадьбе, которая по признанию авторитетных мифологов восходит также к периоду индоевропейской общности. Месяц (*mēnesis*) сватается, женится на Солнце (*Saule* в латышском языке женского рода) или на Зорьке (*Austra*). Иногда небесные светила женского рода выступают как соперницы. В свадьбе участвуют Диевс, Лайма, Перконс. Последний своим громом и молнией наказывает провинившихся. Появляются *Dieva dēli* (сыновья Бога) и *Saules meitas* (дочери Солнца), которые также вступают в брачные отношения. Латышские песни о небесной свадьбе привлекли внимание уже в середине XIX в., когда известный исследователь балтийской мифологии Мангардт перевел эти песни на немецкий язык, а вскоре Янис Спрогис и Фрицис Бривземниекс опубликовали их латышские тексты с русским переводом. Русский фольклорист и мифолог Афанасьев, в свое время сотрудничавший с Мангардтом, попытался по образцу латышского мифа восстановить (по песням, заговорам, преданиям, сказкам) и русский аналогичный миф о небесной свадьбе, но потерпел неудачу в связи с отличиями рода — пола небесных светил-богов в латышском и русском языках. Если *mēness* — месяц мужского рода, то женского рода только латышская *Saule*, в то время как Солнце — среднего рода, а попытки превратить Солнце в Царя Солнце, а Месяц в Луну оказались не совсем убедительными.

На различие индоевропейских названий Солнца в роде внимание обратили уже создатели современной науки мифологии — братья Гримм, указав на то, что род Солнца как божества зависит от тех климатических условий, в которых оно выступает. Жаркое южное солнце, все уничтожающее — мужского рода, мягкое, неж-

ное, согревающее северных стран (а такое оно у латышей, эстонцев, ливов, финнов) — женского рода. Что же делать со средним родом русского Солнца? Ничего другого не оставалось, как исключить его из списка мифологических существ, оставив его только как явление природы, а для мифологического названия божества солнца либо создать специальное название (или взять из региональных наименований) Дажьбога (бог податель всего) или из зарубежья. К последним, очевидно, принадлежит и хърс — из Херс (из еврейского при посредстве хозар).

Возможно (так по крайней мере предполагал один из старейших славянских мифологов чех Любомир Нидерле), и другие владимирские боги также заимствованы от соседей, хотя уже авторы древнерусской письменности пытались определить их специфические функции: Стрибог — бог ветров, Сварог — бог чистого, ясного неба, Сварожич — бог огня, Мокошь — дух, связанный с влагой, водоемом, колодцем.

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

БЫЛИНЫ

Русские заслуженно гордятся своими былинами, по культурно-историческим и художественным ценностям не уступающим ни гомеровским эпосам, ни германской Песне о Нибелунгах, ни скандинавской Эдде, ни финской Калевале.

Первые соприкосновения русских литераторов с латышской культурой сразу же породили вопрос: „Почему же у латышей, обладающих таким изобилием песен, нет ничего подобного русским былинам?” Впервые этот вопрос поставил Александр Бестужев-Марлинский в своем очерке „Путешествие в Ревель”, перечислив всех героев — ливского, куршского и земгальского племени, так храбро в XIII веке защищавших и свою независимость и своих подданных от произвола немецких крестоносцев.

К этому вопросу в 60—70 годы возвращаются первые фольклористы-латыши и их русские друзья и единомышленники. Янис Спрогис, издатель сборника латышских народных песен в Вильне в 1868 г., объяснял отсутствие латышского героического эпоса тем обстоятельством, что в XIII—XVI веках латышские крестьяне, жестоко притесняемые рыцарями „потеряли всякое понятие о свободе и личном своем гражданском достоинстве”. Это обстоятельство никак не способствовало бытованию эпических песен о героях, передаче произведений этого жанра из поколения в поколение¹. Однокашник Я. Спрогиса и по Рижской духовной семинарии и по Петербургской Духовной Академии, сын Либавского диакона Н. Соколов, увлеченный также собиранием латышского фольклора, однако полагал, что причина —

в отсутствии государственности, социальной и национальной разобщенности, несформировавшемся историческом самосознании².

Собиратель и издатель материалов латышского фольклора Фр. Бривземниекс³ видел причину рассматриваемого явления в том, что первым делом завоевателей было уничтожение латышских бардов, воспевавших бесстрашие и героизм латышей, защищавших свою свободу. Вместе с бардами погибли и латышские героические песни.

Если в записях латышского фольклора нет своего собственного героического эпоса, это отнюдь не означает, что им чуждо содержание русских былин. О героях русских былин латыши знают прежде всего по пьесе Райниса „Илья Муромец”, ставившейся и в 30-е, и в 60-е гг. XX в. на сценах латышских театров. Пьеса построена так, что каждое из пяти действий покоится на былинах Киевского цикла: чудесное исцеление Ильи, Илья и Соловей Разбойник, пир у Владимира (здесь представляются чуть ли не все богатыри Киевского цикла, в том числе и заезжие с их характеристикой), Идолице поганое, ссора Ильи с Владимиром, битва Ильи с Сокольников (его сыном). Примечательно последнее действие пьесы — построенное Райнисом на основании научного предисловия к былинам, написанного издателем книги, бывшей в руках Райниса — известным фольклористом Авенариусом. Именно из этого предисловия Райнис узнал, что часто упоминаемое в былинах Латырь-море — это море Балтийское, а латырь-камень — янтарь. Поэтому описание декораций последнего действия соответствует природе нижнего течения Даугавы. В пьесе не прозвучало, но в заметках Райнис недвусмысленно отмечает: окаменевшие русские богатыри — это Стабурагс⁴.

Но латыши знакомы с русскими богатырями и по устным передачам носителей прозаического фольклора. Об Илье Муромце в архиве латышского фольклора хранится 12 записей, сделанных в Бауском, Екабпилсском, Кулдигском, Лиепайском, Рижском, Даугавпилсском и Резекненском районах. В 15-томном сборнике П. Шмита⁵ опубликована сказка об Эльяше, который „сиднем си-

² Письмо Н. Соколова Я Спрогису 14 сентября 1866 года. — Рукописное отделение библиотеки Вильнюсского университета, фонд Я. Спрогиса.

³ Бривземниекс Ф. О латышских народных песнях // Современная летопись (приложение к Московским Ведомостям). — 1869. — № 14.

⁴ Losevs A. Varoņdziesma par Ilju Muromieti literatūras kursā // Tautas mutvārdu daiļrade skolā. — Rīga: Zvaigzne, 1985. — 96.—111. lpp.

⁵ Šmits P. Latviešu pasakas un teikas. — Rīga: Valters un Rapa, 1932. — VIII s. — 490. lpp. (далее: Шмит).

¹ Спрогис Я. О латышском народном творчестве // Виленский вестник. — 1868. — № 218.

дел на печке” и в отсутствие родителей принял старичка, оказавшегося Богом (Dievs). Старичок троекратно просит увечного дать попить. И каждый раз дает попить Эльяшу. И каждый раз тому прибавляется силы. Он мог бы землю перевернуть. Старичок велит ему выпить еще кружку. Тогда сила нормализуется.

В каталоге латышских сказок Арайса–Медне⁶ такие сказки помечены 650 номером. Кроме имени Ильи Муромца здесь отмечены имена Еруслана Лазаревича, Алеши Поповича, Василия Буслаева, Самсона.

Более подробное изучение этих текстов — задача будущего.

Как уже говорилось, на пиру князя Владимира присутствуют богатыри самых разных и западноевропейских, и скандинавских, и восточных стран.

Соловей Будимирович приезжает из-за моря Виранского, от славного города Леденца. По разысканиям В. Келтуялы⁷ Вирандское море — левобережье реки Нарвы от озера Пейпуса до Финского залива, Леденец — древний эстонский замок Линданисса, на месте которого впоследствии построен Ревель-Таллинн.

Литва „поганная” — постоянно встречаемая в былинах для обозначения самых разных врагов киевских богатырей. Это не бранное слово, а синоним — „языческого”. Как известно, в Литве христианство введено лишь в XV в. (когда предположительно складывался и основной комплекс былин киевского цикла).

Значительное место в русских былинах представляет третья балтийская народность, называвшаяся в русских летописях латыголой или латыгорой. Могучая поляница (женщина-богатырь) этого народа, она же и королева Латыгорка (в былинах М. Крюковой⁸ — Латынгорка), побеждающая даже самого Илью Муромца, потом хитростью побежденная им.

Приводим несколько фрагментов из былины М. Крюковой „Илья Муромец и баба Латынгорка” (с. 156—161):

Нагонила поленица Илью Муромца,
Они начали тогда да вот съезжались;
Они бились, воевали трое суток,
Ихны кони-те богатырьски утомились,

⁶ Arājs K., Medne A. Latviešu pasaku tipu rādītājs. — Rīga: Zinātne, 1977.

⁷ Келтуяла В. Курс истории русской литературы. — СПб.: Стасюлевич, 1911. — Ч. I, кн. II. — С. 152; Инфантьев Б., Лосев А. В былинах воспетая дружба // За Родину. — 1984. — 15 мая. — С. 4.

⁸ Былины М. С. Крюковой. — М.: Гос. Лит. Музей, 1939. — Т. I.

Соходили они тогда вот со добрых коней,
Они начали тогда держать бой да рукопашной.
Ай и они ведь билисе, боролисе целы сутки, от,
[...]

А и тут у Ильи-то все у Муромца все силушки прибавилось,
А и опрокинул он ей же ногу левую,
А и тогда падала Латынгорка на сыру землю,
А и тут садился Илья же Муромец на белы груди,
А и он хотел у ей спороть же груди белые.
А и королева-та Латынгорка взмолиласе,
„А и уж ты ой еси, дородней доброй молодець,
А и ты оставь меня, не губи же да смертью скорою,
А я более не буду я ведь и ездить на святую Русь,
А и ты бери-ко-се, сними-ко-се с меня выкуп дорого весьма,
А и ты бери, бери с меня же красно золото”
[...]

А и становил скоро тогда белой шатёр,
А и пировали-столовали трое суток.

Латынгорка готова отдать Илье все королевство в своем городе. Илья, в свою очередь, приглашает Латынгорку к себе то ли в Киев, то ли в Муром, то ли в Карачаев, но и она не хочет оставлять свое королевство, а дарит Илье „злачен перстень” с тремя вставочками — самоцветной, драгоценной, алмазной.

Она просила его ехать с ей вмести
Во ее-то ехать в город во столичной-от, : [...]
Спроводил он королевы все до города
Да столичного ее же все до славного.
Погостил-то пожил он все же во городе⁹,
Распростился с королевой он...

В другой былине „Илья Муромец ездил к бабе Латынгорке” (с. 156—161) рассказывается о том, как русский богатырь ездил за данью (другие богатыри не решались на этот подвиг):

Они боялись королевы вот Латынгорки,
Что побьет, побьет королева по напрасному,
Нет, ведь выпустит-то силушки-армии до очунь много же,
Она взволнуется, королева-то, войной итти.

⁹ Город, в котором гостил Илья, по этимологическому определению В. Топорова — Ледурга (производное от Латыгора) // Даугава. — 1989. — № 10. — С. 107.

Илью королева принимает приветливо, „она кланялась ему же все низешенько”, „приказала она слугам да убрать добра коня”, „на ковры его садили на заморьские, против чистых-то ведь и зеркалов восточных-то”.

Королева показывает Илье королевича Михайла Ильича и „премладого подсокольничка”. Но и любимые дети не заставляют Илью остаться у королевы.

Встреча с Латыгоркой Ильи Муромца — это не частный эпизод его жизни и подвигів. Напоминания о нем и в других былинах. Вот повествование „Бой Добрыни со змеей”. На пути к своему подвигу Добрыня встречается с Ильей Муромцем, который говорит:

Я из города-та еду из Латынгорского,
От королевы-тко я еду от Латынгорки,
Получал то съ ней жо я дань да все же пошлину.

В былине „Бой Микулы с неверным богатырем бабы Латынгорки” этот последний по своему описанию и характеристике очень напоминает ливонских рыцарей:

Он говорил все со гордостью,
Как со гордостью, с насмешкою:
Я от того ли морюшка от синего,
Я от того ли камешка от серого,
От того ли от колодцику студеного,
От самой от королевы-то,
От королевы еду я все тот Латынгорки,
Я ее же сильней рыцарь-от,
А я богатырь-от могучой-от,
В битвах никто не мог да победить миня,
Победить миня не будет никому не победить нигде.

Его намеренья, как уже говорилось, похожи на реальные действия не „латыгорцев”, а их новых господ рыцарей:

Все соборы, церькви божья я на дым спущу,
Всесветы ихни иконы на мосты смошшу,
Самого князя со княгинею
Засажу же в темны темницы,
Заморю смертью голодную.

В былине „Бой Дуная с Настасьей” „неверной силушкой” бабы Латынгорки руководит „брат любимой-от”, а в былине „А как про

дочь-то королевы все Латынгорки” — дочь эта побеждает всех русских богатырей, и только Илья Муромец может ее унять.

Разумеется, без специальных всесторонних исследований трудно судить, в какой мере в былинах М. Крюковой отозвались отголоски событий XI—XIII вв., в какой мере сказалась компетентность сказительницы в области древних кривичско-латынгорских взаимоотношений. Однако важно отметить, что русские фольклористы единогласны в трактовке былинного образа Латынгорки.

Память о Латыгорке обнаружена и в латышских народных преданиях (АФ №№ Вв 38, 317 и 910, 5354). По мнению латышских фольклористов, источники этих преданий — книги Гарлиба Меркелеса, которые послужили также проникновению Латынгорки в популярнейшую латышскую книгу для чтения в начальной школе «Skolas maize» Гервагена.

* * *

К теме „Отражение балто-славянских отношений (точнее: взаимоотношений предков современных русских и латышей)” в фольклоре непосредственно примыкает подтема „**Древние русско-латышские отношения в латышских народных песнях (преимущественно древних формаций)**”.

К какому периоду можем мы отнести латышские хореические (изредка дактиллические) четверостишия (изредка соединение нескольких в так называемую „цепочку” — *virķne*), весьма красноречиво отразившие дружеские контакты и в различной связи возникающие конфликты? По мнению некоторых авторитетных исследователей основная эпоха создания латышских четверостиший — та же, что и предполагаемая эпоха создания русских былин — XIV—XVI века, когда существовавшая реальная действительность — постоянные войны: у русских с татарами, у латышей — сначала с немецкими крестоносцами, потом вместе с ними против русских, литовцев, а заодно и участие в кровопролитных схватках между Орденом и Архиепископом совместно с рижскими гражданами.

Поскольку латышские четверостишия своим ритмом и рифмой позволяют надолго сохранить содержание, в том числе и прежних, дохристианских верований и обычаев, содержание латышских песен можно в отдельных случаях отнести и к более ранним эпизодам. Это происходит тогда, когда в песнях отражаются контакты уже христианизированной части латышей (ерсикские и талавские

латыши — православные уже в XI в., в то время как курземские вместе с литовцами коснеют в язычестве еще до XIV—XV вв.). Поэтому поначалу вызывает недоумение песня, записанная в Курляндии:

Labo roku krustu metu Pa vārtiem iebraucot:
Krustīts mans augumiņš Nekrustīta tautu sēta.

Песня эта объяснима только так: православная латгалка-молочуха въезжает в усадьбу своего молодого мужа-курземца — язычника. Происходит это в XII—XIII вв. Подтверждение этой гипотезы: песня известна всего в нескольких записях из Кулдиги.

Итак, о чем же свидетельствуют латышские песни и о дружественных и о военных отношениях предков латышей с кривичами в X—XIV вв.?

Krieivos gāju, leišos gāju Līgaviņas lūkoties
Manis dēļ Vidzemē Meitu māte nomirusi¹⁰.

Следовательно, начало контактов — в избрании себе жен из числа соседних племен, что подтверждается и археологами (славянские принадлежности в захоронениях рядом с балтийскими) и этнографами, и историками культуры.

Man māmiņa maltu cēla. Es balinu zobentiņu:
Man krieiviete maizi cepa Astru sietu sijādama.

Упоминание натачивания сабельки указывает на происхождение песни не позднее XIV в.

Невеста в „глубокой земле кривичей” — обычное явление:

Saki manim Daugaviņa, Kur aug mana līgaviņa?
Vai poļos, vai leišos, Vai dziļā Krievzemē?
Krieivs, krieivs, tautu dēls Aizved mani Krievmalā.
Augsti zirgi, zemi vārti, Noraus manu vainadziņu.

Кривичи используют также древний обычай — „увоза” (кражи) невест:

Ak tu Dievs, laba laime, Krieivs nozaga līgaviņu!
Paladziņu vien atradu Klēts priekšā salocītu.

¹⁰ Источники в статье: Инфантьев Б. Православие в латышском фольклоре и литературе. I. Фольклор // Православие в Латвии. — Рига: Благовест, 1977. — С. 39—94.

Латышские парни, разумеется, косо смотрят на то, чтобы латышских девушек из-под носа увозили кривичи:

Atdod māmiņa man meitiņu, Kur tu liksi, nedevusi?
Atnāks krieivi, aizvedīs, Nebūs tev, nebūs man.

Латышские девушки не скрывают своего ожидания русских:

Gaidu, gaidu, ko es gaidu? Gaidu krievu atnākam
Atnāks krieivs šai zemē, Būs man miežu arājiņš.

„Русскими” латыши называли также солдат царской армии независимо от их происхождения. Но здесь сочетание его с названием „пахарь” говорит о том, что суженый-ряженный не мог быть солдатом.

Не каждая кривичская молочуха приносит лад и счастье в латышскую семью:

Es pārvedu brālītim Krievu slakas līgaviņu
Nem māmiņa vācelīti Ej mežā bekas raut!

Но радостно встречают сестричку, выданную замуж в землю кривичей:

Satecēja krievu zirgi, Saskanēja krievu zvani
Mož atbrauca meus moseņa, Kur dzeivoja Krīvzemē.

Латыши радуются своим контактам с соседями:

Krieivi, krieivi, leiši, leiši Mani balti balēliņi:
Citam bija krievu svarki, Citam leiša cepurīte.

Но вот и обратная сторона медали. От дружбы до вражды — шаг не только в наше время. Не только „увоз” (кража) невест вызывал погоню, кровавые схватки, широко представленные и в фольклоре и в латышской литературе (трагедия Райниса „Krauklītis”). „Полюдь” к соседям, собирание дани — обычное явление раннего феодализма. И тут начинается противоположная тема русско-латышских отношений.

Zila zaļa gaisma ausa, Iesarkana saule lēca,
Vai tie mani baleliņi Krievu zemi dedzināja?

В многочисленных вариантах этой песни рассказывается, что на Руси латыши жгут не только замки, но всю русскую землю. Очевидно, такое признание, высказанное во многих латышских песнях, коробило слух собирателей этих песен, в те времена боль-

ших друзей своих доброхотов и меценатов — русских славянофилов и панславистов, поэтому появились и песни, правда, немногочисленные, которые как бы извинялись за неподобающее поведение древних латышей:

Tumšis bija, gaiši tapa Vai uzlēca mēnestinis?
Vai tie mani jaunbrāļi Krievu zemi dedzināja?
Krievu naudas gribēdami? Tie negriba krieva naudas,
Tie grib savu tēvu zemi, Tēva bērus kumeliņus.

Среди многочисленных вариантов есть и такие песни, в которых латыши просят русских защитить их от литовцев:

Krievi, krievi, kur bijat: Laiši nāca šai zemē!
Atvēlās par jūriņu Kā sarkana vadmalīņa.
Krievi, krievi, ko gaidiet, Laiši nāca šai zemē!
Triniet piešus, auniet kājas, Seglojiet kumeliņus.

ЗАГОВОРЫ

Изданный в 1881 г. Ф. Бривземниеким сборник¹ пословиц, поговорок, загадок и заговоров побудил А. Потебню обратиться к сопоставлению латышских заговоров с восточнославянскими, что является единственным пока сопоставительным материалом в этой области. Приступая к изложению этой темы, разумеется, приходится исходить из выводов восточнославянского исследователя, учитывая, разумеется, его чрезмерную склонность к мифологической интерпретации любого фольклорного факта.

Наиболее типичным, заслуживающим пристального внимания, по мнению исследователя, раздел латышских и восточнославянских заговоров, цель которых помочь ребенку скорей увидеть свет божий — *отпирание ложесн матери*.

Для облегчения родов у русских есть такой заговор: „В восточной стороне с неба стоит серебряная лестница, по ней идет мать Пресвятая Богородица с золотыми ключами, с шелковыми поясами, отпирать-отмыкать мясной ларец”².

¹ Все латышские заговоры — из сборника Ф. Бривземниекса «Материалы по этнографии латышского племени». — М., 1881.

² Майков Л. Великорусские заклинания. — СПб.: Европ. Дом, 1994. — № 49 (далее: Майков).

Заговор этот как бы перекликается с латышским „Mīļā Māra, mīļā Māra, ģerbieš zīda drebitēs! Atver vārtus, atver vārtus, nu brauc muīžnieki, nu brauc muīžnieki” (№ 40).

В 41-м заговоре вместо Мары сам Иисус, и добавляется „reiznieks jau ceļā” (путник уже в пути).

О путнике и ездоке вспоминает русская бабка, входя в комнату роженицы³: „Отпирайте, запрягайте! поехали! едут, едут!”

Приезд господ (на сей раз по водным пространствам: „kungi brauc — zelta zēģeles”) упоминается также в 42-м заговоре Бривземниекса.

„Пропускание через ворота”, то бишь рубаху матери, штаны отца, и по аналогии сквозь расщепленное дерево, сквозь дупло (= ложесна), известные уже в XVII—XVIII вв. (Преторий), отразились и в латышском заговоре (№ 72): [...] „Atver dievīgus vārtus, aizver elles vārtus! Pa dievīgiem vārtiem lai iziet sveiks vesels, lai paliek kā brāļi māsīņas, kas kalniņā gul”.

Заря в русских заговорах (Майков, № 337) не только отмыкает небесные врата, но и сама разжимается. У Бривземниекса в *заговоре „от матери”* (матки, специфическое латышское понимание некоторых женских болезней) „Māriņa, svētā sieviņa, atver tos vaŗa vārtus, sēdies savā zelta krēsliņā ar sudraba lenīti kreisajos sānos apakš nabas” (№ 7).

Соответствия находим и в русских, и в латышских послеродовых заговорах. У русских:

„Золотник мой, золотник стань на свое дорогое место” (Майков, № 50); „тоби, матко, на золоте крисло сидати” (Потебня).

Латышские эквиваленты: „Jēzus māte, N māte, maucies zelta gredzentīņu, sēdi zelta sēdekli kā kungs, sudraba krēsliņā kā saule-mēnestiņš, kā vasku rituliņš” (№№ 65, также 4, 5, 14).

Вместо Иисуса в латышских заговорах выступает „Māte” (№ 14), „Māmiņa mīļa” (№ 4), „Mīļā Māriņa” (№ 5).

И у русских и у латышей наиболее эффективным *средством остановки кровотечения* — зашивание раны, совершаемое Пресвятой Богородицей: „Мать Пресвятая Богородица сидит на золотом стуле, шьет на золотых пальцах шелковой ниткой, золотой иглой, раны зашивает, кровь унимает” (Майков, № 139—152).

³ Потебня А. Объяснение малорусских и сродных песен. — Варшава, 1883. — Т. I.

Латышский аналог: „Caur divpadsmi klintīm, caur melno jūru, iekš tumšas ledus jūras. Amen. Svētā Marija Dieva māte sēdēdama uz baltas jūras, tur rokā adatu ar baltu zīda diegu, aizšuj visas āderes” (№ 270).

Затыкается-закрывается не только кровоточащая рана, что делает Богородица. У украинцев Смеркачу-Залыскачу приписывается способность замыкать „коморил обори, манастири и костелы”; к нему обращаются с просьбой: „Замкни моему ворогу N pot” (Потебня).

У латышей „Jēzus iet pa priekšu, atslāgu bunts rokā. Aizslēdz, Jēzu baznīcas durvis, aizslēdz skauģim sirdis” (№ 52i).

[...] Aizslēdz, Jēzu, tās dusmu valodas un runas kā baznīcas durvis (№ 570).

„Aizslēdz, Dieviņ, skauģim acis: dzelzu atslēga, tērauda pedere” (№ 502).

Не только Иисус Христос, Богоматерь и рядом с ними Saule-Солнце, Заря активно участвуют в исцелении различных болезней, влияют на поступки других людей. Видное место во всех этих начинаниях отводится *месяцу*, в изображении и функциях которого немало общего в восточнославянских и латышских заговорах. К примеру, заговор от зубной боли. В сборнике Майкова (№ 15):

„Месяц, ты месяц, серебряные рожки, золотые твои ножки. Сойди ты, месяц, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мне скорби не переносить, а твоей силе перенести. Вот зуб, вот два, вот три: все твои; возьми мою скорбь. Месяц, ты месяц, сокрой от меня зубную скорбь!”

Латвийский эквивалент:

„Es meklēju tevi, mēnesi, ar divām spicēm? — kā maniam zobiem nebūs svīst, ne kārst, kamēr es tev neredzu ar trīm spicām” (№ 118).

Примечательно, что и в русские и в латышские заговоры как персонажи наряду с мифологическими существами проникли... литовцы, в русских заговорах как богатырь, в латышских как существа весьма неопределенного свойства.

В тексте русского заговора „ратного человека, идущего на войну” (Майков, № 33) читаем:

„На море, на океане, на острове на Буяне сидит добрый молодец, во неволе заточен. [...] Выдают меня родные братья во княжнюю рать, а во княжной рати мне по-добру не жити. Заговори меня своим молодическим словом. Рад бы стоять во поле за тебя, горького сиротину, да крепка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я тебя, раба такого-то, идти на войну во всем по тому,

как заповедовал мне родной отец. А будешь ты ратным человеком, ино будь бережен: от топора, от бердыша, от пищали, от татарския пики, от красного булата, от борца, от единоборца, от бойца-врага супостата, от всей поганной татарской силы, от казанской рати, от литовских богатырей, от черных божиих людей, от бабьих зазор, от хитрой немочи, от всех недугов. И будет тебе: топор не в топор, бердыш не в бердыш, пищаль не в пищаль, татарская пика не в пику, поганая татарская сила не в силу, казанская рать не в рать, черные божии люди не в люди, бабьи зазоры не в зазоры, хитрая немочь не в немочь, литовские богатыри не в богатыри, недуги не в недуги...”

У латышей упоминание литовца кратко и невыразительно: „Leitis brauc pa jūru, muca pakaļā. Rauj to lapu zemē: ne piliens vairs nepilēs” (№ 280).

Сопоставление сборника Ф. Бривземниека со сборником И. Сахарова⁴ (одним из первых сборников русских обрядов, поверий) привело нас к следующим выводам:

В сборнике Бривземниека преобладают две категории заговоров: 1) против самых различных болезней и 2) для обеспечения сельскохозяйственного благополучия. Куда меньше заговоров, связанных с делами любовными, охотой, рыболовством (широко распространенных в русских заговорах) и совсем нет „военных” оберегов, также очень популярных в русском фольклоре (в том числе и в Латгалии).

В русских же заговорах, представленных в одном из первых сборников И. Сахарова, наряду с заговорами против самых различных болезней немало „любовных” и „военных”.

Буквальное сходство имеют те магические формулы, которые сохранились со времен средневековой кабалистики. Это знаменитое SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS (латинское: сеятель Арепо держит дела колеса), основанное на необычайной возможности читать и слева и справа, сверху и снизу. Другая такая магическая, нерасшифрованная формула Абракадабра, которую можно читать и справа и слева.

Персонажи заговоров, опубликованных в сборниках Ф. Бривземниека и И. Сахарова, в некоторой степени схожи. Сходство выражается, прежде всего в подавляющем превосходстве христианских персонажей, причем у латышей, как это ни странно для лютеран, от которых преимущественно заговоры записывались,

⁴ [Сахаров И. П.] Сказания русского народа. — Спб.: А. Суворин, 1835. — I. — С. 51—52. — № 28 (далее: И. Сахаров).

упоминание Богоматери, Девы Марии. Это очевидное влияние латышской Мары, поначалу богини смерти, которая очень рано изменила свои функции и стала покровительницей женщин, особенно, сирот, а также покровительницей скота. Изредка встречается Лайма, Перконс и некоторые другие персонажи старой религии, как-то Сауле, Менесис, таинственные Двенадцать солнцевых дев.

В некоторых заговорах можно обнаружить типологические схождения.

В заговоре *от лихорадки* в сборнике И. Сахарова (с. 51—52, № 28) упоминается 12 дев простоволосых, аналоги которых находим в заговоре у Бривземниека.

„На горах Афонских стоит дуб макроцкой, под тем дубом сидят тринадцать старцев с старцем Пафнутием. Идут к ним двенадцат девич простоволосых простопоясых. И рече старец Пафнутий с тремянадцать старцами: кто сии к нам идоша? И рече ему двенадцат девицы: есмь мы царя Ирода дщери, идем на весь мир кости знобить, тело мучить. И рече старец Пафнутий своим старцам: зломите по три прута, тем станем их бити по три зори утренних, по три зори вечерних. Взмолитесь двенадцат дев к тринадцать старцам с старцем Пафнутием. И не почто же бысть их мольба. И начаша их старцы бити, глаголя: ой вы еси двенадцат девицы! Будьте вы трясуницы, водяницы, расслабленные и живите на воде студенице, в мир не ходите, кости не знобите, тела не мучьте. Побегоша двенадцат девич к воде студениц, трясуницами, водяницами, расслабленными. Заговариваю я раба такого-то, от иссушения лихорадки. Будьте вы прокляты двенадцат девич в тартары! отыдите от раба NN, в леса темные на древа сухие”.

Этой целой „поэме” латыши могут противопоставить только небольшую молитву-приказ:

„Izej, tu glēvais drudzi, pie lielas upes tilta, paskaties lejas pusē: upē tur piecas sarkanās jumpravas danco uz ledus gabaliem, — tur tu skatījies, tur tu paliec! Pazūd jumpravas, izkūst ledus gabali, iznikst glēvais drudzis” (№ 296).

Сходство не только в количестве дев — персонификаций лихорадки, но и в присутствии старцев, из которых один назван по имени — Пафнутий. Для русских заговоров характерно наименованных персонажей, которые в латышских текстах отсутствуют.

С девицами встречаемся в заговорах от лихорадок:

„[...] Под дубом сидят тридевят три девицы, колят камку иглами булатными. Вы, девицы красные: гнется ли ваш булат? Нет! Наш булат не гнется. Ты, руда, уймись, остановись, превратись. Слово мое крепко!” (И. Сахаров, № 26).

В латышском заговоре всего только три девицы:

„Trīs sarkanās jumpravas dambē (mūrī) asiņu dambi. Rūc Pērkonš, met zibeņus un aizsīt (вар. aizšauj) asiņu dambi (вар. tapu)” (№ 258).

Кровотечения в русских и латышских заговорах останавливает также „черный ворон”:

„Летит ворон без крыл, без ног, садится ворон к рабу NN на главу и на плечо. Ворон сидит посиживает, рану потачивает. Ты, ворон, рану не клуй, ты, руда, из раны не беги. Идет старец всем ставец, несет печать. Ты, старец, остановись, ты, ворон, не каркай, ты, руда, не капни. Крови не хаживать, телу не баливать. Пух земли, одна семья. Будь по моему!” (И. Сахаров, № 27).

Латышский „черный ворон”:

„Melnais krauklis skrien pa dziļu asins jūru: asins skrien, pil pilēdamas. Rauj tam krauklam melnu spalvu, noslauki (vārda) asins asariņu” (№ 279).

От укуса змеи можно спасти человека, если назвать ее имя. У русских это „змея македонница”, „инорская змия Гарафена”, у латышей попросту „grieta”.

Гарафена лежит „на море на Океане, на острове на Буяне”. Там „стоит дуб ни наг, ни одет, под тем дубом стоит липовый куст, под тем липовым кустом лежит золотой камень, на том камне лежит руно черное, на том руно лежит инорская змия Гарафена.

Ты, змия Гарафена, возьми свое жало из раба NN, отбери от него недуги. А коли ты не возьмешь свое жало, не отберешь недугов, ино я выну два ножа булатных, отрежу я у змии Гарафены жало, положу в три сундука железные, запру в два замка немецкие. Ключ небесный, земной. С этого часу с полудня, да будет бездыханно всякая козюлька, и ужаления ее в неужалении. А вы, змии и змиицы, ужи и ужицы, медяницы и сарачицы, бегите прочь от раба NN по сей век, по сей час. Слово мое крепко” (И. Сахаров, № 11).

Латыши быстро справляются со своим заговором:

„Grieta, mātē sēd kārkļu krūmā, savu dzeloni izlaiduse. Nāc manā priekšā. Es tavus zuobus izlauzīšu un tavu dzeloni nocirtīšu” (№ 404).

Некоторые черты сходства можно отыскать и в заговорах пчел. У русских — снова пространные описания:

„Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смиряются. Стану я на восток, против дальней стороны, и слышу шум и гул пчел. Беру я пчелу роя, окарая, сажаю в улей. Не я тебя сажаю, сажают тебя белые звезды, рогагогий месяц, красное солнышко, сажают тебя и укорачивают. Ты, пчела, ройся у NN, на округ садись. За-мыкаю я тебя, матка, все пути-дороги ключем, замком; а бросаю свои ключи в Океан-море, под зеленый куст; а в зеленом кусте сидит матка, всем маткам старшая, сидит и держит семьдесят семь жал, а жалит непокорных пчел. А будет вы, пчелы, моим словом не покоритесь, сошлю я вас в Океан-море, под зеленый куст, где сидит матка, всем маткам старшая, и будет за ваше непокорие жалить вас матка в семьдесят семь жал. Слово мое крепко” (И. Сахаров, № 8).

Латышский заговор куда короче и скромнее:

„Bitīte, nāc manā rožu dārziņā, šeit ar ziediem iedzīvo! Bišu mātes, bišu mātes! Nākat manā dārziņā, šē ir Kristus, eņģeļu gulta, kur spilvenos izdusēties! Dievs augstais, svētī manu dārziņu!” (№ 443).

В категорию заговоров следует зачислить также детские стишки:

„Солнышко-ядрышко, посмотри (выглянь) в окошко! Твои детки плачут, по камушкам скачут, сырцы ломают, в маслице макают, тебя ожидают. Солнышко-ядрышко, откликнись и сироток пригрей, и всех деток на земле пожалей”⁵.

Латышский эквивалент:

„Atspīd saulīte! Atspīd saulīte! Velc baltu kreklu mugurā, met melnu kreklu jūriņā — gan jūras meita izvēlēš ar sudraba vālitēm” (№ 382).

Или:

„Дождик, дождик, перестань, я поеду на Йордань (в Аристань), Богу молиться, Христу поклониться. Я у Бога — сирота, отворяю ворота ключиком, замочком, шелковым платочком” (Фридрих 1936, № 59i).

Латышский эквивалент:

„Aizej lietīn, rūkdams, brēkdams Uz tiem melniem īgauņiem...”

⁵ Фридрих И. Фольклор крестьян Яунлатгальского уезда. — Рига, 1936. — С. 590 (далее: Фридрих 1936).

ЗАГАДКИ¹

Большая часть русских и латышских загадок совпадают по тем образам-метафорам, по которым можно догадаться, что собственно говоря обозначает та или иная метафора. Однако, степень идентичности и сходства бывает разной.

К первой, довольно малочисленной группе мы отнесли загадки, которые по своей образности представляют полное сходство.

— Что растет без корня? Камень.

Kas aug bez saknes? Akmens.

— Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка, собака лает, достать не может. Месяц.

Virš vecmāmiņas namiņa karājas maizes riecentiņš. Suns rej, dabūt nevar.

Во втором случае все же первичным следует считать русский текст, отличающийся своим ассонансом, которого нет в латышском тексте.

— Дедушка мост мостит без топора, клиньев. Мороз.

Mazs, mazs vīriņš uztaiša tiltu bez cirvja, bez āmura.

— У двух матерей по пяти сыновей, одно имя всем. Пальцы.

Divām māsām katrai pieci dēli, visiem vienādi vārdi. Pirksti.

— Черненькая собачка свернувшись лежит, не лает, не кусает, а в дом не пускает. Замок.

Mazs, mazs sunītis tup pie durvīm: ne rej, ne kož, bet iekšā nelaiž.

Pakaramā atslēga.

— Два кольца, два конца, в середине гвоздик. Ножницы.

Divi gali, divi caurumi, bet vidū nagla. Šķēres.

Русские и латышские загадки, совпадающие то ли в полной мере, то ли в отдельных элементах, в одном случае восходят к общему балто-славянскому праязыку, в другом — к более поздней эпохе, когда оба народа сформировались как самостоятельные этносы, каждый со своим языком, своим бытовым уклоном, психологическим обликом, фольклором. Еще в дофеодалную эпоху, когда начали складываться межнациональные контакты, возник обмен

¹ Русские загадки — из сборника Садовникова Д. Н. Загадки русского народа. — СПб., 1875. Латышские загадки — из сборника Ф. Бривземниека (1881) и сборника А. Анцелане «Latviešu tautas miklas». — Rīga: Latv. valsts izdevn., 1954.

материальными и духовными ценностями. Современные фольклористы утверждают: фонетический, морфологический, лексический анализ любой загадки дает возможность установить, оригинальная она для данного языка или заимствованная.

- Ждали, звали, а показался — все прочь побежали. Дождь.
Lūdz, lai nāk: kad nāk, tad bēg. Lietus.
- Дваста уха́ста, два́ста рога́ста, четы́реста хода́ста, один пыхтун, один вертун. Корова.
Divi redz, divi dzied, divi sargā, četri staigā. Govs.
- По горам, по долам, ходит шуба да кафтан. Овца.
Pa kalniem, pa lejām staigā kažoks un apkakle. Aita.
- Без окон, без дверей, полна горница людей. Огурец, стручок гороха.
Bez durvju, bez logu, pilna māja ļaužu. Gurķis.
- Свинка — золотая щетинка, льняной хвост. Игла.
Dzelzu cūka, linu aste. Adata.

Приведенные выше русские загадки запоминаются не только своим смысловым содержанием, но и четким ритмом, аллитерациями, которых нет в латышских загадках. Поэтому есть основание утверждать: русские загадки были основой латышских.

С другой стороны, загадки, не известные другим народам, становятся незаменимым источником постижения психологического, этнокультурного, нравственного склада их создателей.

Названия городов, рек, озер; метафорические описания церквей, изб, овинов, бань; приметы сельскохозяйственных работ; галерея людей разных сословий, нравов, состояний — все эти географические обозначения, занятия, типы, подробности крестьянского быта далеко не всегда имеют соответствия в фольклоре других народов.

Нелегко разгадать загадки, в которых упоминаются детали народного уклада, полевые и хозяйственные работы, которые знали только в Латвии и наоборот, латышам по отношению к типично русским загадкам.

Так, к примеру, что такое „Krustamice galvā” (возможный перевод: „на голове крестовая шапка”). На самом же деле — это „стог, рогожей покрыт, поверх жердь, чтобы дождевая вода в сено не стекала”.

Если для латышского паренька не было затруднений разгадать такую загадку: „Kunga dūre ceļa malā. Īkšķa gals debesīs” (лютеранская церковь), то русский отгадчик никогда не смог бы ответить

правильно, вспоминая православные и староверские церкви.

Или: „Saur pīdurknī pienu kāš” (через рукав молоко процеживают). Разгадка: дым, выходящий из окон овина.

Или: „Liels kungs guļ uz akmeņiem, mazie kungi — uz spilveņiem”. Ответ: дом на камнях, бревна на мху.

Не забыли латышские создатели загадок о реках своих и городах:

„Viena māsa Rīgā, otra Valmierā, matu bizes kopā”. Ответ: соединение двух скатов кровли.

Некрасов не раз в своих стихах вспоминал „слово острое” в речи русского крестьянина „какого не придумать, хоть проглоти перо”. И правда, кто может ярче, метафоричнее, красочнее, эмоциональнее рассказать о русском свадебном караване, как такая загадка:

„Комовато, ноздревато, И губато, и горбато, И тяскло, и кисло, И пресно, и вкусно, И красно, и кругло, И легко, и мягко, И твердо, и ломко, И черно, и бело, И всем людям мило”.

Или кто лучше представит похороны, чем загадка:

„Певунчики (певчие) поют, Ревунчики (плакательницы) режут, Текунчики текут, Бегунчики (лошади) бегут, Сухо дерево (гроб) везут”.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ¹

Капитальные исследования Эльзы Кокаре в области латышско-литовских пословиц и поговорок дают нам возможность сделать некоторые косвенные выводы и относительно соотношений пословиц латышско-восточнославянских (преимущественно русских).

Всего только 6 русских пословиц безусловно **стали основой латышских и литовских**, а именно:

1. Бодливой корове Бог рог не дает.
Badīgai govij Dievs ragus nedod.
Badančiai karvei Dievas ragų neduoda.
2. Дураков не орут, не сеют, а сами рождаются.
Muļķus nekas ne sēj, ne ecēj, bet pašī aug.
Durniakus neseja, jis pats išdygsta.
3. Лучше с умным потерять, чем с дураком найти.
Labāk ar gudru izgaisynot, na kai ar duraku atrast.
Geriau su protingu pamesti, negu su kvailu rasti.

¹ Материал заимствован из книги Э. Кокаре «Latviešu un lietuviešu sakāmvārdu paraleles». — R., Zvaigzne, 1980.

4. Невеяный хлеб не голод, посконная рубаха не нагота.
Sānolu maize nav bods, lynu krakls nav plykums.
Melnā maize — ne bads, rupja drēbe — ne pliks.
Juoda duona — ne badas, stori marškiniai — ne nuogale.
5. Поколь солнце взойдет, а роса глаза выест.
Kamēr saule lec, tamēr migla acis kož.
Kol saulē patekēs, rasa ir akis išēs.
6. Городское телятко умнее деревенского дитятко.
Mīsta teļš gudrāks par dzeravnis bērnu.
Geresnis miesto veršelis, ne kaip sodžiaus vaikėlis.

5 интернационализмов отозвались **то ли в латышской, то ли в литовской пословице:**

1. До Бога высоко, до царя далеко.
Debess augsta, zeme cieta, — kur iesi?
Dangus aukštas, žeme kietá, kur tu varģšas pasidēs?
2. Семеро одну соломинку поднимают.
Septiņi ceļ vienu salmiņu.
3. Один с сошкой, а семеро с ложкой.
Viens ar arklu, septiņi ar karoti.
4. У него средь зимы льду взаймы не напросишься.
Skopais uz sava tīruma citam akmeņa nedod nosīsties.
Akmenėlio galvai pramušti pas jų negausi.
5. Лежачий камень мохом обрастает.
Akmens, kas rit, nesūno.

Пословицы, встречаемые **только в латышском и русском языках**, в коллекции Э.Кокаре представлены в большом количестве, поэтому рассмотрены тут по их тематическому содержанию.

I. Работа, труд

1. Лучше дать, нежели взять.
Вели Бог подать, не вели просить.
Dod, dieviņi, kalnā kāpt Ne no kalna lejiņā.
Dod, dieviņi, otram dot, Ne no otra mīli lūgt. (АФ. 1651, 2035)
2. Клади навоз густо, в амбаре не будет пусто.
Gāz mēslus bieži, klēts nebūs tukša.
3. Рожь говорит: „Сей меня в грязь, так буду князь”.
Sēj rudzus pelnos, bet laikā.
4. В лес не съездишь, так и на печи мерзнешь.
Uz mežu neaizbrauksi, arī uz krāsns nosalsi.

5. Без труда не вынешь рыбки из пруда.
Zivis bez darba laivā nenāk.
6. Ремеслу везде почет.
Katram amatam pieder savs gods.
7. Не просит ремесло хлеба, а само кормит.
Amats ēst, dzert neprasa, bet pats baro.
8. Держись сохи плотнее, так будет прибыльнее.
Turies pie arkla ciešāki, būs vairāk peļņas.
9. Не худое ремесло, кто умеет сделать и весло.
Ne slikts amats, ka māk taisīt aires.
10. Не гладь коня рукою, гладь мешком.
Ar roku zirgu gludu nepataisīsi.
11. Не выменем корова молоко дает, а рылом.
Ja lopam bursi silē, tad lops burs slaucenē.

II. Социальное неравенство: богатые и бедные

1. В лесу лес не ровен, в миру — люди.
Na vysi kūki mežā vīnāidi, na vysi ļauds pasaulē leidzoni.
2. Богатый и в будни пирует, бедный и в праздник горюет.
Bagāts pat darbdienās līkmo, bet nabags pat svētkos bēdājās.

III. Нищета

1. В одной руке пусто, в другой — ничего.
Vienā rokā tukša, otrā — nekā.
2. Хлеба — что в брюхе, платья — что на себе.
Visa manta mugurā, bagātība vēderā.

IV. Моральные воззрения и обычаи. Фальшивые люди

1. На языке мед, а под языком лед.
Uz mēles medus, apakš mēles ledus.
Mutē medus, sirdī ledus.
2. Ложкой кормит, а стеклом глаз колет.
Ar lizejku baroj, ar kōtu acs boda.

V. Стремление к наживе за чужой счет

1. На кого Бог, на того и люди.
Uz ko nelaimia, uz to i ļaudis.
2. Людей-то много, да человека нет.
Ļaužu daudz, cilvēku maz.
3. Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом.
Labāk nabags ar godu, nekā bagāts ar kaunu.
4. Гол, да не вор, беден, да честен.
Pliks, bet ne zaglis, nabags, bet godīgs.

VI. Индивидуализм — эгоизм

1. У семи нянек дитя без глазу.
Septiņām auklēm bērns bez uztraudzības.
2. За свое вступайся, а за чужое не хвататься.
Otra neņem, pats sava nedod.
3. Не мой конь, не наш воз.
Ne mans zirgs, ne mans vezums.
Ne mana cūka, ne mana druva.
4. Каждому своя болезнь тяжела.
Katram sava kaite sāp.
5. Свинье не до поросят, коли самое на огонь тащат.
Ne laiks cūkai sivēnu žēlot, kad pašu liek sārtā.

VII. Преодоление жизненных невзгод

1. Один в поле не воин.
Viens uz ciņas lauka neesi karotājs.
2. Одна пчела не много меду натаскает.
Viena bite daudz medu nesanes.

VIII. Сила взаимопомощи

1. И комар лошадь свалит, коли волк пособит.
Ja vilks palīdz, tad arī ods spēj nogāzt zirgu.
2. С миру по нитке — голому рубаха.
No pasaules pa diegam, kailam kreklis.

IX. Друг, дружба

1. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.
Labāk simts draugu, nekā simtu rubļu.
2. Скажи, с кем ты дружен, и я скажу, кто ты таков.
Kāds tavs draugs, tāds tu pats.
3. Изведай друг, куль соли вместе съевши.
Cilvēku pazīst, kad kopā puds sāls apēsts.
4. Нет друга, так ищи, а нашел, так береги.
Nav drauga, tad meklē, ja atrodi, tad sargi.

Русские и латышские пословицы, известные также литовцам и немцам

I. Труд

Из 1890 пословиц 126 совпадают с русскими; наиболее типичные:

1. Старого воробья и на мякине не обманешь.
Vecu zvirbuli ar sēnalām nepietmānīsi.
Senā žvirblī pelu nepagausi.

2. По работе и работника знать.
Pēc darba vērtē cilvēku.
Darbs rāda, kāds meistars.
Darbas dirbeja parodo.
3. На ретивую лошадку не кнут, а вожжи.
Čakls zirgs iet bez pātagas.
Ātram zirgam piešu nevajag.
Geram arklini nereikia bōtago.

II. Отображение социальных отношений

1. Сапог лаптю не брат.
Zābaks vizei nav brālis.
Čebata vyžai ne klapēcius.
2. Кошке игрушки, а мышке слезки.
Kaķim — prieks, pelei — asaras.
Katei — džiaugsmas, pelei — verksmas.
3. Не живи, как хочется, а живи, как можется.
Nedzīvo kā gribi, bet dzīvo kā vari.
Gyvenam ne kaip norim, bet kaip galim.
4. С богатым не тягайся, с сильным не борись.
Ar bagātu neej tiesāties, ar stipru laužties.
Su galingu nesipeški, su turtingu nesiteisk.
5. Дай Бог нашему теляти волка поймати.
Lai dīvs paleidz myusu teļam vilku nūreyt.
Duok, Dieve, avinui vilką pajauti, kaveliui vanagą pagauti.

III. Моральные воззрения народа

Из 1656 латышских пословиц 144 соответствуют русским и литовским.

1. Чего сам не любишь, того и другим не чини.
Ko pats sev negribi, to otram nedari.
Kas tau negera, ir kitam nedaryk.
2. Каков привет, таков и ответ.
Kāds sveiciens, tāda atbilde.
Kaip pasveikinsi, taip tave atsveikišis.
3. Каково в лесу кликнется, таково и откликнется.
Kā mežā sauc, tā atskan.
Kaip lauke šaukia, taip girioj atsiliepia.
4. Двое дерутся, третий не мешайся.
Две собаки грызутся, а третья не приставай.

Свои собаки грызутся, чужая не приставай.
Kur pašu suņi kaujas, lai citi nelien klāt.
Kur savi šunes pīaunasi, ten svētimas nodegos nekišk.

5. Два медведя в одной берлоге не улягутся.
Две бараньи головы в один котел не лезут.
Divi kaķi vienā maisā nesatiek.
Divi gaiļi vienā sētā nesatiek.
Du katinu vienome maiše nesutelpa.
6. Худой мир лучше доброй ссоры.
Slikts miers ir labāks par labu strīdīņu.
Miers baro, nemiers posta.
7. Слово не воробей: вылетит — не поймаешь.
Vārds kā zvirbulis: palaidīs — nenoķersi.
Ar žodī istarei, ar paukštī paleidai neberpaga.
8. Слушай больше — говори меньше.
Dzirdi daudz, runā maz.
Daug girdēk, maža kalbēk.

IV. Жизнь за счет другого. Наиболее популярные:

1. Было бы болото, а черти заведутся.
Kad tik būtu purvs, gan velns radīsies.
Balai esant kipšas atsiras.
2. Через низкое прясло и овца прыгает.
На покляное дерево и козы скачут.
Zemai sētai visi suņi lec pāri.
Sabrukušai sētai visas kazas pāri lec.
Pakritušam kokam katrs kāpj pāri.
Kurš vītoļiņš noliecies, par to visi kazlēni lec pāri.
Per žemā tvorā visos ožkos šokineja.
Ant palenkto karklo — liepos — visos ožkas lipa.
Palinkuši medī visos ožkos graužia.

V. Дружба

1. В радости сыщут, а в горе забудут.
Скатерть со стола — и дружба сплыла.
Prieks ar draugiem, bēdās — viens pats.
Pie pilnas bļodas draugu daudz.
Daug prieteliņū laimēje, nei vieno bēdoje.
Kad glāze pilna, tad draugu diezgan.
Geras draugas prie pilno bliūdo.
Draugu prie stikliuko netrucks.

VI. Сатира на глупцов

За худой (глупой) головой и ногам не покой.
Глупому сыну не в помощь наследство.
Muļķa galva kājām miera nedod.
Durna galva — kojoms klapatas.
Bagātība vēl nevienam prāta nav iedevusi.
Durnam auksas nepadēs, turtas prāto neatstos.
Durakam dālam nepaleidz tava bogoteiba.

В латышском и русском языках мало тождественных пословиц и поговорок, характеризующих внешность человека. Преобладают национальные особенности каждого народа.

Типологические схождения в русских и латышских пословицах.

1. Не рассчитывай на то, чего у тебя нет в руках.

Не убив медведя, кожу не продают.
Медведь в лесу, а шкура продана.
Курица в гнезде, а баба сковородку греет.
Курица в гнезде, яички неизвестно где,
а ты уж в Охотный ряд цыплятами торговать.
Nedali lāča ādu, kad lācis vēl mežā.
Vilks vēl mežā, bet āda jau tiek dalīta.
Nepārdod ādu, kad lācis (lapsa) vēl mežā.
Nedali cepeti, kamēr zaķis vēl mežā.
Nekar podu, kamēr putns (medījums) mežā.
Par agru iesmu drāzt, kad mednis kokā.
Putns vēl mežā, iesmu jau drāž.

II. Пока нет нового, не уничтожай старое.

Не выливай помоев, не подготовив чистой воды.
Neaizsvied lūku, ja neesi dabūjis siksnu.
Kad jauns nav gatavs, veca nevar atstāt.
Nepieber vecu aku, kamēr jauna nav izrakta.
Neizlej neskaidro ūdeni, kamēr nav skaidrais.

III. Поступай в соответствии с естественным ходом событий.

Наживи хлевину, а там и скотину.
Neuzloci bikses, kamēr neesi pie upes.
Nenovelc kreklū pirms neej gulēt.
Papriekš iekuri uguni, tad vāri putru.
Ja koki sāk zaļot, tad vēl nepārdod kažoku.
Pirms gādā kūtiņu, tad tik lopiņu.

IV. *Не хвастай, пока начатое не завершено*

Скажешь „гоп”, когда перескочишь.
День хвалится вечером.
Вечер покажет, каков был день.
Хвали жизнь при смерти, а день вечером.
Не хвались отъездом, хвались приездом.
Не радуйся отъезду, радуйся приезду.
Не хвали пива в сусле, а ржи в озими.
Не хвали ветра, не наваяв жита.
Цыплят по осени считают.
Cāļus skaita rudenī.
Kamēr darbs vēl darāms, nevar gaviļēt.
Nekladzini, kamēr ola nav izdēta.
Nepārlēcis par grāvi, nesaki „hop”.
Nekliedz jau „urā”, kad vilks vēl purvā.
Slavē rītu dienā, bet dienu vakarā.
Nepriecājies rītā, priecājies vakarā.
Nepriecājies šurpu iedams, priecājies atpakaļ naīdams.
Lielī alu, nelielī misas.
Neteic tauku, nedīrājis.
Neslāvē vēju, kad nav nopļauta labība.
Saskaitī cāļus tik rudenī.

V. *Не пренебрегай тем, что есть — оно еще может пригодиться.*

Не плюй в колодец — случится напиться.
Не мути водою — случится черпать.
Nespļauj bļodā — pašam nāksies izstrēbt.
Piespļauti kāposti pašam vēlāk jāizēd.

Русские пословицы и латышские четверостишия

Житье, что гороху при дороге, кто ни пройдет, тот и скубнет.
Kas zirniša nenorāva Liela ceļa maliņai
Kas bariņa nerūdina Bez māmiņas dzīvojot (4797).
Ранняя птичка зубки теребит, поздняя глазки продирает.
Kurš putniņš agri skrēja, Agri slauka deguntiņu,
Kurš bērniņš mātei klausā, Agri ēda brokastīņu (3077).
Глаза спрашивают, а руки делают.
Acis darba izbījās, Rokas darba nebījās,
Rokas darba nebījās, — Zinājās padarīt (АФ 929, 69180).

СКАЗКИ

Незабвенный наш многолетний соавтор, друг и помощник, горячий проповедник дружбы народов Александр Германович Лосев в школьном пособии по русско-латышским литературным связям о сказках писал своим обычным эмоциональным стилем:

„Многоцветный, объемный, сверкающий мир сказки... Полет мечты и чудесные превращения, неистощимая выдумка и с детства любимые персонажи. Первые — но на всю жизнь — уроки поэзии и красоты. И все это — сказка... Драгоценные россыпи народного творчества приобщают юных — и не только юных — читателей и слушателей к извечным духовно-нравственным ценностям, зовут к бесстрашию, милосердию и доброте, к трудолюбию, отзывчивости и справедливости. Образна эмоциональная природа сказок, их глубинная суть.

Рассматривая сходные ситуации, связанные, скажем, с удивительными свойствами волшебного ларца, можно увидеть: в сказке, рожденной где-то в средней полосе России, из чудесного берестяного туеска возникает невиданной красоты дворец в окружении золотых и серебряных рощ. Из латышской резной шкатулки осторожно выползает мудрый еж, ведающий, как звездное небо расстелить над землей, и уж, спешащий творить добро людям и зверям. Выбегают на волю коровы стада и рассеиваются на приречных зеленых лугах. И в едином, и в другом эпизоде отозвалась мечта о народном благоденствии, о справедливости и красоте. Мечта эта от века была заветной как для русского, так и латышского землепашца, лесоруба, рыбака”¹.

Главные школы фольклористов — мифологи (братья Гримм, Буслаев, Афанасьев, Потебня, Лаутенбах), миграционисты-сопоставители (Бенфей, Веселовский), финская (Анти Ааарне, Андреев, Анна Берзкалне), историки (Всеволод Миллер), историки культуры (Фрезер, Липс, Янис-Альберт Янсон), фрейдисты (новые представители финской школы) — по разному объясняют причины полной тождественности, близкого или отдаленного (типологического, тематического, сюжетного, идейного, художественного) сходства сказок разных народов (даже таких отдаленных как американских индейцев и среднеазиатских индусов, не говоря уже о близких родственниках — русских и латышах).

---

¹ Инфантьев Б., Лосев А. Латвия в судьбе и творчестве русских писателей. — Рига: Звайгзне, 1994, 1996. — С. 31—32.

По мнению мифологов, сказки — осколки древнейших мифов, известных всем древним народам, как наследие общих источников, которые непрестанно сближаются, чем глубже проникаем в древнейшие слои жизни человека, вплоть до установления единых речевых и мыслительных источников для индоевропейцев, семитов, финно-угров, американских индейцев, африканских негров, тем больше элементов тождественности.

Миграционисты тематическую, сюжетную, образную близость сводили к заимствованиям, связанным и с соседскими контактами, и с непрестанными миграциями, которыми отмечены поворотные пункты человеческой истории.

Историческая школа искала в сказках и былинах подлинные исторические события, которые привели к созданию сюжетов и образов, культурно-историческая школа все возводила к отображению древних верований и культов (в особенности, культа предков), а фрейдисты видели в медведе символ женского, а в волке мужского полового органа. Очевидно, что каждая из этих школ обладает какой-то долей истины, и современный исследователь фольклора вообще, а сказок, в частности, должен быть вооружен методикой всех названных выше школ.

Сказки о животных

Оценивая популярность сказочного сюжета у того или иного народа, и высказывая в связи с этим предположения о создателе сказки и заимствованиях, следует учитывать неравномерность распространения, отразившегося в количестве записей и публикаций. Нельзя не считаться с тем, что на несколько русских записей-публикаций приходится десятки латышских записей (все они учтены в указателе Арайса-Медне), а на несколько десятков русских записей — несколько сотен латышских. Это не относится к тем сюжетам, которые то ли по религиозным соображениям или по другим специфическим русским обычаям и обрядам настолько специфично национальны, что затрудняют понимание не русскими. Так „Лиса-плачя” (№ 37 по указателю Арайса—Медне) известная в русских публикациях в 6 вариантах², у латышей всего лишь в 1 варианте, который записан в Ре-

² Русские сказки учитывались по указателю М. П. Андреева «Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне». — Ленинград: Географическое общество, 1929.

зекне, где русские обычаи хорошо известны. „Лиса-исповедница” у русских известна в 8 вариантах, латышских записей нет.

Среди наиболее популярных русских и латышских сказок о животных — „Лисичка-сестричка и волк” (№№ 1—5), „Звери в яме” (№ 20).

Одна из особенностей латышских сказок о животных — распространение в прозаическом пересказе басен Крылова, что в записях русского фольклора не зафиксировано. Записаны следующие басни Крылова: „Журавль и цапля” (№ 244А* — 6 вар.); „Лягушки просят царя” (№ 277 — 2 вар.); „Стрекоза и муравей” (№ 280А — 15 вар.); „Лиса топит кувшин” (№ 68В — 20 вар.); „Волк и Журавль” (№ 76 — 6 вар.); „Волк упрекает ягненка” (№ 111А — 4 вар.).

В латышский фольклор проникло даже некрасовское повествование о генерале Топтыгине (№ 116 — 30 вариантов). Все эти сюжеты проникли в латышский фольклор из учебников русского языка, которые использовались как учебные пособия в латышских школах в конце XIX, начале XX в.

Что касается образов зверей — их облика и повадок, то они в русских, белорусских и латышских сказках ничем не отличаются. Что же касается самих сказок, то и здесь ярко проявляется высказанное еще Буслаевым мнение об особом „складе-ладе” русского народного творчества вообще, в сказках, пословицах-поговорках, загадках особенно.

В сказках о животных этот склад-лад сказывается в небольших песенках, полностью отсутствующих в латышских сказках о животных, за исключением явных заимствований из репертуара русских сказочников.

Приведем несколько примеров таких песенок из сборника И. Фридриха³.

Так в сказке „Кот, Петух и Лиса” (№ 61 В — много вариантов и у русских, и у латышей) петух в пасти лисицы поет:

Котик, мой братик! Несет меня лиса
В дремучие леса, За высокую гору,
В тесную нору.

В сказке „Волк пением выклянчивает у стариков животных, внучку, старуху” (АМ № 162) рассказчик в уста волка вставляет такую песенку:

³ Фридрих И. Русский фольклор в Латвии. Сказки. — Рига: Лиесма, 1980 (далее: Фридрих 1980).

Жил дед да баба На красной горушке
Под зеленой лужайкой, И было у них:
Пять да пять свечек, Сучка-боровка,
Красная коровка, Кобылка-вороновка (Фридрих 1980, с. 31).

В сказке „Коза-бёрда” („Коза луплена”, № 212)

— Я — коза-бёрда, Бок обдёрда,
Ножкой троп, зубком хроп,
Рожком — прободу (Фридрих 1980, с. 33).

Ей в русской сказке отвечает Рак:

— А я рак, не дурак, Где кушу — там знак!

В сборнике И. Фридриха опубликован и другой вариант песни козы:

Я коза-дереза, Полбока луплена,
За три гроша куплена; Топы, топы ногами,
Заколю тебя рогами, Хвостиком залечу,
Ножками затопчу (Фридрих 1980, с. 350).

В сказке „Нет козы с орехами” (в указателе АМ отсутствует) поется:

Пошел козел в лыко, Коза в орешник.
Козел с лык, лык, — Козы нет с орешков... (Фридрих 1980, с. 38)

У латышей это произведение включено в сборник песен.

Своеобразными, идущими из глубин народной жизни, отчетливо выраженными этнопсихологическими и бытовыми проблемами примечательны русские сказки „Лиса плачет” (№ 37), „Лиса-исповедница” (№ 61). Знакомство с ними не оставляет сомнений: такие сюжеты могли сложиться только в православной русской среде. Все в них единственно, неповторимо: и лексика, и образная природа, и стиль: „Эх, вор Петруша, — говорит Лиса-исповедница, — не бывать тебе в пресветлом раю, не пивать тебе из медной чаши”.

С другой стороны, латышские сказки, записанные, правда, в единичных вариантах, — „Лиса и Лев”, „Лиса и лягушка” (№№ 51—55), „Волк в бане”, „Волк сердится за то, что его прогнали”, „Волк всовывает хвост в хлев и пугает овец”, „Волк приходит к ночлежникам”, „Волк в воде”, „Волк в грязи”, „Волк съел лошадь”, „Волк и гусляр” и другие (№№ 164—169); „Орел и заяц”;

„Орел и голубь”; „Ворона и лебедь”; „Дрозд хочет пить”; „Птицы варят пиво”; „У вороны болит живот”; „Голубь учится вить гнездо”; „Язык птиц”; „Ворон хорошо видит” (№№ 230—240) примечательны живыми приметам латышского крестьянского обихода, не известны русским сказителям.

Волшебные сказки

Попытки выявить типичные для балтов (литовцев и латышей), а также для восточных славян и немцев сказок, предпринятые литовской исследовательницей Б. Кирбелите⁴, на наш взгляд оказались весьма проблематичными.

Все сказочные сюжеты в той или иной мере можно отыскать и в русских, и в латышских сказках. Все дело в их комбинациях, некоторых деталях, а также в количестве вариантов, записанных на русском и латышском языках. Поэтому мы волшебные сказки, известные как русским, так и латышам, сгруппировали по соотношению количества зафиксированных вариантов.

Самое большое количество вариантов отмечает сказка „Сиротка (падчерица) у ведьмы”, „Мачеха и падчерица”, „Морозко”, „Кобылячья голова” (№ 480): русских — 20 вариантов, латышских — 1400 (6 вариаций).

На втором месте по количеству латышских вариантов — «Брат и сестра», «Мальчик с пальчик», «Иванушка», «Bērni pie raganas», «Septiņjūdžu zābaki» (№ 327) — 20 и 550 вариантов.

«Сивка бурка, вещий каурка», «Сивка — золотая щетинка», «Stikla kalns» (№№ 530, 530B, 530B III) — 20 и 500 вариантов.

«Три царства — золотое, серебряное, медное», «Lāčausis» (№№ 301, 301B) — 30 и 500.

Исключительно популярные в русском и латышском фольклоре следующие сказки

«Бой на калиновом мосту» (№ 300*B) — 10 и 80 вар.

«Кощеева смерть в яйце» (в латышских текстах только: «nemirstīgais», «rūķis», № 302) — 20—170 вар.

«Два брата, лошадь, собака» (№ 303) — 20—200 вар.

«Выкуп обещанной дочери» (бегство с превращениями — № 313) — 20 и 200 вар.

⁴ Кирбелите Б. К вопросу о репертуаре литовских волшебных сказок // Фольклор балтских народов. — Рига: Зинатне, 1968.

«Царевна-лягушка», «Три стрелы», «Старушка» (№ 402) — 10 и 200 вар.

«Жар-птица и волк-помощник», «Иван Царевич и серый волк», «Жар птица», «Zelta putns» (№ 550) — 7 и 150 вар.

«Скатерть-самобранка, чудесный барашек, дубинка из мешка», «Brīnuma galds, zirgs, runga» (№ 563) — 10—150 вар.

«Чудесные, дающие силу предметы», «Звериное молоко» (№ 315, 590) — 20—200 вариантов.

«Наказанный жадный брат», «Мальчик с пальчик», «Sprīdītis», «Īkstītis» (№ 327, 700) — 6—200 вар.

«Необыкновенные дети», «Царь Салтан» (№ 707) — 20—200 вариантов.

«Безручка» — «Bezrocīte» (№ 706) — 20 и 300 вар.

«Корова-помощница», «Одноглазка, двуглазка, триглазка» (№ 511) — 10—300 вар.

«Женитьба на своей дочери» (№ 510B) — 10—100 вар.

«Братец-барашек», «Брат козленочек» (№ 450) — 10—200 вар.

«Конёк-горбунок», «Īstais līgavainis» (№ 531) — 15 и 100 вар.

«Благодарные муравьи, рыбы и пчелы» (№ 554) — 10—200 вар.

«Ночные пляски царевен» (№ 306) — 10 и 200 вар.

«Медведь (черт) жених» (№ 311) — 6 и 300 вар.

«Медный лоб», «Misiņbārdis», «Чудо поганое с большой головой» (№№ 300, 502, 530) — 10—100 вар.

«Кот в сапогах», «Cepļa ķēniņš» (№№ 505, 512, 545, 545B) — 7—100 вар.

«Мертвая царевна», «Sniegbaltīte» (№ 709) — 10—200 вар.

«Две доли», «Богатый и бедный брат» (№ 735) — 10 и 100 вар.

«Петух и жернова», «Brīnuma gailis» (№ 715A) — 10 и 150 вар.

«Юноша не знающий страху», «Мальчик учится страху» (№ 326) — 10 и 200 вар.

Эти сказки, представленные так богато и в латышском и в русском фольклоре, восходят к общему балто-славянскому (или даже к индоевропейскому) языковому сообществу.

Следующая группа представляет сказки, популярные у латышей и малоизвестные русским.

Это «Чудесный ящик, который нельзя открывать» (№ 313B), «Парень не должен разговаривать со своей матерью» (№ 313C), «Бегство от ведьмы» (№ 313H) — каждый вариант известен только латышам в 100 вариантах.

«Золушка», «Pelnušķīte» (№ 510) — 5 и 300 вариантов.

«Диво дивное, чудо чудное», «Барашек или гусь, к которому все прилипают» (№ 571) — 8—75 вариантов.

«Кузнец и смерть», «Дух в бутылке» (№ 750, *841) — 150 латышских вариантов.

«Братья-вороны» (№№ 451, 705, 710) — 3 и 300 вариантов.

«Чудесная помощница — пряжа», «Румпельштильцхен» (№ 500) — у латышей 350 вариантов.

«Помощник-мертвец», «Благодарный мертвец» (№№ 545A, B; 667) — латышских 150 вариантов.

«Заячий пастух», «Stabulīte» (№ 570) — 4 и 100 вар.

«Аленький цветочек», «Sarkana roze» (№ 425A) — 6 и 300 вариантов.

«Бычок-спаситель» (№№ 314, *314, 314A) — 2 и 300 вариантов.

«Красная шапочка», «Sarkangalvīte» (№ 333) — 1 и 100 вариантов.

«Неумойка» (№№ 361, 475) — 2 и 200 вариантов.

«Три пряжи» (№ 501) — 1 и 200 вар.

Эти сказки предположительно заимствованы из западного (немецкого) фольклора.

Следующая группа (довольно малочисленная) представляет при определенном количестве русских вариантов — несколько латышских, что свидетельствует о позднем заимствовании латышами из русского фольклора.

«Служба в аду», «Спасение из ада грешников — овец» (№№ 360, 361) — 5 и 10 вариантов.

«Финист — ясный сокол» (№ 425) — 6—2 варианта (записи Лудзенского и Резекненского районов).

Последняя группа представляет сказки, известные и русским, и латышам в нескольких вариантах. Это заимствования у обоих народов.

«Битва солдата с Длинным человеком» (№ 301*С) — 3-20 вар.

«Человек с виселицы» (№ 366) — 2—10 вар.

Количество латышских вариантов во многих случаях определяется широкой публикацией русских и немецких (или вообще европейских) сказок, их воспроизведением в театральных и оперных представлениях. Пути проникновения этих сюжетов в латышский фольклор — предмет особых исследований, до сих пор, к сожалению, не предпринимаемых.

Далее приводятся результаты единственного пока такого исследования, выполненного в конце 40-х гг. XX в. автором данной книги.

Сопоставляя латышские записи сказки о чудесном помощнике, исполняющем все желания человека, который в свое время сотворил ему добро (№ 555 в каталогах Андреева и Арайса — Медне) мы выявили в записях латышского фольклора около 90 вариантов. В то же время из русских публикаций и неопубликованных материалов, в том числе из Латгалии, Аулейской волости, набралось не более 10 текстов. Латышские тексты своими вариациями распределялись так: 47 сказок либо полностью, либо в какой-то мере напоминали сказку Пушкина⁵ — в этих записях главный помощник был — золотая рыбка. Около 40 записей с главным помощником золотой птичкой, которые восходили также к сборнику Гриммов в переделке для детей, предпринятой неким Бимштейном и переведенной на латышский язык Якобом Звайгзните (1833—1867). Всего несколько текстов исконно балто-славянских, где чудесным подателем благ является дерево, которое старик по его просьбе не срубил.

Подробнее мы остановились на исследовании пушкинской сказки. Из 47 вариантов, в которых золотая рыбка выполняет все желания жены (кроме последнего), в 17 текстах переданы почти все сюжетные элементы пушкинской версии. Наиболее веское доказательство тому — последовательность желаний старухи: стать богатой хозяйкой, помещицей, царицей и — самый главный аргумент — морской правительницей („чтоб рыбка пришла и поклонилась”). Из этих 17 вариантов — три (из Даугавпилсского, Лиепайского, Елгавского районов) — близкое к русскому оригиналу воссоздание пушкинского текста на латышском языке:

Dzeivoja vecīts ar savu vecīni
Pi pošu malnūs jūru
Viņi dzeivoja zems istabā (в землянке)
Trejs desmit treis godi
Vecīts giva ar teiklu zivis.
Vecīņa vērpa dzeju...

Начало Лиепайского варианта:

⁵ Источники в статьях Б. Инфантьева: 1) Puškina «Pasaka par zvejnieku un zivtiņu» latviešu folklorā // LPSR ZA Folkloras institūta raksti. I. — Rīgā, 1950. — 28.—40. lpp.; Стихи русских поэтов в латышском фольклоре. Пушкинский период // Даугава. — 1999. — № 1. — с. 20. Как выяснила в свое время А. Ахматова, сюжет пушкинской сказки заимствован из сборника братьев Гримм.

Dzīvoja vecītis ar vecenīti
Pie pašas zilajās jūras.
Vecītis zvejoja zivis jūrā.
Un vecene vērpa savu vērptamo.
Viņi dzīvoja zemnīcā.
Vecītis zvejoja jūrā jau 33 gadus.

В упомянутых трех вариантах сохранились такие подробности, как троекратное вытягивание сетей (пустой, с травой морской, с золотой рыбкой), 33 года проживания у синего моря. Особенно близок к оригиналу даугавпилсский фольклорный вариант на латгальском диалекте, в котором рассказчик некоторые слова оставляет непереведенными или же рядом с русским словом приводит латышский эквивалент: „Nūgoja viņš uz savu zemlonku — zemes istabu”, „Sveika gasudariņa — bariņa ķēniņa”, „Lei viņai un dzer zamorsku veinu”, „Un ēd viņa kriņģelus perņikus, pečeni” (у Пушкина — „пряники печатные” — довольно непонятное определение в крестьянском обиходе XX в.), „Vecis natsasmelija bortis”, „Ko man dareit ar praklātu bobu”.

В то же время рассказчик понял не все слова пушкинского текста. Он не знал, что русская „белена” по-латышски „driģenes” и перевел, исходя из понимания корня „бел”: „Ko tu, boba, bolta apsae-di” („белого обьялась”).

Вторая примечательная особенность: „Nagribu byut par latvīti, gribu byut par gaspažu”.

12 вариантов (из числа 17) из различных местностей Латвии не вызывают сомнений в том, что они являются нестихотворным пересказом пушкинской версии. Характерные признаки — весьма своеобразные, именно „пушкинские” желания старухи: первое — корыто и последнее — рыбка как прислужница. Ни в каких других версиях сказки № 555 таких пожеланий нет, к тому же пожелания эти весьма необычны как для русского, так и для латышского фольклора вообще.

Все же в отличие от первой группы (трех сказок из Даугавпилсского, Елгавского и Лиепайского районов), в рассматриваемой группе немало более существенных отклонений от пушкинского оригинала — либо в описании внешности старухи — госпожи, либо в красках моря, либо в таких деталях, как уточнение, что именно прядет старуха. Среди отклонений некоторых вариантов можно назвать необычные зачин и концовку (ссора между стариком и старухой, встретившимися в конце сказки вновь у разбитого

корыта). В одном варианте у корыта появляются поросята. В ином — рыбка заранее предупреждает старика и не подумает стать повелителями морских пучин.

В третьей группе вариантов (15 сказок) также пушкинский источник не подлежит сомнению, хотя мотивов, сигнализирующих о родстве с пушкинским текстом, еще меньше. Различия между самими фольклорными вариантами этой группы куда значительнее. Связующим звеном и в этой группе остается весьма необычное для сказочных сюжетов первое и последнее желание старухи. В то же время отклонения от пушкинского текста становятся все существеннее. Меняется последовательность и характер желаний старухи: эти желания приспособляются к реальной жизни латышского крестьянина. Владычица морская превращается во владычицу неба и земли; вместо моря действие иногда переносится на берег озера. Эти изменения приводят к предположению, что рассказчики могли и не знать пушкинской сказки, а только слышали латышские пересказы этого текста. Примечательны вводимые рассказчиками переосмысления. У Пушкина старуха отсылает своего мужа на конюшню работать, в устах же латышского рассказчика — быть поротым, как это обычно бывало в недавнем прошлом крестьян. Кстати, такие новшества встречаются и в русских народных сказках. В некоторых латышских сказках рисуется идеал зажиточного хозяина: роскошный дом, полные хлевы скота, бесчисленные слуги копошатся и снуют в усадьбе и на пашне; служанки кормят скот; старуха „сидит в покоях” и „пьет чай”, а прислуга готовит обед. Старуха-помещица разъезжает на шести лошадях со слугами и кучерами, роскошно одевается. Итак, в 33 вариантах из 47 пушкинский источник бесспорен. В остальных можно говорить о пушкинских элементах в сказочных текстах. В 10 вариантах можно отыскать только по одному-два пушкинских мотива. То ли это корыто, то ли последнее желание старухи — стать владычицей морской. Отличия — и в месте действия и в увеличении количества желаний, к которым присоединяются и хлеб, яства и напитки, деньги и одежда, корова, лошадь, телега, повозка, новая лодка, сети, хозяйственные постройки. В одной сказке старуха хочет стать молодой.

Для фольклористов особый интерес представляют 6 вариантов, в которых к пушкинской сказке восходит только один-два мотива, в то время как сам сюжет развивается совсем в иных направлениях, иногда свивается с другими сказочными сюжетами, например, с типом сказки „По щучьему велению”.

По каким путям пушкинская сказка проникла в латышский сказочный репертуар? Судя по отмеченным выше особенностям латышских записей, источником прежде всего были учебники русского языка М. Лиепиня, Л. Григорьева и Б. Оленина, М. Ошинь, по которым в конце XIX — начале XX в. учились латышские дети в местных школах. В каждом из этих учебников находили пушкинскую сказку. В 1904 г. к этим источникам присоединился и латышский литературный перевод, осуществленный Д. Гобой-Алойетисом. Однако, эта публикация, кажется, не оставила никаких следов в фольклоре.

Далее приводим беглый перечень фольклорных записей, сюжеты и образы которых почерпнуты также из литературы или сошли с подмостков опер и театров.

1. № 307. Содержание сюжета: Девушка в гробу съедает ночью караульщика. Парень ложится в гроб и не пускает, пока она не прочтет „Отче наш”. Затем женится на ней. Русских 20 вариантов, латышских — 200.

В сборнике П. Шмита под этим номером опубликовано несколько пересказов гоголевского «Вия». Бурсаки преобразованы в *dziedātājs* (певчий, певец), тем самым сюжет приспособлен к пониманию лютеран.

Приводим фрагмент латышской сказки „*Ragana zārka*” с упоминанием имени Вия (Шмит, III, с. 58—60).

„...*Nākamo nakti dziedātājs* (Хома у Гороля) *vairs negribējis iet raganu vākēt, bet liels kungs to ar varu ieslodzījis baznīcā.*

”*Ap pusnakti atkal baznīcā sanākuši velni. Ragana atkal skrējusi ar visu zārku pa gaisu. Dziedātājs tikai lasījis bibelē, galvu nepacēlis.*

— *Kur viņš ir?* — *atkal prasījis viens velns.*

— *Te tak viņš lasa!* — *atbildējas otrs.*

— *Ne, es neredzu,* — *tā teicis cits velns.*

Tad pirmais velns atkal teicis: — Ej, pasauc veco Viju.

Viens velns aizskrējis pēc vecā Vijas. Tas drīz vien bijis klāt. Vecais Vija bijis vecs, vecs un ar tik lieliem acu plakstiem, ka tie nokārušies līdz grīdai.

— *Atnes dakšas,* — *teicis vecais Vija. — Paceļ man acu vākus!*

Viens velns aizskrēja pēc dakšām; pacēlušī vecam Vijam acu plakstus. Dziedātājs no brīnumiem apklusis un skatījies uz velniem...

— *Ā, te jau viņš ir,* — *teicis vecais Vija.*

Velni saklupuši ap dziedātāju un sākuši bakstīt ar dakšām. Ragana dziedātāju daudzījusi ar savu zārku. Kad dziedājis gailis, tad uzreiz visi

velni pārvērtušies gan par sīkspārņiem, gan čūskām un šķirgāļiem un izklīduši pa baznīcu. Sīkspārņi sametušies uz ērģeļu lukta. Ragana atkal mierīgi gulējusi zārkā.

No rīta dziedātāju atraduši tikko dzīvu. Tas bijis nomocīts līdz nāvei. Priekš nāves dziedātājs mācītājam visu izstāstījis. Tad viņš nomiris.

Mācītājs licis visus šķirgāļus, sīkspārņus un čūskas uzmeklēt un saķert, kuri bijuši baznīcā atrodami, un sabāzt ādas maisā. Maisu aizsējuši ar deviņu krustu mezgliem un pakāruši dūmos. Tur nu velni vēl šo baltu dienu dūmos žāvējoties un smokot, ja vien kāds nejēga tos neesot no maisa izlaidis”.

2. № 365. „Ленора”. Оплакивание убитого жениха, который увозит невесту в свою могилу.

Русских 3, латышских 200 вариантов. В фольклорном варианте сохранились стихи:

„Mēness spīd spoži, mironis jā droši,
Sirsniņ, vai tev bailes nav?”

3. № 401, 401 В* Заколдованная царевна-ланы. Латышских 200 вариантов.

По сути дела во многих вариантах пересказан фрагмент пумпурской поэмы „Лачплесис в Буртниеком подводном замке”.

4. № 461 „Марко Богатый”. Сын бедняка завладевает богатством купца.

Русских 6, латышских 150 вариантов.

5. № 471. „Вслед за райской птичкой”.

Сюжет латышских вариантов (200) напоминает староверский духовный стих о Царевиче Иоасафе.

6. № 485 Борма-ярыжка (=1137).

Контаминация сюжетов: убегает из пещеры великана под брюхом барана (как Одиссей). Фрагменты из сказок «Пьяница и лев», «Вавилонское царство».

Русских 10, латышских 50 вариантов.

7. № 516 „Раймонда”. „Верный слуга”. „Uzticogais kalps”.

Влюбляется в портрет царевича.

Русских 10, латышских 100 вариантов.

8. № 552. „Золотой петушок”. В некоторых вариантах отголоски сказки Пушкина. Русских 10, латышских 150 вариантов.

9. № 650. „Богатыри”.

В многочисленных латышских вариантах упоминаются: Иван — Медвежье Ушко (Lāčausis-Lāčplesis), Илья Муромец в борьбе с Соловьем разбойником, Эльяш — Пīņš (чудесное исцеление Ильи Муромца), фрагменты былины о Еруслане Лазаревиче; из былины «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», «Василий Буслаев», «Самсон».

Приводим фрагмент из сказки, опубликованной в сборнике П. Шмита, VIII т., № 27, записанной в Силаянской волости, об исцелении Эльяша.

„Senejūs laikūs dzeivuoja vins boguots saiminīks. Dīvs devja juo sīvai dālu. (...) Kad dāls tyka pruoovnoks, tad jis navarēja ni rūku, ni kuoju pacelt. (...) Jam beja uz cepļa pataisīta vīta un tur jis gulēja leidz treisdesmit godim un vysu, kū jam vajadzēja, tū jis darēja uz cepļa. (...) Vysi aizguoja sīna plautu. Muote īdama uz sīnu, soka dālam, lai jis dazaver, kab kas naiitu ustobā. Kad viņa izguoja, dāls atsagulās un aizmyga. Uzreizis jis izdzierda, ka nazkas īguoja ustobā. Dāls pasamūda un verās, ka īguoja vacs vecīts, kurš soka krūplim: „Kuo tu gulī? Kuop zemē, parunuosim, kas tev ir!”

Krūplis vysu jam izstuostīja. Tad vecīts teicja: „Cel, cel rūkas, varbut, varēsi nūkuopt nu cepļa”

И совсем как в русской былине расслабленный слез с запечья, стал подносить старичку воду, а тот ему „отворачивать”. И чем больше расслабленный пил, тем сильнее становился.

Необычно только завершение латышской сказки:

„Tad vecīts soka: „Es esmu pats Dīvs un tev dūdu vuordu Eljašs un divi guns zyrgus, tev vajadzēs braukt pa debesīm leidz pasaula galam!”

10. № 676. „Али-Баба и 40 разбойников”.

6 русских и 150 латышских вариантов.

11. № 677. „Садко”.

1 русский и 10 латышских вариантов (Садко по имени не называется).

12. № 707Б № 707В „Бова Королевич”, „Varonis Bova”.

Русских 3, латышских 200 вариантов (контаминирован с „Царем Солтаном”).

Приводим фрагмент из публикации П. Шмита (VI, 22) в русском переводе.

„Мать Бовы прогоняет мужа, вступает в связь с другим и замысливает убить Бову. Он спасается на корабле. В Бову влюбляется принцесса. С помощью доброго коня и меча Бова побеждает войско соперника — великана. Завистники посылают Бову с письмом к отцу великана. В дороге он пьет старинову водицу и засыпает, а проснувшись, не находит ни коня, ни меча. Отец великана бросает Бову в тюрьму, но он убивает всех своих врагов. На обратном пути Бова опять встречает старичка и хочет его убить. Старичок возвращает коня, меч и дает три лекарства, от которых можно постареть, помолодеть или беспробудно спать двенадцать дней. Бова в образе старика является к принцессе, которая собирается выходить за другого. Она дает жениху понюхать лекарство, тот засыпает. Бова с принцессой уходят. Жених посылает в погоню силача, который становится другом Бовы. Силач охранял принцессу, убивает двух львов и погибает сам. Принцесса думает, что и Бова погиб, возвращается к отцу. Не найдя принцессы, Бова собирается жениться на другой. В конце концов все выясняется, и Бова женится на принцессе”.

13. № 720 „Тюльпанное дерево” Жуковского „Pamāte nogalina brālīti”.

2 русских, 150 латышских варианта.

Братик поет: „Māte mani nokāva, tēvs mani apēda, māšiņa manus kauliņus salasīja”.

* * *

Выяснение сюжетных совпадений и различий — только одно направление сравнительного анализа сказок. Другая сторона — определение степени родственности персонажей, общности их устремлений, поступков, человеческих качеств. В этом случае речь идет о том, что в русских и латышских сказках известны во многом близкие подлинные герои. Прежде всего это *богатыри*, обладающие *неимоверной силой, смекалкой, сноровкой*, а то и сверхъестественными качествами, находящимися иногда в какой-нибудь заветной части тела, как у греков „Ахиллесова пята”, у германцев — неуязвимость тела Зигфрида за исключением одного единственного места. У Ивана Медвежье Ушко — Lāčausis — это его медвежьи уши, унаследованные от матери медведицы.

К этой категории принадлежат заимствованные из русских былин и русской средневековой литературы Илья Муромец — Iljaš (Eljašs), Еруслан Лазаревич, Алеша Попович.

Их место частенько занимает Иван Царевич, который с таким именем в латышские сказки не приходит, там постоянно — „Kēniņa dēls” (царский сын). С ним искусно конкурирует и в русских и в латышских сказках Третий сын (иногда с квалификацией „дурачок”) и, наконец, отставной солдат (он, правда, чаще в бытовых сказках).

Гораздо многообразнее героини волшебных сказок, особенно, русских; тут и Елена Премудрая, и Неумойка, и Безручка, и Царь-Девица, и Царевна-лягушка, и Золушка, и Спящая красавица (Sniegbaltīte, Erķšrozīte), и Мать-рысь (Lūšiņa), и Падчерица (Pameita). Но только у латышей популярна Zalkša ligava (Невеста Ужа).

Гораздо многообразнее палитра чудесных помощников героя. В русских сказках это а) человекоподобные существа, обладающие различными чудесными качествами: Вырвидуб, Вертидуб, Вернигора, Вертигора, Три пряхи, Медный Лоб, Обьедало, Опивало; у латышей — Skrējējs, Koku rāvējs, Šavējs, Pūtējs, Saldēdājs, Liels ēdājs, Labais dziedātājs, Tālu redzējs; б) мифологические существа: Дух в бутылке, Морозко, у латышей — Laimas māte, vecītis; в) благодарные животные: Кот в сапогах, Сивка Бурка — вещий Каурка, Сивка — Золотая Щетинка, Конек горбунок, Серый волк, Золотая рыбка, Щука по чьей велению происходят различные чудесные события; у латышей — Runājošā Zirga galva, Zelta zivtiņa, Brīnumputniņš.

Самое большое разнообразие в чудесных предметах, которыми пользуются и русские и латыши. Только в названиях можно отличить типично русский склад и лад и довольно неловкие попытки передать содержание этого склада-лада на латышском языке: скатерть-самобранка — galdiņ klājies, brīnumgalds; топор-самосек, меч-кладенец, дубинка из мешка, чудесное ружье, гусли самогуды — kokles, kas pašas spēlē; шапка-невидимка — cepure, kas dara neredzamu; лампа Аладдина, кошелек-самотряс, чудесная скрипка, целящие яблоки.

В русских сказках иногда чудесные предметы появляются как бы „в комплекте”: „сумка, шляпа, рожок”, „веретено, станок, игла”, каждый из которых выполняет свои определенные функции при спасении бегущих героев или в других случаях.

Враги в русских сказках приходят из мифологии: это карачун, русалка, Вий, черт, ведьма, Кошей Бессмертный (в латышских заимствованиях просто „Nemirstīgais”), а также специфические сказочные явления: целое семейство многоголовых змиев-драконов — мать, ее дочери; „чудо поганое”, „мужичок с ноготок, борода с локоток”, жених-упырь, пришедшие из немецких сказок карлики и разбойники разного калибра.

В латышских сказках в функциях врагов преобладают пришедшие из немецких сказок людоеды, великаны, гномы-карлики, „ūdens meitas”, „pūķi” (коргоруши), общие с русскими ведьмы, черти, летающие в гробу ведьмы.

И в русских волшебных сказках нет недостатка в песенках, которые распеваются и героями, и врагами. Так, в сборнике Ив. Фридриха герой обращается к своему чудесному коню со словами:

— Сивка-бурка, вещий Каурка,
Встань передо мной, как лист перед травой.

И дальше текст сказки принимает также стихотворную форму:

Конь бежит, земля дрожит,
Из ушей дым, из ноздрей — пламя.

Превращенный в барашка братик своей сестре Аленушке, пришедшей ему на помощь, поет:

Кипят горшки кипучие
Меня сгубить хочет, Аленушка.

Бытовые сказки

И в других разделах указателей Андреева и Арайса—Медне трудно отыскать такие номера, в которых были бы только русские или только латышские сюжеты. Если исключительно латышские сюжеты и находятся, то только в единичных записях. Единичные записи латышских сюжетов и в тех случаях, если они передают сугубо русский, православный сюжет, который идет из русских книг для чтения конца XIX, начала XX в.

Даже житие св. Феодосия Печерского попало в разряд латышского фольклора.

Вот что отыскал известный исследователь православия в латышском фольклоре Юрис Крейц в IX томе сборника латышских сказок и преданий П. Шмита:

„Sen senajos laikos, kad pats Dievs un Svētie staigāja pa šo pasauli, pie viena ķēniņa atnāca kāds ceļa vīrs. Ķēniņš sāka vaicāt ceļa vīram, no kurienes tas ira. Ceļa vīrs izstāstīja ķēniņam, ka viņš ir no vienas baznīcas, un ka viņa vārds ir Pēteris. Ķēniņš gribēja, lai svētais Pēteris pār-gulētu pie viņa par nakti, bet svētais Pēteris negribēja palikt par nakti pie ķēniņa un teica ka viņš iet gulēt tādā un tādā baznīcā, kur to citi gaidot. Ķēniņš negribēja palaist Pēteri iet kājām līdz baznīcai un lika saviem kalpiem aizjūgt zirgus un novest Pēteri. Kalps aizjūdza zirgu, domādams, ka brauks kāda prince, bet veras: sēdās kariatē nez kāds nabags. Kalps izbrauca no pils, skatās: nav neviena cilvēka uz ceļa. Tad tas saka Pēterim:

— Tu tak esi nabags. Sēsties tu labāk manā vietā par kučieri, bet es tavā.

Pēteris, nekā nesacīdams, izkāpa no kariatē un saka iet kājām, bet kalps, kā liels kungs gulēja kariatē un brauca.

Taisījās jau diena, pa ceļu brauca daudz ļaužu, tie pazina Pēteri un sāka kliegt un klanīties viņam. No liela trokšņa kalps piecēlās no salda miega un, redzēdams, kā ļaudis tam nabagam klanās, nobijās un nezināja, ko darīt. Skatās: stāv baznīca, pie baznīcas visi baznīkungi sveicina to ar procesiju. Kalps nobijās, pavisam nolaida galvu, domādams par sevi.

— Vai Dieviņ! Ko es esmu padarījis!

Pēteris, redzēdams noskumušo kalpu, piegāja klāt, paņēma to aiz rokas, ievēda baznīcā un lika baznīkungam dot kalpam paēst un naudu uz ceļu. Kalps bija ļoti priecīgs, ka Pēteris par tādu grēku nesodīja, bet vēl nožēloja. Atbrauca pie ķēniņa, bet nestāstīja viss tam par to, tikai pats visu mūžu nevarēja Pētera aizmirst”.

Записана в Макашанской волости.

Ю. Крейц для сопоставления приводит оригинал из жития Феодосия Печерского также на латышском языке (в своем переводе):

„Reiz taisnais [Feodosijs] kādā lietā aizgāja pie dievbijīga kņaza Izjaslava, bet tā kā tas tobrīd atradās tālu no pilsētas, tad Feodosijam bija jānokavējas tur līdz vakaram. Kad viņš saka taisīties uz māju, dievbijīgais kņazs lika aizvest viņu uz klosteri savos ratos. Ceļa vedējs kalps, redzēdams, ka taisnais ģērbies sliktās drēbēs, un domādams, ka tas ir nevis igumens, bet vienkāršs mūks, sacīja tam:

— Mūk! Sēsties tu zirgā, bet es sēdišos ratos.

Taisnais tūlīt klusi nokāpa no ratiem, atdodams tur savu vietu kalpam, bet pats vai nu gāja kājām, vai arī, kad nokusa, sēdās zirgā

jāšus. Tā viņi brauca naktī. Gaismai austot sāka gadīties tiem pretim augstmaņi, kuri jāja uz kņazu. Tie pazīdami taisno, nokāpa no zirgiem un zemu klanījās tam. Tad taisnais griezās pie kalpa un sacīja tam:

— Ir jau diena. Celies no ratiem un sēsties savā zirgā.

Kalps, ieraudzījis, ka taisnajam klanās augstmaņi, nobijās un, nokāpis no ratiem sēdās zirgā. Pa to laiku pretīm nākošie biežāk un biežāk sāka sveicināt taisno, kad tas sēdās ratos. Viņa vedējs kalps no to vēl vairāk apjuka.

Kad viņi tā piebrauca pie klostera, taisnajam iznāca pretī visi brāļi un sveicināja to, klanīdamies līdz zemei. Kalpam uznāca vēl lielākas bailes, un viņš nevarēja izprast, kas ir tas, kuram visi klanās. Bet taisnais paņēmis to aiz rokas, ievēda klostera ēdamistabā un tur lika viņu pabarot un padzirdīt, pēc tā atlaida to ar dāvanām⁵.

Русский текст жития напечатан в «Книге для чтения» А. Баранова.

В разделе сказок на морально-бытовые темы зафиксированы и сюжеты, близкие к народным рассказам Льва Толстого:

1. № 827 „Три старца” (их молитва: „Трое вас, трое нас, помилуй нас”).

2. № 844 „Рубашка счастливого человека” — сюжет Л. Толстого: у счастливого человека рубашки нет.

3. № 847 „Золотое стремечко” (св. Георгия: отдает бедняку свое золотое стрема).

Из бытовых сказок особенно обращают на себя внимание №№ 1534, 1660 „Шемякин суд”.

Сказка эта записана во всех регионах Латвии, точно воспроизводит все детали русского оригинала: и мотив оторванного лошадиного хвоста, и убитой больной матери, которую сын вез в лодке под мостом, с которого обвиняемый прыгнул, и камень, показываемый Шемяке и принятый им за подношение, и радость судьи в связи с тем, что оказался не убитым.

Среди анекдотов в указателе Арайса—Медне выделяется также цикл анекдотов о шуте Балакиреве:

1. № 1590. Шуту запрещено появляться на земле царя, он приезжает на возу, наполненном чужой (шведской) землей.

2. № 1610. Царь бьет шута и награждает, шут повторяет то же с генералом.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, ПОБЫВАЛЬЩИНЫ, АНЕКДОТЫ

Хотя тема эта затрагивалась уже в предыдущем разделе (легенда о Феодосии Печерском, анекдоты о шуте Балакиреве), часть наиболее значимых легенд и преданий мы выделили в особый раздел.

Прежде всего пристального внимания заслуживают лишь латышскими собранные и систематизированные исторические предания о городищах и древних могильниках-кладбищах (курганах), замках и дворцах, храмах, овинах (связанных с чертовщиной); о злых баринах мучителях латышских крестьян, о войсках, непрестанно воевавших эту кровотокающую землю, о зачинщиках этих войн — королях, царях, полководцах, политических деятелях.

Из всего огромного многообразия материала, особенно в латышских фольклорных записях, мы отобрали только те, которые так или иначе относятся к русско-латышским культурным контактам, оставляя типологические исследования для последующих исследований.

1. Легенды о городищах

Много легенд, преданий, побывальщин, быличек собрано не только в Архиве латышского фольклора. Много опубликовано в составленных Брастынем⁶ описаниях латвийских городищ, древних захоронений, храмовых (церковных) и висельных гор, культовых камней и деревьев.

Чуть ли не о каждом городище рассказывается, что в него провалилась стоявшая на нем крепость или церковь со всеми людьми. По воскресеньям или большим праздникам слышан из-под земли звон и песни молящихся.

В каждом из городищ зарыт клад, который иногда выходит на поверхность то ли в виде бочки с золотом, то ли в виде свинки или собачки, то ли в виде девицы, которая о чем-либо просит.

Примечательно „конфессиональное” предание о городище в Ладушах Резекненского района. Одному местному староверу приснилось,

⁶ Brastiņš E. Latvijas pilskalni. Latgale // Pieminēkļu valdes materiāli. — Rīga, 1928.

что он клад откопает, если будет копать вместе с католиком и православным. Собрав их себе в товарищи, старовер пошел клад копать. И когда бочка с деньгами уже появилась, старовер подумал: „А зачем мне с ними делиться?” Моментально бочка ушла обратно в гору.

В каждом городище существуют подземные ходы. Обычно рассказывают, что в одну дырку выпускали либо привязанного пастушка, либо собачку, а чаще всего утку, которые потом либо выплывали в соседнем озере или где-то поблизости городища.

К сожалению, Брастиньш не отмечал, на каком языке (от какой национальности) записаны латгальские предания, но думается, что одинаковыми они были и у латышей, и у русских.

О городах, крепостях, дворцах, церквах записаны и опубликованы только латышские предания. От русских и белорусов Латгалии записаны считанные единицы (Фридрих, 1980).

2. Предания о Петре Великом

Большой интерес среди русскоязычного населения Латвии вызвала неоднократная публикация статьи Б. Инфаньева о Петре Великом в записях латышского фольклора⁷.

Среди этих записей немало заимствований из русского фольклора, например, отмеченные уже выше анекдоты о шуте Балакиреве (они все относятся ко времени Петра Великого) и с ним непосредственно связаны. Следует упомянуть и заимствованные из русского фольклора предания о царе Петре и кузнеце (№ *921 Н* II).

Отклики на русские предания о Петре можно, кроме того, усмотреть в преданиях „Беспечальный монастырь”, „Петр крестит детей” (бродячий сюжет), „Чей солдат лучше”, „Простолюдин (купец) в гостях у Петра”⁸.

Большой интерес, разумеется, представляют предания, легенды, побывальщины, былички, связанные с пребыванием Петра на земле латышей. Краеведческий интерес больше всего представляют как раз последние, в идейном и художественном отношении менее примечательные.

⁷ Источники см. в статье Б. Инфаньева „Образ Петра Великого в латышских преданиях и побывальщинах” // Исторический вестник (Приложение к газете «Образование и карьера»). — 2001. — № 3. — 12—25 сент.; Клио. — 2003. — № 2. — С. 6—7; Суббота. — 2004.

⁸ [Райкова И.] Петр I. Предания, легенды, сказки и анекдоты. — М: Сабашниковы, 1993.

Во время фольклористической экспедиции в Бауск, у каждого из участников экспедиции оказалась запись об огромном камне, за которым то ли завтракал, то ли обедал, то ли ужинал Петр, то ли одни, то ли с польским королем Августом, то ли с солдатом. Затем Петр поднял камень (только он мог это сделать, хотя и Август славился своей неимоверной физической силой), положил под камень золотые ложку и вилку или свою золотую саблю, которые и по сей день там лежат. А камень тот по началу черт нес в Бауск, где строили какое-то здание, но запел петух и камень пришлось там бросить.

Цесисские старожилы с большим уважением показывали в 1953 г. собирателям фольклора липу, которую посадил Петр, проезжая через город в Ригу, и „императорское кресло” — холмик, с которого открывался прекрасный вид на Гаюю. В 1710 г. здесь сидел Петр и любовался рекой.

Петровскими сувенирами могут гордиться и другие латвийские города и села. Это и дуб в Кримулде около Кирбелей, под которым Петр закопал целый бочонок золотых монет, и две сосны на обочине шоссе в Лизумской волости, неподалеку от хутора Гриминаужи, где царь встретился со шведской делегацией. К таким памятным вещам относится и ковш, по сей день сохранившийся в Кениньциеме, из которого Петр пил, когда проезжал из Кулдиги в Айзпуте, а также вяз в Риге, в саду Виестура (царском саду, саду Праздников песни), который был посажен корнем вверх, чтобы доказать возможность Петра преобразовывать природу, — и могилы соратников царя, которых Петр велел похоронить у Гауенского замка после того, как этот замок был взят. На могилах этих и по сей день „сушатся” деньги (в виде огоньков) и расхаживает важный генерал, хранитель этих могил и золота, сокрытых в погребах замка.

С именем Петра связана и Валдемарпилсская церковь, построенная на месте высоченной сосны, влезши на которую заблудившийся царь увидел огонек соседней мызы и таким образом спасся.

В латышском фольклоре Петр как преобразователь природы выступает и в другом плане. У подножия горы Караткалнс (очевидно, имеется в виду Karatāvu kalns) в Цесвайне видна большая яма. Эта яма, по словам жителей „выгорела от сигары, брошенной Петром Великим, когда тот проходил через Цесвайне”.

А Лубанское озеро произошло от того, что царь велел запрудить реку Айвиексте, чтобы его войско могло продвигаться вперед к

Лубани. Небольшой ручеек в лесу, где теперь находится Яунпиебалгское кладбище, стал называться „Sarkanpalte” от того, что его вода получила красный оттенок от крови, стекавшей в него во время ужасной битвы, в которой участвовали русские войска под руководством самого царя.

Именно царь Петр — автор латвийских гидронимов. Так появилось название одного латгальского озера. Оно было так велико, что у царя спросили: „Это озеро или море?” — „Это разное”, — ответил царь и с тех пор озеро стало называться Разно.

Некоторые местности, связанные с именем Петра, преодолевают свой краеведческий характер и обрастают идеологическим содержанием, — они связаны с чудесным избавлением царя от различных опасностей, непрестанно преграждающих его путь на враждебной по началу территории Латвии.

Объясняя необычные привилегии жителей Кенинциемса в Курземе (на самом деле эти привилегии восходят еще к временам создания Ливонского рыцарского государства и соблюдались до 1940 года), рассказчики говорили о награде за очередное спасение Петра. Царь, узнав от кенинциемского старика о готовящемся покушении, поменялся с ним одеждой. В результате старичок погиб, а кенинциемцы получили особые привилегии (сходное предание зафиксировано и в российском фольклоре).

Другой спаситель Петра — сбежавший от помещика охотник-браконьер, который выводит из дремучего леса неподалеку от Елгавы заблудившегося там Петра. За это царь дарит браконьеру всю территорию Озолмуйжи, всю землю, которую на царском коне сможет обскать за один день.

Спасают Петра и женщины. Так случилось в Руенском округе. Царь скакал по Руенско—Валмиерской дороге (она и теперь сохранилась!). За ним гнались шведы. Когда Петр сообразил, что уйти от погони не сможет, забежал в одну усадьбу. И в хлебную печь. Велел, коли кто войдет, чтоб хозяйка сразу же как бы печь стала растапливать. Как же. Шведы тут как тут. — „Не видела ли такого-то и такого-то?” — „Не видела”. И хозяйка кладет в печь дрова и собирается вроде растапливать. Так Петр спасся. В знак благодарности он подарил ей усадьбу. И никаких налогов за усадьбу она не должна была платить.

А воспитанница пастора Глюка из Алуksне (по имени она в предании не названа) прячет Петра в шкафу, спасая его от шведов. Попал же Петр в шкаф алуksненского пастора, забежав в начале в

Алуksненскую церковь. После спасения между Петром и Глюком происходит такой разговор. Петр спрашивает, сколько он должен заплатить за свое спасение. Пастор отвечает: Петр сам должен знать, что нужно делать. Петр женится на воспитаннице Глюка и позднее она стала императрицей Екатериной.

В латышских преданиях можно отыскать и другую версию женьбы Петра. „Русский император ехал по Видземе. На обочине дороги увидел пастушку. Императору пастушка понравилась, и он ее увез в Петербург. Эта пастушка стала императрицей”.

Однако, подлинные предания о Петре, вошедшие в золотой фонд латышского фольклора, отобразившиеся в латышской литературной классике и перешедшие в репертуары русских сказочников соседних с Латвией районов (Смоленска и Карелии) — 1) спасение Петром Риги и 2) о Рижской ведьме.

3. Петр спасает Ригу

Если верить латышским преданиям, не будь Петра, не было бы и Риги.

„Это было тогда, когда шведы с русскими воевали. Петр переоделся таким вроде нищим и вошел не узнанный в Ригу разведать. Захотелось есть, ходил по городу в поисках еды. Проходил мимо амбаров с порохом. Увидел через окно, что там, в амбаре, горела свеча. Свечку поставили шведы, они собирались покинуть Ригу и поставили свечу, чтобы она выгорела и зажгла порох. Тогда Рига взлетела бы на воздух.

Петр зашел еще в один дом на кухню поест и затем поспешил к русскому войску. Кухарка видит, что у чужанина под тряпьем нищего вроде как звезды поблескивают; она решила, что это царь и рассказала шведскому военона начальнику. Петра ищут повсюду, а он вышел из кухни, увидел на телеге ящик с навозом, который повезут на поле. Лег в ящик. Шведы его ищут в городе, а Петр спешит к русскому войску и ведет его на Ригу. Царь прежде всего спешит к тому амбару, где горела свеча. Та уж совсем догорела, и огонь был почти у самого пороха. Петр вовремя потушил огонь и таким образом спас Ригу от взрыва. Когда Петр во главе войска торопился к амбару, чтобы потушить свечу, он скакал так быстро, что у его коня подкова отлетела и попала через окно третьего этажа в один дом.

Эта подкова и по сей день видна на доме около здания „Улья”.

Отдельные мотивы, из которых складывается это предание, можно обнаружить и в других версиях пребывания Петра в Риге. Например, мотив о звездах, блестящих на груди царя под лохмотьями нищего, упоминается, но в иной трактовке в наиболее старой записи предания о Петре в Риге, сохранившейся в рукописной летописи Адеркашской церкви (автор — православный священник Янис Лицис, давний сотрудник Ивана Аксакова и Юрия Самарина). В этом варианте (запись сделана в 1876 г.) звезды находятся не на платье царя, а на его теле (совсем как в русских преданиях о Пугачеве), и тем самым указывают на его природное царское происхождение.

Но особое внимание рассказчиков преданий и побывальщин о Петре привлек мотив спасения царя в ящике с навозом. В одном из вариантов даже называется фамилия кучера телеги — Шварца. В мадонском варианте рассказанное предание усложняется появлением нового действующего лица (оно станет ведущим во втором типе преданий) — сороки-ведьмы, в которую превратилась подлинная мифологическая владетельница Риги. Сорока все время стрекотала вокруг навозного воза. Поэтому Петр ее проклял — на три версты от Риги сороки впредь не смеют приближаться. На этот мотив особое внимание обратил в своей записи Янис Лицис. Как лицо духовное он этот эпизод поясняет с позиций православного священника: Петр мог проклясть сороку, и это проклятие возымело силу, как высказанное помазанныком Божиим.

В дундагском варианте предания, опубликованном в сборнике П. Шмита (том XV, № 282-3) о ведьме-сороке сообщается, что она — шведская принцесса (как увидим дальше — это отзвук русских преданий о Петре и шведской принцессе).

Проанализированный выше мотив предания получил в латышском фольклоре столь широкое распространение, что оттуда перешел даже в фольклор русского народа (вне территории Латвии).

В смоленском сборнике В. Добровольского читаем: „...Петр попрощался с ним, пошел в город. Мужичок берет навоз. Он просит мужичка: „Сбрось на меня навоз, я тебе больше уплачу”. Петр — на сани, а мужик его навозом прикрыл и вывез из города Риги, после чего Петр поблагодарил его — заплатил горсть золота”.

Сюжет этот отыскан и в Карельском сборнике. Это ставит вопрос: не являются ли сравнительно многочисленные латышские варианты заимствованием из русского фольклора?

4. Рижская ведьма

Рижская ведьма упоминалась нами уже в анализе предания о спасении Риги Петром от уничтожения. Но этому мотиву посвящен и особый цикл преданий о единоборстве Петра и Рижской ведьмы.

Два варианта этого сюжета опубликованы в сборнике П. Шмита.

Как победить противницу Петра — Рижскую ведьму, из-за которой русские никак Ригу взять не могут, в Скрундском варианте недоумевает солдат по имени Петр. „Я могу Ригу завоевать, — говорит он царю. — Но тогда мне через три дня надо умереть. Та сорока, которая там летает, — властительница Риги, не дает нам в бою победить. Если эту властительницу убить, Рига поддалась бы, но я должен был бы умереть”.

„Русский царь, — читаем дальше текст этого варианта, — пообещал солдату и его родственникам большие богатства, но солдат отказался. — Я один. Но если ты царь берешься построить церковь и назвать ее моим именем, то я сороку убью. Мне нужно только девять серебряных пуль, одна другой в три раза тяжелее. Кроме того, каждая пуля должна иметь три знака на себе.”

Но в завершении предания мы все же видим, что не солдат, а сам царь Петр сражается с ведьмой. „Царь собрал все нужное, приказал вновь напасть на город, а сам смотрит, что там получится. Сорока вылетела, и Петр выстрелил в нее, сорока — в Петра. Обе пули — Петра и сороки, столкнулись друг с другом. Стрельнули второй раз, опять пули столкнулись, но пуля Петра все же отбила пулю ведьмы. И так все дальше и дальше, пока, наконец, обе пули не вскочили ведьме в грудь. Она упала на землю и испустила дух. Рига тотчас сдалась”.

Царь сдержал свое обещание — построил церковь Петра.

„А ведьма, — так завершается предание, — в каждую новогоднюю ночь выходит из Даугавы и спрашивает, готова ли Рига? Ей отвечают, еще не готова, еще у Петра. Если когда-нибудь ей скажут: „Готова!”, Рига со всеми жителями провалится и станет жилищем ведьмы”.

В дундагском варианте этого предания тайну, связанную с возможной победой, Петр подслушивает в разговоре двух шведских солдат в Риге. „Поздно вечером, рассматривая шанцы, Петр услышал, что говорили два сторожевых солдата. Один из них насмеялся над трусостью русских солдат. Пригрозив шведским солда-

там смертью, царь выведывает у них заветную тайну: если колдунья, которая по ночам живет в дыре одного шанца, охраняет Ригу, превращаясь в сороку, застрелить, то Рига сдастся. А сделать это можно, если голый человек на восходе солнца в дырку шанца стрельнет серебряной пулей. Принцесса-ведьма навсегда останется сорокой”.

Еще в одном варианте этого предания, опубликованного в сборнике П. Шмита (т. XV № 283-4) приводится совершенно новая версия о рижской властительнице, примечательная тем, что стала основой сюжета трагедии „Рижская ведьма” Райниса. Приводим полный текст этого краткого, но исключительно содержательного предания.

„Рижская ведьма сидела в башне Рижской крепости. Пули ее не брали и отлетали обратно. Тогда Петр познакомился с дочкой рижской правительницы и узнал, что мать можно ранить только серебряной пулей. Такой пулей Петр и убил ведьму. Умирая, она прокляла дочку. „Ты, стерва, увязнешь в земле на сто вершков!” В том месте, где провалилась под землю проклятая матерью дочка, сегодня стоит сторож. Каждые сто лет дочка выходит из подземелья и спрашивает: „Готова ли Рига?” Если бы ей ответили: „Готова!”, Рига тут же провалилась бы под землю и возобновилась бы власть старой правительницы”.

На мистику пуль, удваивающих и утраивающих свою массу с каждой новой пулей, пристальное внимание обратил Василий Синайский, сопоставлявший латышский и русский фольклор на фоне мирового развития мифологического мышления⁹. Вес пуль, по рассуждению Синайского, пропорционально увеличивающийся, — 1, 3, 9, 27, 81, 243, 729...в конечном счете обозначает период времени — солнце в своем „предварении” равноденствия (процессий).

Популярность Рижской ведьмы в ее взаимоотношениях с царем Петром привела к подражаниям в виде появления Добельской ведьмы, защищавшей добельский замок. В отличие от рижской, добельская названа по имени — Катерина, названная так, по мнению исследователей, в честь будущей супруги царя.

Рижская ведьма — шведская принцесса в своем единоборстве с Петром приобретает новое звучание и значение, если сопоставить эти латышские предания с русскими о взаимоотношениях Петра и шведской принцессы, собранные и записанные еще при жизни самого Петра в... тайных канцеляриях Преображенского и других

приказов, где допрашивали и пытали врагов Петра и его реформ.

В пространно цитированных и В. Ключевским и С. Соловьевым сведений из архивов упомянутых приказов, среди различных наветов и злословий можно отыскать немало подлинных фольклорных произведений сказочного жанра, которые так или иначе перекликаются с латышскими преданиями-сказками о взаимоотношениях Петра с всемогущей властительницей Риги — колдуньей, которая в одном латышском предании названа шведской принцессой. Эта шведская принцесса, по мнению русских исследователей — фольклорное перевоплощение тогдашней правительницы Швеции Элеоноры-Ульрики, сестры Карла XII, которая правила Швецией в отсутствие своего брата. Ее образ переплетается с образами тех шведских властей в Риге, которые так негостеприимно обошлись с Петром в Риге во время его первого посещения шведско-немецкой столицы в конце XVII в.

В какой-то мере „сводным текстом” немалочисленных вариантов предания „Петр и шведская принцесса”, может стать текст, записанный от старца Варлаама из Святогорского монастыря Изюмского уезда; старец же предание сие слышал от некоего дегтярного дела мастера.

„Царь наш Петр жив. Ходил в Турецкую Землю послом, а из той земли пошел в город Стокгольм. А тот город держит царица, и к той царице отписал турок: „Пошел к тебе посол русский царь, понеже наши земли он осматривает”. А та царица его не отпустила, посадила под караул. И вместо его изобразала такого же молодца и послала его в Россию на царство. И по приезде своем начал бороды брить и платье резать по-своему и жаловал своих неверных в высокие чины, и кто его не познал, токмо познала царица. И он ее от себя отринул и взял себе иную, а сам пошел на службу. А царевич остался на царстве. И говорил ему царевич: „Ты изволил идти на службу, и меня оставляешь на царство, позволь мне сделать звон, чтоб было слышно на всей земле”. А по отъезде его на службу царевич начал неверных гнать, чтоб их не было в царстве. И, услыша, он (царь. — *Б.И.*) возвратился назад и царевича уходил сам. А потом и сам умер, а ее (новую жену. — *Б.И.*) пожаловал на царство. А теперь царь наш от неволи избавился через купецкого человека, который ездил на корабле с товары. А пришедши поднес той царице великие дары, и она за тот дар его человека чествовала. И пошел он по темницам милостыни давать. И нашел его в особой темнице, а с ним двух человек. И стал он тое царицу просить на корабль к себе на банкет и та ца-

⁹ Свои соображения В. Синайский опубликовал в газете „Сегодня”, 1936 г., № 143.

рица на корабль с своими служителями пришла и гуляла довольно. И помянутый купец поднес им пойла, от того пойла они все уснули, и с теми кораблями от того города уехали, их увез. И как они проснулись, стали его просить, чтоб он отпустил их и „чего желаешь, то тебе дадим”. И он (купец. — *Б. И.*) им сказал: „Ничего от вас не хочу, только дайте мне трех невольников”. И отдал царя Петра и с ним двух человек. И взявши, он (купец. — *Б. И.*) привез. Да удивляюсь я, что он (царь. — *Б. И.*) и поныне не объявился. А о царевиче сказывают, что у тестя своего — цесаря”¹⁰.

Текст этот примечателен, кроме всего прочего и тем, что близок к действительности, но и в этой сказе присутствует уже один важный фольклорный мотив из цикла противостояний Петра и шведской царицы, которая русского царя подменила и на Русь прислала царствовать басурманина.

Примечательна также завершающая фраза о том, что подлинный царь жив. Остается удивляться только, почему он до сих пор не объявился, тем более, что в предании ясно сказано: подлинный царь умер. Разумеется, это результат контаминации двух различных преданий, из которых — в одном: царь умер (близко к действительности!), а в другом — жив, чудесным образом освобожден из темницы — фольклорный вариант, о котором преимущественно будет речь, как о каком-то варианте, так или иначе соприкасающимся с латышскими вариантами о противостоянии Петра с Рижской ведьмой — шведской принцессой.

В материалах той же тайной канцелярии (Соловьев, т. IX, с. 571) сохранилась сходная, но более краткая информация об этом же событии, записанном из уст некоего „дяди Самуила”: „Наш государь пошел в Стекольную и там его посадили в заточение, а это не наш государь”.

В другом сказании, датированном 1704 годом и записанном на столбце № 64 Дела Преображенского приказа (Соловьев, т. VIII, с. 112) находим повествование еще более отходящее от предполагаемой первоосновы, содержащее еще больше фольклорных элементов, еще более приближающихся к латышскому фольклорному варианту (сказитель-источник на сей раз не отмечен).

„Как государь, и его ближние люди были за морем и ходил он по немецким землям и был в Стекольном, а в немецкой земле Стеколь-

ное царство держит девица, и та девица над государем ругалась, ставила его на горячую сковороду и, сняв со сковороды, велела его бросить в темницу. И как та девица была именница, и в то время князья ее и бояре стали ей говорить: пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпусти его, государя. И она им сказала: „Подите, посмотрите: буде он валяется, и для вашего прощения выпущу”. И князи и бояре, посмотрев его, государя, ей сказали: „Томен, государыня!” И она им сказала: „Коли томен, и вы его выньте”. И они его выняв, отпустили. И он пришел к нашим боярам. Бояре перекрестились, сделали бочку и в ней набили гвоздья, в тое бочку хотели его положить. И про то уведал стрелец и, прибежав к государю к постели, говорил: „Царь-государь, изволи встать и выйти. Ничего ты не ведаешь, что над тобой чинится”. И он, государь встал и вышел. И тот стрелец на постелью лег на его место. И бояре пришли и того стрельца с постели схвата и положи в тое бочку, бросили в море. На место царя явился немчин. Это не наш государь, немец, а наш царь в немцах в бочку закован, да в море пущен”.

И здесь перед нами контаминированное предание. С одной стороны, это мотив о царе в бочке с гвоздями. Другой мотив о чудесном спасении Петра стрельцом, заменившим собою Петра и погибшим за него. Мотив этот известен и в записях латышского фольклора (там Петра спасает и сам за него погибает кенинциемский старичок). Но самое существенное — та же шведско-немецкая царь-девица. К контаминации следует отнести и нелогичное сопоставление: царь-девица Петра милует, а „наши” (русские?) бояре его заколачивают в бочку! Или это намек на сопротивление русского боярства петровским реформам?

В контексте нашего исследования важны некоторые другие детали этого сказа. Прежде всего, смешение места действия. С одной стороны, называется популярное в русском фольклоре „Стекольное царство” (народная этимология Стокгольма), с другой, город немецкой земли, что не может быть ничем иным, как самым крупным городом в Шведском королевстве, немецким городом Ригой. Здесь сказалась также и реминисценция приключений Петра в Риге в XVII в., что, как видим, оставило в сознании русских людей неизгладимое впечатление и незабываемую память.

Вторая, еще более важная для нас деталь — занимающий центральное место в повествовании персонаж — царь-девица, „державшая власть” в Стекольном. По единодушному признанию комментаторов — Ключевского и Соловьева, — в этом фольклорном

¹⁰ Соловьев. Собр. соч. — М.: Голос, 1996. — т. VIII. — С. 113 (далее: Соловьев).

образе отразились реминисценции о сестре Карла XII Элеоноре-Ульрике, которая властвовала в Швеции и во время военных походов своего брата и после его смерти.

В действительности Петру не приходилось лично посещать Стокгольм и лично конфликтовать с правительницей Швеции (в том числе и Риги), ни сражаться со шведской правительницей или шведской принцессой — повелительницей и сторожем Риги — Рижской ведьмой, охранявшей Ригу от русского войска. В творческом же сознании и русских и латышей русско-шведское противостояние приняло символический образ противостояния обоих монархов. Здесь, однако, следует сразу же обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство. В латышских сказаниях это противостояние, выраженное взаимной перестрелкой: Петр по совету своих мудрых советников — солдат, и русских, и шведских, побеждает, застрелив свою противницу особо изготовленными золотыми и бриллиантовыми пулями, в нарастающем объеме которых В. Синайский усмотрел чуть ли не общечеловеческое мистическое мышление. Принцесса-ведьма также стреляет в Петра, но победителем всегда в конечном счете оказывается Петр, как царь, „помазанник Божий”, наделенный Божьим расположением. Особо этот мотив подчеркивается в варианте, записанном в 1876 году православным священником Янисом Лицисом от православного же латыша в средней Видземе. В русских же сказах этого типа, записанных от противников Петра-новатора, победителем всегда оказывается шведская царица, в бочке с гвоздями бросающая в море подлинного Петра, а на его место присылающая царствовать на Руси немчина, „антихриста-латыша”.

В контексте нашего исследования примечательным в этих сказаниях является наименование Петра „латышом”. Конечно же никто не предполагал соотнести Петра с потомками латыголы или латыгоры — жителями по обе стороны Даугавы-Двины. Причина тому нечеткое размежевание понятий „латыш” и „латынь”, которым, кстати сказать грешили (как явствует из латышских побывальщин), даже русские помещики, удивленные тем, что их домашние учителя из Прибалтики — латыши, не могут обучать своих воспитанников латыни. „Как, своего родного языка не знают”, — говорили в таких случаях русские помещики. Ключ к пониманию причин смешения понятий „латыш” и „латынь” в следующей записи следственных органов, сделанной еще в 1700 г.: „Московский стрелец Иван Луковников сказал: „Какой он государь благочестивый? Он несчастливы полатынил всю нашу христиан-

скую веру (...). Не сила Божия ему помогает, ересями он силен, христианскую веру обругал и облаатынил, обманный царь”.

Нельзя не отметить и запись, сделанную в 1705 году (Соловьев, т. VIII, с. 114).

„Ладожский стрелец Александр на дороге из Новгорода встретил старца, который говорил ему: „Какой он нам, христианам, государь? Он не государь, латыш: поста никакого не имеет; он лстец, антихрист; рожден от нечистой девицы. Писано именно о нем в книге Валаамских чудотворцев: и что он головою запрометывает и ногой запинаяется (Петр страдал припадками эпилепсии. — *Б. И.*), и то его нечистый дух ломает. А стрельцов он переказнил за то, что они его еретичество знали, а они, стрельцы, прямые христиане были, а он бусурманин. А солдаты все бусурманы, поста не имеют. Прямого государя христианского, царя Иоанна Алексеевича, извел он же, лстец. Ныне все стали иноземцы, все в немецком платье ходят да в кудрях, бороды бреют (...) У него мать была какая царица? Она была ерепища, все девок родила”.

Изложенные в этом сказе детали были популярны не только среди „старцев” и „стрельцов”. Даже бабы, „стирая белье” (Соловьев, т. VIII, с. 111), толковали „Какой де он царь? Родился от немки беззаконной. Он замененный. И как царица — Наталья Кирилловна стала отходить сего света и в то число ему говорила: „Ты-де не сын мой, замененный.” Он велит носить немецкое платье — знатно родился от немки”.

Какова связь изложенных здесь русских сказов о Петре с латышской легендой о Рижской ведьме? Прямых соответствий, сюжетных или текстовых здесь нет. Однако, отдельные элементы типологически перекликаются. И в русских и в латышских преданиях — реминисценции неприятностей Петра в Риге при первом его посещении, и русско-шведской войны, проходившей с переменными успехами, и образ прототипа шведской царь-девицы и, возможно, Рижской ведьмы, — несомненны. Самое же примечательное — постоянные победы Петра в латышских преданиях, и его гибель в русских сказах противников его нововведений.

5. Петр Великий в русском фольклоре

Но в русском народе и русском фольклоре существует немало преданий, побывальщин, быличек, в которых Петр предстает как великий государь, патриот своей родины и благодетель народа, великий труженик на троне, справедливый судья.

С именем Петра в русском фольклоре связано немало переходных преданий и побывальщин, которые на Западе сочетались с именами французских, немецких, английских, австро-венгерских государей, но особую, оригинальную, группу представляют побывальщины о трудовых подвигах Петра за границей, особенно в Саардаме¹¹.

„Вот оно царь так царь, — восхищаются им люди труда, — даром хлеба не ел, лучше бурлака работал”¹². Широкое распространение получило предание о могучей силе Петра, сгибавшего подковы (Райкова, №№ 25—29). Сказание это популярно и в латышском фольклоре.

Известны многочисленные предания о Петре (и русские и латышские), использованные также в русских кинофильмах и романах о Петре как искусном лодчине, доводящем иностранные корабли до пристани и в Петербурге, и в Риге¹³.

Гордость Петра — его мозолистые руки (Райкова, № 24), физический труд для него не хобби, а средство воспитания обленившихся вельмож, поэтому, когда на заводе Миллера (Петропавловском) Петр кует железо, все приближенные должны ему помогать — раздувать горнило, подносить материал, подавать инструменты (Райкова, № 24).

Вторая необычная для царского сана особенность, поражающая простой люд — пренебрежение сословными привилегиями и ограничениями, еще так недавно лежавшими на Руси в основе взаимоотношений людей. Петру ничего не стоит возвысить трудолюбивого калмыка, слугу ленивого дворянина Спафариева (Феоктистов, с. 106—108). Сюжет этот также широко использован в художественной литературе, в кинофильмах о Петре.

Одно из наиболее часто упоминаемых качеств Петра в русских преданиях и побывальщинах — его справедливость. Да, нередко царь оказывается беспричинно вспыльчивым и даже жестоким. Но каждый раз в преданиях этого типа побеждает чувство справедливости, стоит только царю узнать подлинную причину того или иного проступка. И гнев его тут же сменяется на милость. Вот

¹¹ Феоктистов Ив. Анекдоты и предания о Петре Великом (По Голикову и др.). — Петербург: Ледерле, 1896. — С. 106—107 (далее: Феоктистов).

¹² [Райкова И.] Петр I. Предания, легенды, сказания и анекдоты. — Москва: Сабашниковы, 1993. — № 24 (далее: Райкова).

¹³ Толстой А. Петр I. Пьеса. — Ленинград, 1935. — С. 17 и след.; Гурин А. Г. Петр в Риге (в печати).

Петр целует и милует Лефорта, на которого только что поднял шпагу (Феоктистов, с. 14). Петр обнимает, просит прощения у одного эстляндского помещика, которого только что огрел своей тростью за то, что тот не успел договорить до конца своей фразы: „Казенных лошадей не дам — дам своих собственных”¹⁴.

Перед заслуженным гневом царя все равны, этого гнева не избежать даже самым близким любимцам царя — Меньшикову (Феоктистов, с. 117—120), Монсу (Феоктистов, с. 163—164).

Закон для Петра — выше его царской воли. Царь подчиняется решению Сената (Феоктистов, с. 22—29), решению Рижского Магистрата (Феоктистов, с. 59—63). Последняя легенда, столь примечательна для нас, что стоит на ней остановиться подробнее, тем более, что на ее истории можно проследить, как складывались и функционировали подобные легенды, предания, побывальщины вообще, о Петре — в частности.

Восходит эта легенда к реальному событию и датируется 18 ноября 1711 г., когда Петр впервые после присоединения Риги посетил столь полюбоившийся ему город. Предание содержит также историю этого сообщения: „Об этом происшествии Голиков слышал от своего товарища по торговле купца Ивана Волкова, а Волкову рассказывал в 1765 году сам престарелый владелец гака, бывший в то время в той же самой ратуше ратгером. Рассказывая, старик не мог удержаться от слез умиления при воспоминании о справедливости, оказанной ему покойным монархом”.

Справедливость же эта заключалась в том, что Петр поначалу подарил земельный участок („гак”), принадлежавший вышеназванному будущему ратгеру, Меньшикову, а затем, подчиняясь решению ратуши, возвратил этот земельный участок прежнему владельцу.

Кстати сказать, жестокость Петра, ставшая „притчей во языцех” и русских, и иностранных повествователей о царе, признавалась и им самим (Феоктистов, с. 127—129), как необходимость достижения тех высоких целей преобразования и европеизации России, которую он считал целью всей своей жизни.

В опубликованных преданиях о Петре не осталась не отмеченной и такая необычная для царского сана черта, как бережливость. Широкую огласку получило предание о гневе царя на дворянина Корсакова, приехавшего из-за границы, панталоны которого оказа-

¹⁴ Фет А. Мои воспоминания. 1848—1889. Ч. I. — М.: А. И. Мамонтов, 1890.

лись богаче и роскошнее, чем одежда самого государя (Феоктистов, с. 127—129). Сам царь гордился своими заплатанными чулками (Феоктистов, с. 149—150).

Записанные уже в наше время (то есть, в конце XIX, в XX вв.) предания „из уст народных” обладают всеми свойственными фольклору чертами (в том числе и отрицательными): фрагментарностью, непоследовательностью и нелогичностью композиции, противоречивостью. Всеми этими недостатками отличается особенно важное для нас предание (или вернее: комплекс преданий), опубликованное в сборнике В. Добровольского¹⁵ и озаглавленное „Петр Великий и Рижский купец”. Текст явно контаминирован, вообрал в себя несколько вариантов различных преданий о том, как Петр собирался воевать Ригу.

Одно из этих собранных воедино преданий находится в заключительной части повествования и представляет собой заверченный сюжет.

„Царь ходит по Москве и думает, как бы пушек налить, думает собрать с Расаи старые пятаки для литейных пушек. И шел по Москве в простой одежде. Встречается с ним человек. Спрашивает царь:

— Что ты за мастер?

— Я своему делу мастер.

— Кто ж ты такой?

— Я медник. — Он ему рубль подарил.

— Скажи мне, братец, про дело, что я вздумал: хочу собрать медь, налить пушек.

— Царь, я тебе совет дам: вы по колоколу с каждой церкви снимите и налейте пушек. На что ж тебе столько пушек?

— Пойду Ригу воевать”.

Второй сюжет этого сводного текста, который может рассматриваться как близкий к первому, также связан с добыванием пушек, предположительно более раннего периода свершения своего сюжета, тех отдаленных лет, когда на Руси пушек еще вообще не лили, и по народному представлению, высказанному в этом фрагменте, их добывание было связано с зарубежьем. А первым зарубежьем для русского человека была Рига, власти которой (и Орден, и Архиепископ, и бюргеры) всячески препятствовали ввозу в Московию вооружений. С этих позиций и надо рассматривать следующий эпизод анализируемого фольклорного текста:

¹⁵ Смоленский этнографический сборник В. Добровольского // Записки ИГО. — СПб., 1891. — Т. XX, ч. I. — № 35; также: Райкова № 35 (без эпизода вывоза Петра из Риги на навозной телеге).

„Когда у России не было пушек и Петр узнал, что за границей пушки повылили, он захотел это искусство рассмотреть. Поехал в Ригу. А рижские купцы ездят за товарами в чужие земли. Он нанялся купцу в работники и поехал с купцом за границу. Приехал в Ригу (вернувшись из-за границы? — *Б. И.*), а тут начали подмечать, что он — Петр (то есть, царь. — *Б. И.*); отдан был приказ на всех заставах, чтобы его не выпустить. Петр распрощался с ним, пошел в город. Мужик берет навоз. Он (Петр. — *Б. И.*) просит мужичка: „Сбрось на меня навоз, я тебе больше уплачу”. Петр — в сани, а мужик его навозом прикрыл и вывез из города Риги, поблагодарил его (мужика. — *Б. И.*), заплатил горсть золота”.

Весьма нелогичная скороговорка становится понятной, если сопоставить ее с латышским преданием о том, как Петр спас Ригу от подготовленного шведами ее взрыва перед их уходом. Очевидно, здесь мы имеем дело с заимствованием белорусско-русским фольклором из латышского, что поначалу происходит в Латгалии, а потом попадает и на Смоленщину. Возможен и другой вариант: латышское предание завезено в Белоруссию латышскими фермерами-колонистами.

Третья часть рассматриваемого сводного текста Добровольского представляет приписанный Петру бродячий сюжет о знакомстве с неизвестным человеком, который оказывается властелином.

Из других подлинно фольклорных материалов поздней записи (Райкова, № 23) нашего внимания заслуживает соотносимый с латвийским фольклорным вариантом текст о посаженной Петром сосне корнем вверх.

В трех различных вариантах (Райкова, №№ 54, 56; Фридрих, 1980, с. 238—239) записаны сходные с латышскими предания о заблудившемся в лесу Петре. Русские варианты от латышского отличаются большей сложностью и сочетанием сюжета заблудившегося Петра с сюжетом о пойманных разбойниках. И здесь главным героем оказывается солдат, который спасает Петра от верной смерти и обезвреживает разбойников. В отличие от латышской былички русские побывальщины со сказочными мотивами не приурочены ни к какому месту.

То же самое следует сказать о русском предании, в котором рассказывается о том, как заблудившийся в лесу царь спасся, влезши на высокий дуб (Райкова, № 54). В латышском предании он влезает на сосну.

Исторические песни о Петре см. в разделе „Исторические и военные песни”.

6. Наследники и предшественники Петра в латышском фольклоре

Как в жизни, так и в латышском фольклоре рядом с Петром Великим стоит Екатерина Алексеевна, по латышской версии и сама латышка, ставшая самодержицей „всея великия, и малыя, и белая Руси императрицей”.

О том, как воспитанница алуксненского пастора Глюка однажды спасла Петра, спрятав его весьма прозаически в шкаф, уже говорилось, но это не единственная легенда, сложенная латышами о своей столь прославляемой землячке. (Что касается ее подлинной национальности, то в науке высказываются разные мнения.)

Латышские предания о Екатерине Алексеевне до сих пор не публиковались и не анализировались, поэтому первый шаг к их исследованию — их публикация, что мы здесь и предпринимаем, исходя из тематики этих фольклорных записей.

1. АФ 1400, 5579 (1889 г.)¹

В алуксненском селе Пайдари у одной матери родилась дочка Катерина, и на спине у нее был знак, который выглядел как подкова, сабля и колос. Девочка была красивая и умная. Когда мать умерла, ее взял пастор. Здесь батраком нанялся простой парень, который на самом деле был властитель России. Никто этого не знал и парня хотели отдать врагам русского царя — шведам, но Катерина помогла ему убежать. А потом он и женился на Катерине и она стала царицей.

2. АФ 1000, 55 (1930 г.)

Однажды поздно вечером пастору в Страупе принесли маленькую девочку, которую он принял на воспитание. Потом они переехали в Алуксне. В те времена шведы властвовали в Видземе. Шведский офицер познакомился с нею и увез в свой замок. От Гауи до замка в Алуксне была подземная пещера (ход). Один нищий подал о пещере сведения врагу. Воспитанницу взял в жены Петр Великий.

3. АФ 1835, 2083 (1948 г.)

На горе Лустажи был дворец Катрины. У нее была золотая карета, которую утопили в Волгунтском озере.

¹ А[рхив латышского] Ф[ольклора]. Первая цифра — № фонда, вторая — единицы хранения, в скобках — год записи.

4. АФ 1341, 19858 (1935 г.)

От Даугавпилса в сторону Резекне находятся Вышки. Здесь когда-то жила русская императрица Катрина, которая служила в Старой корчме; а та находилась неподалеку от Петербургской дороги. Эту дорогу потом называли „Катериновским трактом”.

5. АФ 1000, 125 (1930 г.)

У Алуксне в усадьбе Руниш, в мызе Яун-Анна Валкского района по дороге Анна идучи на обочине дороги небольшой холмик, поросший мелкими деревьями и кустами. Это место называют местом рождения бывшей Российской императрицы Катерины II.

6. АФ 1552, 17017 (1938 г.)

В Огрских Мазсталдатах — родина Катерины Великой. Напротив дома — речушка, которую называют ключом Катерины.

Однажды цыганка ее матери предсказала: „Ты свою дочку колышешь в деревянной люльке, а твою внучку будут качать в золотой люльке”.

7. АФ 1400, 11990 (1901 г.)

В Верхней Курляндии, в поместье Сунактского пастора 200 лет тому назад жил родственник Екатерины, жены Петра Великого, сапожник Гейденбестс и чинил сапоги. Бедная эта душа не видела счастья и часто жаловалась: „Почему мой родственник Петр обо мне не помнит?” Но он вспомнил. В один прекрасный день перед дверями бедного сапожника стоит кибитка и увозит его в город, где царский двор. Хотел испробовать его и других родственников императора: воспитывая этих простых людей нельзя ли позже сделать такими, которые смогли бы участвовать в придворной жизни. Но, кажется, эти попытки воспитания пришли чересчур поздно. Они не удалась и кибитка опять привезла Гейденбеста в Сунакте, где Гейденбестс опять чинил сапоги, мечтая о прекрасной жизни в царском дворце. Вот какое предание о бедном Гейденбесте.

8. АФ 1660, 2854 (1940 г.)

Когда немцы пришли в Прибалтику, они у озера Алуксне, неподалеку от латышского городища построили свой каменный замок. Владелица замка Катрина по несчастному случаю оказалась у латышей. Они ее хорошо приняли и защитили. Возвратясь в свой за-

мок, она запретила немецким рыцарям нападать на латышское городище. Потом сама погибла от несчастного случая.

9. АФ 1990, 344 (1969 г.)

Царица Катерина I была латышкой и велела помещикам, чтобы улучшили тяжелую жизнь крестьян, но Шереметьев (sic!) Катерину I отравил.

Цикл латышских преданий помечен именем Екатерины II. В какой мере именно эта императрица имеется ввиду в предании, и не подменяет ли она Екатерину I, определить трудно.

10. АФ 17, 23607 (1934 г.)

В пороховой башне жила Катерина II, где находился ее стул (krēsls), на котором она сидела и вязала. Башня была очень старой, но ее не могли снести, так как она была очень крепкой. Катерина II была очень плохой, и граждане хотели ее застрелить, но всем было очень страшно. Один солдат все же это сделал. Он застрелил Катрину II двумя серебряными пулями, которые заделали ее левое плечо. Еще теперь в Пороховой башне можно увидеть две дырки.

11. АФ 1975, 4159 (1963 г.)

Императрица была дочкой одного пастора — Марта. Петр Великий полюбил, короновал Катериной II. Она была очень распутной. Хозяин замка Зубов был ее любовником. Должен был ехать к ней, но застрелился. Его внутренности похоронили у большого дуба на краю большака у волостного правления, на острове посредине озера. Тогда его называли горкой Яниса, затем Эндзельгоркой, теперь горой Зубова. Сердце Зубова в золотой посуде отослали Катерине.

12. АФ 557, 109 (1923 г.)

В Яунпиебалгской волости недалеко от дома пастора растет двухветвистая сосна. Сосну посадила российская императрица Катерина. Она на краю дороги всунула сосновую палочку, которая выросла большим деревом.

13. АФ 1341, 15292 (1934 г.); 1341, 19857 (1935 г.)

Неподалеку от Даугавпилса находилась Биркенели-мыза, у дверей которой еще теперь стоит герб: колесо с тремя поломанными палками. Это остаток от тех времен, когда Катерина Великая ездил

ла посмотреть своих подданных. На крутом обрыве лошади стали беситься, их усмирил один крестьянин, схватив колесо кареты. Катрина ему это подарила и много земли.

14. АФ 1978, 2492 (1966 г.)

В селе Буртлиски есть аптека, где во времена Екатерины Потемкин устроил „маленький Петергоф”, где Катерине ночь переспать. Раньше вокруг здания был пруд и посажен парк.

15. АФ 1001, 12 (1930 г.)

Денежной горой называют холмик, в котором Катерина II зарыла свои деньги. Катерина ехала из Гауены через Мерциемс в Ригу, но по дороге услышала, что Рига горит. Велела свои 12 возов закопать в одной горе за рекой Вией.

16. АФ 929, 23701 (1934 г.); 929, 69915 (1935 г.); 1592, 9064 (1937 г.).

Когда Латвия находилась под владыческим игом России, в Видземе произошло восстание. Катерина Великая объезжала Видземе. Она увидела на одной горе девочку. Она взошла к девочке. Девочка играла золотой чашей. Она попросила, чтобы принесли воду. Катрина попила, а остальную воду вылила на землю. Чаша упала и пропала. Она сказала, что на этом месте построят церковь.

17. АФ 220, 957 (1932 г.)

Российская царица подарила Зубову Рундальский замок с условием, что он будет ей верен и не женится на другой. Зубову понравилась дочка одного Балтийского помещика. Он женился и жил счастливо. Царица это узнала и пригласила к себе поговорить. Зубов не пошел, а повесился в Балконном зале.

18. АФ 1978, 2186; 1978, 2491 (1966 г.).

Катерина однажды объезжала Видземе и Буртниеки. И встречая, в ее честь были поставлены в почетном карауле школьные дети от мызы Буртниеки до Екин-мызы. Катерина сказала, лучше бы вместо каждого ребенка посадили деревцо. В ту же ночь деревья были посажены. И теперь там дубовая аллея.

19. АФ 1918, 2784 (1966 г.)

У Екатерины Великой Екин-мыза была летней резиденцией. Когда Катерина однажды сюда приехала, устроен большой прием.

Молодые девушки с цветами в руках стояли вдоль дороги от корчмы Аусмы до Екинъ-мызы. Катерина высказала пожелание, чтобы там, где стояли девушки, были посажены липы. Это и было сделано, и там теперь липовая аллея.

Анна Иоанновна, Курземская герцогиня удостоена в латышских преданиях всего лишь одним вариантом (АФ 1645, 3953; 1938 г.).

В Вирцавской волости имеются развалины древнего замка. Там жил курземский герцог Петерис Биронс. Замок построен в 1770 году по желанию императрицы Анны. Замок строил архитектор Растрелли почти одновременно с замком в Свете, который также строил он. Теперь замок разрушен. Раньше, когда императрица Анна ездила к Бирону, она ходила в баню мыться. Баня была в 25 аршин (asis) длины и ее основы еще и теперь можно видеть в верхнем саду большого вирцавского замкового парка в северо-западном его углу. Замок разрушен 100 лет тому назад. Однажды ночью вирцавский крестьянин Нейманис видел во сне, что под баней зарыты деньги и пошел копать, но ничего не нашел.

Предшественники Петра в латышских преданиях упоминаются куда реже. С именем Ивана Грозного латышские предания связывают взрыв замка в Алуksне (на самом деле это событие произошло во время Северной войны и подробно изображено как в описаниях современников, так и в художественной литературе) — АФ 1900, 343. Кратко рассказывается о том, как его войском занят Селпилс: девицы побросались в Даугавские омуты (АФ 1955, 14886). Наиболее пространно рассказывается о взятии Вецпиебалгского замка. Эти предания основываются на подтверждениях, записанных в церковные книги, что замок этот действительно занят войсками Ивана IV в 1575 году. Предания, в отличие от первых двух, оснащены подлинными легендарными мотивами.

В предании, опубликованном в сборнике П. Шмита (V, 386, 175) благоприятный для русских исход штурма Вецпиебалгского замка зависит от вещего сна, который привиделся русскому военачальнику. Типично сказочный мотив — также снесенная шапками Гришкина гора над убитыми воинами. И, наконец, пукис, который стережет оставленные в потаенных погребках драгоценности.

Предание это записывалось неоднократно: в 1928 г. (АФ 706, 207), в 1952 г. (АФ 1842, 2430).

В предании АФ 1400, 26815 происходит единоборство двух колдунов — немецкого (орденского) и русского (Ивановского), причем побеждает последний.

Медные горшки с деньгами оказались на дне озера Инеса (АФ 1400, 26815), в предании АФ 1400, 32894 — озера Алауксте.

Как видно из сказанного, главный предмет всех этих преданий — зарытое, спрятанное золото. Личность Ивана Грозного в своем жестоком своеобразии нигде не представлена.

Окладах, связанных с остатками русской казны на территории Латвии, повествуют и другие многочисленные предания, как зафиксированные в материалах Архива фольклора, так и в публикациях Брастыня. Так, предание АФ 891, 171 упоминает „клад” (порусски в латышском тексте) в Крутой или Царской горе в Макашанской волости Резекненского района.

В контексте нашего исследования гораздо важнее два предания о Полоцких князьях, которые отводят нас к далеким XI—XII вв., когда латыгола действительно была чуть ли не частью Полоцкого княжества.

АФ 1400, 15753. Предание опубликовано в газете „Балсс”, 1888, № 49.

Городецкий вождь Варис был большим охотником. Однажды он заблудился и оказался у Полоцкого князя. Варис полюбил дочку князя, но она была обещана другому, поэтому Варис „увез” дочку. Но Варис у мызы „Вароници” (Вароница) был пойман и убит. Княжеская дочка Другая не могла вынести истязания свекрови, когда Вариса не было дома, убежала. Ведьма девицу не могла поймать.

Песенные предания о делах военных

К многочисленным русским и латышским преданиям и легендам примыкают героические песни послебылинного периода — исторические песни, относящиеся к XV—XVIII вв. и героические, военные баллады, создававшиеся на всем протяжении XIV—XX вв.

Что касается исторических песен, то следует сказать то же, что сказано уже о былинах: четко привязанных к историческим событиям с упоминанием исторических героев, подлинных событий — в латышском фольклоре нет. Поэтому и в этом разделе ограничимся разговором об упоминании, на сей раз если не латышей, то по крайней мере, самой Риги в двух популярных исторических песнях. Сам по себе этот факт настолько примечателен, что приводим эти две песни здесь полностью.

Осада Риги

А под славным было городом под Ригию,
Что стоял царь-государь по три года,
Еще бывшей Алексей царь Михайлович.
Что поутру было рано-ранёшенько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было красного солнушка,
Как бы гуси-лебеди воскликнули,
Говорили солдаты новобранные;
„А свет-государь, благоверный царь,
А и бывшей Алексей царь Михайлович!
Ты изволишь наряжаться в каменну Москву
Не оставь ты нас, бедных под Ригию,
Уж и так нам-де Рига наскучила,
Она скучила нам, Рига, напроскучила:
Много холоду-голоду приняли,
Наготу — босоту вдвое того.”
Что злата труба под Ригию протрубила,
Пригласил государь благоверный царь:
„А и детушки вы, солдаты новобранные,
Не одним вам Рига так наскучила,
Самому мне, государю, напроскучила,
Когда Бог нас принесет в каменну Москву,
А забудем бедность — нужу великую,
А и выставлю вам погребы царские,
Что с пивом, с вином, меды сладкие”.

Взятие Риги

Как по морю, морю синему
По синю морю по Хвалынскому,
Плыли-восплывали три военных корабля.
На первом кораблике император-царь сидит,
На другом кораблике князья-бояре сидят, —
На третьем кораблике все солдаты сидят, —
Сидели солдаты полку Семеновского,
Той ли первой роты бомбардировския.
Парусы они роняли белы-полотняные,
Того ли полотенца все голландского;
Якоря они бросали булатные,
Того ли булату все сибирского.

Мосты они намостили все дубовые;
Подкопы они копали все глубокие,
Глубокие подкопы на двенадцать верст,
Бочки закатали со лютым зельем,
Со лютым зельем, с черным порохом;
Свечи зажигали воску ярого,
Свечи догорали, бочки разорвало,
Взрывало ту стену белокаменную.
Вот и стали государя-царя поздравлять:
„Уж ты здравствуй, государь-царь, с крепким городом,
С крепким городом, со Ригию!”¹

И это ничего, что взятие Риги напоминает взятие Казани Иваном Грозным: такова поэтика народного творчества.

Память о Петре сохранилась в Латвии и в Латгалии, и в столице, и в наследии — песнях традиционных и в созданиях новейшего времени.

В песенном сборнике И. Фридриха (1972 г.) опубликованы песни с упоминанием имени Петра Первого и более серьезного содержания (№ 487), и фривольно-шуточные (№ 486): наняться в солда-тушки Петра Первого заставляет судьба горького пьяницы, „пропивши-промотавши все свое именице”.

Фривольного содержания и песни новой формации, опубликованная в 1924 году в газете „Сегодня” (№ 118) и по записи приписываемая литератору Потемкину, а по сказу „солдату Иванову”, о котором ничего подробнее не известно (№ 488).

Сам царь Пётра самче Великий
Там царь пушку заряжал,
В крепость свейского владыки
Самче царь ядра посылал.
[...] Лет прошло с тех пор сто с веком,
Изменилось всё на вид.
Стала Рига человеком,
Вся как новая блестит.
Башня стала монументом,
Так сказать, от той поры,
Башню отдали студентам
Под рапирные пиры...

¹ Исторические песни. — Л.: Сов. писатель, 1956. — С. 228—229.

Второй аспект сопоставления латышско-русских *военных эпических* и лиро-эпических песен осуществила единственная исследовательница этой проблемы Ядвига Дарбенице².

Собранные Я. Дарбенице материалы и выводы были использованы в лекциях студентам Академии культуры и некоторые сюжеты предложены студентам для дальнейшего исследования. Особенно успешной оказалась работа студента Ивана Михайлова, которая была опубликована в альманахе Института славистики Польской академии наук³.

Эпическая песня о погибающем в сражении или уже погибшем воине и его коне, приносящем ужасную весть родичам героя (по его приказу — у славян, или по своей инициативе — у латышей и литовцев) — исключительно популярна как у славян (в том числе и западных, и южных), так и у балтов. Однако, сходство только типологическое, что полностью исключает заимствования (кроме отдельных частных деталей) и в то же время свидетельствует о сходных направлениях умственных и поэтических процессов в сознании как славян, так и балтов.

Выводы пространного исследования следующие:

1. Латышские песни („Aši, aši zīle dzied”, „Kur tu jāsi, mans brālītis”, „Div’ baloži strautā dzēra”, „Sarkanbalta roze auga”, „Es bij jauns, es bij traks”), так же как и литовские („Brolelis ant dvaro”, „Tai retoj vietoj”, „O ir atlēke Juodas vabulėlis”, „Ej pieše, pieše”, „Neriu rekti”, „Augšti kalna, lygos laukos”) роднит с русскими („Ах как далече, далече во чистом поле”, „Уж как пал туман на сине море”) и белорусскими („Каля лесу, каля цемнага”, „У зяленом садзе”, „Зашумели дубровеньки”, „Наляцели гуси с Руси”, „А за бэлым за бярзничкам”, „Ni szum, ni szum, da dubrowańka”, „Za rakoju za bystroju”) роднит:

- а) наличие разговаривающего коня-вестника;
- б) умирающий или умерший герой;
- в) родной дом героя, куда прибегает конь;

- г) дальнейшее зарубежье, где находит свою гибель герой;
- д) символический образ смерти-свадьбы (во всех славянских, в одной латышской и в одной литовской песне, что рассматривается как явное, но единственное заимствование).

2. В некоторых славянских и балтийских песнях об убитом герое и его коне-вестнике встречаются и близкие мотивы:

- а) трогательное прощание с героем при его отъезде на войну;
- б) образный ответ на вопрос, когда воин вернется с войны;
- в) описание поля боя после побоища (в латышских песнях), с которыми перекликаются некоторыми своими элементами описания могилы воина (в славянских песнях).

3. Наиболее существенные различия:

- а) характерное только для латышских песен высаживание дуба или березки, по которым родичи узнают о судьбе воина (в славянском фольклоре мотив этот известен только в сказках);
- б) присутствие в концовках латышских песен мифологических существ, оплакивающих смерть героев:

Mīlā Māra pāri gāja Drebēdama, trīsēdama.
Kur Laimiņa pāri brauca Kā lapiņa drebēdama.
Saules meitas tur pārgāja.
Tur staigāja Dieva dēli Dvēselītes lasīdami.
Atraduši dvēselīti, Ietin baltā villainē.
Ienes svētā pānā Guldin Dieva šūpuli.
Liek kārtēju šūpotāju, Kas dziedāja kara dziesmu
Kara kauta dvēselīte, Esi mūžam nemirusi.

- в) типичный для русских песен зачин — „постепенное сужение пространства”;
- г) детальное описание в некоторых русских песнях заличивания героем своих ран.

4. В русских и латышских песнях бросается в глаза различное отношение создателей и исполнителей песен к жене погибшего героя: в латышских песнях (без единого исключения) гибель героя — безутешное горе его жены, для русских песен характерно разрешение жене поступать, как пожелает: оставаться вдовой или выходить снова замуж.

² Дарбенице Я. Общность мотивов в латышском и русском песенном фольклоре // Фольклор балтских народов. — Рига: Зинатне, 1968. — С. 105—135; Par dziesmu cilmi // Latvijas PSR ZA Vēstis. — 1971. — Nr. 10. — 102.—112. lpp.

³ Инфантьев Б., Михайлов И. Общее, сходное и различное в русских и латышских народных песнях. I. Мотив коня, извещающего родных о гибели героя // Acta Baltico-Slavica. — Warszawa, 2000. — XXV. — S. 152—178.

Гипотеза о происхождении и распространении песни

1. Общие балтославянские элементы песен позволяют сделать предположение, что какие-то элементы этой песни восходят к балтийско-славянскому (а, может быть, и индоевропейскому?) периоду сожительства. Как известно, в эпоху индоевропейского языкового единства главным занятием было коневодство, конь в силу этого мог стать и субъектом мифологии и первобытных песен.
2. На балто-славянском уровне возникают те элементы мотивов, которые либо едины в русских и латышских песнях, либо отличаются небольшими расхождениями, которые могут быть объяснимы различиями в истории того или иного народа.
3. Первооснова сюжета, по нашему мнению, скорее всего могла сложиться на основе следующего, наиболее близкого к реальной действительности сюжета. В условиях военной практики тех лет вполне реальными могли стать такие события, как возвращение домой коня убитого на поле брани хозяина с „порубленными” и окровавленными следами на военных доспехах. По этим признакам родные могли легко установить сам факт гибели воина — хозяина коня. Такое решение мы встречаем в нескольких восточно-белорусских вариантах. В них конь ничего не говорит, но родственники по окровавленному следу понимают все.
4. Сюжетная основа песни, которая сохранилась в записях фольклористов, у славян восходит к XIII—XIV вв., когда восточной их области пришлось войти в военные соприкосновения с кровожадными врагами, нахлынувшими на восточную часть славянства. Поэтому можно высказать предположение, что это произошло уже в XIII—XIV вв. Затем песня распространилась по всему славянскому миру и варьировалась в соответствии с изменением исторических событий (замена татар французами и прусским неприятелем).
5. Одновременно у балтов песня об убитом на поле брани герое развивается самостоятельно на той же реальной фактической жизненной основе, что и у славян — в частых схватках балтийских племен и между собой (латгалов с литовцами, куршей с пруссами и т. п.), а также со своими славянскими соседями. Начиная с середины XVIII в., когда военные подвиги латышей сливаются воедино с подвигами русских, осуществляется и влияние русских песен. Происходит это до того ор-

ганично, что теперь исследователю трудно, почти невозможно доказать, какие именно элементы русских песен повлияли на формирование латышских. Прямое же заимствование славянских элементов можно доказать лишь в одном случае — в латышском описании смерти как женитьбы героя.

6. Сопоставление балтийских и славянских песен о павшем воине и его коне-вестнике дает исследователю материал для изучения этнопсихологических особенностей народов — носителей этой песни. Варианты свидетельствуют о многих общих чертах славян и балтов. Это жизнелюбие, нежная любовь к своим родичам, дружная жизнь в семье старшего и младшего поколения, мужской и женской части семьи, почтение к родителям, религиозность, сочувствие и сострадание к несчастью других, отрицательное отношение к войне, разрушению, убийству вообще и в то же время определенный патриотизм, причем и латгальские и литовские русичи, а также и латыши — граждане и жители Российской империи ощущают неподдельное уважение ко своей могучей Отчизне, неприязнь к ее врагам. Правда, у русских, эти патристические устремления приобретают более мощное звучание. Для латышей же характерна сохраняющаяся в их памяти вера в древнелатышские божества.

Другие мотивы русских военных песен, нашедшие свои соответствия в латышском фольклоре и выявленные Я. Дарбенице ждут своего детального исследования. Здесь приводим всего лишь их беглый перечень со сходными текстами, которые должны стать отправным моментом последующих исследований⁴.

1. Мотив вожденного мира

— Ох, и дай Боже, дай замирение
Чтобы наши царицы замирились,
Чтобы нам на площади постояти
И на белый свет поглядеть!

Miera, miera šī zemīte,
Nava vaira ienaidnieka!
Mūsu kungi savas bruņas
Lemešos kaldināja.

⁴ Источник — в названных статьях Я. Дарбенице.

2. Проклятья разжигателям войны

В русских песнях острый, сознательный протест в категорической форме. В латышских — затаенная ненависть, сознание несправедливости. Протест звучит сдержанно, хотя ненависть столь же сильна и остра.

Будьте прокляты, злодеи-супостаты!
Вергай сквозь землю ты, нехристь вся поганая!
[...] И распорола бы я груди этой нехристи!
И я уж выняла бы сердце тут со печенью.
Dievs, nosodi lielus kungus
Kas ņem krievis no Kurzemes...
Grūt man bija darbā iet [...]
Vēl jo grūt man nabagam
Dienēt kara ķeizaram.

3. Осознание своего долга

В русских песнях сам будущий воин успокаивает свою недовольную его отъездом жену:

Уж ты глупая, да ты неразумная
Молодая моя жена.
Как все-то они, друзья мои, во строю стоят,
Как они-то меня, доброго молодца
Дожидаются.

Латышские же песни в сборнике Кр. Барона опубликованы в большом количестве, одна другой зазорнее:

Nu ar Dievu zaļa zāle
Vairs ar tevi nemiņāšu
Man jāiet kariņā
Jāiet krievu dienestā.

Латыши в песнях объясняют преимущество царской службы перед прозябанием на помещичьей барщине:

[...] Labāk jā, labāk iet
Nepalikt šai pusē:
Šai pusē grūta dzīve:
Bargi kungi, tēvs māmiņa.
Kas kait, kas kait, Ķeizara vīram!
Lustīgam nedzīvot, Ķeizaram nekalpot:
Pats par lusti karā gāja Zobentiņu vēcināt.
[...] Ķeizars deva drān un maizi [...]
Stāviet, brāļi, rindiņā, Lai varam maršierēt,
Pats sargāšu tēvu zemi!

4. Рекрутский набор

В песнях о рекрутском наборе — начальном этапе военной службы, совсем другая тональность: плач и отчаянье

[...] Добрый молодец в неволюшке слезно-горько плачет
[...] Все солдатики плачут, новобранные-то рыдают.
Трудно решить в семье, кого сдать в рекруты:
[...] Ну, сдать старшего — Во старшего — дети малые.
Ну, сдать сына среднего — Ну среднего жалко горазд.
Ну, сдать сына малого, сына малого Семенушку
Распобедную головушку.

В сборнике Фридриха в песне № 470 отображен рекрутский набор в Режице весьма реально.

Горький плач звучит и в латышских песнях:

Dēlīņš raud Maskavā Kara zirgus sukādams.
[...] Nule mani kara kungi
Ceļ sirdēstu kumeļā.

Все же в латышских нет того отчаянья, что в русских и белорусских песнях.

5. Прощание с родными

Рекрутов провожают с плачем и русские, и белорусы, и латыши. Разницу Я. Дарбиниеце подметила лишь в художественном решении темы. В русских проводных песнях главная тема — слезы, горе, судьба. В латышских — выражение горя звучит более сдержанно.

[...] Сырая земля от слез загоралась —
Родимая матушка по сыну плакала.
[...] Горчее тебя, полынушка, служба царская!

Es, karā aiziedams No bērziņa nūju griežu,
Atpakaļ atskātos, Kas par mani gauži raud, [...]
Tēvs, māmiņa gauži raud, Vēl gaužāk līgaviņa.
Tēv' ar māti klusināju, Līgaviņas nevārēju.
[...] Karā jāja bāleliņš, Raudāj divi dzeltenītes:
Raudāj māsa bāleliņu, Tautu skuķi arājiņu.

6. Можно ли откупиться от призыва?

Мотив исключительно популярный как в русском, так и в балтийском фольклоре. Дарбиниеце предполагает, что латгальские ва-

рианты заимствованы скорее всего от литовцев, те же — от русских (или белорусов?).

Русские варианты — „очень древние”.

Злы татаровы понаехали
Как меня, молоду, во полон берут [...]
Ах ты батюшка, выкупай меня!
Государь ты мой, родный батюшка!
Государыня моя, родная матушка.
Эх, уж выручайте меня из темной темницы!
Не жалеите золотой казны,
Выкупайте меня из неволюшки,
Со проклятой грузинской сторонущи!
Raudī, gaudi, jaunais puika,
Raudī karā nūidams.
Atsyutēju tāvam zini,
Lat tāvs pordūd bēri,
Tāvs bēra napōrdevis,
Maņ nu kara naizpērka...

7. Бесприютный ночлег солдата

Ночевать молодцу во сыром бору под сосною,
Постелюшко — ковыл-трава,
В изголовьице — корешки,
Одеялице — темная ночь осенняя.

Zaldāts guļ vidū lauka
Vai bij diena, vai naksnīa.
Ko viņš klāja, ko viņš sedza,
Ko viņš lika pagālvē.
Mētel klāja, mētel sedza,
Cepur lika pagālvē
Plinte viņa līgaviņa, Zobens viņa tēvs māmiņa,
Plinte tam sānos guļ, Zobens galvas galiņā.
Skrotes, lodes viņa bērni — Tie gulēja azotē.

8. Чужая сторона

Сторона, моя сторонка,
Незнакомый здешний край!
На тебе ль моя сторонка,
Нет ни матери, отца.
[...] Как не сам-то я зашел-заехал,
Занесла-то меня служба царская.
[...] Занесла меня кручинушка

Что кручинушка великая —
Служба грозная государева.
[...] Ты злодейка, чужа дальняя сторона,
Разлучила-развела со милым дружком.
Ne tur tēva, mātes
Ne tur brāļu, māsu
Ne tur savas līgaviņas
Svešā zemītē.

10. Горы Воробьевские

Из всех названных Я. Дарбиниеце и не исследованных еще более детально военных мотивов, эта песня заслуживает наибольшее внимания, хотя, кажется основная ее составная часть — три птицы у тела павшего героя, по предварительному знакомству заимствована балтами (латышами и литовцами) от восточных славян (мотив в какой-то степени известен и сербам, и немцам).

Русских вариантов накоплено в нашем собрании — 27 (в том числе из Молдавии, Латгалии, Забайкалья).

[...] Прилетали к эту телу три кукушечки.
Уж как первая-то присела ко буйной голове,
Как вторая-то присела к ретиву сердцу,
А как третья-то присела ко резвым ногам.
Как первая кукушка плачет — как река течет,
А как втора кукушка плачет — как ручей бежит,
А третья кукушка плачет — как роса падет.
Уж как первая-то кукушка — родна матушка,
Как вторая-то кукушка — родна сестрица,
Уж как третья-то кукушка — молода жена.
Родна матушка-то плачет — как река течет,
Родна сестрица-то плачет — как ручей бежит,
Молода-то жена плачет — как роса падет.
Красно солнышко повыйдет — роса высохнет.
Как ручей-то бежит, да он повыбежит,
А быстра река текет, да та не вытекет,
Молода-то жена плачет до мила дружка,
Родна сестрица-то плачет до замужьица,
Родна матушка-то плачет до гробной доски.
Как до той гробной доски да до сырой земли.

3 белорусских варианта и 1 украинский почти идентичны русским. Идентичен и сербский вариант:

Умре Јово, жалосна му мајка!
Закукалис го три кукавице:
Једна кука, никад не престаје,
Друга кука јутром и вечером,
Треча кука, кад јој на ум падне;
Која кука, никад не престаје,
То је родна Јованова мајка,
Која кука јутром и вечером,
То је тужна Јованова сеја,
Која кука, как јој на ум падне,
То је млада Јованова Леуба⁵.

Немецкий вариант:

Es flogen drei schwarze Raben
Wohl über jungen Herrens Kammer:
Wie liegst du, jonger Herr?
Oder schliefst du, junger Herr?
Dein Bruder der liegt zerschlagen ins Feld⁶.

Латышские варианты (25 в сборнике Кр. Барона) + 9 в академическом сборнике.

[...] Attek viena māsa, Attek otra māsa
Attek treša zelteinīte, Tā raudāja žēli.

Литовский вариант Юшкевича:

O ir atlėkė trys raibos gegėlės Iš žaliosis girelės,
Viena nutupė Raiba gegėlė Šalia brolio šalelis,
Antra nutupė Raiba gegėlė Gale brolio galvelis.
O ši trečioji Raiba gegėlė — gale briolio kojelių
Katra nutūpe šalia šalelės — Tai ta brolio močiutė,
Katra nutūpe gale galvėlės — Tai ta brolio seselė,
Kātra nutūpe gale kajėlių — Tai ta brolio mergelė.

---

⁵ Српске народне пјесне. I-II. — Бечу, 1841, 1845.

⁶ Deutsche Volkslieder, 20, 2.

ЛАТЫШСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Переводы на русский язык, публикации,
восприятие, оценки¹

Если с латышскими эпическими героями (Латыгоркой, прижитыми ею с Ильей Муромцем детьми — Михайлом, Подсокольников, дочерью, с ее витязями) — русские люди знакомились уже в седой древности, то с латышскими песнями — или верней, одной песней в оригинале, но написанной русскими буквами, они познакомились сравнительно поздно — в 1846 г., чуть ли не сразу после основания в Петербурге Географического общества (1845).

Правда, уже Фонвизин в конце 90-х гг. XVIII в. отметил в своем Балдонском дневнике пляску латышей, которую балдонцы для его увеселения совершили под игру на гуслих слуги Губского. Однако о характере этой пляски ничего не известно. В 1818 г. в журнале „Сын Отечества” опубликован перевод с французского статьи французского посланника в России Де-Брая „De l'état actuel moral et physique des peysans en Livonie et Esthonie”. В статье указывается, что создателями латышских песен являются преимущественно женщины, упоминается рефрен „Лиго”, но сами песни скорее эстонские, чем латышские. Таким образом, и автор, и переводчик, известный друг латышей и их героической истории, будущий декабрист Александр Бестужев-Марлинский, который, как уже отмечалось, так эмоционально сетовал на отсутствие у латышей героического эпоса.

Впервые подлинный текст латышских народных песен в русском переводе воспроизведен в романе Ивана Лажечникова „Последний новик”, первое издание которого, вызвавшее бурный восторг также Александра Пушкина, датируется 1833 г. В тексте ро-

---

¹ Источники см. в статьях: Infantjevs B. Latviepu tautas dziesmas un krievu sabiedroba // Latvijas PSR ZA Vēstis. — 1984. — Nr. 3. — 13.—29. lpp.; Инфантьев Б., Лосев А. И звучат по-русски дайны // Слово в нашей речи. — Рига: Авотс, 1985. — С. 7—33.

мана в самых различных функциях воспроизводятся фрагменты латышских четверостиший: „Kuram tāda līgaviņa?“, „Ak Jānītis, Dieva dēliņ“, „Zīle skaisti padziedāja“, „Kurzemnieki laiski puiši“...

Все песни эти переведены автором романа с немецкого языка и взяты из сборника некоего М-н. Г. „Livona“, составленного из немецких переводов латышских песен, взятых из одного из первых собраний латышских народных песен, изданных в 1807 г. пастором Густавом Бергманом. Именно на этот источник указывает использованное в тексте Лажечникова слово «Гансхен», которого нет в переводах ни Стендера, ни Бютнера.

Приводим далее текст одной песни в латышском оригинале, немецком переводе М-н. Г. и русском переводе Лажечникова.

Ak, Jānīti, Dieva Dēliņ
Ko tu vedi vezumā? Līgo! Līgo!
Meitām vedu zeltā kroni,
Puišiem caunu cepuri. Līgo! Līgo!
O mein Hänschen, Götter Söhnchen!
Was bringst du im Wagen mit? Lihgo! Lihgo!
Für das Mädchen goldne Kronen,
Für die Bursche Mardermützen. Ligho! Ligho!
О, мой Гансхен, Божье дитяtko,
Что везешь ты на возу? Лигo! Лигo!
Золоты венцы девицам,
Парням куньи шапочки. Лигo! Лигo!

Если перевод Лажечникова следует оценить весьма положительно, то этого нельзя сказать о функциях этих песен в романе. Именно эту, а также и другую песню автор романа использует в качестве пароля и отзыва в разведывательной деятельности в пользу петровской армии (во время Северной войны) латышки Илзе и бывшего раскольника «последнего новика» (сына царевны Софьи), а также другого разведчика «Мартышки», который латышскую песню „Zīle skaisti padziedāja” поет самому генералу Шлиппенбаху.

Если учесть популярность этого первого русского исторического романа, его многочисленных переизданий, то можно с известной долей очевидности утверждать, что некоторое представление о латышских песнях среди читающей русской публики формировалось уже в 30-е гг. XIX в.

Но продолжение традиции Дебрея и Марлинского в 40-е годы XIX века осложнилось запретом властей что-либо писать и печатать

об остзейских крестьянах. Вместе с тем и их фольклорное творчество было подвергнуто остракизму.

Между тем по идее и личному приказу Николая I в 1845 году было основано Географическое общество, дабы интеллигенция занималась этнографическими изысканиями и не бунтовала. Сразу же руководитель этнографического отделения Н. Надеждин разослал во все концы великой империи вопросник по собиранию этнографического и фольклорного материала. В 1846 году поступает первый (и пока единственный) материал из Латвии — Лудзенского уезда от начальника пожарной команды (впоследствии участника польского восстания 1863 г.) Михаловского — со сказкой и тремя песнями: двумя песнями Лиго и одной пастушеской песней; все материалы написаны русскими буквами и с русским переводом.

Ионис гоя пар году –
Сову барну апраудзейт. Лейго! Лейго!
Вайроль дзяра, вайроль яда. Лейго! Лейго!
Иванушка пошел чрез год
Своих детей посетить
Многоль пили, многоль ели.

Использование кириллицы для передачи латышского текста (еще задолго до выдвижения этого тезиса славянофилами и панславистами) свидетельствует о практической его необходимости.

Присланные Михаловским материалы были даны на рецензию действительному члену Географического общества Егору фон Бреверну — известному идеологу остзейских баронов. Его отзыв был отрицательный. Конечно, одна сказка и три песни на фоне той фольклористической деятельности в Лифляндии и Курляндии, которую осуществляли немецкие пасторы Бергман, Стендер, Вар, Бютнер, были весьма малоценным материалом. Кроме того, очевидно, что немецким баронам не могло нравиться, что латыши сами ищут контактов с Географическим обществом, с русской наукой помимо их посредничества. Поэтому рецензент указал: если уж русские хотят познакомиться с латышскими народными песнями, пусть обратятся к только что в Юрьевском журнале „Innland” опубликованной статье Э. Траутфетера „Ethnographisches über die Letten, die Lithauer und die Alten Preußen”. Эту опубликованную в 1851 г. статью сам Бреверн в сокращенном виде переводит на русский язык и публикует в официозе „Журнал министерства внутренних дел” под заголовком „Этнографические заметки о латы-

шах”. На сей раз на русском языке зазвучали песни: „Ko māsiņa, tu raudāji?”, „Nomirst mana māmuliņe”, „Celies agri, lakstīgala”. Все взяты из сборника пастора Бютнера 1844 г. издания. Как в немецком, так и в русском журнале опубликованы латышские тексты песен, на сей раз готическим шрифтом. Но во время переписки кое-что изменилось.

Текст Бютнера и Траутфетера:

Zellees agri, lakstīgalla,
Dsihsim gowis ābolī,
Tu ganeisi, es rakstīschu
Tautām sihdu nehsdodsīn:
Widdu likku saw’ sirsniņu,
Wisapkart mihļus wārdus.

Латышский текст в русском журнале:

Zellas agri lakstīgalla
Drihsim gowis aboli;
Tu ganeisi es rakstīszu
Tautam ziehdu nehsdodzinu;
Widdu likku saw’ zirzinu
Wisapkart milus wardus.

Песням этим суждено было совершить „кругосветное путешествие”. Член географического общества Александр Полуянский перевел статью Траутфетера-Бреверна на польский язык и в 1853 г. опубликовал в газете „Dziennik Warszawski”. Ровенский православный священник В. Абрамович, тоже член Географического общества, перевел статью с польского на русский и вновь прислал в Географическое общество.

Небезынтересно сопоставить русский перевод песни в публикациях 1852 г. и Абрамовича.

Перевод Бреверна:

„Встань пораньше, соловей! Выгоним коров на траву; ты будешь пасти, а я вышью (для чужого, т. е. милого) шелковый платочек: в середку положу мое сердце, а кругом — милые слова”.

Перевод Абрамовича:

„Встань рано, соловей! Выгоним коровки на травку, ты будешь пасть, а я пошлю любезному шелковый платочек — вложу в него мое сердце, а вокруг милые слова (т. е. увенчаю любезными словами)”.

Наконец в 1862 г. Федор Христофорович Паули переводит статью на французский язык и включает в свой капитальный труд „Description ethnographique des peuples de la Russie”. Какую именно версию перевел Паули на французский язык, установить не удалось из-за недоступности издания: из-за огромных размеров книгу не выдавали даже для осмотра в Публичной библиотеке в Ленинграде.

В 60-х гг. в связи с общей направленностью интересов русского общества, на русском языке зазвучала первая социально ориентированная латышская народная песня, песня о социальном неравенстве самих латышей:

Кто ворону мед дает?
Кто работнику хозяйскую дочь?
Клюй вороненок болотный мох,
Бери работник дочь работницы.

Так перевел на русский язык латышскую песню православный священник Янис Лицис в „Записках православного латыша”, опубликованных во II выпуске „Окраин России” Юрия Самарина.

В этой же публикации приводится перевод и другой латышской песни:

Iesim, brāļi, uz Krievzemi!
Krievzemē ir laba dzīve.
Пойдем братцы в Русскую землю!
В Русской земле житье!

Следовательно, к 60-м гг. — годам великих свершений в русском обществе — созрела потребность в познании культуры российских окраин, в том числе и остзейского края.

Эта потребность проявляется и в какой-то мере находит свое осуществление в первых попытках создания планомерного и целенаправленного ознакомления с народным творчеством латышей. Этому способствовало появление латышей в самом Петербурге, а затем в Москве, связанное, прежде всего, с деятельностью Кришьяна Валдемара и его кружка. Это и издание газеты „Петербургас Авизес”, и вступление Валдемара в Географическое общество, и в этой связи сказанные Владимиром Ламанским речи о латышско-немецких отношениях, и первые попытки организовать экспедицию в Латвию для собирания фольклорных материалов, что, как известно, стало своего рода знаменем борьбы за эмансипацию латышской национальной культуры от немецкой опеки, с одной стороны, а с другой — основой всеобъемлющего и разностороннего

собираения фольклорных материалов, приведшего к изданию таких капитальных трудов, как восьмитомного сборника песен Кр. Барона и Г. Висендорфа, сказок и преданий Лерха-Пушкайтиса и Петера Шмита, сборника пословиц, загадок и заговоров Фр. Бривземниека. Подробнее обо всех этих свершениях будет рассказано в разделе литературы, теперь же остановимся на проблемах, связанных с переводом текста латышских песен на русский язык.

Первый из латышей-шестидесятников, которому пришлось разрабатывать теорию перевода латышских народных песен на русский язык был Янис Спрогис — виленский архивариус (позднее директор архива, действительный статский советник); одновременно он разрабатывает теорию и практику применения кириллицы к латышскому языку и в своем сборнике латышских народных песен, и в ежегодно издаваемых календарях применяет созданные им концепции как применения к латышскому языку кириллицы, так и приемов перевода на русский язык латышский дайн.

Стремясь сделать достоянием русского читателя «россыпи народной мудрости и красоты», которые самыми экономными средствами отражены в дайнах, Спрогис, не преследуя целей художественного перевода во всех случаях, ограничивается подстрочником. В поисках адекватных лексических и эмоционально-образных средств, он уходит в область эксперимента, словотворчества. Латышское словосочетание *asariņu dzērajiņš*, к примеру, передает авторским неологизмом „слезопийца”. И все же первому автору подстрочников, выполненных на профессиональном уровне, удалось преодолеть далеко не все трудности, сопряженные с воссозданием иноязычного текста.

Через столетие подстрочники Яниса Спрогиса попали в руки Валерия Брюсова, большого друга латышских литераторов, сотрудника Максима Горького по составлению первой антологии латышской литературы на русском языке.

Как латышская песня через подстрочники Яниса Спрогиса приобретала брюсовское обличье, показывают следующие примеры.

Латышский текст Спрогиса (печатается здесь без диакритических знаков, употреблявшихся Спрогисом для обозначения особенностей латышского произношения):

Лигауіня — зелтзвайгзніте,
Нац ар манім спелетіес,
Ту — дзілюю удентіню
Эс — зал’ошу лайвіня.

Подстрочник Спрогиса:

Щучка — златочешуйчатая,
Приди поиграть со мной,
Ты — въ глубокой воде,
Я — въ зелено-ясеновой лодочке.

Брюсовский перевод:

Щука золото-зеленая
Приходи играть со мной:
Вкруг тебя — вода глубокая,
Челн из ясеня со мной.

Особенно плодотворным оказалось брюсовское воздействие в следующих текстах.

Песня в переводе Спрогиса:

Чьи горы? Чьи долины?
Чьи зеленые дубы?
Горы — божьи, долины — счастья,
Зеленые дубы — пчелочки.

У Брюсова:

Чьи те горы, чьи те долины?
Чьи зеленые дубы?
Горы — божьи, долины — счастья,
Пчел — зеленые дубы!

Особенно ярко выступает неумение Спрогиса справляться с размером подстрочника в следующей песне:

Я запрягаю в соху пчёлку,
Из метелки делаю лемеха:
А красный клеверок
Служит им привязью.

Выправить этот недочет в подстрочнике Спрогиса не представляет большого труда:

Запрягу в соху я пчелку,
Срежу лемех из метелки,
Подберу я красный клевер,
Чтоб устроить пчелке привязь.

К наиболее удачным свершениям Брюсова хочется отнести следующие переводы:

Брошу в море сети чистые,
Белый парус подыму,
Челн несется в даль блестящую,
Белый парус ветром полн.

* * *

Челн несется в даль блестящую,
К дальней Северной стране.
Ах прекрасна Дева Севера.
На нее взглянуть плыву.

Не всегда, однако, и мастеру перевода удастся найти оптимальный вариант:

К нам приехал ты напрасно,
За тебя я не пойду:
Дома лучше по грязи ходить,
Чем по гатям на чужбине.

Значение спрогисова сборника в свое время было огромным. Вместе с собранием Бривземниека это были единственными сборниками, где были опубликованы не только мифологические и бытовые песни (такие печатались также в сборниках немецких пасторов), но и ярко выраженные социально направленные песни (о тяжелом положении крестьян, изнуряемых непосильной барщиной на баронских полях и в овинах: песни, выражающие ненависть к поработителям, насмешку над их неумением и нежеланием трудиться, над их глупостью). Таких песен в сборниках немецких пасторов не было. Но главное — перевод песен на русский язык делал песни доступными всем читающим на этом языке. Этим объясняется, что все последующие упоминания латышских песен, особенно о тяжелом положении латышских крестьян под баронским игом, всюду, где только об этом заходила речь, в том числе в нескольких томах „Живописной России” (Лифляндия, Латгалия) использовались примеры из сборников Спрогиса и Бривземниека.

Опубликованные в сборнике Спрогиса песни были широко использованы русскими учеными, особенно А. Потембей в его „Объяснении малороссийских и сродных песен”⁵.

⁵ Источники упомянуты в статье Infantjevs B. Pirmais latvieša sagatavotais latviešu tautas dziesmu krājums un tā autors Jānis Sprogis // Latvijas ZA Vēstis. 1993. — Nr. 10. — 11.—14. lpp.

Сборнику Спрогиса посчастливилось и в том смысле, что именно из этого собрания подстрочники для перевода взял Валерий Брюсов.

Заслуга сборника Спрогиса и в том, что Кр. Валдемар, Фр. Бривземниекас, ссылаясь на сборник Спрогиса, заинтересовали собиранием латышского фольклора профессоров Московского университета — руководителей этнографического отделения Московского Императорского общества Естествознания, Антропологии и Этнографии Всеволода Миллера и Нила Попова, которые и добыли необходимые средства для двухгодичной экспедиции в Латвию, целью которой было собирание латышского фольклора; московские этнографы составили для этой экспедиции инструкцию и вопросник, а впоследствии в 70-80-е годы руководили публикацией собранных материалов.

В этой связи Бривземниеку пришлось продолжить и дальнейшую разработку принципов перевода на русский язык латышских песен.

Переводческие установки Спрогиса и Бривземниека далеко не однозначны. Передавая средствами русского языка смысловой лаконизм, афористичность той или иной латышской народной песни и одновременно комментируя эти стержневые свойства дайн, разъясняя реалии народного быта, Бривземниекас вводит в подстрочник новые, преимущественно служебные, слова, отсутствующие в оригинале, детали, свойственные русскому фольклору, эпитеты и другие эмоционально-образные средства. Так, к примеру, песню

Иестатию асу дадзи Тирума
Бурвьем, раганам плеватыес

Бривземниекас переводит:

Воткнул я на поле Иглистый чертополох,
Чтоб колдуны и раганы Укололись в него.

В отличие от своего предшественника Спрогиса Бривземникс латышские исторические, мифологические, бытовые реалии, имена собственные приближает к их изначальному латышскому звучанию. Если у Спрогиса „Перкону” в латышском тексте соответствует „Перун”, то у Бривземниека и в русском тексте сохраняется „Перкуанс”, „Лайминя” латышского текста — в русском — „Лаймушка”. В бривземниекаских подстрочниках находим непереведенными латышские реалии — „сакта”, „виллайне”, „куокле”, „сиак” (sieks).

В 1882—1883 гг. доцент Петербургского университета рижанин Э. А. Вольтер по заданию Географического общества побывал решительно во всех латгальских городах и селах. В итоге — свыше 1500 дайн, большую часть которых собиратель прокомментировал, сопоставил с фольклорными образцами других народов и опубликовал — оригинальные латышские тексты латиницей (по польской орфографии — в научных изданиях разрешалось использовать латиницу) в 1890 г. Даже современники Э. Вольтера критиковали сборник за неоправданные отклонения от оригинала. Основания к тому были самые разные. Не владея в совершенстве латгальским диалектом, Э. Вольтер многое в дайнах толковал неверно: „augumeņ” (augumiņš) — молодость; „smildzeņa” (smildziņa) — песочек (smilts); „prīcenoj” (priecināja) — сватал; „zem pologa” (zem palaga) — под одеялом (на самом деле: под простыней); „aizaslēdzi” (aizslēdza) — открывает.

Примечателен сборник Э. Вольтера иным: описанием свадебного обряда латгальской деревни, публикацией этнографических заметок Яниса Плиекшана (Райниса) „Описание свадебного обряда волости Вышки”. Статью эту будущий автор народных драм „Вей, ветерок!” и „Вороненок”, созданных по фольклорным мотивам, написал для Императорского Географического общества. Есть немало оснований полагать, что подстрочники песен сделаны также Райнисом:

Dzer, māmeņ, dzer, mameņ,
Soldons tautu brandawīns
Soldons tautu brandawīns
Syuros munas asareņas.
Пей, матушка, пей, матушка,
Сладко вино женихово,
Сладко вино женихово,
Горьки мои слезы.

Šaj mōseņa šur braukdama
Pazīpēm mozgōjos –
Tajda malna padaguņa,
Kaj myusu syvānam.
Эта сестрица сюда приезжала,
Умывалась остатками мыла –
Под носом у нее грязно,
Как у нашего поросенка.

Переводческая работа Райниса от многочисленных его предшественников отличается стремлением с наибольшей полнотой передать смысловую суть, образный строй, внутреннюю музыку латгальской дайны. Именно поэтому незнакомые русскому читателю понятия, бытовые детали заменяются иными, известными: dalderis (талер) — червонцем, rogosts (волость) — мирской складчиной.

С традицией воссоздания дайн на русском языке, которая сложилась в переводческой практике к 90-м годам XIX века полемизирует преподаватель Юрьевского (ныне Тартуского), впоследствии профессор Латвийского университета Я. Лаутенбах².

Saule Mēnesi sacirta
Ar asaju zobenu;
Kas paņēma Ausekļam
Saderētu līgaviņu?
Солнце рассекло месяц
Острым мечом.
Зачем он отнял Аусеклиса
Сосватанную невесту?

Nelaimīte kājas āva,
Dzirās man līdzī nākt.
Nāc, Laimiņ, kad es lūdzu,
I basām kājiņām.
Нелаймите (недоля, несчастье) обувала ноги
И готовилась мне сопутствовать.
Ступай, Лайминь, когда я прошу,
И босыми ногами.

Laima gāja ar Nelaimi
Pa celiņu runādama,
— Ej, Laimiņ, tu pa priekšu,
Grūd Nelaimi ūdenī.
Лайма ходила с Нелаймою
По дорожке, разговаривая.
— Иди, Лайма, ты вперед,
Столкни Злосчастье в воду.

² Лаутенбах Я. Очерки по истории литовско-латышского народного творчества. — Юрьев, 1896.

В свои русские переложения Я. Лаутенбах сознательно включает непереуведенные имена героев латышской мифологии: „Зачем он отнял у Аусеклиса...”. В ряде случаев переводчик раскрывает значение имени персонажа латышской мифологии заключенными в скобки русскими соответствиями: „Нелаймите (недоля, несчастье) обивала ноги”. И наоборот, русские мифологические герои толкуются их латышскими аналогами: „дочь Бога (Dieva meita)”. В одной песне Лаутенбах использует как латышские, так и русские имена: „Лайма ходила с Нелаймой”; „Столкни Злосчастье в воду”.

Информационно-ознакомительные функции опубликованных подстрочников не утратили своего значения и впоследствии. В тыняновской „Восковой персоне”, в том эпизоде, где императрица навсегда прощается с великим своим мужем, в памяти Екатерины внезапно возникает латгальское село Вышки, где пробежали юные годы. Девки на скотном дворе по-латышски распевают озорную песню. В примечании приводится и сама песня (оригинал на латышском языке опубликован только в издании повести 1931 г., в остальных изданиях только перевод):

Послушайтесь, девушки,
Пока еще парни дешевы...
... все вы рядышком
И толпой побежите За бородкою парня.

Переводу сопутствует пометка: „Лифляндская песня (запись 1715 года)”. Тынянов, конечно же, считал необходимым подчеркнуть, что строфа самым прямым образом соотносится с теми событиями, о которых речь идет в повести.

И в наше время подстрочники латышских народных песен находят место в научных публикациях фольклористов. Так Екаб Витолинь и Н. Гринфельдс в свои исследования включили подстрочники, выполненные С. Бажановой:

Ej, saulīte, drīz pie Dieva,
Dod man svētu vakariņu.
Bargi kungi, starastiņi
Nedev' svēta vakariņ!

Склонись, солнышко, скорей к Западу,
Дай мне вечер отдыха.
Жестокие господа батрачить заставляли,
Не давали вечера отдыха.

Ar vēzīti art es gāju,
Celmotāja druvināja,
Velc, vēzīti, velc vēzīti, izstiepies
Es turēšu atspēris.
Взял я маленького рака
И пошел пахать на пнистом поле.
Тяни, мой рачок, тяни, мой рачок.
Я тебе помогу.

Создавая свои варианты подстрочников латышских народных песен, В. Мирский следует традициям точного воссоздания оригинала:

Dziedot dzimu, dziedot augu,
Dziedot mūžu nodzīvoju,
Dziedot nāvi ieraudzīju
Paradīzes dārziņā.

С песней родилась, с песней росла,
С песней прожила,
С песней смерть встретила
В райском саду.

В счастливых случаях автор подстрочников достигает уровня художественного перевода:

Balta gāju druvinā,
Balta gāju sētiņā;
Balta gāju tautiņās,
Balta — kapu kalniņā.

Светлая по ниве шла я,
Светлая во двор вошла,
Светлая я вышла замуж.
Светлой на тот свет уйду.

В начале 70-х гг. Союз писателей Латвии издает пятьдесят дайн с латышскими оригинальными текстами и параллельными русскими подстрочниками. В сборнике даются синонимический ряд, лексический комментарий, уточняется смысл слов, суть значений:

Izaugu liela, Sabriedu resna,
Ļaudīm brīnumi, Man pašai prieks.
[Я] выросла большой,
Разбухла (также: обрюхатилась),
Людям потеха (удивление),
Мне самой радость.

Kur tie lieli dūmi kūp,
Tur tā mana uguntiņa;
Kur tā liela slava nāca,
Kur tā vāja dzīvošana.

Откуда большой дым валит,
Там маленький огонь;
[В том месте] Откуда громкие речи (похвальба) идут,
Там вяло (плохо) живет.

В дни Второй мировой войны выходит составленный Янисом Судрабальским сборник дайн (Москва, 1944 г.). Из несметного числа латышских народных песен, систематизированных и подготовленных к изданию Кр. Бароном, составитель отобрал те, в которых так или иначе находили отзвук времена ратных испытаний.

Переводчик А. Глоба приложил немало усилий, стремясь передать афористичность, музыкальный строй дайн.

Целый свод дайн — на этот раз свыше 50 антифеодальных, а также сиротских, лирических, шуточных песен и песен Лиго — в переводах В. Брюсова, А. Глобы, С. Маршака, Ю. Абызова занял видное место в Антологии латышской поэзии. Составители следующего по времени издания — двухтомной антологии — ввели в круг чтения русского читателя еще сто двадцать дайн в переводах А. Прокофьева, С. Маршака, В. Валентинова.

Приводим в сопоставительном плане несколько иллюстраций из сборников сороковых-пятидесятых годов:

Ej ar Dievu, Jāņa diena [...]
Nāc atkal citu gadu.

До свиданья, милый Янис,
Через год опять являйся!

Перевод Ю. Абызова

До свиданья, Янов день!
Ждать нам будущего года.

Перевод В. Валентинова

Krievi, krievi, leiši, leiši,
Visi manim draugi, radi.
Krievam devu sav māsiņu,
Pats es nēmu leišu meitu,
Iem krieivos, iem leišos,
Visur manim znoti, radi.

Люди русские, литовцы —
Все друзья мои и братья.
Замужем сестра за русским,
Сам женат я на литовке,
И в Москве я буду гостем,
И в Литве я погощу.

Перевод С. Маршака

Горя мало, что приходит
К нам литовец или русский;
Мой братенок — муж литвинки,
А сестрица — русской стала.

Перевод А. Глобы

Сам я в жены взял литовку,
Отдал русскому сестру.
Еду к русским иль литовцам, —
У меня везде родня.

Перевод А. Прокофьева

Сопоставляя переводческие работы поэтов „хороших и разных”, автор предисловия к рижской „Антологии...” В. Невский говорит: „В. Брюсов и А. Глоба стараются сохранить все их (дайн) формальные особенности. Наоборот, С. Маршак, вслед за ним отчасти и Ю. Абызов прибегают к некоторым художественным средствам, более свойственным русскому фольклору: так, они вводят рифму для передачи афористичности, а также в тех случаях, когда она помогает передать комический эффект, отказываясь от цезуры”.

Небезынтересное обстоятельство: обращение к дайнам не прошло бесследно ни для А. Прокофьева, ни для С. Маршака. Тому подтверждение — их оригинальные стихи.

Вся Латвия в солнце сегодня...
[...] Но кто-то искусно вплетает
Ту пряжу в узор полотна,
Она мне видна, золотая,
Ведь в дайнах латышских она...
(А. Прокофьев)

Из песен вашего народа,
Где столько радости и слез,
Как золотые капли меда,
С собой я несколько увез.
Пересказал я песни эти,
И склад и лад их сохранив,
Чтоб и у нас читали дети
Про серебро рыбацкой сети
И золото латышских нив.
(С. Маршак „Друзьям латышам”)

В 60-е гг. более ста латышских народных песен перевел Г. Горский. В сборнике „Вей, ветерок!” приводились и латышские оригинальные тексты, и ноты песен. В лучших переложениях Г. Горский передал как смысловую сущность, так и песенный строй дайн:

Kas tie tādi, kas dziedāja	Кто такие те, что пели
Bez saulītes vakarā?	На закате, вечером?
Tie ir visi bāra bērni,	Это пели сиротинки,
Bargu kungu klausītāji.	Слуги злого барина.
Kura guni, silda gaisu,	Жгут костер и воздух греют,
Slauka gaužas asariņas.	Плачут, горьки слезы льют,
Krimta cietu pelav maizi,	Черствый хлеб грызут мякинный,
Avotāi mērcēdami.	Размягчая в ручейке.

С начала 80-х гг., когда в республике набрала силу подготовка к 150-летию со дня рождения Кришьяна Барона, появляются новые русские переводы дайн. Журнал „Даугава” публикует несколько подборок переводов Ю. Абызова, Д. Самойлова, Ф. Скудры, А. Копыловой. Сборник „Латышские дайны” знаменует новую страницу в долгой истории русского воссоздания песен латышей. Следуя в главном лучшим традициям публикаторов дайн, составитель в отличие от антологий пятидесятих годов приводит не только художественные переводы, но и латышские оригиналы.

Давние проблемы переложения дайн на русский язык нашли нетрадиционную, во многих случаях новаторскую интерпретацию в статье Ю. Абызова „Мир дайн и проблемы их перевода”. Автор развивает заветные для него положения, которые сложились не сразу и не вдруг, но в итоге длительных теоретических разысканий и сорокалетней переводческой практики. Продуктивным представляется следующий тезис: „...переводить многие дайны нужно „букетами”, где „цветы” подобраны так, чтобы они дополняли друг друга, объясняли своим соседством, поддерживали, перекликались”. Это положение в достаточной мере объясняет непривычную по первому впечатлению классификацию песен. Основываясь на известной бароновской систематизации дайн — „от колыбели до могилы”, Ю. Абызов как составитель трижды повторяет циклы народных песен о жизненном и трудовом, о нравственном становлении человека.

Стремясь доказать безграничные возможности воссоздания дайн средствами русского языка, Ю. Абызов приводит разные вер-

сии перевода какой-то одной латышской песни. Варианты эти принадлежат разным авторам:

Jūs labi ļautīņi, Mēs arī labi.	Вы нас не хуже, Мы вас не хуже,
Nu mēs cits citu gānīsim.	Язык почешем, Душеньку потешим.
	Перевод Ф. Скудры

Мы — люди что надо, Вы — люди что надо,
Так давайте же друг с дружкой
Всласть поаемся.

Перевод Д. Самойлова

Очевидные достижения русских интерпретаторов дайн находят самый положительный отзыв в критике.

90-е годы поставили точку всей разносторонней и так бурно начатой культурной деятельности. Перевод дайн на русский язык больше никому не нужен.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕМАТИКИ И ОБРАЗНОГО СОСТАВА РУССКИХ И ЛАТЫШСКИХ ДЕТСКИХ И ЛЮБОВНО-БЫТОВЫХ ПЕСЕН

Детские песни

Много сходных элементов, однако и различий в вариациях популярной *колыбельной песни*, в которой исчисляются различные виды деятельности родителей (24741–24779)¹. В латышской песне разные зачины, среди которых особо примечателен

Aija žūžu, lāča bērni, Ķerainām kājiņām...

Песня эта стала исключительно популярна в писательской среде русского серебряного века. Впервые песню пропел Карлис Якобсонс в Петербурге Ремизову. Русскому писателю чудесная песня так понравилась, что он ее тут же весьма свободно перевел на русский язык и стал распевать на всех писательских и других собраниях Петербурга. Песня пошла из уст в уста, и Цветаева в своих воспоминаниях писала, что песню эту ей спел Волошин.

¹ В этом разделе все латышские песни помечены номерами академического сборника латышских народных песен «Latviešu tautas dziesmas», VI. — Рига: Зинатне, 1993 (далее № без обозначения сборника).

Когда о Ремизове в Советской России окончательно забыли, его перевод ввел в обиход культурной жизни Самуил Маршак.

Как уже говорилось, песня интересна вариацией деятельности родителей:

Puiši aizgō reja kultu
Meitas moja moltu (24741 вар.).

Puiši kultu, meitas maltu,
Māte virtu biezas putras (24755).

Tāvs kažuka lopeitu,
Mōte putras voreitu (24754,1; 24756).

Brōls īs kultu, mōsas mōļa maltu
Tāvs kažuku lopeitu, Mōte putras vōreitu,
Taņcis uz skraučim peizeitu,
Andryvs pūdi kaseitu (24758).

Jaunais tēvs krogā dzer,
Savu naudu terēdams;
Jaunā māt govīs slauc,
Vecā putru virino.
Vecais tēvs krāsnī guļ
Savu galu gaidīdams (24779).

Ни в сборнике С. Сахарова, ни И. Фридриха (1972 г.) ничего подобного отыскать не удалось, и только в «Великорусе» П. Шейна (с. 4):

Баю, баю, за зыбою,
Отец пошел за рыбою,
А матушка — дрова рубить,
А бабушка — уху варить.

В восточнославянских и латышских колыбельных песнях действуют птицы, домашние животные (мышка и котик), лесные и полевые звери. Тематика и образность песен различны, здесь отмечены близкие и идентичные мотивы.

Голубь, голубок выступает преимущественно в восточнославянских (русских) песнях:

А люли, люли, прилетели голуби...
Стали гули гулевать, Стал наш Ваня засыпать (Фридрих, № 531).
[...] — Чем Колю напитать? Или дудочкой-рожком,
Или кашкой с молочком? (Фридрих, №№ 533, 535)
Баю, баю, баюшки, Прилетели гулюшки... (Фридрих, № 532)

Латышских соответствий не так-то много, что позволяет ставить вопрос о заимствованиях от русских соседей:

Uci, ļūli, Baloža bērnu, Pats balūds nūgōja
Zerneišūs zagt (24620).
Māte mani izsvieda Caur piertes logu,
Balodis uznēsa kuplā liepā,
Vējš mani šūpoja, Balodis lieloja,
Uzaugu, vēl tapu Bajāra sieva (24618).

Если это и заимствование от русских, то более чем творческое: в русских записях одни только голуби.

Примечательны взаимоотношения мышки и котика, несущих младенцу сон.

По всей Латвии широко распространены варианты песни, в которой сон ребенку тащит мышка, опасаящаяся, как бы котик его не отнял.

Velc pelīte bērnam miegu Ka incītis neredzēja (24554).

Такие песни записаны и в Латгалии — 24593, 24559 вар. 24561—24563.

В восточнославянских колыбельных песнях при усыплении ребенка на помощь призывается котик, который, следовательно, здесь выполняет функцию мышки, хотя в песнях это и не выражается:

Пошел котик во лесок, Принес Ване поясок,
Ну, Ванюша, спи, Больше не проси,
Люли, люли, люли, люли (Фридрих, № № 526—530).

В белорусском сборнике Сахарова (№ № 184—185, 187—188).

Очевидно, этот восточнославянский котик так понравился латгальским латышам, что они в своих песнях, в отличие от курземцев и видземцев, поменяли в колыбельных песнях функции мышки и кошки: в их песнях сон приносит котик, который опасается, чтобы мышка его не украла:

Čuči, guļi, ļulinki
Atnes, kaceit, mīdzeņu... (24506, 24507, 24509, 24531, 24540).

Правда, мышка упоминается лишь в нескольких песнях:

[...] Kab pelīte naradzātu
I mīdzeņa naatjimtū (24559).

В одной песне совсем логично котик предупреждается остерегаться собаки:

[...] Sateik ceļa raibais suns,
Nūzūg bērna mīdzeņu (24560).

О заимствованиях из восточнославянского фольклора свидетельствуют и многочисленные славизмы в латышском тексте: „luļinki” (24537), „maļiņkovo rupiņki” (24537, 1), „Beju, beju, baj, baj, baj” (24537, 2), „Kace, kace, kaciņka” (24540).

К заимствованиям (по тем же параметрам) следует отнести и другую, исключительно популярную детскую *песенку-считалку* воспитательного характера:

Сорока-белобока кашу варила,
На порожек становила, кашу студила.
Этому дала с ложечки,
Этому дала с блюдечка,
Этому дала с тарелочки,
Этому дала с мисочки.
Ты — большой лентяй!
Ты — большой разгильдяй!
Работать ступай!
Ты дров накопи. Водички принеси,
Баню истопи. Тут холодная, тут теплая,
Тут горячая, тут кипятки (Фридрих, № 548).

В вариантах

[...] Этому дала, этому дала.
Этому не дала. Зачем за водой не ходил,
Дров не колот, печку не топил,
Кашу не варил [...] (Фридрих, № № 549—550; Сахаров, № 196)

Латышские эквиваленты:

Viru, viru, biza putra, Puci, mylti kotla.
Itam dala, itam dala. [...]
Itam nadusim
Kam skaideņu nalasēj,
Kam putreņas nevāra,
Itū korsim vadzeiti... (25109 вар.; 25108, 25118, 25124, 25142)

Русизмы в латышских песнях Латгалии, свидетельствующие о заимствовании:

„Viru, viru kōšeņu” (25108); „dala, dala...” (25108); „I tam dala” (25109); „Atskrēja ezeits, izklebēja” (25109, 6); „Pašol gonūs nāēdis, pašol, pašol, pašol” (25118); „viru, viru kēšeņu [...] kleboj, kleboj, visu izkleboj” (25124).

В то же время единственный вариант песни „Тили-тили Тили-шок” (Фридрих, № 551), кажется, заимствована из латышского:

Tili, tili, buku, buku,
Sieviņ vedu vezumā... (25180, 25183, 25335)

Всего 14 вариантов из Земгале, 54 из Видземе, 3 из Латгалии.

Единосюжетные детские песни и баллады взрослых людей

1. Комар с дуба свалился¹

Падение комара с дуба зафиксировано в 120 латышских четверостишиях, примерно такого содержания:

Ods nokrita no ozola Uz ozola saknītēm;
No tā oda kritumiņa Visa zeme norībēja.

В одном варианте от падения комара „Visa Rīga nodrebēja”.

В ряде вариантов рассказывается о печальных для комара результатах падения:

Tur ielauza krūšu kaulu Trīs ribiņas no sāniem;
Vai sānkauļa nailauza, Vai galveņas nasasyta?
Mošļa kroutis sadauzīja? Sev galviņu sadauzīja?

Лишь в нескольких вариантах на помощь комару спешит муха:

Mousa, mūsa pīstaigusi, // Mošlam krouts palaizīja.

Лишь в одной латгальской песне говорится об останках погибшего комара, доставшегося мухе в наследство:

Myuseņai, mōseņai Atsūteja rogu, nogus, Osu daguneņu.

В меньшем количестве известны и более пространные песни, также записанные в Латгалии:

¹ Источники см. Инфантьев Б., Ремерте А., Берзиня А. Упавший с дуба комарик, ссора воробья и совы в детских народных песнях латышей, литовцев, русских, белорусов и поляков. // Acta Baltico-Slavica. — Warszawa, 2003. — XXVII. — S. 137—141.

Kas tur mežā ducējās, Ūzula rebējos,
 Vai na ūdeņš nūkryta, Ciš gaļveņu sasyta?
 Atsaskrēja mušēņa, Vaj navajag doktera?
 Bēres beja bogōtas, Pura molā globōtas!
 Sauc ūdeņus pulceņā, Līc sveceiti rūceņā.
 Ak jyus ūdi mosola, Lejīt gaužas asaras.

Песня о комаре широко известна и в белорусском и в русском вариантах, разных по объему, но никогда не менее 12 строчек. Бывают и целые поэмы, одну из которых здесь и приводим.

Далече, далече в чистом поле,
 Стояли тут два садочка,
 В них воспевали два щеголечка,
 Что будет-то свадьба веселая;
 Веселая, матерая: Комар с мухой сговорится
 И будет на ней жениться.
 Прилетали к комару слепни,
 Они свадьбу разбивали: „Куда тебе муха невеста:
 Прясти она не умеет, ни в кроснах ткати не знает”.
 Полетел комарище в лесище,
 Садился комар на дубище,
 Дуб под ним зашатался,
 Комар весьма испугался,
 Стукнуло-грянуло в лесу —
 Комар с дуба свалился;
 Упал он на корневище,
 Сбил он до кости плечище,
 Слетались мухи-горюхи,
 Славные громотухи,
 Стали они возглашати,
 О комаре вспоминати:
 „Ах ты наш милый комаре,
 Жаль нам тебя и невмале!
 Как будешь ты умирати,
 Где нам тебя погребати?”
 „Похороните меня в поле,
 При зеленой дуброве!
 Там-то козаки бывают,
 Часто гарелку вспивают,
 Туды и сюды обзирают,
 Про комаров вспоминают:
 Тут же лежит комарище,

Славный донской козачище,
 Лежит тут брат комар,
 Сей дубравы господар”.

Эта литературно обработанная песня опубликована уже в песенном сборнике 1780 года, чем и объясняется широкая популярность сюжета, давшего такое большое количество вариантов, в том числе и порнографических.

Исходя из всего сказанного, следует высказать предположение, что источник песни — русский, а латышами заимствован и сокращен соответственно латышской фольклорной традиции до четверостишия.

2. Воробей и сова²

Песня о воробье и сове поражает своей идентичностью текста в латышском, литовском, русском, белорусском вариантах.

Начинается песня с указания на женитьбу воробья, ради чего он наварил пива. Иногда это последнее событие упоминается без свадьбы.

Далее следует приглашение гостей. При этом забыли пригласить сову, которая приходит без приглашения. Заиграла музыка, воробей пригласил сову танцевать и наступил ей на ногу.

Особенно детально танец описывается в польской песне (в отличие от восточнославянских и балтийских):

Только она уселась, Немецкий танец заказала,
 Гусь прыгал, курица бежала, Пестрая утка играла на скрипке,
 Дрозды, трясогузки, щеглы — Все бросились в быструю пляску
 Сова для воробья тяжела, Вырвал он у совы коготь.

Месть совы — завершающая часть песни — представляет особый интерес своим социальным содержанием:

Pūcīte aizgāja pie kungiem sūdzēt
 To saka kundziņš, to gaspažiņa:
 Pūcītei vajaga pēriena dabūt.

Сова же пострадала, она же по несправедливому суду помещика и помещицы (где же от них справедливого суда ожидать!) наказана.

В польской песне острое наказания направлено против воробья:

² Указания на источники см. в предыдущей публикации. — S. 142—152.

Какой ты, воробей-бурлак?
Почему ты у совы ноготь оторвал?
Если бы не было так много гостей,
В муку бы тебя смололи по правде.
Не будь госпожой, не поднимай голову,
Сожру со всеми перьями.

То же и в белорусском варианте:

Каб не тыя людзі,
Парабілі б воробью грудзі,
Каб не тыя чалавекі,
Забілі бы вороб'я навекі.

Но концовка русских вариантов в этом отношении самая примечательная. На просьбу воробья совушке вернуться, она гордо отвечает:

или: Я сама вино курю, я сама крестьян держу.
Не того я отчества, чтоб назад воротиться,
А я роду царского, А лица дворянского.

3. Служил я у пана... («Дары пана»)³

За службу у пана (в малочисленных русских вариантах — боярина) слуга получает курицу, петуха, козу, овцу, корову, в единичных вариантах лошадь, дом, девицу, которая становится женой. Изображается, какие звуки издают, что делают каждые животные.

О песне уже Ю. Соколов говорил, что она заимствована в русском фольклоре из польского, популярность приобрела публикация в песенниках конца XVIII в.

В латышском языке — заимствование из литовского, о чем свидетельствуют литуанизмы в некоторых вариантах: „Služyjem prigroneli”, пан назван поляком (polets).

Типично славянским вариантом песни о приобретении домашней птицы и животных является песня „Поедем женушка в торги торговать”.

Этот вариант заимствован и латгальскими латышами, которые называют конкретно и ту местность, куда предполагается ехать покупать домашнюю птицу и скотину.

³ Источники см. в статье Инфантьев Б., Пантеле Г. „Дары пана” и „Похожения козлика” в балтийских и славянских песнях // Acta Baltico-Slavica. — Warszawa, 2004. — XXVIII. — S. 199—231.

4. Где ты был козелок...

Гораздо сложнее история распространения другой польской шуточной (детской?) песни о козелке — он же черный баран — он же зайка — он же понятова псиц(!) — он же пан Северин.

Огромное количество латышских вариантов отличается удивительным однообразием: во всех вариантах — диалог козлика (āzītis) с господином (помещиком? kundziņš), из которого выясняется, что козлик был на мельнице, где молот жито (в вариантах уточняется: рожь, ячмень); далее рассказывается, какие функции молоты выполнял, чем — рожком или копытцем; там его кормили, поили, но потом побили и выгнали, в некоторых вариантах поясняется: за кражу муки; он кричал буку-бе или муку-ме.

Иная картина представляется в русских вариантах. По всей Руси функционируют две версии песни о зайныке, кстати, абсолютно неизвестной в фольклоре русских Латгалии. Первая версия близка по содержанию к латышскому козлику, только зайчик был не на мельнице, а в огороде, где ел капустку и морковку. В некоторых вариантах словосочетание „в огороде” превращается в сочетание „во городе”, а вслед за этим возникает название города, где действие происходит. Дальше с зайкой происходит примерно то же, что и с козликом, с той только разницей, что заяц пытался спастись бегством, прыгал через забор, убежал в лес.

В другой версии тот же зайчик в гостях у трех девиц, которые называются даже по имени-отчеству, но обычно Катюша, Мавруша, Дуняша. Каждая из них старается зайчика по возможности лучше накормить, напоить, а в некоторых песнях даже с почетом провожают. Потом все же оказывается, что зайчик был ими побит.

Как уже отмечалось, ни в одной русской песне Латгалии нет зайчика, зато русские этого региона, и православные, и староверы хорошо знают песню про черного барана, функции которого настолько точно совпадают с латышской песней о козлике, что Ив. Фридрих не сомневался в том, что черный баран — это не что иное, как повторение латышского козлика. Однако оказалось, что черный баран в песнях этого содержания и структуры (диалог с милостивым паном) — единственный персонаж, публикуемый уже в сборниках польских песен 30-40 гг. XIX в., причем из самых различных регионов Польши. Однако оказалось, что в тех же сборниках, где публикуются песни о черном баране на мельнице, появляется и двуногий аналогичный персонаж — пан Северин в диалоге с панной Марьсю. Он, правда, не на мельнице и не в огороде, а в Варшаве на

войне, пьет, гуляет, играет в карты и умирает. По нем плачут все варшавские паненки, хоронят его в костеле.

Версия эта исключительно популярна на Украине и в Белоруссии и объясняет одну неразгаданную в сборнике Фридриха 1936 года загадку. Судя по поведению и судьбе главного персонажа, отголоском пана Северина в публикации Фридриха (№ 351) под именем „понятого псища” оказывается никто иной как пан Северин, а его собеседница „панна морись” (с маленькой буквы) никто иная, как панна Марыся.

5. Свадьба птиц⁴

Исключительно популярными в балтийских и славянских песнях — сюжеты о свадьбе птиц. На латышские сюжеты обратили внимание немецкие пасторы, и епископ Карл Ульман озаглавил свой немецкий перевод одной латышской песни „Свадьба лесного бога”.

В пространным описании свадьбы каждая птица, каждый лесной зверь (а в польских песнях преобладают домашние животные) имеют свое задание, которое соотносится и с его внешним видом, и с обычаями.

Не в силах даже вкратце отобразить самые различные аспекты сопоставления этих пространственных песен, рассмотрим, как охарактеризованы в песнях разных народов лишь некоторые птицы и звери.

Самый популярный оказывается *волк*.

В латышских песнях — „liela, rupja taure, skaņa, plota, dobja ģīkle” — в свадебном торжестве он „stabuļu pūtējiņš, sōcejiņš; dūdu, stabuļu pūtējiņš; kūkļu kūklatojs; kampātajs, lopiņu kāvejiņš” (для свадебного пира); „stīvs vīriņš” — „kumeļu ganītājs”; литовский „vilkēlis” — „ze swojā wilką trąbą bėdziė gral na dudzie”; „svotbinė reņge”, „vede ózką šókti” (обычное занятие волка в литовских песнях!), „alų dare”, „su sava dide truba”; „nori vinciavóti” (козла); „grais ant dudas”; „krume sėdėdamas žad ir pietus kelti”, „svotbelę reņgė”;

у белорусов: „воўк — дышкант”, „bėdze dudarz”; „oženil się wilcek w gaju na kraju”.

У русских: „овчинник, много он овчин придирает, шубы на плечах не выдает, велику себе стунку принимает”.

Основная характеристика *медведя* — stampātājs — lopiņu kavējiņš; *заяц* — līkas (žiglas) kājas — celiņa taisītājs; przed koņmi pobieży;

лисица — kupla aste — istabas slaucītāja;

у белорусов — līs, co w futrze jak pan chodzi, biože na stól wleze.

Русские песни существенно отличаются от балтийско-белорусско-польских и восходят к публикациям конца XVIII века с острым политическим звучанием:

Прилетел соколишша — молодой парнишша

„Я по вам царь”. Прилетайть черный ворон.

„Ах, соколишша — молодой парнишша!

Почему ты царем называешься,

Царским хвалильем поношаешься?

У нас есть царь-орел.

Я царю-орлу прозьбу подам...”

Ни балты, ни белорусы, ни поляки таких песен не знают. В русском фольклоре нет в свою очередь песен наподобие балтийско-белорусских-польских (с домашними животными).

Песни бытового и балладного содержания

1. Молодуха-кукушка⁵

Исключительно популярна в русском, литовском и латышском песенном творчестве пространная песня о молодой, обращающейся в кукушку и прилетающей в сад родного отца-матери.

Сходные элементы и в жалобах молодой на тяжелую жизнь в чужой семье; много общего в полете кукушки — особенно в русских и литовских песнях. Примечательно описание занятий каждого из родных молодой — отца, матери, сестер, золовок, братьев (в белорусском варианте — пьяного отца из корчмы ведут). Братья по-разному относятся к кукушке в саду. Старший брат велит стрелять, средний ружье подает, младший просит подождать и обращается к кукушке: если ты наша сестра — иди в дом, если кукушка — улетай в лес. Кукушка улетает.

В русских и латышских (неопубликованных) вариантах братья получают по заслугам: старшего в тюрьму сажают, среднего — в солдаты, младшему — почет и уважение.

Многочисленные (неопубликованные) латышские варианты не показывают никаких отличий по сравнению с русскими.

⁴ Источники в рукописи Б. Инфантьева и А. Снегайне. Архив Б. Инфантьева.

⁵ Источники в рукописи Б. Инфантьева и Д. Калнинь в архиве Б. Инфантьева.

2. Брат и зять⁶

Широко распространен в русском и латышском фольклоре цикл песен о конфликте брата обижаемой в чужой семье молодухи с ее мужем.

Примечательно различное решение проблемы в русских и латышских песнях. В латышских брат действует по принципу: „Мой меч — твоя голова с плеч”. Однако, в последний момент одумывается: кто сестру кормить будет, если мужа убьет.

В русских вариантах брат даже не помышляет о такой развязке. Он только успокаивает сестру: обижающие свекр и свекровь скоро в землю уйдут, деверь сам женится и будет над своей женой куражиться, золовки замуж пойдут. Надо терпеть.

Этот призыв к терпению звучит и в некоторых латышских вариантах Латгалии — явных заимствованиях из русского фольклора.

3. Милый дорожке отца-матери⁷

33562 песня в сборнике Кр. Барона, представленная 17 вариантами, образно доказывает мысль о том, что милый дорожке отца и матери: ни увещевания, ни посулы родителей не достигают желанной цели, в то время как на призыв любимого девушка готова на все.

На песню эту и на славянские соответствия обратил внимание уже А. Потебня (с. 161), сопоставивший латышские песни с русскими, сербскими, болгарскими. Но Потебня обращает внимание не столько на человеческие взаимоотношения, как на упомянутое в песне сияние золота, серебра, жемчуга, что по его мнению, имеет чисто мифологическое значение.

4. Перейми (напой, сбереги) моего коня!⁸

С этого обращения доброго молодца к девушке в латышских, польских, белорусских, русских песнях начинается их знакомство, приводящее или к бракосочетанию, или к расставанию, так как девушка боится отца-матери.

Песня исполняется часто на свадьбах, поскольку связана с мотивом сватовства. В таком случае песня сочетается с мотивом отворения ворот сватам или поезду жениха.

Другой смежный мотив, появляющийся в песне: „Конь вытаптывает цветы в саду девицы, ломает кусты и деревья”.

Песня заслуживает пристального изучения.

5. Три садика⁹

Латгальская песня о трех садиках с кукушкой, соловьем и девицей известна также белорусам (в том числе и западным), русским (отмечена как свадебная песня).

У латышей сходна мифологическая песня, в которой принимают участие мифологические существа.

Исследование этого мотива — также задача будущего.

6. Девица или парень тонет¹⁰

Песенный сюжет исследовал в свое время, сопоставляя латышские и литовские варианты Лаутенбах, усматривая в песнях прежде всего мифологические реминисценции.

А. Потебня также рассматривал сюжет главным образом с мифологических позиций, сопоставляя латышские песни с восточнославянскими (в том числе, украинскими).

Главное внимание оба исследователя обращают на выросшее из утонувшей девушки дерево, из которого изготавливают чудесную дудку. Сюжет известен и в польском фольклоре.

В русских песнях существует вариация: девушка не тонет, но молодуха превращается в рябину в результате колдовского воздействия (пожелания) злой свекрови.

Анна Берзкалне свою докторскую диссертацию посвятила утонувшему парню, превратившемуся также в дерево.

Песенный сюжет перемежается с мифологическими песнями, в которых по выросшему растению (бобу) можно проникнуть в небеса, к небесным жителям.

7. Ты богата, а я беден¹¹

Не всегда бедность сочетается с покорностью в делах любовных:

⁹ Источники в исследовании Б. Инфантьева и Рейты Степини в архиве Б. Инфантьева.

¹⁰ Источники в исследовании Б. Инфантьева и Ильзы Зомерфелде в архиве Б. Инфантьева.

¹¹ Источники в исследовании Б. Инфантьева и Виты Никитиной в архиве Б. Инфантьева.

⁶ Источники в рукописи Б. Инфантьева и С. Пуцеле — в печати.

⁷ Источники в рукописи Б. Инфантьева и А. Миесниесе в архиве Б. Инфантьева.

⁸ Источники в рукописи Б. Инфантьева и С. Балтруки в архиве Б. Инфантьева.

— Tu bagāts tautu dēls, Es nabaga sērdienīte
— Es neraugu bagātības, Raugu tavu tikumiņu.
— Bargi tev tēvs māmiņa, Tie jau mani nicinās.
— Ваш-то папенька — богатый
Я — прегорька сирота.
— Твой-то тятенька — богатый
Мой при бедности живет.

Но бывают и другие взаимоотношения.

— Уж ты — беден, я — богата
Нейду замуж за тебя.
— Хоть я беден, ты — богата
Я красавец пред тобой.

Для белорусских песен характерна мысль о будущих упреках:

[...] А ты цяпер кажеш: „Зорачка ясная”
А на после скажеш: „Доля няшчасная”
Хоць ты не скажеш, то маці:
„Трэбыло сиротки не браці...”

8. Перевозчик¹²

„Перевезти через реку” — один из многочисленных символов свадьбы.

В основе русской баллады лежит, очевидно, подлинное историческое событие — побег какой-то знатной пленницы из татарского плена. У „Дарьи-реки” она кличет перевозчика:

Перевези-ка меня на ту сторону,
К отцу, к матери, к роду-племени,
К роду-племени, на святую Русь!
Я за то плачу тебе пятьсот рублей,
А еще мало покажется, — ровно тысячу.

Но перевозчик от всего отказывается, только требует девицу себе в замужество, на что получает отрицательный ответ.

Сватались за меня князя и боярины;
Так пойду ли я за тебя, за мордовича.
Лучше утонуть, спасаясь от татарской погони в Дарье-реке.

¹² Источники в исследовании Б. Инфантьева и К. Тиеване в архиве Б. Инфантьева.

В какой мере именно это событие, породившее большое количество вариантов, записанных также в русской Латгалии, могло отразиться и в польских песнях, предстоит еще исследовать. Однако, латышские варианты, в том числе и популярная „Ceļ mani pār Daugavu” восходит именно к польской основе, а именно к переводу с польского на латышский язык (локализация), опубликованная в 1887 году в сборнике стихов Lapas Martiņš „Mīlestības un mīlestības gaudu dziesmas jaunībai par laiku kavēkli”.

9. „Зеленая кружка”¹³

Также является явно польской песней.

Szła dziewczeczka po wodę
Na zieloną dąbrowę;
Przyszędł ku niej pan,
Potrzaskal jej dzban.
Meita gāja uz avōtu, uz avōtu
Zaļā krūze rociņā, rociņā
Pretī nāca jauni puisi
Sasīt meitai zaļo krūzi.

В латышских вариантах: divi muižās puisi.

О том, что песня пришла от литовцев, свидетельствует вариант из сборника А. Юшки (II, № 529): ir sutiko lenkų poną.

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ЛАТЫШСКИХ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ЛИРИЧЕСКИХ И ЛИРОЭПИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

1. Любовь парня

Любовь латышского парня ближе к природе, чем у русского: только латыш любит свою девушку как прекрасным цветком в саду:

Tu manā sirsniņā
Kā puķīte dārziņā (11032)¹.

¹³ Источники — в статье Б. Инфантьева и В. Александровой в архиве Б. Инфантьева.

¹ Латышские народные песни цитируются по сборнику «Latviešu tautas dziesmas» I—XII. Kopenhaga: Imanta, 1952—1956; русские и белорусские песни цитируются с обычным обозначением: Фридрих, 1972; Фридрих, 1936; Сахаров.

От этого и эпитет любви „sirdspukīt” (цветок сердца), чужд русскому фольклору.

В то же время латышский парень не забывает о практической стороне любви, связанной с домохозяйством: „manas mājas korējiņ” (48751).

Для русских же песен характернейшей чертой являются дорогие подарки (Фридрих, 1936, № № 60, 108, 155) и бесконечные поцелуи (Фридрих, 1972, № 422; 1936 № 108).

От любви „неймется” ни русскому, ни латышу:

Заболит моя головушка, Занает сердечушко (Прибалтика, № № 51, 271)

Ne man miegs, ne man darbs
Uz tevīm domājot (11018).

2. Любовь девушки

Для латышской девушки ценна в парне его забота („Ik rītiņa ēst izvāra, Ik vakarus gultu tais” 48820), разум („Jyudz man lobu zyrgu, Devja moķu kārmanā”, 48695), также статность, но красоту только его одежды, украшений („dīzens puisis, daiļa rota” 11720; „košs ražens” 12285, 1, 2).

Красота русского вожделенного парня более развернута:

Милый ростом высокий,
Личиком белешенек, собою веселешенек... (Прибалтика, № № 269, 276).

„Щеголь” словно маков цвет цветет
Мне на свете милей нет (Фридрих, 1972, № 423).

И в русских, и в латышских песнях не раз упоминается противоположность богатства и красоты:

Kas nu tautu bogooteibas,
Ka navā mileibeņas (48882).

Я думала, маладзенькай, ў золаці хадзіці,
Аж прышлося, маладзенькай, торбы валачыці! (Сахаров, № 362)

— Я ўчора вячэрама І сёгодня абедала,
Твайго жыцця адведала.
Учора ела хрэн да рэцку, капустачку! (Сахаров, № 366).

— Я — богатый богатою, А и бедный красотой
А ты бедна беднотой, А богата красотой,
Соревнуемся с тобой, Соревнуемся с тобой (Фридрих, 1972, № 292).

3. Несчастливая любовь

Причиной несчастной любви может быть и девушка, прогоняющая своего суженого-ряженого

Ej projām tautu dēls
Es pie tevis negulešu (12511).

Реакция парня только в русских песнях:

Пошел же молодец, зарыдал, заплакал [...]
Одна была девушка, так не взлюбила (Фридрих, 1972, № 399).

К трагическим ситуациям следует отнести расстройство свадьбы, хотя о причинах не говорит ни латышская, ни русская песня

Kroga māte raušus cepa,
Meitai rītā kāzas būs,
Māte raušus gan izcepa,
Meitai kāzas nenotika.

Любиў, любіў дзяўчыну,
Я ў сваім краю [...]
Любиў яе ні мала,
Любиў — ды ня ўзяў! (Сахаров, № 385)

4. Женская честь

Требование целомудрия относится как к парню, так и к девушке.

К парню:

[...] Tas būs mans arājiņš
Kas notālis lūkojās (11341, 1).
— Ну, я, сударь, не твоя
Я слушаюсь батюшку, Родную матушку (Фридрих, 1972, № 429).

К девушкам:

[...] Es negribu tavu meitu,
Tava meita piegulēta (43045).
[...] Да-й за людскими перамоўкамі —
— Да мяне мілы ня ходзіць! (Сахаров, № 358)

Излюбленной темой и латышских и восточнославянских песен является *ленивая девушка — ленивая жена*:

[...] Grūt manam brālītim
Ar to slinku līgaviņu (26851).
[...] А моя, сволочь, неукорыстна
На работу она не завистна (= ленива)
Люди в поле, а моя, сволочь, дома,
Дома, всем не здорова (Фридрих, 1972, № 323).

5. Плохой муж

Vai Dieviņ, ko darīšu,
Nav pēc prāta arājiņš
Pastalēna maģa lieta,
Nav pēc prāta padarīta (26808).

В восточнославянских песнях называются конкретные недочеты мужа — бедность (Сахаров, № 359), „не в ладу” (Фридрих, 1972 № 251), „замужем лихо” (Фридрих, 1972, № 295), но самый главный упрек:

Ты расподлый Вася, друг,
Зачем держишь семь подруг (Фридрих, 1972, № 415).

А самая излюбленная тема песен — *муж-пьяница*:

[...] Ai Dieviņ, ai Laimiņa,
Dzērājs miežu arājiņš (26924).
[...] А мой мілы п'ець-гуляіць
З чужымі жанамі (Сахаров, № 368).

Но пьяницы — в жизни и песнях — также и женщины.

Brālīt, tava līgaviņa // Pudelei radiniece... (26937)
Затрымай мяне, жонку п'яную... (Сахаров, № 376)

6. Старый вдовец — муж

В латышских песнях старость не является худшей бедой. Другое дело вдовец:

Atraitnam dzedri vārdi, Mīļi vārdi izrunāti
Mīļi vārdi izrunāti — Nebūs prieka dzīvojot (11794).

У русских старик — причина беды:

Калі старому застанешся,
Краса моя, — нагаруешся (Сахаров, № 338).

7. Измена

Эта тема предоставляет исключительно большие возможности для дифференциации как в русском, так и в латышском фольклоре.

Vai Dieviņ, ko darīšu // Nemīl vairs tautu dēls (26809).

[...] Адстань, жана нялюбая! (Сахаров, № 369)
[...] — Не смейся, злой, коварный, Не смейся надо мной,
Тебя Господь накажет несчастною судьбой (Фридрих, 1972, № 248).

[...] Ты ступай, девка, к чертям, —
Я тебя не знаю. Еще первую такую
Дуру я встречаю! (Фридрих, 1972, № 270)

Песни эти и латышские, и восточнославянские обильно смочены слезами:

[...] Tautu meita gauži raud
To atstāja tautu dēls (48912).

А я, красна девушка, каждый час по ём тужу
Каждый час да минуточку горячие слезы лью (Фридрих, 1972, № 257).

Изменять может как девица, так и жена

Maza, maza meitenīte Solījās mana būt
Aug lielāka, nāk pie prāta Nu vairs mana nesolās (11296).

[...] Кормил, поил сударушку, Просил за себя,
Досталось сударушка Злодею, не мне,
Вшивому, паршивому, Коростовому (Фридрих, 1972, № 273).

8. Избивают друг друга

А. Муж бьет жену

Обычное бытовое явление.

Sitin sita, kautin kāva Bāliņš savu līgaviņu
Kā nesita, kā nekāva: Ciemā cita cerējama. (26911)
Kas tur kļiedza, vaimanāja Vecainītes galiņā?
Tautiets kūla līgaviņu Aiz matiem turēdams. (48883)

Я лихого мужа жена Будет бить он меня
Колотить. (Фридрих, 1972, № № 447)

Б. Жена бьет мужа

[...] Ja tautiets krogā gāja
Per, pie gultas piesējusi. (26974)

Била мужа, била мужа // И бишь жа я буду!
Руки, ноги закасаушы // К сталбу прывязаушы. (Сахаров)

В. Убийство

[...] Lustes dēļ salauzīja savu jaunu līgaviņu (27210).
[...] Яшчэ кисель ни зваріўси —
Мой мілы з печы зваліўся. (Сахаров, № № 410)

9. В чужой семье

Молодуха в новой семье избивается не только мужем. В песнях обоих народов активное участие в этом деле принимают и свекор со свекровью.

Tēvs turēja, māte kūla Manu jaunu līgaviņu (49269).

[...] Свекор говорит, все же бить велит,

Свекровь говорит, больше бить велит (Фридрих, 1972, № 330).

В русских песнях к ним присоединяются еще деверья и золовки. (Фридрих, 72 № 308)

В русских же песнях нередко молодуха оказывается способной за себя постоять.

Муж по горнице прошел, по щеке жену провел

А жена-то отвела, по всей харе провела².

10. Кровосмешение

По мнению исследователей сюжет этот восходит к седой древности. Хотя отзвуки его можно обнаружить и в латышских, и в русских песнях, но восходит каждая из них к другой исторической формации.

Свидетельства латышских песен — древние реминисценции.

Vai Dieviņ, ko darīšu? Grib brālītis mani ņemt (13234).

Baliņš māsu i paņeme, Tautu meitu dēvēdams (13235).

В русском фольклоре это довольно популярная баллада о вдове, бросившей двух сыновей в Дон-реку, а затем собиравшаяся за них выйти замуж (Прибалтика, № 61).

11. Проклятье мачехе

Ej pie velna, sveša māte, Velna bērns raudināt (АФ 935, 3181).

Svešā māte, ragaviņam Syuta mani rosas traukt (АФ 1110, 1254).

Ах, как детушки мачеху проклинали:

— Ах, ты сгори, сгори, горенка новая,

Ах, как свались, свались печенка белая,

Ах, ты умри, умри, мачеха лихая,

Ах, как, устань, устань, маменька родная (Фридрих, 1972, № 335).

12. Муж губит жену

Ābels koka laivu taisu Slicin savu līgaviņu (26805).

В русских песнях тема разработана куда разностороннее: так же как в латышской песне — топил (Прибалтика, № 62), но и жена от него не отстаёт: мужа топил (Фридрих, 1972, № 332), душит веревкой (Фридрих, 1972, № 333), режет (Фридрих, 1972, № 334).

² Песенное творчество Калужского края. — Калуга: Книжн. изд-во, 1959. — № 124.

СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ В ЛАТЫШСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ¹

Один из лучших знатоков русской и западноевропейской литературы, поэт и фольклорист Петерис Эрманис составил картотеку русских и немецких стихотворений, ставших достоянием латышского фольклора до 30-х гг. XX в. Перечень русских авторов нами был дополнен в 60-е годы выписками революционных песен прошлых лет, среди которых было немало русских авторов. Так была положена основа данному исследованию.

Хотя Пушкин уже с середины XIX в. („Dziesmiņas” Юриса Алу-нана) пользовался большой популярностью у латышской и немецкой интеллигенции (немцы начали переводить Пушкина еще при его жизни), и „Сказка о рыбаке и рыбке” пользовалась большой популярностью, из пушкинской лирики в латышском народе распространилось немного песен.

Кажется, наибольшей популярностью отличался „Узник” (1822), который встречается в тетрадках чуть ли не каждого политзаключенного латвийских тюрем и в царское время, и в годы республики под различными названиями „Орел молодой”, „Два орла”, „Узник”; записи в тетрадях политзаключенных и на русском, и на латышском языках.

К пушкинскому тексту его соавторы прибавили новые строфы, почерпнув их из русского фольклора:

Нельзя мне товарищ с тобой улететь

Я должен свой срок здесь в тюрьме отсидеть.

Закованы руки и ноги в цепях...

Нет силы, товарищ, в иссохших руках.

Латышский вариант:

¹ Источники в статье: Инфантьев Б. Стихи русских поэтов в Латвийском фольклоре // Вопросы языка и литературы. — Рига: Звайгзне, 1966. — С. 3—18.

Aiz restēm tumšs mitrā cietumā sēdu
 Bet brīvvalā audzis jauns ērglis bez bēdu.
 Mans skumušais biedris ar spārnu man māj
 Knābt asiņu barību neapstāj.
 Knābj, knābj — met mieru ceļ galvu pret logu
 Un domā līdz mānim lauzt dzeloņu žogu;
 Ar skatiem un kliedzienu mani viņš sauc:
 Grib teikt man: „Nāc līdzī, kur mākoņi trauc!”
 Mēs svabadi putni, sen laiks nu ir klātu.
 Turp doties, kur ziltāle kalni mums māj!
 Turp doties, kur ziltālē brīvi drīkst skriet!
 Turp doties, kur es tik un mākoņi iet!..
 Es līdzī tev, biedri, vairs nespēju doties:
 Šis cietuma spriedums ir jācieš mocoties
 Man rokas un kājas še smagdzelži lauž
 Nav, biedri, vairs spēka raut ķēdes kas grauž.

В тетрадях политзаключенных и в других песенных альбомах и тетрадях на русском языке обнаружены „Бесы”, „Испанский романс” („Ночной зефир струит эфир”). Из устной традиции записан „Романс” („Под вечер осенью ненастной”) с примечанием „Очень красивая песня”; „Шотландская песня” („Ворон к ворону летит”) и „Предчувствие” („Снова тучи надо мною”). Все они пришли в народ из газетных публикаций в переводе Фр. Адамовича.

Из поэтов и песенников пушкинской поры латышам понравился „Пловец” Н. Языкова („Нелюдимо наше море”), „Тройка” Ф. Глинки („Вот мчится тройка удалая”), „Серенада” В. Сологуба („Накинув плащ с гитарой под полой”), „Быстры как волны” А. Сребрянского, „Казак на чужбине” Е. Гребенки („Поехал далеко казак на чужбину”). В последней песне локализация: „Aizgāja latvietis pasaulē tālu”.

Михаилу Лермонтову в латышском фольклоре посчастливилось больше, чем Пушкину. Из его стихов латышскими песнями стали „Чаша жизни” („Мы пьем из чаши бытия”), „Парус”, „Казачья колыбельная песня” („Спи, младенец мой прекрасный”), „Воздушный корабль” („По синим волнам океана”) — в нескольких вариантах с различным количеством и порядком следования строк.

Стихотворение Лермонтова „Выхожу один я на дорогу” строку „Я ищу свободы и покоя” Ф. Багинский перевел довольно близко к оригиналу „Igojos pēc miera, brīvestības”, а в фольклорном вари-

анте (АФ 3, 34; 1450, 48) — „miers” заменен словосочетанием „dzīves brīvestības”.

Источником третьего варианта (АФ 78, 1968) является перевод Рудольфа Блаумана, в фольклорном варианте опущены такие важные строки как „В небесах торжественно и чудно!”, „Но не тем холодным сном могилы”.

В песенном альбоме Э. Дзедзиеды (АФ 1453, 2479) записан весь текст песни на русском языке.

В песенной тетради И. Варкалеса (АФ 1453, 2633) текст песни на латышском языке:

Un kad es jau miris kapā būšu
 Dzestras smiltis vākos dusēšu.
 Tikai dziesmiņ, viena viena dziesmiņ
 Dziesmiņ, kas par mīlestību skan.

Среди гимназисток Резекне в начале XX века бытовал „школьный” вариант песни:

Выхожу к доске я молчаливо
 За спиной моих подруг . [...]
 И со мной учитель говорит.
 Свой урок я отвечаю четко
 Он в журнал мне ставит пять,
 Отчего же так грустно ученице? (Она хочет),
 Чтоб ей сшили шелковое платье,
 Чтоб на ней женился генерал.

Запись в песенных тетрадях „Бородино”, помеченная 1925 годом; в нескольких тетрадях на русском языке „Тамара”. Песни писались по памяти, о чем свидетельствуют такие написания как: „в теснине доряла” и др. На русском же языке в тетрадях записаны и „Горные вершины” и „Молитва”.

В латышском фольклорном варианте лермонтовского „Сна” („Varonis”, АФ 76, 2019) отсутствует упоминание Дагестанской долины. Невеста утешает отца и мать героя следующими строчками:

Lai miris viņš, tiek mūžam slavēts,
 Jo kritis viņš ir varoņnāvē!

Из поэтов 60-80-х гг. первое место в латышском фольклоре принадлежит Некрасову. Его „Школьник” записан в форме латышской локализации Бривземниека без особых изменений.

Зато конечным строфам стихотворения „У парадного подъезда” суждено было стать подлинной массовой народной песней латышей.

В 1895 г. ее локализовал Антон Биркерт, заменив „русского мужика” — „нашим крестьянином”. Это было первым шагом. Затем крестьянин был заменен рабочим, а в 20-30-е гг. в Латвии во время экономического кризиса конторским служащим, который голодает, страдает долгие часы на работе, из-за нищеты кончает жизнь самоубийством.

Революционное звучание песни „Назови мне такую обитель”, распеваемую на русском и латышском языках во время политических демонстраций, отмечают и документы сыскной полиции тех лет.

Vienu stūrīti Latvijā rādi,
Tiešām neesmu redzējis gan,
Kur mūs strādniekiem, kalpiem iet tādi,
Kad balss laimē un priekā tiem skan!
Mirst tie Latgales, Kurzemes laukos,
Mirst tie pilsētās, miestos aizvien,
Nolād jaunsaimnieks sapņus reiz jaukos,
Mazās darbnīcās kalpojot skrien (АФ 1450, 956).

Pilda kantorus, veikalus, mājas,
Lēti strādājot pusbadā mirst.
Mātes, bērni un jaunavas vājas
Bezdarbniekiem līdz pašnāvē nirst.
Plaša Daugava nav tavi plūdi
Lieli diezgan mūs asaras nest:
Jo ik dienas aug cietumu grūdi —
Brīve tava, tik nebrīvē mest!

Некоторые варианты дополнены такими лирическими распространениями:

Какая странная печаль гнетет мое сердце.
Я не могу от нее отделаться.
Куда бы я ни шел, как бы не смеялся,
Я чувствую себя закованным в оковы.

В тетрадах политзаключенных встречаются и русские, и латышские тексты песни, в которой все же упоминается и русский пахарь, и русский рабочий.

В рассматриваемый период были и другие не революционные песнетворцы, привлечшие внимание латышей — любителей песен.

„Песня цыганки” Я. Полонского („Мой костер в тумане светит”) отразилась в пяти латышских фольклорных записях. Расширены картины расставания (АФ 76, 1632; 76, 1007; 358, 1071): в одной говорится о любви латышского юноши к цыганке (АФ 358, 219), в другой — о любви к цыганке художника (АФ 17, 6430). В одном варианте речь идет не о цыганах, а о плотовщиках, расстающихся со своими девушками (АФ 76, 1164).

В двух латышских фольклорных вариантах отразилось стихотворение А. Ладыженского „Одиночество” („Не для меня придет весна”).

Из стихов русских поэтов 70-80-х годов в латышский фольклор проникла „Дубинушка” В. Богданова и А. Ольхина („Много песен слышал я в родной стороне”). Песня была популярной и в 20-е гг., когда распевалась без последней строфы, где упоминается царская Россия.

„Думы беглеца на Байкале” (Славное море — привольный Байкал) превратилась в „Песню тюрьмы” (Cīņas dziesmas², № 147), известная также с первой строчкой „Velti skan Iksijā brīvības vārds” (Cīņas dziesmas, № 148): „Tur valda dievs, nacistu runga”. Как и во всех революционных песнях — оптимистическая концовка:

Lai gan nakts melna, bet saule drīz būs,
Izkļaidēs tumšajās mākoņu kraujas,
Valdošie varmāki projām reiz bēgs.
Strādnieks ņems varu pēc kaujas.
Brīvība valdīs, kad pārspēts būs vilts,
Neizsūks cilvēks vairs cilvēku ļaunu
Ceļā uz laimi ikvienam celts tilts:
Cīņā iet ...kājas, draugs, auni.

„Колодники” А. К. Толстого („Спускается солнце за степи”) в латышских локализациях, в которых Волга не упоминается, приурочивается к судьбе латышских революционеров 1905 года.

„Траурный марш” В. Архангельского („Вы жертвою пали...”) стала основой новой латышской песни (Cīņas dziesmas, № 91), в которой прославляются герои-революционеры, звучит проклятие врагам.

² Cīņas dziesmas. — R.: ZAI, 1957.

По песне Л. Садовникова „Из-за острова на стрежень” латыши создали новую песню (Cīņas dziesmas, № 129), в которой Волга Стеньки Разина, где развивается красное знамя, сравнивается с Гауей, на которой все по-старому. Латышам остается единственно обращать свои взоры к Волге и вспоминать в песне о Стеньке Разине (АФ 908, 1150; 908, 1010; 908, 1847; 908, 1378; 1800, 935).

Локализация стихотворения Ю. Мордвинова „Последний урок” — о расстреле учителя-революционера. Рассказанное в песне событие информаторы связывают и с учителем Друстской школы, и с Юмправской или Мадлиенской школы, или с учителем в Залве Юлием Диевкоцинем.

По образцу песни „Кузнецы” на слова Шкулева латыши создали несколько фольклорных вариаций.

Mēs kalēji, mūs dārgai brīvei (tautai)
Vislabāko tik vēlam vien, –
Ne velti lejam savus sviedrus,
Ne velti dzirkstes gaisos skrien (АФ 1450, 3915).

Mēs kalēji no darba saimes
Mēs esam cīņas priekšpulks skarbs.
Ne jau par velti mēs kaļam laiku,
Un ne par velti mūsu darbs (АФ 908, 1351; 1910, 1581).

В варианте АФ 1910, 1579 добавлены еще следующие строфы:

Un tāpēc skaļāk dziedat dziesmas,
Un veseri lai smagāk zveļ!
Mēs kalēji, ar mums tik kopā,
Mēs tie, kas jauno dzīvi ceļ.
Mums salauzt gadiem kaltas važas,
Mums visus spaidus projām sviest,
Mums zemes lodi atdot brīvei,
Mums to pret jaunu sauli griezt.

Много вариаций в латышском фольклоре получила песня Л. Радина „Смело, товарищи, в ногу!”:

Biedri, nu ceļamies kājās!
Cīņā spēki sāk zelt,
Brīvības valsti sev mājā
Gribam mēs droši nu celt! (АФ 1895, 1797)

Biedri, uz cīņu nu kņāši!
Briesmu lai nebaidāties!
Godu un brīvību braši
Glābt lai pasteidzamies (АФ 1450, 879).

Biedri, uz priekšu karsteiņā
Vienotiem, modriem — laiks stāt!
Uzvaras gājienу brīvā.
Brīvei mums ceļu būs klāt! (АФ 1450, 963)
Biedri, uz sauli, uz brīvi!
Biedri, uz priekšu tik iet!
Gaiši pār pagātnes drupām
Strādnieku nākotne aust! (АФ 908, 1012)

В дни революционного подъема 1905, 1917—1918 гг., в годы независимой („буржуазной”) Латвии среди революционно настроенных латышей (особенно политзаключенных) популярны были переводы и локализации песни Гольц-Миллера „Слушай” („Как дело измены, как совесть тирана”), „Марсельеза” Лаврова („Отречемся от старого мира”), „Доля” Клеменца („Эх ты, доля, моя доля”). В последней песне весьма примечательное содержание: латыш-крестьянин убивает урядника и попадает в Сибирь.

Кроме того, в записях латышского фольклора отмечены „Замучен тяжелой неволей” Мачтета и „Друг мой, брат мой” Надсона, „Варшавянка” Кржижановского, „Мы Марсельезы гимн старинный” Каца, „Рабочий гимн” Минина („Пролетарии всех стран соединяйтесь!”), „Красный снег” Якубовича. Особо следует отметить популярность песни «Солнце всходит и заходит» из пьесы М. Горького «На дне».

Cietumā šе vientuls sēzū
Nelaimīgais cietumnieks.
Varbūt rīt jau bendes kalpe
Cara gribu izpildēs (АФ 26, 1154).
Saules starus šе vairs neredz,
Putnu dziesmas nedzird,
Sirds man savīst tā kā puķe,
Kaut jel drīzāk gals man būs! (АФ 908, 1112)

Некоторые варианты отличаются оптимистической концовкой. Утешение родным:

Neraudat jūs, mīlās mātes,
Neraudat jūs, ligavas!

Rimstat asaras, ak rimstat
Jūsu dēls kā varons mirst. (АФ 908, 1078)

Призыв к отмщению:

Atriebība, atriebība.
Brāļi zvērat varmākiem.
Viņu pilis drupās trieciet.
Galvu skaldiet varmākiem. (АФ 1850, 2931)

Пессимистическая концовка:

Nokaus mani tā kā lopu!
Nevainīgu cilvēku;
Cīnīdamies apkārt gāju
Brīvībs rītu sludināt. (АФ 908, 1104)

К более позднему периоду (1917—1920-е гг.) следует отнести латышские переложения песни Имшенецкого „Гимн свободного народа”, „Рабочий дворец” Поморского, „Молодая гвардия” и „Комсофлотский марш” Безыменского, „Левая марсельеза” Демьяна Бедного.

Наконец, начиная с 20-х гг. в левых латышских кругах, а с 1945 года и среди широких масс латышей становятся популярными песни Германа „Все выше”, „Широка страна моя родная” Дунаевского и многие другие русские советские песни, которые теперь трактуются как продукт русификации Латвии в 1945—1980 гг.

В 50—80-е гг. XX в. и среди русских, и особенно латышей распространялись пародии на советские массовые песни. Так, на мотив Интернационала латыши сочинили такую песню:

Ne Lācis, Kirhenšteins, ne Spure
Mums jaunus laikus nenesīs³.

На мотив песни «Москва моя»:

Kāp tramvajā, kāp tramvajā
Lai Staļins visu samaksā
Kāp tramvajā, kāp tramvajā
Un laidies drīzāk dibenā⁴.

³ Из архива Б. Инфантьева.

⁴ [Rūga G.] Politiskās anekdotes un tautas folklorā. — Rīga: Antera, 2005. — 114.—115. lpp.

«Широка страна моя родная» приобрела такое новое латышское звучание:

Varen plaša mana zeme dzimtā
Pieder ūdens mums un arī zvērs,
Un es nezinu, kurp iet, kur palikt,
Jo it visur gaida nāves mērs⁵.

Другой вариант:

Važās kalta mana zeme dzimtā
Svešas balsis mūsu ielās skan
Citas vietas nezinu virs zemes,
Kur tik labi dzīvot bija man⁶.

⁵ [Rūga G.] Politiskās anekdotes un tautas folklorā. — Rīga: Antera, 2005. — 114.—115. lpp.

⁶ Там же.

BALTU UN SLĀVU KULTŪRAS SAKARI LEKSIKA. MITOLOĢIJA. FOLKLORA

Kultūras sakaru lauks neierobežojams un neizmērojams, aptver gan eksistences pamatus (lauksaimniecības kultūra, karvedības kultūra u.t.t.). Taču šai reizē apskatām izvirzīts tās latviešu un krievu kultūras lauks, kas saistāms ar VĀRDA mākslu — domāšanas, spriešanas, rīcības pamatu. Un vārda mākslas izpausmes formas — LEKSIKA, MITOLOĢIJA, FOLKLORA. Un šais jomās grāmatas autors darbojies vairāk nekā pusgadsimtenā (no 20. gadsimta 40-tiem gadiem).

LEKSIKA

Latviešu un krievu leksikas tuvība — aksioma izcilākiem 19. un 20. gadsimta zinātniekiem. Bet kāpēc tomēr mūsdienu nefiloloģisks cilvēks nesaprot, ka “CIBU” vēsturiski var identificēt ar krievu vārdu “ЖБАН”, “KUNGS” — ar vārdu “КНЯЗЬ”, “ВІТІ” — “ПЧЕЛА”; kāpēc tomēr krievu “ВИШНЮ” latvietis sauc par “KIRSI”, krievu “ОДУВАНЧИК” par “CŪKPIENENI”, bet krievu “ДУБ”, kas taču tik līdzīgs vārdam “DOBUMS”, sauc par “UOZUOLU”, kas savukārt tik līdzīgs vārdam “УЗЕЛ” (mezgls).

Tāpēc mūsdienās rodas vajadzība ne tik daudz atkārtot pierādījumus par latviešu un krievu valodas tuvību vai pat identitāti vēsturiskajā skatījumā, kā daudz vairāk uzmanības veltīt to vēsturisku parādību skaidrošanai, kas, gadu tūkstošiem skrejot, noveduši pie tām atšķirībām, kādas ir šodien.

Visas apskātamās atšķirības grāmatā sadalītas 1) vēsturiski valodnieciskajās un 2) psiholoģiski perceptīvajās.

Pirmajā grupā par visvecākiem atšķirību veidotājiem jāuzskata austrumslāvu valodā sensenos laikos notikusi MONOFTONGIZĀCIJA, kas novedusi pie šādām atšķirībām: “ZVAIZGNE” — “ЗВЕЗДА”, “CAUNE” — “КУНИЦА”, “AUZAS” — “ОБЕС”, “GRAUZI” — “ГРЫЗТЬ”, “DUOT” — “ДАТЬ”, “ZUOSS” — “ГУСЬ”, “KUILIS” — “КЫЛЬ”, “DIEVS” — “ДИВ”, “DIENA” — “ДЕНЬ”.

Ar 10.—11. gadsimta pārmaiņām austrumslāvu valodās saistāmas atšķirības, kas radušās “ъ”, “ь” zuduma dēļ: “PLISKAVA” — “ПСКОВ”, “ISTABA” — “ИЗБА”, “PUTNS” — “ПТИЦА”, “DUBENS” — “ДНО”, “DURVIS” — “ДВЕРЬ”, “DUKURS” — “ХОРЬ”.

Ar pārmaiņām krievu valodā ap šo pašu laiku saistāmas pārmaiņas sakarā ar “JUSU” (“а”, “е”) denazalizāciju (deguna izrunas zudumu): “VĪKSNA” — “ВЯЗ”, “ZNUOTS” — “ЗЯТЬ”.

Atšķirību cēlonis meklējams arī austrumslāvu valodu “PILNSKAŅĀ” (pretēji senslāvu divburtu zilbei, tuvākai baltu formai): “BĀRDA” — “БОРОДА”, “VĀRNA” — “БОРОНА”.

Atšķirības rada latviešu “S” skaņas pārvēršanās krievu valodā zināmās pozīcijās par “х” skaņu: “BLUSA” — “БЛОХА”; protētisku līdzskaņu rašanās krievu vārdos: “ŪDRIS” — “ВЫДРА”; sākumskaņas maiņa: “DEBESIS” — “НЕБЕСА”; metatēze: “RIEKSTS” — “ОРЕХ”.

Otra atšķirību radošu pārmaiņu grupa saistās ar vārdu nozīmes “pārbīdi”: “IEVA” nav vis “ива” (vītols), bet gan “черемуха”; “ALNIS” nav vis “олень” (briedis), “GULBIS” nav vis “голубь” (balodis), “UODZE” nav vis “уж” (zalktis); “NAGS” nav “нога” (kāja); “MIESA” nav “мясо” (gaļa); “KLAIPS” nav “хлеб” (maize), “SKALS” — nav “скала” (klints), “VĒTRA” — nav “ветер” (vējš).

Šai grupai piesienas senvārdi ar vēsturiskās nozīmes maiņu mūsdienās: “VALSTS” nav “волость” (pagasts), “PAGASTS” — nav “погост” (kapsēta); “VĀVERE” — “веверица белая”, no kā mūsdienu nosaukums “белка”.

Atšķirības latviešu un krievu nosaukumu veidošanā vieniem un tiem pašiem priekšmetiem un parādībām veidojas arī atkarībā no tā, kā latvietis un krievs:

- dažādi uztver dzīvnieku un dažu priekšmetu izdodamas skaņas: “pēr-kons” — “Перун”, “gailis gaviļē” — “петух поет” (dzied); “ķivīte” — “чибис”; “ņaudēt” — “мяукать”; “kurkstēt” — “квакать”.
- veido nosaukumus pēc būtiskākām pazīmēm (ogu nogatavošanās laiks, augšanas vietas; dzīvnieks, kam tā par mīlāku barību): “jāņogas” — “поречки” (aug upes krastos); “kazesnes” (kazu barība) — “ежевика” (ežu barība).

Ievērojamu atšķirību latviešu un krievu leksikā ienes aizgūvumi no citām valodām. Latviešiem — no lībiešu un vācu, krieviem — no ģermāņu valodām dažādos laikos (īpaši drēbju, celtniecības, tiesību un kara leksikā), no skitu, somugru, tjurku un mongoļu valodām.

Latviešu un krievu valodā atšķiras vārdi, kas nākuši no sengrieķu valodas (latviešiem ar latīņu un vācu, krieviem ar bizantiešu izrunas savādībām): “alfabets” un “алфавит”, “Toms” un “Фома”, “Tekla” un “Фекла”.

Aiz šī izvērsta atšķirību apraksta grāmatā atrodama latviešu un krievu leksikas vārdnīca, kurā vārdi gan netiek šķiroti aizgūtajos un genuīnos, jo novilkt striktu robežu starp vieniem un otriem pagrūti, lai gan valodnieki Kazimirs Buga un Ernests Blese to ir veiksmīgi mēģinājuši. Genuīniem vārdiem, sevišķi tiem, kas pieder indoeiropiešu valodas pamatfondam, piedoti klāt arī citu seno tautu attiecīgu vārdu skanējumi, protams, vienkāršotā veidā, cik to atļāva mūsu rīcībā esošas poligrāfiskās iespējas.

MITOLOĢIJA

Identa latviešu un austrumslāvu leksika atspoguļo tikpat identu mitoloģisku līdzību, kura īpaši spilgtā latviešu un baltkrievu mitoloģisko parādību salīdzināšanā, kamēr krievu uzskatos spēcīgi izpaužas pareizticības ietekme, kas daudzos gadīju-

mos radījusi “divticību”, pārnesot uz pareizticīgajiem svētajiem senkrievu dievību iezīmes. Un senkrievu ticību tīrā veidā, toties ļoti spilgti un detalizēti izklāstītu, atrodam senkrievu hronikās un senkrievu mitoloģijas apkarotāju rakstos.

Labākas pārskatāmības labad latviešu un austrumslāvu mitoloģiskās parādības iedalītas trijās grupās: veļu kults (kas uzskatāms par visenāko visām indoeiropiešu tautām), likteņu dievības (kur vērojama spēcīga lībiešu mitoloģijas ietekme latviešu priekšstatos) un debesu (klimatiskās) dievības.

VEĻU KULTA līdzīgās iezīmes latviešu un austrumslāvu mitoloģijā izpaužas jau leksikā — veļu nosaukumos. Veļus (kas “veļas”) latvieši sauc par “vecīšiem”. Un šis vārds jau adekvāts baltkrievu vārdam “dzjadi” (veči). Kopīgs nosaukums ir arī veļu valsts valdniekam — Velnam, austrumslāvu Velesam (Volosam). Veless senkrievu hronikās saukts par “lopu dievu”, — un tas lieku reizi norāda uz viņa pamatfunkcijām kopā ar savu veļu draudzi gādāt par dzīvo ļaužu labklājību, lopu un lauku auglību. Ka veļiem pamatfunkcijas — gādība par lopiem, laukiem, ģimenes labklājību, visnopietnāku liecību dod kopš sendienām (kā latviešiem, tā baltkrieviem) saglabājušies cienāšanas apraksti, īpaši tās formulas, ar kurām kā latviešu, tā baltkrievu saimnieki aicināja savus mirušos radus uz mielastu, gan tie vārdi, ar kuriem tie pavadīti uz pastāvīgām uzturēšanās vietām.

Līdzīgs latviešiem un austrumslāviem ir Veļu Velna — Velesa mantinieks — kristticībā radies nelabais kārdinātājs, grēkā pavedējs, kas no saviem senčiem lopu aizgādniekiem tomēr mantojis kā ragus, tā zirga kājas. Kaut arī kristticības radīts, arī jaunlaiku velns gan latviešu, gan krievu pasakās un nostāstos kā izskatā, tā funkciju ziņā pilnīgi idents, bet ar Bībeles sātanu vai Belzebulu tam nav nekā kopīga.

Tikai latvieši pazīst veļu jauko “pasaulīgo” dzīvi veļu valstī, kādā augsta kalna virsotnē (nevis pazemē!), kur viņi gana, kopj lopus, vāra alu, rīko kāzas.

Turpretī abām salīdzināmām tautām ļoti tuvs plašais un ārkārtīgi daudzveidīgais garu tīkls, kas no veļiem atvasināts un visu apkārtējo pasauli piepildīts, kuru uzdevums palīdzēt saviem pēcniekiem gan ģimeni valdīt, gan māju, sētu un laukus kopt, gan medīt un zvejot. Vistuvāks un labvēlīgāks cilvēkam ir Mājas kungs — “Домовой”, kas tup aizkrāsnē, pārtiek no drupačām, ko viņam aizkrāsnē iesviež. Un pārceļoties uz jaunu dzīves vietu viņu ņem līdz un kā pirmo laiž jaunajā mītnē vai nu kā kaķi, vai vistu. Latviešu mājās viņš dzīvo arī pavardā, dzirnakmeņos, lukturī, krieviem — pagrabā; viņa sieva — Kikimora, kas nepārtraukti vērpj, bet palaikam zog vistas un bērnus. Līdzīgi “atvasinājumi” ir sētā, malkas grēdā, laukos, mežā. Atkārā no dislokācijas viņam arī attiecīgais nosaukums. Ne visi viņi vienlīdz labvēlīgi cilvēkam, īpaši krievu priekšstatos. Mežainis (“Леший”) gan gādā medniekiem medījumus, bet mīl arī izjokot ogotājus, maldinot viņus. (Latviešiem gan šo funkciju veic cits ļaunais gars LIETUVĒNS vai VADĀTAJS). Krievu mežaiņi spēlē kārtis uz zaķiem. Visļaunākais krieviem ir Ūdensvīrs (“Водяной”), kam jāupurē melni lopi, lai iegūtu viņa labvēlību, īpaši zvejā. Latviešu attiecīgie gari, kas aizgūti no lībiešiem — Jūras, Ezera, Meža, Krūmu, Upes mātes kaut arī dara nedarbus (slicina cilvēkus), par ļaunām uzskatītas netiek, lūdz tikai “valdīt savas kalponītes”.

Sveši latviešiem arī tie ļaunie gari, kas nepārprotami cēlušies no ļauniem miroņiem: burvjiem, pašnāvniekiem. Tās ir ūdenī metušās pamestās mīlākās, — kas nu kļūst par nārām (Rainim tās ir paņemts no rietumu folkloras!) un īpaši dienvi- un austrumslāviem populārie asinssūcēji “уныри”. Lai kļūtu par pēdējo, pietiek, ja pār liķi pārlec ļaunais gars melna kaķa izskatā. Un tipiski slaviska parādība: upīrs sūc asinis vispirms saviem radiem, tad tie arī par tādiem kļūst. Dienvidslāviem tādā veidā par upīriem kļuvušas veselās sādžas! Vienīgi austrumslāviem pazīstami tādi pasaku mitoloģiskie tēli kā Kaščejs Nemirstīgais, Baba Jaga, deviņgalvainie cilvēkriņķi pūķi.

LIKTEŅU DIEVĪBAS latviešu un austrumslāvu ciltīm laika tecējumā gājuši dažādus, varētu pat teikt, pretējus ceļus. Latvieši savu Dievu (sākotnēji likteņu licējs, bet ne demiurģs — bez velna un ēza pat zemi radīt nespēj!) kristticības ietekmē pacēluši līdz Jahve-Cebaota visvarenībai, bet austrumslāvi savu DIVU (minēts jau “Teiksmā par Igora karāju”) degradēja par viedo putnu (kā to atzīmē leksikogrāfs Daļs un etimologs Fasmers). Tas pats notiek ar vareno un nežēlīgo nāves un iznīcības dievi Māri, slāvu Mori, Morenu, Morženu. Ja latvieši kristticības Marijas ietekmē Māru pārveidoja par sieviešu, īpaši bāreņu aizstāvi un govju patroni, tad slāvi (šoreiz arī rietumslāvi) savu Morenu-Morženu pārvērs par visa ļaunuma iemiesojumu — lelli, kuru dažādos svētkos slicina, dedzina, plucina un pa druvas kaisa auglības veicināšanai.

Cita latviešu un austrumslāvu būtiska atšķirība — divu patstāvīgu likteņlemēja Dieva un trīsvienīgās Laimas — Kārtas — Dēklas — līdzās pastāvēšana. Arī austrumslāviem ir tādi it kā mitoloģiski jēdzieni kā “Счастье — Несчастье”, “Доля — Недоля”, “Встреча”, — taču viņu personifikācija visai neskaidra un grūti pat pateikt, vai tās ir mitoloģiskās būtnes, vai abstraktu jēdzienu personificēšanas vāji mēģinājumi, vai vienkārši poetiskie tēli. Kas attiecas uz latviešu dievību simbiozi, tad tā gluži labi skaidrojama M. Gimbutes mitoloģiskās koncepcijas gaismā. Dievs — vīrietis kā likteņu lemējs nāk no indoeiropiešu tradīcijām. Laimas trijotne — pirmsindoeiropiskās Seneiropas (somugru, lībiešu) tipiski sievietiskās mitoloģijas raksturīgas pārstāves.

Likteņa dievību salīdzinājumam grāmatā seko konspektīvs to ģimenes paradumu un dziesmu apskats, kas saistāmi ar attiecīgiem mitoloģiskiem ticējumiem. Ja dzemdību, kristību, bērnu paražas un dziesmas apcerētas tikai lielos vilcienos, tad kāzu paradumi un dziesmu līdzība un atšķirības Latgales latviešu, baltkrievu un krievu tradīcijās — grāmatas autora vairāku gadu desmitu pētījumu ilgs monogrāfisko pētījumu rezultāts, kas aizsācies 1943. gadā Luža Bērziņa un Kārļa Draņiņa vadītājā latviešu tautas dziesmu seminārā. Konspektīvajā rakstā apcerētas līdzības un atšķirības gan līgavas un līgavaiņa izvēlē, gan svatošanas reizē, dažādās izdarībās, sagatavojoties laulībām, svētīšana pirms laulībām, izdarībās baznīcā, ceļā uz mājām, jaunā pāra sagaidīšana, mičošana, pagasta mešana, pūra vešana, apdziedāšanās, guldīšana, celšanas, jaunās sievas ievadīšana saimnieces kārtā, novēlējumi jaunajam vīram, laulības nobeiguma paražas un dziesmas.

Pētījuma gaitā konstatēta pilnīga identitāte latviešu un baltkrievu kāzu paradumos, liela līdzība ar krieviem, daudz kopīgu motīvu dziesmās un visai reta

kopīgu mākslas tēlu izmantošana. Pie tādām retām sakritībām pieder mices uzlikšanas identificēšana ar sarmas uzkrišanu, kā arī latviešu spēja 20 rindu garo krievu dziesmu par gulbju un zosu bara attiecībām pārvērst divrindē.

DEBESU (KLIMATISKĀS) DIEVĪBAS latviešu un austrumslāvu mitoloģijā uzrāda gan tuvas līdzības, gandrīz vai identitātes, gan visai ievērojamās atšķirības. Pie pirmajām pieder, laikam, vissenākā un visnopietnākā abu tautu dieva — Pērkona — Peruna tēls, šī dieva ne uz mirkli nerimstošā cīņa ar vēļu valsts valdnieku Velnu-Velesu, tumsas, sausuma, iznīcības simbolu. šo mūžīgo cīņu starp sausumu — iznīcību un dzīvinošu Pērkona lietu, ko Vs. Ivanovs un A. Toporovs sauc par indoeiropisko pamatmītu un kas izskaidro pašas svarīgākās dabas parādības, kas bija tipiskas indoeiropiešu pirmsdzimtenē un atspoguļojušies ne tikai abu salīdzināmu tautu mitoloģiskos priekšstatos, leksikā, dziesmās, teikās, bet pat bērnu rotaļās.

Citādi vērtējami sakari latviešu un austrumslāvu mitoloģijā, kas saistīti ar tik izvērstu teiksmju ciklu kā debesu iemīteku kāzām. Tik pilnīgs un pirmatnēji neskatrs dziesmots cikls laikam nesaglabājas nevienai indoeiropiešu tautai, kā tikai latviešiem, tāpēc 19. gadsimtā šie latviešu dziesmu cikli pievērsa sev gan Rietumeiropas, gan krievu pētnieka Afanasjeva uzmanību, kas ar latviešu dziesmām iepazīties no sava pastāvīga korespondenta V. Manharta tulkojumiem vācu valodā. Afanasjevam izdevās krievu folkloras dažādos žānos: buramvārdos, dziesmās, pasakās un teikās atrast līdzīgus komponentus un pēc tiem rekonstruēt arī krievu debesu spīdekļu dievu kāzu mītu.

Toties austrumslāvi pārspēj latviešus ar senos pirmskristīcības laikos fiksētu Olimpa. Nelaime tikai tā, ka šai kņaza Vladimira mākslīgi veidotajā valsts reliģijas Olimpa īsteni tikai viens visas tautas atzītais un godinātais dievs Peruns. Tautas godātais Veless šai sarakstā nav minēts, kurpretī pārejās mitoloģiskās personāžas — no visām pasaules malām — arī kaimiņtautām savāktās dievības, kuru īstais saturs pat grūti nosakāms.

Arī šai mitoloģijas daļai pieslēdzas kalendārās folkloras līdzīgo iezīmju apcerēšana, kas pilnā mērā atkarīgas no debesu spīdekļiem un dievībām.

Daudz līdzīgu iezīmju latviešiem un austrumslāviem saistās ar ziemsvētkiem: bluķa velšana un degošas pagales nēsāšana, senču garu atnākšana budeļu veidā (austrumslāvu “ряженные”), kazas loma auglības veicināšanā, dāvanu mangošana, sekmju un labumu vēlēšana dēvējiem, dažāda veida zilējumi un pretdarības burvjiem un raganām. Visas šīs izdarības atspoguļojušās arī abu tautu dziesmās. Austrumslāviem vēl raksturīgas garas dziesmas, kas radušās kristīcības ietekmē: baltkrieviem — “волоочобные”, kuras dzied “apkārt staigājot”, dāsnos dāvātājus slavīnot un visu divticības svētkus un svētos pieminot. Krieviem īpata “staigāšana ar zvaigzni”, tās pašas dāvanas vācot un dāsnos devējus slavīnot.

Dziesmas bez tam vēl pastāsta, kur personificētie Ziemsvētki gulējuši, no kurienes un kādā veidā atbraukuši, ko līdz atveduši. Latgaļiem latviešu dziesmām raksturīgs austrumslāviskais piedziedājums “kaļadū” dažādos pārveidojumos.

Pavisam citādāki ir salīdzinājumu rezultāti, kas veikti Jāņu svinību sastatīšanā. J. Fridriha un citos kalendāro dziesmu kopojumos pat nav tādas nodaļas “Jāņu

dienas paražas un dziesmas”, atšķirībā no baltkrievu krājumiem, kur “Jāņu diena” “Ивана Купала” atzīmēta diezgan pamatīgi. Lieta tā, ka pareizticīgiem krieviem šī svētku diena iekrīt Pētera gavēņa laikā, kad visāda veida izpriecas un gaviles aizliegtas. Bez tam pati Jāņa diena ir gavēņu diena, kas arī mazina to prieku iespējas, ko šī diena sagādā latviešiem, īpaši luterticīgiem. Tāpēc krievi Jāņa dienas paražas un dziesmas pielāgo Vasarsvētkiem, kad mājas pušķo ar bērzu meiļām, vij vaiņagus un zilē ar tiem par kāzām, kā to dara latvieši Jāņos.

Īstie Jāņi, tādi paši kā sensenos pagānu laikos latviešiem, bija arī austrumslāviem senatnē, kad vīri un sievas ar dziesmām nodevās izdarībām, kas no kristīgās ticības viedokļa bija tīri sātaniska apgrēcība, kad jaunavas un jaunekļi zaudēja savu nevainību.

Kopējās paražas atzīmētas arī Jurgā dienā, kad dziesmā ir latvieši, ir krievi lūdza Svēto sargāt lopus; Meteņa paradumos un dziesmās daudzina ātru braukšanu, bet Lieldienās — šūpoles, lai liniņi gari aug. Rudeņos apkulības plašāk izvērstas baltkrievu dziesmās, kur stipri skan sociālas netaisnības motīvi.

FOLKLORA

Trešā grāmatas daļa veltīta FOLKLORAI, tai tās daļai, kura vēl nav tikusi apcerēta iepriekšējos kopsavilkumos. Ja pirmās divas grāmatas nodaļas varētu nosaukt par noslēgtām, monogrāfijām, tad trešo nodaļu var uzskatīt par savādu konglomerātu, kas sastāv no dažāda gatavības līmeņa apakšnodalījumiem, kas vai nu ir puslīdz nopietni pētījumi, vai tikai savāktā materiāla pirmapstrādājums, vai pat tikai atrastais unikālais materiāls, kas vēl nav atradis savu vietu un iztulkojumu kopējā kontekstā.

Nodaļas sākumā temats “biļinas” vispirms modina neizpratni: izklāsta sākumā taču vairākas rindkopas veltītas latviešu folkloristu diskusijai, kāpēc latviešiem nav savu varoņdziesmu. Un tomēr arī šai nodalījumā izdevās atrast materiālu, kas nebūt nav uzskatāms par nenozīmīgu, vai aiz matiem pievilktu. Ja jau latviešiem tiešām nav savu varoņdziesmu, tad ne mazāk svarīgs mūsu pētījumu kontekstā tas apstāklis, ka latvieši paši ir kļuvuši par krievu biļinu varoņiem, pie kam tik spēcīgiem, ka pārvar pašu Ilju Muromieti un citus krievu varoņus. Un tādi ir ne tikai pati teiksmainā karaliene LATIGORKA (Toporovs lokalizē viņas pili Lēdurgā!), bet izcili varoņi ir arī no Iljas Muromieša piedzemdētie dēli un ne mazāk varonīgā meita. Un ja pievienojam krievu biļinu fragmentu — latviešu pasaku un latviešu varoņdziesmas īspantos (kaut vai par krievu pils dedzināšanu), kļūst skaidrs: temats nav vis tik bezcerīgs.

Nodaļas par buramvārdiem, mīklām, sakām vārdiem un parunām tikai ieskicētas, izdarot ātrus un paviršus secinājumus par līdzīgiem materiāliem, kas ņemti no Brīvzemnieka, Ancelānes un Kokares krājumiem, kā arī no krievu folkloras kopojumiem. šis materiāls uzņemts šai grāmatā tikai tāpēc, lai parādītu, ka arī šais žānos iespējami tālejoši un rezultatīvi pētījumi.

Plaša nodaļa par pasakām un teikām gan vislabāk attaisno konglomerāta nosaukumu. Pats nopietnākais fragments, kam gandrīz jau monogrāfisks raksturs, ir

šīs grāmatas autora pirmais nopietnākais publicējums “Puškina pasaka par zvejnieku un zelta zivtiņu latviešu folklorā”. Ar šī pētījuma publikāciju grāmatas autors ievadīja jaunu virzienu latviešu folkloristikā, izvirzīdams literatūru kā vienu no folkloras avotiem. Šīs problēmas risināšanai savākti arī citi ne mazāk svarīgi materiāli: par Gogoļa “Viju”, Krilova fabulām, Kijevas Petseru klostera priekšnieka svētā Teodosija neparasto ceļojumu no kņaza pils uz klosteri, pasakveidīgiem nostāstiem par krievu biļinu varoņiem, par Bovu Karaļdēlu, Netaisno tiesnesi Šemjaku. Grāmatā lielākoties atzīmēti tikai pētījamie temati, atsevišķos gadījumos nodrukāti arī pētījamo tekstu latviskie fragmenti.

Drusku tālāk pavisinājušies pētījumi par latviešu un krievu pasaku sižetu salīdzinājumu, pie kam izrādījās, ka nevar atrast tādu pasakas sižetu (izņemot neveiklos pašdarinājumus un savārstījumus), kas būtu nepazīstami vienai no abām salīdzinājuma tautām. Konstatēts arī Folkloras krātuvēs un publikācijās esošu latviešu un krievu variantu samērs. Caurmērā uz katrām 2-3 krievu pasaku variantiem, kas zināmas publikācijās vai arhīvu pierakstos, nākas 20-30 latviešu pasaku variantu.

Citādāki rezultāti gūti, salīdzinot personāžas, pie kam (gluži tāpat kā mitoloģijas jomā) krievu pasakās daudz vairāk negatīvu personāžu, kaut arī daudzās latviešu pasakās parādās šās negatīvās personāžas ar visiem saviem krieviskiem, no austrumiem aizgūtiem nosaukumiem.

Lielāka diferenciacija nepieciešama dažādu brīnuma priekšmetu cilmes un funkciju skaidrojumiem salīdzinājumu kārtā.

Latviešu un krievu teiku un nostāstu nodaļā centrālu vietu ieņem monogrāfisks pētījums par Pētera Lielā tēlu latviešu un krievu folklorā.

Ievēribas cienīgs fakts, ka latviešu folklorā Pētera Lielā tēls pilnīgi citādāks nekā mūsdienu latviešu vēsturnieku atzinums par viņa lomu latviešu tautas vēsturē. Tas skaidrojams ar to, ka visas pierakstītās teikas radušās lielākoties 19. gadsimta beigās, 20. gadsimta sākumā, kad ar skolas grāmatu starpniecību tika visādā veidā spodrināts Pētera tēls.

Krievu folklorā, turpretī, Pētera tēls parādīts divējādi: gan pozitīvi; un šais teikās ne mazums tādu, kas vai nu tipoloģiski vai tekstuāli līdzīgas latviešu teikām piemēram, par koka stādīšanu ar sakni uz augšu, par apmaldīšanos mežā un izglābšanos, augstā kokā uzkāpjot. Latviešu folklorā konstatēti aizguvumi no krievu folkloras (Pēteris un kalējs sacenšas spēkā; Pēteris ar zaldātu laupītāju mīkleklī).

Bet krievu teiku pierakstos, kas izdarīti 18. gadsimta sākumā tiesu izmeklēšanas iestādēs, pratinot Pētera ienaidniekus, viņš ir tēlots kā Stokholmā apmaiņtais bezgodis, kas tagad iesūtīts Krievijā par valdnieku, kamēr īstais cars iespundēts mucā ar naglām un iemests jūrā. Pētera aizstājējs saukts par antikristu, latinizētāju (pēc latīņu modes pārvērtis krievu ticību, tikumus, dzīvi). Vienā tādā teikā latinizētājs sajaukts ar... latvieti.

Grāmatā parādīti aizsāktie pētījumi par Pētera Lielā priekštečiem un pēcniekiem, par latviešu un krievu teikām, kas saistītas ar pilskalniem, par dziesmās ietvertām teikām, kas ir sava veida pāreja uz dziesmu nodaļu.

Šīm teiku dziesmām pieslienais aizsāktais materiālu vākums par karavīra likteņa tēlojumu latviešu un krievu dziesmās.

No visa šī karavīru dziesmu cikla pamatīgāk kopā ar studentu Ivanu Mihailovu pētītas baltu un slāvu dziesmas par mirstošā karavīra zirgu, kam saimnieks uzdod pavēstīt tuviniekiem par karavīra bēdīgo likteni.

Latviešu un krievu dziesmās konstatēti līdzīgi pamatmotīvi: mirstošā kareivja uzdevums zirgam un tā izpilde, ziņas saņēmēju dažāda reakcija uz bēdīgo notikumu.

Latviešu dziesmās daudz blakusmotīvu, sevišķi dziesmas sākuma daļā: kareivja izvadīšana un pušķošana, izjautāšana par atgriešanās laiku; kociņa stādīšana, pēc kura varētu spriest par kareivja likteni; kaujas apraksts; Dieva dēli, kas vāc karavīru dvēselītes un ienes Māras kambarī. Nedaudzās latviešu dziesmās skaidri aizguvumi no austrumslāvu folkloras (karavīra bojāeja jūras dibenā pielīdzināta kāzām, kur par līgavu, vedējiem — jūras zivis un dzīvnieki).

Krievu dziesmās visi šie latviešu dziesmu motīvi trūkst, toties plaši izvērsts pēc krievu klasiskās folkloras kanona plašs mirušā vai mirstošā apraksts. Tas sākas ar ieļņas tēlojumu, kas sašaurinājas par laukumiņu zem koka vai krūma; sīki tiek izklāstīts, kas atrodas mirstošā galvgalī, kas kājgalī. Arī krievu dziesmās sastopami aizguvumi no citu tautu folkloras, piemēram, no poļu dziesmām par poļu huzāru, pēc kura skumst skaistā poļu paņa.

Daudz līdzīgu sižetu un motīvu latviešu un krievu bērnu dziesmu ciklā, sevišķi rotaļu dziesmās par putras vārīšanu, par miega stiepšanu bērnam (latviešiem miegu stiepj pelīte, kurai jāvairās no kaķīša, krievi — otrādi).

Pamatīgāk izpētītas (arī ar Kultūras Akadēmijas studentu līdzdalību) četras bērnu dziesmas, kas latviešu un austrumslāvu folklorā sevišķi populāras. Katra no tām parādīja citādākas savstarpīgas attiecības veidus.

Dziesma par pūci, kas nomina zvīrbulim kāju, gan satura, gan kompozīcijas ziņā latviešu un krievu folklorā gandrīz vai pilnīgi saskan un tuvas arī poļu versijai, no kuras acīmredzot cēlusies, un atšķiras vienīgi detaļās, sevišķi nobeigumā, kur raksturots pūcītes augstais sociālais stāvoklis.

Pavisam cits raksturs ir latviešu četrindei par kritušo no ozola odu, kas no kritiena galīgi sadauzījies, un krievu divdesmitrindīgo epepeju par varenu kazaku Odu, no kā visi baidījušies, kā kritušo ārstējušas mušas. Protams, ir krievi, ir latvieši ir daudz starpposmu starp abām šīm galējībām.

Citādākus sakara veidus parādīja tādu dziesmu pētīšana, kurām neparasta kompozīcija: jautājumi un atbildes vai akumulācija (“pieaugums”).

Pēc pieauguma principa uzbūvēta dziesma par kunga dāvanām, kuras kalps saņem par katra gada kalpojumu, pie kam ik reizes tiek atkārtotas visas iepriekšējās dāvanas. Latviešu un krievu dziesma aizgūta no poļiem, pie kam latviešus tā sasniedza ar lietuviešu starpniecību, par ko liecina latviešu dziesmas ar lietuviešu vārdiem un pana vietā lietota vārda “polis”; savukārt pie krievi, pat attālajā Sibīrijā, dziesma atnāca ar ukraiņu un baltkrievu starpniecību.

Pilnīgs pretstats vienkāršai “kunga dāvanu” dziesmas vēsturei ir visai sarežģīta radu rakstu ziņā latviešu “Āzīša” dziesma, kuras sākumu un attīstības ceļus grūti savest kādā pārliecinošā pavadienā.

Jau Lautenbahs atcerējās bērnu dienās dzirdētu vācu dziesmu “Wo bist du gewesen, du Ziegener Bock”, taču nevienā vācu dziesmu krājumā tādu dziesmu

netika atradis. Vai tik kāds vācietis nebija pārtulkojis latviešu dziesmu, kā toreiz ne vienu vien reizi mēdza notikt? Latgales krievi, tai skaitā arī vecticībnieki, kas atšķirās ar rūpīgu dziesmu atlasi, pazīst kompozicionāli identu dziesmu, kur āziša vietā parādās “черный баран”, kas līcis folkloristam Fridriham krievu aunu atvasināt no latviešu āziša. Taču izrādījās, ka “melnu aunu” šai dziesmā pazīst vienīgi Latgales krievi! Nevienā(!) no izšķirstītiem gan veclaiku, gan mūsdienu krievu dziesmu krājumiem no visdažādākiem krievu apdzīvotajiem reģioniem mēs “melnu aunu” neatradām, toties tai pašā laikā “melns auns” kā vienīgais iespējamais figurē visās attiecīgā satura un tipa dziesmās, kas publicētas vairākos 19. gadsimta 30.—40. un 60.—70. gadu poļu folkloras krājumos, pie tam no visdažādākajiem Polijas reģioniem. Tīkmēr visos krievu dziesmu krājumos šī tipa dziesmās valdoša persona ir zaķītis, vai, pareizāk sakot, divu veidu zaķīši. Vienā dziesmu daļā šis zaķītis tuvs latviešu āziša radnieks. Tikai dzirnavu vietā viņš darbojas dārzā (“в огороде”), kas dziedot kādreiz, mainot pauzi, pārveidojas par “во городе”. Un tādā gadījumā jāmin arī šis pilsētas nosaukums, kas tiek arī izdarīts. Tur zaķītis šķin kāpostus, par ko viņu sit un viņam jābļauj, tāpat kā āzītim.

Bet ir arī otra krievu zaķīša variācija, kur viņu (tāpat jautājumu un atbildžu formā) aicina ciemos, pabaro, padzirda, izguldina un ar godu pavada. Pie tam visu to dara trīs jaunavas Katjuša, Mavruša, Darjuša, kas sacenšas laipnībā un viesmīlībā.

Taču Latgales krievu folklorā ieklūdusi vēl viena šīs dziesmas variācija, kurā darbojas personāžas, ko nesaprata ne dziesmas dziedātāja, ne pierakstītājs. Tās ir: “понитова псиц” un “пани морисъ”. Īstenībā poļu oriģinālā tie ir “pans Severīns” un “panna Mariša” (daudzos ukraiņu un baltkrievu variantos minēti arī citi vārdi). Šās cilvēkveidīgas personāžas daudz palaidnīgākas nekā āziši un zaķīši. Tie dzer, spēlē kārtis, beidzot nomirst, apglabāti baznīcā goda vietā, pēc viņiem sēro visas varšavietes vai krakovietes. Kura no visām šeit minētām variācijām pieder pie primārās, pagaidām paliek hipotēžu līmenī.

No baladveidīgām dziesmām par vairāk izpētītām var uzskatīt vienu no populārākajām kā latviešu, tā krievu dziedātāju repertuārā par tāli izdoto tautas mātes meitu, kas, ilgodamās pēc tēva mājām, pārvēršas par dzeguzi un atlaižas tēva dārzā. Dziesmā daudz poetisku tēlojumu, kas saistīti ar dzeguzes lidojumu, ar pārdzīvojumiem tēva dārzā, ar sadzīves ainiņām: kur raksturotas gan latviešu, gan baltkrievu, gan krievu sadzīves īpatnības (piedzērušos tēvu dēli ved no kroga). Ievērības cienīgas ir krievu dziesmās izteiktais nosodījums brāļiem, kas grasījušies nošaut māsu-dzeguzi: tos nodod zaldātos, ieliek cietumā, jaunākais dabū visu tēva mantojumu.

“Māte aiz trim atslēgām”. Tā saucās šīs grāmatas autora diplomdarbs, ko viņš aizstāvēja, beidzot universitāti 1946. gadā. Šo dziesmu dziedājusi bārenīte, aicinādama mīrušo māti vai tēvu viņu svētīt pirms laulībām. Dziesma ļoti populāra un plaši izplatīta visās baltu un slāvu reģionos. Taču katrai tautai ir visai zīmīgas īpatnības. Ja krievu bārene vērsas vispirms pie dabas stihijām, vai arī pie baznīcas lielā zvana, lai tas māmīņu no kapa izceļ, tad latvieši izveidojuši dziesmu, kurā lūdz, lai dabas parādības — vējš, ūdens — izjauktu dzeltenās smiltis, nokaltētu zaļo zā-

liti, izjauktu zārka dēļus, lai māte vai tēvs varētu celties augšā. Zīmīgi, ka baltkrievu dziesmā precīzi aprakstītas atslēgas sastopamas vienīgi Latgales baltkrievu un tuvāku kaimiņu apvidū, bet jo tālāk uz austrumiem un dienvidiem, jo stiprāk šis atslēgu motīvs irst, iet mazumā un krievu dziesmās tikpat kā vairs nav sastopams. Tad varētu izvirzīt hipotēzi: ja arī šo dziesmu ir radījuši baltkrievi, tad plaši izmantojot latviešu tautas poezijas elementus.

Metodiski un metodoloģiski svarīgs monogrāfisks pētījums par tālu izprecētas māsas brāļa konfliktu ar dieveri — nicinātāju, kas latviešu un krievu dziesmās rod dažādu risinājumu. Latviešu dziesmās runa ir īsa: tava galva — mans zobens. Kurpretī krievu dziesmās skan vienīgi padoms paciesties: veči drīz nomirs, dieveri un ietaļas paši kļūs par ģimenes cilvēkiem. Ja dažās latviešu dziesmās brālis aicina nicinātu māsu atpakaļ uz tēva mājām, tad baltkrievi tādu aicinājumu uztver kā joku: vai tāpēc bija jātērējas kāzām, lai tagad visu izjauktu.

Vairākām monogrāfijām savākti vienīgi materiāli, grāmatā uz tiem norādīts...

Latviešu un austrumslāvu dziesmu salīdzināma pētīšana ar minētām monogrāfijām nav izsmelta. Grāmatā sniegti materiāli ar svarīgākiem līdzīgākiem sižetiem, kā īsumā pastāstīts par diviem monogrāfiskiem vairākkārt publicētiem pētījumiem gan par latviešu tautas dziesmu tulkojumiem krievu valodā, gan par krievu dzejnieku daiļdarbiem latviešu folkloras uzrakstījumos. Abas šīs monogrāfijas veido tā kā tiltu pārejai uz nākamajām šī cikla grāmatām — par latviešu un krievu literatūru sakariem.

ПРИЛОЖЕНИЯ

“Es vienmēr darīju savu darbu,
nekas cits mani neinteresēja”¹

BORISS INFANTJEVS

Iss dzīves apraksts

Ievērojamu ieguldījumu krievu-latviešu kultūras un zinātnes sakaru veidošanā un izpētē ir devusi izcilu Latvijas kultūras darbinieku un zinātnieku-enciklopēdistu plejāde (Rainis, R.Pelše, P.Stradiņš, J.Stradiņš, M.Semjonova, V.Vāvere, J.Abizovs u.c.). Viens no tiem ir Boriss Infantjevs (Борис Фёдорович Инфантьев) — folklorists, literatūrzinātnieks, valodnieks, pedagogs, kulturologs, vēsturnieks, novadpētnieks, sabiedriskais un kultūras darbinieks. Profesors ar enciklopēdiskām zināšanām un fenomenālām darbaspējām, habilitētais pedagoģijas doktors, filoloģisko zinātņu kandidāts, Trīszaigžņu ordeņa kavalieris. Personība, kuras vārds ir pelnīti ierakstīts Latvijas folkloristikas vēsturē,² Latvijas rakstniecības vēsturē,³ Latvijas pedagoģijas vēsturē,⁴ Latvijas kultūras vēsturē,⁵ kā arī Latvijas krievu ievērojamāko pārstāvju sarakstā.⁶ Simbolizējot veselu laikmetu mūsu valsts zinātniskajā, sabiedriskajā, garīgajā un kultūras dzīvē, viņš ir kļuvis par Latvijas intelīgenes un Latvijas krievu kopienas autoritāti un patriarhu.

Boriss Infantjevs dzimis 1921.gada 14.septembrī Rēzeknē. Viņa tēvs Fjodors Infantjevs ir bijis Krievijas, bet vēlāk Latvijas armijas virsnieks, kas pēc demobilizācijas strādāja par mērnieku dažādos Latvijas reģionos, savukārt māte — Zina-

¹ Инфантьев Б. Между жерновками. Опыт выживания. Зап. Н. Кабанов // Вести сегодня. — 2000. — 25 марта.

² Ambainis O. Latviešu folkloristikas vēsture. — Rīga: Zinātne, 1989. — 117. lpp.

³ Vīte A. Infantjevs Boriss // Latviešu rakstniecība biogrāfijās. — Rīga: Latvijas Enciklopēdija, 1992. — 132.—133.lpp.; Vīte A. Infantjevs Boriss // Latviešu rakstniecība biogrāfijās. — Rīga: Zinātne, 2003. — 245. lpp.

⁴ Anspaks J. Pedagoģijas idejas Latvijā. — Rīga: RaKa, 2003. — 396. lpp.; Kopeļoviča A., Žukovs L. Skolotāju izglītība Latvijā 1940—2000. — Rīga: RaKa, 2004. — 158., 196.—197., 205. lpp.; Pedagoģiskā doma Latvijā no 1940. gada līdz mūsu dienām. — Rīga: Puse, 1998. — 134.—136. lpp.; Žukovs L. Pedagoģijas vēsture. — Rīga: RaKa, 1999. — 290. lpp.

⁵ Priedītis A. Latvijas kultūras vēsture. No vissenākajiem laikiem līdz mūsdienām. — Daugavpils: AKA, 2000. — 258., 330. lpp.

⁶ Volkovs V. Krievi Latvijā. — Rīga: LZA Filozofijas un socioloģijas institūts, 1996. — 89. lpp.

īda Infantjeva pēc profesijas bija medmāsa, kas pēc vienīgā dēla piedzimšanas visu savu laiku veltīja bērna audzināšanai.

Tēva darba specifikas dēļ Infantjevu ģimene katru gadu no marta līdz novembrim “klejoja” pa Latgales, bet vēlāk Kurzemes sādžām un lauku sētām. Būdam kopš bērnības aktīvs un apveltīts ar milzīgu, zinātkāri, jaunais Boriss visur ieguva “pazīnas” gan vienaudžu, gan gados vecāku cilvēku vidū. Savstarpējo kontaktu rezultātā izveidojies Borisa Infantjeva galvenais vaļasprieks, kas vēlāk kļuva par profesionālo un zinātnisko interešu pamatu, — folkloru.

Lai nodrošinātu iespēju iegūt labu izglītību, vienlaikus iekļaujoties tā laika Latvijas vietējā sabiedrībā, vecāki nolēma “aizsūtīt” savu dēlu uz vācu bērnudārzu. Jāatzīmē, ka zinātnieks līdz šai dienai atceras audzinātāju un bērnu laipnību un toleranci, kas ļāva viņam, nezinot vācu valodu, integrēties vāciešu vidē. Izglītība tika turpināta Olgas Beateres Rīgas privātajā krievu ģimnāzijā, kurā pēc iestājpārbaudījumu sekmīgas nokārtošanas Boriss tika ieskaitīts uzreiz otrajā klasē.

1935.gadā Boriss Infantjevs pabeidza pilnu pamatskolas kursu. Jāatzīmē, ka iegūtajā liecībā par pamatskolas kursa beigšanu gandrīz visos mācību priekšmetos bija tolaik augstākais vērtējums — “5”, izņemot latviešu un krievu valodu, kā arī rokdarbus, kur atzīme bija “4”.⁷ Taču laika gaitā latviešu un krievu valoda kļuva par vienu no galvenajiem profesora B. Infantjeva zinātnisko interešu objektiem!

Lai Boriss varētu veiksmīgi iestāties Latvijas Universitātē, viņa vecāki izvēlējās latviešu vidusskolu dēla izglītības turpināšanai. Tā viņš nokļuva izglītības iestādē ar klasisku mācību programmu — Rīgas valsts klasiskajā vidusskolā (ģimnāzijā). Ģimnāzists Boriss Infantjevs iesaistījās tolaik Latvijā populārā mazpulkus kustībā (kas viņam, protams, tika “īpaši pieminēts” Staļina režīma laikā) un pat izveidoja literatūras pulciņu. Kā centīgākais kustības dalībnieks ticis godalgots vairākkārt, tai skaitā 1939.gada 29.janvāra darba, karoga un svinīga solījuma svētkos.⁸

Jāsecina, ka ģimnāzijā iegūtā klasiskā izglītība, kuras galvenais uzdevums bija sniegt audzēkņiem zināšanu apjomu, lai veiksmīgi turpinātu studijas augstskolā, un kas pēc savas mācību programmas bija līdzvērtīga cara laika izglītībai, kļuva par pamatu gan B. Infantjeva tālākām studijām, gan personības un pasaules skatījuma tapšanai. Mūsdienās ir grūti sastapt cilvēku, kas ir mācījies un pētījis 22 valodas (!),⁹ pie tam daļu no tām Boriss Infantjevs vēl šobaltdien māca augstākajās izglītības iestādēs, un kuras pētījumiem piemīt “vērienīgs kulturvēsturisks skatījums uz parādībām un personībām”.¹⁰

⁷ Borisa Infantjeva Liecība par pamatskolas pilna kursa beigšanu. — No B. Infantjeva personiskā arhīva.

⁸ T. J. Skolu dzīve // Skolu dzīve. — 1938./39. m.g. — Nr. 6. — 20. lpp.; Инфантьев Б. Между жерновками. Опыт выживания. Зап. Н. Кабанов // Вести сегодня. — 2000. — 25 марта.

⁹ Lipša J. Nenogurdināmais zinātnieks // Vakara Ziņas. — 2000. — 1. jūlijs.

¹⁰ Vīte A. Infantjevs Boriss // Latviešu rakstniecība biogrāfijās. — Rīga: Zinātne, 2003. — 245. lpp.

1940.gada pavasarī Boriss Infantjevs pabeidza ģimnāziju un uz nobeiguma eksāmena pamata tika uzņemts Latvijas Universitātes Filoloģijas fakultātes Klasiskajā nodaļā. Kā atceras zinātnieks, viņa plānos bija iegūt slāvista kvalifikāciju, bet LU tas tolaik nebija iespējams, tādēļ viņš gribēja pabeigt jebkuru Filoloģijas fakultātes nodaļu un tad braukt uz Čehoslovākiju specializēties slāvistikā.

Taču 1940.gada notikumi krasi mainīja jaunā studenta ieceri. Uzsākot LU pārveidošanu atbilstoši Padomju augstskolas standartiem un mācību plāniem, uzreiz radās nepieciešamība izveidot slāvistikas nodaļu, kura tūlīt pat uzsāka savu darbību. Pirmo jaunizveidotās nodaļas studentu vidū bija arī Boriss Infantjevs, kas pateicoties ģimnāzijas izglītībai pirms termiņa nokārtoja eksāmenus senajās valodās un ievadu filoloģiskajos priekšmetos, kļūstot par uzvarētāju sociālistiskajā sacensībā, iegūstot autoritāti kursabiedru vidū, kuri uzņēma viņu studentu arod biedrībā.¹¹

1941.gada vasaras notikumi kārtējo reizi mainīja studenta B. Infantjeva plānus. Vācu okupācijas laikā universitātes studiju programma tika pārkārtota atbilstoši Vācijas mācību standartiem. Slāvistikas nodaļa tika likvidēta, tādēļ B. Infantjevs grāšījās atgriezties Klasiskās filoloģijas nodaļā, bet kā atceras pats zinātnieks, krievu valodas docētāja Ludmila Krugļevska “mani pārliecināja, ka slāvistikai vistuvākā ir baltistika, un ka Latvijas apstākļos slāvis nav domājams bez pamatīgām zināšanām baltu filoloģijā”.¹²

Tieši studējot baltu filoloģiju, Boriss Infantjevs ir atradis vienu no galvenajām turpmāku studiju un zinātnisko interešu tēmām — latviešu un krievu folkloras sakari. Pēc profesora Luža Bērziņa asistenta Kārļa Draviņa (1901 — 1991)¹³ ierosmes latviešu tautas dziesmu semināra laikā toreizējais students sagatavoja referātu par latviešu un austrumslāvu kāzu ieražām un dziesmām Latgalē, bet vēlāk aizstāvēja par šo tēmu diplomdarbu.¹⁴ Jāatzīmē, ka Boriss Infantjevs ir kļuvis par izcilu latviešu un krievu folkloras salīdzināmās pētišanas speciālistu Latvijā, kam par nopelniem folkloristikas laukā tika piešķirta 2001.gada Lielā folkloras balva.¹⁵

1942.—1943. mācību gadā vācu vara atļāva universitātē mācīt slāvistiku. Tādēļ papildus baltistikas studijām, B. Infantjevs sāka studēt arī slāvu valodas un literatūras profesores Annas Ābeles, lektores Ludmilas Krugļevskas un profesora Viktora Černobajeva vadībā.

1944. gadā pēc Padomju režīma atjaunošanas Latvijas Valsts Universitāte atsāka savu darbību, un B. Infantjevs atkal kļuva par LVU Filoloģijas

fakultātes Slāvu nodaļas studentu. Nokārtojot studiju laikā vairāk kā 60 mācību kursus, 1946.gada 3.jūlijā viņš ar izcilību pabeidza mācības slāvu — krievu filoloģijas specialitātē, iegūstot literatūrzinātnieka kvalifikāciju.¹⁶ Zīmīgi, ka šajā gadā nodaļu beidza tikai divi cilvēki: Boriss Infantjevs un Marija Semjonova (1910—1988) — vēlāk LVU docente, latviešu un krievu valodas sakaru pētniece.¹⁷

Universitātes studijām sekoja aspirantūra. Nokārtojot obligātos kandidāta eksāmenus, jaunais zinātnieks varēja uzsākt disertācijas “Latviešu folkloristu sakari ar krievu zinātni” sagatavošanu. Par Borisa Infantjeva disertācijas pirmo vadītāju kļuvis LU Slāvistikas katedras vadītājs profesors Boļeslavs Brežgo, tad viņu nomainīja disertanta “tiešais” priekšnieks Zinātņu akadēmijas Folkloras institūta Latviešu un krievu folkloras sakaru pētišanas sektora vadītājs rakstnieks Andrejs Kurcijs (ist. v. Andrejs Kuršinskis), jo zinātnieks attiecīgi 1946. gada 1. jūlijā bija kļuvis par minētā sektora jaunāko zinātnisko līdzstrādnieku. Darbs institūtā sekmēja disertācijas izstrādi, nodrošinot gan iespēju vākt materiālus Maskavas, Ļeņingradas un Viļņas arhīvos, gan publicēt rakstus, gan piedalīties folkloras ekspedīcijās un izmantot npublicētus folkloras un zinātniskus materiālus.

1951.gadā disertācija bija pabeigta, jau tika izdots disertācijas autoreferāts¹⁸ un noteikta aizstāvēšanas diena... Taču liktenīgie spēki, “kompetento” institūciju izskatā, mainīja zinātnieka plānus un nodarbošanās veidu. Kā atceras Boriss Infantjevs, viņš, būdams “folkloras krāšanas ekspedīcijā Aknīstes rajonā” saņēma “Infancebulam” (tas ir viņam) adresēto telegrammu ar uzaicinājumu steidzīgi ierasties Rīgā. Filoloģijas aspirants nokļuva LVU zinātņu prorektora profesora Alfrēda Stalģeviča, kas tika nosūtīts uz Latviju ar nolūku nodrošināt zinātnisko kadru uzticību Padomju režīmam, redzeslokā. Borisam Infantjevam tika pārņemts progresivitātes un vēlmes iestāties komjaunatnē vai komunistiskajā partijā trūkums, studijas “fašistu augstskolā” utt.¹⁹

Protams, neskatoties uz to, ka disertācijas aizstāvēšanas diena bija jau nozīmēta un saņemtas pozitīvas atsauksmes, bija skaidrs, ka piešķirt zinātnisko grādu cilvēkam ar “tādu biogrāfiju” nedrīkst. Pēc Folkloras institūta direktora vietnieka, rakstnieka un folklorista Jāņa Niedres ieteikuma disertācijas aizstāvēšana tika

¹⁶ B. Infantjeva diploms. — No B. Infantjeva personiskā arhīva.

¹⁷ Par M. Semjonovu plašāk — Инфантьев Б. Мария Фоминична Семёнова // Рижская городская русская гимназия. — Рига: [b. i.], 1999. — С.159—162.

¹⁸ Инфантьев Б. Связи латышских и русских фольклористов в период латышского буржуазно — национального движения. Автореферат кандидатской диссертации. — Рига: Латвийский государственный университет, 1951. — 15 С.

¹⁹ Infantjevs B. Laikmeta vējos, likteņa aizvējā // Rīga — 800. Gadagrāmata. — 2000. — Rīga: Latvijas Kultūras fonds, 2001. — 110.—111. lpp.; Lipša J. Kā viņš vāca Latvijas padomju folkloru // Vakara Ziņas. — 2001. — 1. februāris.

¹¹ Infantjevs B. Laikmeta vējos, likteņa aizvējā // Rīga — 800. Gadagrāmata. — 2000. — Rīga: Latvijas Kultūras fonds, 2001. — 105. lpp.

¹² Turpat. — 108. lpp.

¹³ Par K. Draviņu plašāk sk. — Infantjevs B. Divas tikšanās ar Kārli Draviņu // Letonica. — 2002. — Nr. 8. — 183.—189. lpp.; Инфантьев Б. Образ русских в сознании стендских латышей // Даугава. — 2001. — № 1/2. — С. 142—146.

¹⁴ Инфантьев Б. Curriculum vitae [в Латвийском университете в 1940—1943 гг.] // Даугава. — 2000. — № 3. — С. 113.

¹⁵ Pasniegts Lielās folkloras balvas // Diena. — 2001. — 1. novembris.

atlikta, jo “izrādījās, ka Boriss Infantjevs ir buržuāziskais nacionālists un pret-padomju elements”.²⁰ Šis formulējums bija pilnīgi pietiekošs, lai zinātnieks, kas tikko bija atmaskots, tiktu padzīts gan no Folkloras institūta, gan no LVU, kur viņš kā stundu pasniedzējs lasīja lekcijas folkloristikā un senkrievu literatūrā Filoloģijas fakultātes studentiem, gan zaudētu iespēju nodarboties ar zinātni un publicēt savu pētījumu rezultātus. Nonāca līdz absurdam, piemēram, Borisa Infantjeva zinātniskais raksts “Padomju Latvijas folkloristu sasniegumi 10 gados” tika iekļauts folkloristikas priekšmetu obligātās literatūras sarakstā, taču bez autora vārda (!).²¹

Protams, tādām “Padomju varai svešam cilvēkam” nebija iespējams atrast darbu zinātnes vai mācību iestādē. Tikai, pateicoties Antīkās literatūras tulkotāja Ābrama Feldhūna pūlēm, B. Infantjevs kā ārštata darbinieks tika pieņemts par krievu — latviešu vārdnīcas izstrādes darba grupas locekli (1952—1954). Šis darbs nodrošināja gan materiālās, gan morālās un zinātniskās izdzīvošanas iespējas, kļūstot par pamatu profesora interesēm salīdzināmās valodniecības jomā.²²

Pēc 1953.gada, mainoties politiskai situācijai valstī, pēc trīsdesmitgādīgas pārtraukuma zinātniekam izdevās atsākt savu pedagoģisko karjeru. 1954.gadā 27.janvārī viņš tika pieņemts darbā par krievu valodas un literatūras skolotāju Bulduru septiņgadīgajā skolā, bet pēc pusgada, “iemantojot Jūrmalas rajona partijas komitejas darbinieku uzticību”, Borisu Infantjevu pārcēla par Jūrmalas rajona Izglītības nodaļas skolu inspektoru.²³ Šajā laikā viņš sāka interesēties par krievu valodas un literatūras mācīšanas nacionālajā skolā metodikas problēmām, mēģinot panākt krievu valodas zināšanu uzlabošanu Latvijas skolās, regulāri publicējot “Skolotāju Avīzē” rakstus par mācību procesa problēmām un nepilnībām.

Skolu inspektora aktivitātes, kuru pamatā bija gan studiju laikā iegūtās zināšanas, gan pedagoģijas teorijas un prakses atziņas, kā arī zinātniskā darba pieredze, prasme izteikt un pamatot savas idejas, tika attiecīgi atzītas un pamanītas skolu pārraugošo iestāžu vidū. 1955.gada 11.septembrī Boriss Infantjevs tika pieņemts darbā Latvijas PSR Izglītības ministrijas Skolu zinātniskās pētniecības

²⁰ Infantjevs B. Laikmeta vējos, likteņa aizvējā // Rīga — 800. Gadagrāmata. — 2000. — Rīga: Latvijas Kultūras fonds, 2001. — 111. lpp.; Инфантьев Б. Curriculum vitae. — Rokraksts. — 38.—40. lpp.

²¹ Инфантьев Б. Curriculum vitae. — Rokraksts. — 38.—40. lpp.

²² B. Infantjevs ir sagatavojis izdošanai krievu — latviešu etimoloģijas vārdnīcu, taču finanšu apsvērumu dēļ minētā projekta realizācija ir aizkavējusies.

²³ Kā atceras B. Infantjevs, pirms apstiprināšanas inspektora amata viņam tika jautāts: “Vai jūs bijāt malpuzku (nevis mazpulku!) organizācijā?” Uz ko viņš atbildēja, ka tādas organizācijas biedrs nebija, pēc ka, visiem atbildīgiem darbiniekiem pasmaidot, tika arī apstiprināts jaunā amatā. — Инфантьев Б. Между жерновками. Опыт выживания. Зап. Н. Кабанов // Вести сегодня. — 2000. — 25 марта.

institūtā²⁴ par Latviešu un krievu valodu un literatūras sektora jaunāko zinātnisko līdzstrādnieku. Tā sākās zinātnieka “karjera” pedagoģijas zinātnē. 1956.gadā Borisam Infantjevam izdevās aizstāvēt savu sen uzrakstīto disertāciju un iegūt filoloģisko zinātņu kandidāta grādu, kas bija priekšnosacījums ievēlēšanai par institūta vecāko zinātnisko līdzstrādnieku.²⁵

Uzsākot darbu pedagoģijas pētniecības laukā, zinātnieks kopā ar savu kolēģi un domubiedri Edīti Beikmani veica krievu valodas un literatūras mācīšanas reorganizāciju latviešu skolās, zinātniski un praktiski pamatojot atziņu, ka, lai nodrošinātu veiksmīgu krievu valodas un literatūras apguvi latviešu skolā, jāveido īpaša metodika, atšķirīga gan no dzimtās valodas, gan no svešvalodu mācīšanas metodikas. Tāpēc bija nepieciešams sastādīt oriģinālas mācību grāmatas ar īpašu mācību vielas sakārtojumu, akcentējot līdzīgos un vienādos latviešu un krievu valodas elementus un struktūras. Tika pierādīts, ka baltu un slāvu valodām ir 1600 līdzīgas saknes, identa prefiksācija un sufiksācija, līdzība fleksijās, fonētikā un sintaksē, kam bija jākļūst par īpašas bilingvālās (divvalodības) vides veidošanas bāzi. Līdz ar to tika racionalizēts mācību process, samazinot mācību laiku vietas apgūšanai, kas jau zināma no dzimtās valodas stundām, palielinot laiku atšķirīgu valodu elementu apgūšanai, pastiprinot mācību procesa individualizāciju un skolnieku patstāvīgā darba lomu valodas apgūšanā, izmantojot zināšanas, iemaņas un prasmes, kas gūtas, mācoties dzimto valodu. Minētā zinātniski pamatotā un pierādītā ideja deva reālu iespēju apgūt krievu valodu latviešu skolās. Ne velti profesors tiek dēvēts par mūsu valsts “divvalodības (bilingvalisma) katalizatoru” un “galveno rusifikatoru”.²⁶

Borisa Infantjeva un viņa kolēģu Edītes Beikmanes un Helēnas Francmanes izstrādātās teorijas vissavienības atzīšana notika 20.gadsimta 60-gadu sākumā, kad pēc Maskavas izdevniecības “Просвещение” pasūtījuma Latvijas zinātnieki sagatavoja mācību grāmatu “Русское слово”, kas bija paredzēta un rekomendēta visām Krievijas Federācijas nacionālajām skolām un vēlāk vairākkārt tika izdota no jauna.²⁷

²⁴ Skolu zinātniskās pētniecības institūts (no 1972.gada Pedagoģijas zinātniskās pētniecības institūts) tika dibināts 1952.gadā ar nolūku pētīt aktuālās mācību un audzināšanas problēmas, nodrošināt pedagoģijas atziņu ieviešanu praksē, koordinēt pedagoģijas pētījumus un propagandēt pedagoģiskās zināšanas. Likvidēts 1991.gadā.

²⁵ Инфантьев Б. Связи латышских и русских фольклористов. Автореферат кандидатской диссертации. — Рига: Институт языка и литературы Академии наук Латвийской ССР, 1956. — 19с.; B. Infantjeva darba grāmatiņa. — 6.—7. lpp.

²⁶ Инфантьев Б. Катализатор двуязычия. Зап. С. Журавлёв // Диена. — 1997. — 8 мая; Главный обруситель. Беседа с языковедом Борисом Инфантьевым. Зап. Дм. Март // СМ-сегодня. — 1994. — 27 января.

²⁷ Бейкмане Э., Инфантьев Б., Францмане Е. Русское слово. Учебник русского языка для старших классов национальных школ РСФСР. — Москва: Просвещение, 1965—1968. — 366 с.

Krievu valodas un literatūras mācību komplekta izveide latviešu skolām un krievu un latviešu valodas leksikas un gramatikas vielas atlase un to izkārtojuma, ievadišanas un nostiprināšanas principi, metodes un prakse kļuva par Borisa Infantjeva galveno zinātnisko interešu objektu 20. gadsimta 60—80-gados. Līdztekus, lai sagatavotu pamatīgāku bāzi krievu valodas un literatūras mācību programmu un satura reformai, zinātnieks pētīja krievu valodas un literatūras mācīšanas vēsturi latviešu zemē (no 13.gadsimta līdz mūsdienām).²⁸

Vienlaikus B.Infantjeva vadītā zinātnieku grupa analizēja mācību darba motivācijas aktivizēšanas aspektus, izstrādāja pamatus krievu valodas mācību grāmatu teorijai, kas arī atrada atspoguļojumu vairākās mācību grāmatās un palīgīdzekļos.

Paralēli zinātnieks kopā ar savu kolēģi Aleksandru Losevu (1925—1997)²⁹ publicēja vairākus pētījumus krievu–latviešu literatūras sakaru un to mācīšanas jomā. Atsevišķas publikācijas šajā jomā tika apkopotas 6 grāmatu manuskriptos, no kuriem divus izdevās publicēt.³⁰

Var droši apgalvot, ka kopš 1955.gada un līdz pat 1991.gadam neviena krievu valodas un literatūras mācību programma, mācību grāmata, metodiskais līdzeklis vai mācību materiāls nav iznācis bez Borisa Infantjeva aktīvas (autora, autoru kolektīva vadītāja, recenzenta vai padomdevēja) līdzdalības.

Borisa Infantjeva un viņa domubiedru pedagoģiskās idejas ieguva vis-savienības popularitāti. Pats zinātnieks tika aicināts par profilējošā žurnāla “Русский язык в национальной школе” redakcijas kolēģijas locekli, republikas

²⁸ Инфантьев Б. Русский язык в национальной школе Латвии. Исторический очерк I. Переводно-грамматический метод (XVIII в. — 80-е годы XIX в.). — Рига: Звайгзне, 1972. — 139 с.; Инфантьев Б. Русский язык и литература в национальной школе Латвии. Исторический очерк II. (90-е годы XIX в. — 1917 год). — Рига: Звайгзне, 1976. — 148 с.; Инфантьев Б. Преподавание русского языка и литературы в советской латышской школе // Skolas un pedagoģiskās domas attīstība Padomju Latvijā. — Rīga: Zvaigzne, 1969. — 122.—144. lpp.; Инфантьев Б. Русский язык и литература в латышских школах буржуазной Латвии // Арсērējumi par tautas izglītības un pedagoģiskās domas attīstību Latvijā. — Rīga: Latvijas PSR IM, 1978. — 129.—166. lpp.; Инфантьев Б. Русский язык и литература в латышских школах 20—30-х годов // Русские в Латвии. — Вып.2. — Рига: Веди, 1997. — С.106—116; Инфантьев Б. Русский язык в Остзейском крае до XVIII века // Acta Baltico-Slavica. — 1980. — Nr. 13. — S. 85—109.

²⁹ Par A. Losevu plašāk sk. — Staris A. Aleksandrs Losevs // Pedagoģiskā doma Latvijā no 1940. gada līdz mūsu dienām. — Rīga: Puse, 1998. — 173.—174. lpp.; Kovaļs L., Pliners J., Šulķina I., Zorins M. Atvadīšanās no inteliģenta. Aleksandra Loseva piemiņai // Izglītība un Kultūra. — 1997. — 30. oktobris.

³⁰ Инфантьев Б., Лосев А. Латвия в судьбе и творчестве русских писателей. — Рига: Звайгзне, 1994, 1996. — 316с.; Инфантьев Б., Лосев А. Обращённые к Латвии строки. — Rīga: Zvaigzne ABC, 1999. — 254 с.

pedagoģisko pētījumu koordinācijas padomes locekli, kļuvis par LPSR un PSRS izglītības darba teicamnieku, ieguva PSRS TSSI bronzas medaļu utt.

1974.gada 1.februārī B.Infantjevs tika ievēlēts par jaunizveidotā Pedagoģijas ZPI Krievu un svešvalodu sektora vadītāju. Taču, kā atceras institūta kolēģi, viņš “bija labsirdīgs, mazprasīgs un “nenopietns” priekšnieks, kas darba lauvas tiesu darīja pats. Viņam nepiemēta skaudība un nelabvēlība, tikai patiens prieks par kolēģu panākumiem”.³¹

Līdztekus darbam institūtā, zinātnieks 20.gadsimta 60—80-gados docēja “Krievu valodas un literatūras mācīšanas metodiku” un “Krievu-latviešu literatūras sakarus” LVU Filoloģijas fakultātes studentiem, vadīja to pedagoģisko praksi un bija ilggadējais LVU (vēlāk LU) Filoloģijas un Pedagoģijas fakultātes, kā arī Daugavpils pedagoģiskā institūta Filoloģijas fakultātes valsts eksāmenu komisijas priekšsēdētājs.

Savu filoloģisko un pedagoģisko pētījumu rezultātā Boriss Infantjevs izstrādāja un 1985.gadā PSRS Pedagoģijas Zinātņu Akadēmijā (Maskava) aizstāvēja disertāciju “Leksikas un gramatikas materiāla atlase un prezentācija krievu valodas kursā nacionālajā skolā” pedagoģisko zinātņu doktora grāda iegūšanai. 1993. gadā Latvijas Universitātes Pedagoģijas zinātņu nozares habilitācijas un promocijas padome pielīdzināja šo PSRS laikā iegūto grādu Latvijas Republikas habilitētam doktora grādam pedagoģijā.³²

Blakus savam ikdienas darbam Boriss Infantjevs veicis virkni sabiedrisko pienākumu: bijis Zinību biedrības valdes ilggadīgs loceklis un lektors, izdevniecības “Avots” vārdnīcu redakcijas padomes loceklis, vadījis televīzijas un radio raidījumus par latviešu un krievu literatūras un kultūras sakariem, mācīšanas metodikas jautājumiem, lasījis lekcijas Skolotāju kvalifikācijas celšanas institūtā un kursus, vadījis paraugstundas, organizējis un piedalījies skolotāju konferencēs, semināros utt.

1991.gada sākumā Pedagoģijas ZPI institūts tika likvidēts, uz tā bāzes ar daudz šaurākām zinātniskām un metodiskām iespējām izveidojot Izglītības attīstības institūtu, kurā Boriss Infantjevs tika pieņemts darbā par vadošu zinātnisko līdzstrādnieku. Šajā laikā zinātnieka uzmanības centrā bija krievu valodas un literatūras mācību programmu pārkārtošana, kā arī fakultatīvā kursa “Krievu-latviešu literatūras sakari” programmas un mācību materiāla izstrāde. Līdztekus tam profesors “atgriezās” aktīvā folkloristikas un mitoloģijas pētniecībā, pievērsās Latvijas krievu iedzīvotāju likteņu izpētei.

Šis posms bija sabiedrisko aktivitāšu un sabiedrisko organizāciju dibināšanas un aktīvas darbības laiks. Protams, pazīstamais zinātnieks un pedagogs nevarēja palikt malā. Viņš tiek ievēlēts par Rīgas slāvu vēstures biedrības prezidentu, krie-

³¹ Лебедева Н. Секрет его молодости // СМ. — 1996. — 17 сентября.

³² Инфантьев Б. Отбор и презентация лексико-грамматического материала в курсе русского языка национальной школы. Автореферат диссертации доктора педагогических наук. — Москва: НИИПРЯНИШ АПН СССР, 1985. — 30 с.

vu kluba “Uļej” goda locekli, sniedz konsultācijas kā projekta “Latvija. 20.gadsimta kopējie rezultāti” konsultants, ir žurnāla “Klio” zinātniskais konsultants, līdzdarbojas Humanitārajā seminārā utt. Īpaši svarīgs ir Borisa Infantjeva (pareizticīgā!) kā Latvijas krievu vēstures, kultūras un vecniecības vēstures teorētiskā semināra priekšsēdētāja darbs, rediģējot un sagatavojot izdošanai trīs apjomīgus sējumus “Krievi Latvijā”, piedaloties (kā organizētājs un referents) vairāku zinātnisko konferenču un lasījumu organizēšanā.³³

Zinātnieka aiziešana pensijā 1993.gadā ļāva viņam vairāk laika veltīt pētniecībai, ikdienas darbam bibliotēkās un arhīvos, sabiedriskiem pienākumiem. Taču tieksme pēc regulāra darba, tieksme palīdzēt un nodot savas zināšanas un pieredzi jaunai paaudzei vilināja atsākt aktīvas darba gaitas. Tāpēc, asociētā profesora Aleksandra Gavriļina aicināts, 1997.—2001.gadā profesors Boriss Infantjevs sagatavoja un nolasīja Latvijas Kultūras akadēmijas studentiem lekciju kursus: “Senkrievu valoda”, “Krievu — latviešu folkloras sakari”, “Krievu — latviešu literatūras sakari” un “Krieva tēls latviešu literatūrā”. Pie tam, būdams septiņdesmit sešus gadus vecs, viņš speciāli apguva senkrievu valodas īpatnības, lai lasītu lekcijas šajā disciplīnā un sagatavotu mācību līdzekli!

Baltijas Krievu institūta Juridiskās fakultātes studentiem zinātnieks jau vairākus gadus docē latīņu valodu, bet Pareizticīgā semināra audzēkņiem māca grieķu un latīņu valodu. 2003.—2004. mācību gadā Ekonomikas un kultūras augstskolā studējošie varēja noklausīties profesora lekcijas baltu mitoloģijā. Netiek atstāti novārtā arī skolotāji — pedagogu kvalifikācijas celšanas kursos ir nolasīti desmitiem lekciju par krievu-latviešu literatūras sakariem un to pasniegšanas īpatnībām.

Jāatzīmē, ka profesora lekcijas bija un ir visai iecienītas studentu un skolotāju vidū. Tās raksturo pasniedzēja dziļā erudīcija, pārdomāts lekcijas saturs, demokrātiskums, korektas attiecības ar studentiem, tieksme palīdzēt katram viņa zinātniskajā darbā, jo pats B. Infantjevs ir spējīgs atbildēt praktiski uz jebkuru jautājumu Latvijas folkloristikas, valodniecības, literatūrzinātnes, pedagogijas un vēstures jomā.

Zinātni, zinātnisko darbu var nosacīti dēvēt par profesora Borisa Infantjeva otro pamatdarbu, viņa dzīves galveno vaļasprieku, iemīlotu laika pavadīšanas veidu. Ir publicēts vairāk kā 470 grāmatu, zinātnisko rakstu, recenziju, galvenokārt latviešu un krievu valodā. Virkne publikāciju ir sagatavota iespēšanai, kas bieži vien kavējas finansiālo apsvērumu dēļ. Taču zinātnieka aktivitāte, neatlaidīgums un fenomenālās darbaspējas ir iemesls pētniecības procesa turpinājumam, līdz ar to ir gaidāms jaunu grāmatu un rakstu klāsts.

³³ Подмазов А. Десять лет работы теоретического семинара // Поморский вестник. — 2003. — № 1 (10). — Февраль—март. — С. 22.; Русские в Латвии: история и современность / Научн. ред. Б. Ф. Инфантьев. — Рига: Лад, 1992. — Вып. 1. — 80 с.; Русские в Латвии: история и современность / Научн. ред. Б. Ф. Инфантьев. — Рига: Веди, 1997. — Вып. 2. — 140 с.; Русские в Латвии: из истории и культуры староверия / Научн. ред. Б. Ф. Инфантьев. — Рига: Веди, 2002. — Вып. 3. — 408 с.

2001.gadā, kad tika plaši atzīmēta profesora Borisa Infantjeva 80 dzimšanas diena,³⁴ Triju Zvaigžņu ordeņa dome pieņēma lēmumu par izciliem sasniegumiem zinātnē un pedagogijā, aktīvu sabiedrisko un kultūras darbību “piešķirt IV šķiras ordeni habilitētajam doktoram, profesoram Borisam Infantjevam”.³⁵

Kā raksta pats zinātnieks, viņa jubilejas tuvošanās “izraisīja manu menedžeru (tā viņš sauc savus kolēģus un atbalstītājus) tieksmi izspiest no manis visu, kas šajos gados vēl palicis manā atmiņā”.³⁶ Tā tapa B. Infantjeva atmiņu “Curriculum vitae” rokraksts, kas ir unikāls Latvijas kultūras, zinātniskās, sabiedriskās, pedagogiskās dzīves atspoguļojums, vairāku politisko režīmu pārdzīvojošā cilvēka iespaidu, pārdzīvojumu, laika uztveres, personisko kontaktu fiksācija. Cerams, ka šis mūsu laikmeta vēstures dokuments atradīs ceļu pie sava lasītāja. Vienlaikus profesora Borisa Infantjeva pēdējo gadu zinātniskā darba aktivitātes saistās ar sava ilggadējā pētnieciskā darba rezultātu apkopojumu, izveidojot fundamentālo krievu-latviešu kultūras sakaru enciklopēdisko pārskatu. Šajā darbā, balstoties uz plašu avotu, pētījumu un literatūras klāstu, tiek aplūkoti divu kaimiņtautu savstarpējie kontakti mitoloģijas, folkloras, valodas un literatūras jomā, akcentējot to kopējās iezīmes un savdabību, iezīmējot plašu lauku nākotnes pētniecībai.

Un katru dienu top Borisa Infantjeva jauno zinātnisko pētījumu lapaspuses, tiek gatavotas un lasītas lekcijas, notiek konferenču un semināru referātu sagatavošanas process, sniegtas konsultācijas kolēģiem, recenzēti to darbi. Un vēl virknei zinātnisko plānu un ieceru trūkst brīvā laika...

Ivans Jānis Mihailovs

³⁴ Юбилей // Вести сегодня. — 2001. — 14 сентября.; Поздравляем // Панорама Латвии. — 2001. — 15 сентября.; Денисов А. Потрясающий преподаватель [Профессору Борису Инфантьеву — 80] // Исторический вестник (Приложение к газете “Образование и карьера”). — 2001. — № 4. — 26 сентября — 9 октября.

³⁵ Jauni Triju Zvaigžņu ordeņu saņēmēji // Diena. — 2001. — 25. oktobris.

³⁶ Инфантьев Б. Curriculum vitae. — Rokraksts. — 101. lpp.

“Я всегда занимался своим делом и ничем другим не интересовался”¹.

БОРИС ФЕДОРОВИЧ ИНФАНТЬЕВ

Краткая биография

Значимый вклад в становление и исследование русско-латышских культурных и научных связей внесла плеяда выдающихся деятелей культуры и науки Латвии (Я. Райнис, Р. Пелше, П. Страдинь, Я. Страдинь, М. Семенова, В. Вавере, Ю. Абызов и др.). Среди них достойное место занимает Борис Федорович Инфантьев — фольклорист, литературовед, языковед, педагог, культуролог, историк, краевед, общественный деятель. Профессор с энциклопедическими знаниями и удивительной работоспособностью, хабилитированный доктор педагогики, кандидат филологических наук, кавалер ордена Трех Звезд. Его имя заслуженно отмечено в истории латвийской фольклористики², истории латвийской литературы³, истории латвийской педагогики⁴, истории латвийской культуры⁵, а так же в списке выдающихся представителей русского населения Латвии⁶. Личность, которая символизирует целую эпоху в научной, общественной, духовной и культурной жизни нашей страны, патриарх и авторитет латвийской интеллигенции и русской общины Латвии.

Борис Инфантьев родился 14 сентября 1921 года в городе Резекне. Его отец Федор Дмитриевич — офицер Российской, а затем Латвийской армии —

¹ Инфантьев Б. Между жерновами. Опыт выживания. Зап. Н. Кабанов // Вести сегодня. — 2000. — 25 марта.

² Ambainis O. *Latviešu folkloristikas vēsture*. — Rīga: Zinātne, 1989. — 117. lpp.

³ Vīte A. *Infantjevs Boriss // Latviešu rakstniecība biogrāfijās*. — Rīga: Latvijas Enciklopēdija, 1992. — 132.—133. lpp.; Vīte A. *Infantjevs Boriss // Latviešu rakstniecība biogrāfijās*. — Rīga: Zinātne, 2003. — 245. lpp.

⁴ Anspaks J. *Pedagoģijas idejas Latvijā*. — Rīga: RaKa, 2003. — 396. lpp.; Kopeloviča A., Žukovs L. *Skolotāju izglītība Latvijā 1940 — 2000*. — Rīga: RaKa, 2004. — 158., 196.—197., 205. lpp.; *Pedagoģiskā doma Latvijā no 1940. gada līdz mūsu dienām*. — Rīga: Puse, 1998. — 134.—136. lpp.; Žukovs L. *Pedagoģijas vēsture*. — Rīga: RaKa, 1999. — 290. lpp.

⁵ Priedītis A. *Latvijas kultūras vēsture. No vissenākajiem laikiem līdz mūsdienām*. — Daugavpils: AKA, 2000. — 258., 330. lpp.

⁶ Volkovs V. *Krievi Latvijā*. — Rīga: LZA Filozofijas un socioloģijas institūts, 1996. — 89. lpp.

после демобилизации работал землемером; мать Зинаида Ивановна, после рождения единственного сына все свое время посвятившая его воспитанию, была фельдшером.

Из-за специфики работы отца семейство Инфантьевых ежегодно с марта до ноября “путешествовало” по Латгальским деревням, затем Курземским усадьбам и хуторам. Будучи с детства любознательным, юный Борис всюду находил друзей как среди сверстников, так и пожилых людей. В результате этих взаимных контактов сформировалось главное хобби Бориса Инфантьева, которое впоследствии стало основой его профессиональных и научных интересов, — фольклор в разных своих жанрах и формах проявления.

Чтобы дать сыну хорошее образование, а также интегрироваться в местное общество того времени, родители решили отдать своего сына в привилегированный немецкий детский сад при школе Лютера. Ученый до сих пор помнит толерантное и доброжелательное отношение воспитателей и детей, что позволило ему без знаний немецкого языка успешно “войти” в немецкую среду. Школьное обучение продолжалось в русской основной школе при частной гимназии Ольги Эдуардовны Беатер, во второй класс которой после соответствующего экзамена Борис был принят.

В 1935 г. Борис Инфантьев окончил полный курс основной шестиклассной школы. Примечательно, что в свидетельстве об окончании школы по всем предметам стоит высшая тогда оценка — “5”, за исключением латышского и русского языков и рукоделия — “4”⁷. И все же латышский и русский языки стали одним из главных объектов научных интересов профессора!

Чтобы облегчить поступление сына в Латвийский университет (ЛГУ), родители для продолжения обучения выбрали латышскую среднюю школу. Так Борис оказался в учебном заведении с классической учебной программой — в I Рижской государственной средней школе (гимназии). Гимназист Борис Инфантьев стал активным участником популярной тогда в Латвии организации мазпулков (что, разумеется, ему “припомнили” в годы Сталинского режима), организовал литературный кружок, за что неоднократно награждался, например, 29 января 1939 года на праздник знамени и торжественного обещания⁸.

Следует отметить, что приобретенное в гимназии классическое образование стало основой дальнейшей учебы и способствовало формированию личности и мировоззрения Бориса Инфантьева. В наши дни трудно встретить человека, который изучал и исследовал 22 языка (!)⁹, причем некоторые из этих языков профессор еще сегодня преподает в высших учебных заведениях.

⁷ Borisa Infantjeva Liecība par pamatskolas pilna kursa beigšanu. — Из личного архива Б. Инфантьева.

⁸ T. J. Skolu dzīve // Skolu dzīve. — 1938./39. m.g. — Nr. 6. — 20. lpp.; Инфантьев Б. Между жерновами. Опыт выживания. Зап. Н. Кабанов // Вести сегодня. — 2000. — 25 марта.

⁹ Lipša J. *Nenogurdināmais zinātnieks // Vakara Ziņas*. — 2000. — 1. jūlijs.

ях Латвии, и в силу чего его исследованиям присущ “широкий культурно-исторический взгляд на явления и личности”¹⁰.

Весной 1940 г. Борис Инфантаев окончил гимназию и на основе выпускных экзаменов был зачислен на классическое отделение филологического факультета ЛУ. Как вспоминает ученый, в его планы входило получение квалификации слависта, но в ЛУ в те годы такой возможности не было. Поэтому он желал завершить обучение на любом отделении филологического факультета, а затем поехать в Чехословакию специализироваться в области славистики.

Однако события 1940 г. резко изменили планы начинающего студента. В это время была начата реорганизация ЛУ в соответствии со стандартами и учебными планами советских высших учебных заведений. Поэтому возникла необходимость создания отделения славистики, которое незамедлительно начало свою работу. Среди первых студентов созданного отделения был и Борис Инфантаев. Как выпускник классической гимназии он сразу же смог сдать экзамен по труднейшему на I курсе предмету — греческому языку, и в силу этого стал победителем в социалистическом соревновании, завоевал авторитет среди товарищей по курсу, которые приняли его в студенческий профсоюз¹¹.

События лета 1941 года в очередной раз изменили намерения студента Б. Инфантаева. В период немецкой оккупации учебные планы университета были изменены в соответствии с немецкими учебными стандартами. Отделение славистики было ликвидировано, поэтому Борис Инфантаев, убежденный лектором русского языка Людмилой Круглевской, что “к славистике ближе всего балтистика, а в условиях Латвии каждый славист должен обладать познаниями в области балтийской филологии”, соответственно перешел на отделение балтийской филологии¹².

Именно изучая балтийскую филологию, Борис Инфантаев нашел одну из главных тем последующих занятий и научных интересов — проблемы связей латышского и русского фольклора. По инициативе Карла Дравиня (1901 — 1991)¹³, ассистента профессора Лудиса Берзиня, на семинаре по латышским народным песням Б. Инфантаев подготовил и прочел полуторачасовой доклад о свадебных обрядах и песнях латышей, белорусов и русских в Латгалии, а впоследствии защитил по этой теме дипломную

¹⁰ Vite A. Infantjevs Boriss // *Latviešu rakstniecība biogrāfijās*. — Rīga: Zinātne, 2003. — 245. lpp.

¹¹ Infantjevs B. *Laikmeta vējos, likteņa aizvējā* // Rīga — 800. *Gadagrāmata*. — 2000. — Rīga: Latvijas Kultūras fonds, 2001. — 105. lpp.

¹² Там же. — 108. lpp.

¹³ Подробнее о К. Дравине — Infantjevs B. *Divas tikšanās ar Kārli Draviņu* // *Letonica*. — 2002. — Nr. 8. — 183.—189.lpp.; Инфантаев Б. Образ русских в сознании стендских латышей // *Даугава*. — 2001. — № 1/2. — С.142—146.

¹⁴ Инфантаев Б. *Curriculum vitae* [в Латвийском Университете в 1940—1943 гг.] // *Даугава*. — 2000. — № 3. — С. 113.

работу¹⁴. Следует отметить, что Борис Инфантаев за свои заслуги в области исследования фольклористики в 2001 году получил Большой Приз в области фольклора¹⁵.

В 1942/43 уч. г. немецкие власти разрешили изучать славистику как дополнительный к баллистике раздел филологии. Поэтому под руководством профессоров Анны Абеле и Виктора Чернобаева, лектора Людмилы Круглевской Борис Инфантаев смог изучать славянские языки и литературы.

После восстановления Советского режима в 1944 г. Б. Инфантаев вновь стал студентом отделения славистики. Освоив более 60 академических курсов, 3 июля 1946 года он с отличием завершил образование по славяно-русской филологии, получив квалификацию литературоведа¹⁶. Отметим, что это был первый выпуск отделения, которое окончили 2 человека: Борис Федорович Инфантаев и Мария Фоминична Семенова (1910—1988) — в последствии доцент ЛГУ, исследователь латышско-русских языковых связей¹⁷.

За обучением в университете последовала аспирантура. Успешно сдав кандидатские экзамены, Б. Инфантаев приступил к работе над диссертацией “Связи латышских фольклористов с русской наукой”. Первым руководителем диссертации стал профессор Болеслав Ричардович Брежго, которого сменил “начальник” диссертанта поэт Андрей Курций (Куршинский), заведующий сектором латышско-русских фольклорных связей Института фольклора Академии наук, младшим научным сотрудником которого Б.Инфантаев стал 1 июля 1946 г. Работа в институте способствовала написанию диссертации, обеспечивая исследователю возможности сбора материалов в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда, Вильнюса, публикаций научных статей и исследований, участия в фольклорных экспедициях.

В 1951 г. диссертация была завершена, опубликован автореферат¹⁸ и объявлено о предстоящей защите... Однако судьба в лице “компетентных” органов изменила планы и род занятий Бориса Инфантаева. Как вспоминает ученый, “находясь в фольклорной экспедиции в Акнисте”, он получил адресованную “Инфанцебулу” (т.е. ему) телеграмму с предложением срочно вернуться в Ригу. Аспирант филологии попал в поле зрения нового проректора по научной работе ЛГУ Алфреда Сталгевича, который был прислан в Латвию с целью обеспечить преданность научных кадров Советскому режиму. Б. Инфантаев был обвинен в отсутствии желания вступить в комсомол или

¹⁵ *Pasniegtas Lielās folkloras balvas* // *Diena*. — 2001. — 1. novembris.

¹⁶ B. Infantjeva diploms. — Из личного архива Б. Инфантаева.

¹⁷ Подробнее о М. Семёновой — Инфантаев Б. Мария Фоминична Семёнова // *Рижская городская русская гимназия*. — Рига: [b. i.], 1999. — С. 159—162.

¹⁸ Инфантаев Б. Связи латышских и русских фольклористов в период латышского буржуазно — национального движения. Автореферат кандидатской диссертации. — Рига: Латвийский Государственный Университет, 1951. — 15 с.

коммунистическую партию, ему “припомнили” учебу в “фашистском учебном заведении” и т.д.¹⁹

Несмотря на то, что день защиты диссертации уже был назначен, и были получены положительные отзывы, не было сомнений, что присвоить ученую степень такому человеку невозможно. По предложению заместителя директора Института фольклора писателя и фольклориста Яниса Ниедре защита диссертации была отложена, т.к. “оказалось, что Борис Инфантьев — буржуазный националист и антисоветский элемент”²⁰. Такой формулировки было вполне достаточно, чтобы разоблаченный ученый был изгнан из Института фольклора и ЛГУ, где он читал лекции по фольклору и древнерусской литературе. Б. Инфантьев был также лишен возможности публиковать результаты своих исследований. Дошло до абсурда. Так, научная статья Бориса Инфантьева “Достижения фольклористов Советской Латвии за 10 лет” была включена в список обязательной литературы по фольклористике, без упоминания имени автора (!)²¹.

Разумеется, такой “чуждый Советской власти человек” не мог найти работу в научном или учебном заведении. Только благодаря стараниям известного переводчика античной литературы Абрама Фельдхуна, Б.Инфантьев как внештатный сотрудник смог участвовать в составлении русско-латышского словаря (1952—1954). Эта деятельность не только обеспечила возможность материального и морального выживания, но и стала основой интересов ученого в сфере сравнительного языкознания²².

С изменением политической ситуации после 1953 г. и трехлетнего перерыва Б.Инфантьеву удалось возобновить свою педагогическую карьеру. 27 января 1954 г. он был принят на работу учителем русского языка и литературы в Булдурскую семилетнюю школу, а через полгода “обретя доверие работников Юрмальского партийного комитета” был назначен школьным инспектором Юрмальского района²³. В это время Б. Инфантьев стал вникать

¹⁹ Infantjevs B. Laikmeta vējos, likteņa aizvējā // Rīga — 800. Gadagrāmata. — 2000. — Rīga: Latvijas Kultūras fonds, 2001. — 110.—111. lpp.; Lipša J. Kā viņš vāca Latvijas padomju folkloru // Vakara Ziņas. — 2001. — 1. februāris.

²⁰ Infantjevs B. Laikmeta vējos, likteņa aizvējā // Rīga — 800. Gadagrāmata. — 2000. — Rīga: Latvijas Kultūras fonds, 2001. — 111.lpp.; Инфантьев Б. Curriculum vitae. — Рукопись. — С. 38—40.

²¹ Инфантьев Б. Curriculum vitae. — Рукопись. — С. 38—40.

²² Борис Инфантьев подготовил рукопись русско-латышского сравнительно-этимологического словаря, которая ждёт своего издателя.

²³ Как вспоминает Б. Инфантьев, перед утверждением инспектором, у него спросили: “Не состояли ли вы в организации малпузков (имелись в виду мазпулки)?” Он ответил, что в такой организации он не состоял, после чего ответственные работники улыбнулись и утвердили его в новой должности. — Инфантьев Б. Между жерновами. Опыт выживания. Зап. Н. Кабанов // Вести сегодня. — 2000. — 25 марта.

в проблемы методики преподавания русского языка и литературы в латышской школе, убедившись в ее полной несостоятельности, пытался внести изменения, регулярно публикуя на страницах газеты “Skolotāju Avīze” статьи о недостатках учебного процесса.

Активность школьного инспектора, его опыт исследовательской работы, умение высказывать и обосновывать свои идеи были должным образом оценены педагогическими институтами, и 11 сентября 1955 г. он был принят младшим научным сотрудником в Научно-исследовательский институт школ Министерства просвещения Латвийской ССР²⁴. В 1956 г. Борису Инфантьеву удалось защитить завершённую 5 лет назад диссертацию и получить степень кандидата филологических наук, что послужило основой для избрания ученого старшим научным сотрудником института²⁵.

В области педагогических исследований Борис Инфантьев вместе со своей коллегой Эдитой Бейкмане провели радикальную реорганизацию преподавания русского языка и литературы в латышских школах, научно и практически обосновали теорию: успех преподавания упомянутых предметов в латышской школе требует создания особой методики, отличающейся как от методики преподавания родного, так и иностранного языка. Поэтому было необходимо разработать серию экспериментальных учебных программ и пособий, которые были составлены, учитывая общность и различия латышских и русских языковых элементов и структур. Новая методика базировалась на общепризнанной близости обоих языков (1600 исторически общих лексических корней, сходная система склонений, префиксации и суффиксации, единство синтаксиса), что в сочетании с созданием билингвальной (двуязычной) среды, обеспечивало возможность освоения русского языка в латышских школах. Из учебных программ и пособий была исключена та теория, которая изучалась учениками в курсе родного языка, одновременно разрабатывались основы индивидуализации в обучении, больше внимания уделялось самостоятельной работе ученика и т.д. Новая система обучения русскому языку и литературе оказалась весьма результативной. Не даром профессора называют “катализатором двуязычия” и “главным русификатором”²⁶.

²⁴ Научно-исследовательский институт школ (с 1972 г. Научно-исследовательский институт педагогики) был создан в 1952 г. для исследования актуальных проблем педагогики и методики, внедрения педагогических достижений в практику, координации педагогических идей и пропаганды педагогических знаний. Ликвидирован в 1991 г.

²⁵ Инфантьев Б. Связи латышских и русских фольклористов. Автореферат кандидатской диссертации. — Рига: Институт языка и литературы Академии наук Латвийской ССР, 1956. — 19 с.; Трудовая книжка Б. Инфантьева. — С. 6—7.

²⁶ Инфантьев Б. Катализатор двуязычия. Зап. С. Журавлёв // Диена. — 1997. — 8 мая; Главный обруситель. Беседа с языковедом Борисом Инфантьевым. Зап. Дм. Март // СМ-сегодня. — 1994. — 27 января.

Разработанная Борисом Инфантаевым и его коллегами Эдитой Бейкмане и Еленой Францмане теория получила всесоюзное признание в начале 60-х гг. XX в., после написания по заказу московского издательства “Просвещение” учебника “Русское слово”, который был предназначен для национальных школ Российской Федерации²⁷.

Создание учебной базы по русскому языку и литературе для латышских школ, принципы, методика и практика отбора и презентации лексики и грамматики являлись основным объектом научных исследований Бориса Инфантаева и его коллег в 60 — 80 гг. XX в. Одновременно Б. Инфантаев фундаментально изучал вопросы преподавания русского языка и литературы на территории современной Латвии, начиная с XIII в. и до наших дней²⁸.

Среди тематики исследований, проводимых группой ученых под руководством профессора в те годы, следует упомянуть аспекты мотивации активности учащихся, теорию учебника, нашедшую практическое воплощение во множестве учебных пособий и т.д.

Многосторонние и разнообразные публикации Бориса Федоровича Инфантаева и его постоянного соавтора Александра Германовича Лосева (1925—1997)²⁹ в сфере русско-латышских литературных связей стали основой рукописи 6 книг, 2 из которых удалось издать³⁰.

²⁷ Бейкмане Э., Инфантаев Б., Францмане Е. Русское слово. Учебник русского языка для старших классов национальных школ РСФСР. — Москва: Просвещение, 1965—1968. — 366 с.

²⁸ Инфантаев Б. Русский язык в национальной школе Латвии. Исторический очерк I. Переводно — грамматический метод (XVIII в. — 80-е годы XIX в.). — Рига: Звайгзне, 1972. — 139 с.; Инфантаев Б. Русский язык и литература в национальной школе Латвии. Исторический очерк II. (90-е годы XIX в. — 1917 год). — Рига: Звайгзне, 1976. — 148 с.; Инфантаев Б. Преподавание русского языка и литературы в советской латышской школе // *Skolas un pedagogiskās domas attīstība Padomju Latvijā*. — Rīga: Zvaigzne, 1969. — 122.—144.lpp.; Инфантаев Б. Русский язык и литература в латышских школах буржуазной Латвии // *Ar cerējumi par tautas izglītības un pedagogiskās domas attīstību Latvijā*. — Rīga: Latvijas PSR IM, 1978. — 129.—166. lpp.; Инфантаев Б. Русский язык и литература в латышских школах 20—30-х годов // *Русские в Латвии*. — Рига: Веди, 1997. — Вып. 2. — С. 106—116.; Инфантаев Б. Русский язык в Остзейском крае до XVIII века // *Acta Baltico-Slavica*. — 1980. — Nr. 13. — S. 85—109.

²⁹ Подробнее о А. Лосеве — *Staris A. Aleksandrs Losevs // Pedagoģiskā doma Latvijā no 1940. gada līdz mūsu dienām*. — Rīga: Puse, 1998. — 173.—174. lpp.; Kovaļš L., Pliners J., Šulķina I., Zorins M. *Atvadīšanās no inteliģenta. Aleksandra Loseva piemiņai // Izglītība un Kultūra*. — 1997. — 30. oktobris.

³⁰ Инфантаев Б., Лосев А. Латвия в судьбе и творчестве русских писателей. — Рига: Звайгзне, 1994, 1996. — 316с.; Инфантаев Б., Лосев А. Обращенные к Латвии строки. — Rīga: Zvaigzne ABC, 1999. — 254 с.

Можно обоснованно утверждать, что начиная с 1955 г. и до 1991 г. ни одна учебная программа, учебник, пособие, методический материал по русскому языку и литературе не были написаны и изданы без активного участия Бориса Инфантаева — автора, руководителя авторского коллектива, рецензента, консультанта.

Идеи Бориса Инфантаева и его единомышленников получили всесоюзное признание. Ученый стал членом редколлегии профильного журнала “Русский язык в национальной школе”, координационного совета по педагогическим исследованиям, получил бронзовую медаль ВДНХ и т.д.

1 февраля 1974 г. Б. Инфантаев был избран заведующим сектором Русского и иностранных языков НИИ Педагогики. Но как вспоминают коллеги, он “был добродушным, нетребовательным и “несерьезным” начальником, который львиную долю работы выполнял сам. Он не знал зависти и неблагодарности, всегда радовался успехам коллег”³¹.

Наряду с работой в институте, ученый в 60—80-е гг. XX в. читал на Филологическом факультете ЛГУ лекции по методике преподавания русского языка и литературы и русско-латышским литературным связям, руководил педагогической практикой, являлся председателем государственной экзаменационной комиссии в Даугавпилсском педагогическом институте и на Филологическом и Педагогическом факультетах ЛГУ (позже ЛУ).

Признанием исследовательской деятельности Бориса Инфантаева явилась защита в Академии Педагогических Наук (Москва) диссертации “Отбор и презентация лексико-грамматического материала в курсе русского языка национальной школы” и единогласное присуждение степени доктора педагогических наук в 1985 году³². В 1993 году в Латвийском Университете эта диссертация была нострафицирована, а Б. Инфантаеву присвоена ученая степень хабилитированного доктора педагогики.

Весьма разносторонней наряду с ежедневными профессиональными обязанностями была общественная деятельность профессора. Он являлся многолетним членом правления и лектором общества “Знание”, членом редакционного совета по словарям издательства “Авотс”, участвовал в учебных радио и телепередачах, посвященных русско-латышским литературным связям, был постоянным лектором на курсах Института повышения квалификации учителей, организатором и участником конференций и семинаров, олимпиад.

В начале 1991 г. НИИ Педагогики был преобразован в Институт развития образования, куда Борис Инфантаев был принят на работу ведущим научным сотрудником. В это время в центре внимания ученого — изменения в

³¹ Лебедева Н. Секрет его молодости // *СМ*. — 1996. — 17 сентября.

³² Инфантаев Б. Отбор и презентация лексико — грамматического материала в курсе русского языка национальной школы. Автореферат диссертации доктора педагогических наук. — Москва: НИИПРЯНШ АПН СССР, 1985. — 30 с.

программах по русскому языку и литературе, разработка факультативных курсов по русско-латышским литературным связям. Вместе с тем профессор “возвращается” в исследования фольклористических и мифологических проблем, обращается к изучению исторических судеб русских в Латвии.

Этот этап — эпоха активной общественной жизни, создания общественных организаций. Естественно известный ученый и педагог не мог оставаться в стороне. Он избирается председателем Рижского общества славянских историков, почетным членом русского клуба “Улей”, является научным консультантом журнала “Klio”, сотрудничает с Гуманитарным семинаром и т.д. Весьма значительна роль Бориса Инфантаева как научного руководителя постоянно действующего теоретического семинара “Русские в Латвии” при фонде гуманитарных исследований и просвещения “Веди”, редактора издания “Русские в Латвии”, организатора и участника научных конференций и семинаров³³.

Выход на пенсию в 1993 г. позволил ученому больше времени уделять исследовательской работе в библиотеках и архивах, а также общественной деятельности. Однако стремление к регулярной работе, желание передавать свои знания и опыт молодому поколению побуждает его возобновить активную педагогическую деятельность. Поэтому по приглашению ассоциированного профессора Александра Валентиновича Гаврилина с 1997 по 2001 г. профессор Борис Инфантаев читал студентам Латвийской академии культуры цикл специально подготовленных курсов: “Древнерусский язык”, “Русско-латышские фольклорные связи”, “Русско-латышские литературные связи” и “Образ русского в латышской литературе”. Причем в возрасте 76 лет он специально изучил особенности древнерусского языка и подготовил учебное пособие по этому предмету!

Студентов Юридического факультета Балтийского русского института Б. Инфантаев обучает начальным элементам латыни, а в Православной духовной семинарии преподает латынь и греческий язык. В 2003/04 уч. г. культурологи Высшей школы экономики и культуры слушали лекции профессора по балтийской мифологии и русско-латышским культурным связям. Не оставлены без внимания и учителя, которым на курсах повышения квалификации были прочитаны десятки лекций на различные темы.

Следует отметить, что лекции Б. Инфантаева высоко оцениваются студентами и учителями. Глубокая эрудиция, продуманное изложение материала, корректные отношения к слушателям, стремление помочь студентам в их

³³ Подмазов А. Десять лет работы теоретического семинара // Поморский вестник. — 2003. — № 1 (10). — Февраль—март. — С. 22.; Русские в Латвии: история и современность / Научн. ред. Б. Ф. Инфантаев. — Рига: Лад, 1992. — Вып. 1. — 80 с.; Русские в Латвии: история и современность / Научн. ред. Б. Ф. Инфантаев. — Рига: Веди, 1997. — Вып. 2. — 140 с.; Русские в Латвии: из истории и культуры староверия / Научн. ред. Б. Ф. Инфантаев. — Рига: Веди, 2002. — Вып. 3. — 408 с.

научной работе характеризуют стиль работы профессора. Тем более, что сам Б. Инфантаев способен ответить практически на любой вопрос в сфере фольклористики, языкознания, педагогики и истории, касающийся русско-латышских контактов.

Науку, исследовательскую работу условно можно назвать второй основной работой Бориса Инфантаева, главным хобби его жизни, излюбленным видом времяпровождения. На его счету свыше 470 публикаций книг, статей, рецензий, главным образом на латышском и русском языках. Ряд научных трудов подготовлен к печати, которая запаздывает из-за нехватки финансовых средств. Однако настойчивость и феноменальная трудоспособность ученого — причина все не прекращающегося творческого процесса...

В 2001 г. широко отмечалось 80-летие профессора Бориса Инфантаева³⁴. За выдающиеся достижения в области науки и педагогики, общественную деятельность Б. Инфантаев был удостоен ордена Трех Звезд 4 степени³⁵.

Как отмечает сам ученый, приближение юбилея “вызвало стремление моих менеджеров (так он называет своих коллег и почитателей) выжать из меня все, что за эти годы сохранилось в моей памяти”³⁶. Так возникла рукопись “Curriculum vitae”, которая является уникальным отражением культурной, научной, педагогической, общественной жизни Латвии, фиксацией впечатлений человека, пережившего смену нескольких политических режимов. Хочется надеяться, что этот исторический документ найдет свой путь к читателю.

Научная деятельность профессора Бориса Инфантаева в настоящее время связана с обобщением результатов многолетних исследований и подготовкой к изданию фундаментального энциклопедического обзора русско-латышских культурных связей. Анализируя широкий комплекс источников, исследований и литературы в данном труде рассматриваются взаимные контакты двух соседских народов в сфере мифологии, фольклора, языка и литературы.

И ежедневно появляются новые страницы исследований профессора Бориса Инфантаева, читаются лекции, продолжается подготовка к конференциям и семинарам, консультируются коллеги, рецензируются их работы. И для реализации задуманных трудов не остается свободного времени...

Иван Янис Михайлов

³⁴ Юбилей // Вести сегодня. — 2001. — 14 сентября.; Поздравляем // Панорама Латвии. — 2001. — 15 сентября.; Денисов А. Потрясающий преподаватель [Профессору Борису Инфантаеву — 80] // Исторический вестник (Приложение к газете “Образование и карьера”). — 2001. — № 4. — 26 сентября — 9 октября.

³⁵ Jauni Triju Zvaigžņu ordeņu saņēmēji // Diena. — 2001. — 25. oktobris.

³⁶ Инфантаев Б. Curriculum vitae. — Рукопись. — С. 101.

ПУБЛИКАЦИИ БОРИСА ИНФАНТЬЕВА¹

BORISA INFANTJEVA PUBLIKĀCIJAS

1947

1. Инфантьев Б. Некрасов в латышской литературе // Научный бюллетень Ленинградского Государственного Университета — № 16/17. — Ленинград: Ленинградский Государственный Университет, 1947. — С. 110—116.
2. Infantjevs B. Jauni materiāli par Raini [vēstule Ed. Volteram] // Cīņa. — 1947. — 19. oktobris.

1948

3. Infantjevs B. Materiāli par latviešu zinātniekiem Ļeņingradas arhīvos // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. — 1948. — Nr. 2. — 15.—22. lpp.
4. Инфантьев Б. Вторая научная фольклорная экспедиция // Советская Латвия. — 1948. — 28 июля.

1950

5. Infantjevs B. ZA Folkloras institūta IV zinātniskā ekspedīcija un izbraukuma sesija [1950.g. jūnijā Siguldas raj.] // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis — 1950. — Nr. 6. — 124. lpp.
6. Infantjevs B. Padomju Latvijas folkloristu sasniegumi 10 gados // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis — 1950. — Nr. 7. — 176. — 178. lpp.
Rec. Ozoliņa E. PSRS tautu daiļrade cīņā par mieru un komunisma celtniecību [par B. Infantjeva referātu “Latvijas PSR folkloristu darbs”] // Literatūra un māksla. — 1950. — Nr. 50.
7. Infantjevs B. Puškina “Pasaka par zvejnieku un zivtiņu” latviešu folklorā // LPSR ZA Folkloras institūta raksti I. — Rīga: 1950. — 28. — 40. lpp.
Rec. Ozols A. Folkloras institūta raksti // Karogs. — 1951. — Nr.3. — 281. — 286. lpp.

¹ Saraksta sastādīšanai ir izmantoti sekojoši izdevumi: Latviešu folklorā: žanri un stils. — Rīga: Zinātne, 1977. — 287. lpp.; LPSR IM PZPI izdevumu un institūta zinātnisko līdzstrādnieku darbu bibliogrāfiskais rādītājs (1952—1977). — Rīga: PZPI zinātniskā bibliotēka, 1977. — 30. lpp.; LPSR IM PZPI izdevumu un institūta zinātnisko līdzstrādnieku darbu bibliogrāfiskais rādītājs (1974—1978). — Rīga: LPSR IM, 1984. — 87.lpp.; LPSR IM PZPI izdevumu un institūta zinātnisko līdzstrādnieku darbu bibliogrāfiskais rādītājs (1979—1983). — Rīga: LPSR IM, 1984. — 103. lpp.; materiāli no B. Infantjeva personiskā arhīva.

8. Infantjevs B. Profesoram R. Pelšem 70 gadi // Padomju Students. — 1950. — 13. oktobris.
9. Infantjevs B. Pārmetums Latvijas Valsts izdevniecībai [nepopularizē latviešu padomju folkloru] // Padomju Jaunatne. — 1950. — 17. novembris.
10. Инфантьев Б. Ленин в латышском народном творчестве // Советская Молодежь. — 1950. — 21 апреля.
11. Инфантьев Б. Языковеды Латвии перестраивают свою работу [в свете статьи И. В. Сталина] // Советская Латвия. — 1950. — 10 сентября.

1951

12. Инфантьев Б. Связи латышских и русских фольклористов в период латышского буржуазно-национального движения. Автореферат кандидатской диссертации. — Рига: Латвийский Государственный Университет, 1951. — 15 с.
13. Infantjevs B. Krievu tradicionālā folklorā [lekcija studentiem neklātņiem] // Padomju Latvijas Skola. — 1951. — Nr. 1. — 42.—52. lpp.
14. Инфантьев Б. Рождение песни [коллективное создание новых песен в хоровых коллективах Латвии] // Советская Молодежь. — 1951. — 12 октября.

1952

15. Infantjevs B. Tautas daiļrade Ugālē // Brīvā Venta. — 1952. — 31. jūlijs.
16. Инфантьев Б. Советская Армия в латышском фольклоре // Железнодорожник Латвии. — 1952. — 23 февраля.

1955

17. Miķelsons R., Infantjevs B. Nepārslogosim skolēnus // Skolotāju Avīze. — 1955. — 27. janvāris.
18. Infantjevs B. Skolotāja pedagogiskā meistarība — metodikas pamats // Skolotāju Avīze. — 1955. — 24. marts.
19. Infantjevs B. Pedagogiskā padome nolēma // Skolotāju Avīze. — 1955. — 9. jūnijs.
20. Infantjevs B. Neatkārtosim pagājušā gada kļūdas // Skolotāju Avīze. — 1955. — 13. oktobris.
21. Infantjevs B. Jauna mācību grāmata krievu literatūrā // Skolotāju Avīze. — 1955. — 20. oktobris.
22. Francmane H., Beikmane E., Infantjevs B. Paskaidrojums [pie B. Infantjeva raksta “Neatkārtosim pagājušā gada kļūdas”] // Skolotāju Avīze. — 1955. — 27. oktobris.

1956

23. Инфантьев Б. Связи латышских и русских фольклористов. Автореферат кандидатской диссертации. — Рига: Институт языка и литературы Академии наук Латвийской ССР, 1956. — 19 с.

24. Infantjevs B. Par literatūras lasīšanas metodiku // Skolotāju Avīze. — 1956. — 5. jūlijs.
25. Infantjevs B. Starprepublikaniskā apspriede par valodu un literatūras mācīšanu // Skolotāju Avīze. — 1956. — 20. septembris.

1957

26. Инфантьев Б., Эйхвальд В. Латышская литература. Учебник для X класса с русским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1957. — 47 с.
27. Инфантьев Б., Милльштейн С., Николаев М., Озолин Н., Францман Е., Цытков И. Русская литература. Учебник-хрестоматия для 8 классов школ с латышским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1957. — 222 с.
28. Инфантьев Б. Некоторые вопросы внеклассной работы по русскому языку и литературе в латышских школах // Внеклассная работа по русскому языку и литературе в латышских школах. — Рига: МП ЛССР, 1957. — С. 4—22.
29. Бейкман Э., Инфантьев Б., Цитович В. Вопросы методики преподавания русского языка в латышских школах // Русский язык в национальной школе. — 1957. — № 5. — С. 68—74.
30. Infantjevs B. Daži vērojumi par izglītību un audzināšanu Zviedrijā // Skola un Ģimene. — 1957. — Nr. 3. — 82.— 87. lpp.
31. Infantjevs B. Top jauna mācību grāmata // Skolotāju Avīze. — 1957. — 30. marts.
32. Beikmane E., Infantjevs B. Gatavosimies krievu valodas un literatūras perspektīvas programmas apspriešanai // Skolotāju Avīze. — 1957. — 15. augusts.
33. Infantjevs B. Diskusija palīdzējusi // Skolotāju Avīze. — 1957. — 28. novembris.

1958

34. Инфантьев Б., Скоковский А., Францман Е. Книга для чтения. В VIII классах с латышским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1958 — 1961. — 220 с.
35. Инфантьев Б. Внеклассное чтение в V—VII классах // Русский язык в латышской школе. — Рига: НИИШ, 1958. — С.150 — 159.
36. Infantjevs B. Pedagoģiski lasījumi Rēzeknē // Skolotāju Avīze. — 1958. — 9. janvāris.
37. Infantjevs B. Par lielisko darbu krievu valodas un literatūras stundā // Skolotāju Avīze. — 1958. — 23. janvāris.
38. Infantjevs B., Skokovskis A. Augstāku līmeni krievu valodas mācīšanai // Skolotāju Avīze. — 1958. — 13. marts.
39. Infantjevs B. Ņīš jauna mācību grāmata literārajā lasīšanā krievu valodā // Skolotāju Avīze. — 1958. — 21. aprīlis.
40. Infantjevs B. Sastādītā krievu literatūras mācību grāmata arī IX klasei // Skolotāju Avīze. — 1958. — 24. jūlijs.
41. Infantjevs B. Secinājumi ir šādi // Skolotāju Avīze. — 1958. — 5. septembris.

42. Infantjevs B., Skokovskis A. Metodisku norādījumu vietā dezorientēšana // Skolotāju Avīze. — 1958. — 17. oktobris. (Rec. par Краснов В. Изучение имени существительного в V классе латышской школы // Rīgas Pedagoģiskā institūta raksti — Nr. 8.)
43. Infantjevs B. Kādas krievu valodas gramatikas mums ir vajadzīgas? // Skolotāju Avīze. — 1958. — 5. decembris.
44. Infantjevs B. Izmantojot ražošanas praksi latviešu un krievu valodas labākai apguvei // Skolotāju Avīze. — 1958. — 19. decembris.

1959

45. Krievu—latviešu vārdnīca. Русско-латышский словарь / Sast. P. Dāle, B. Infantjevs u.c. — Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1959. — I sēj. — 1108. lpp.
46. Krievu—latviešu vārdnīca. Русско — латышский словарь / Sast. P. Dāle, B. Infantjevs u.c. — Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība, 1959. — II sēj. — 1080. lpp.
47. Инфантьев Б., Милльштейн С., Николаев М., Путне М., Францмане Е. Русская литература. Учебник-хрестоматия для 9 класса школ с латышским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1959 — 1962. — 226 с. Rec. Seile V. Tagad vieglāk strādāt // Skolotāju Avīze. — 1960. — 8. janvāris.
48. Инфантьев Б. Проблемы отбора, раскрытия значения и закрепления слов // Словарная работа по русскому языку и литературе в латышских школах. — Рига: МП ЛССР, 1959. — С. 5—33.
49. Инфантьев Б. Идеино-воспитательная работа на уроках русского языка и литературы в латышской школе // Вопросы воспитания школьников. — Рига: МП ЛССР, 1959. — С. 31—53.
50. Инфантьев Б., Свирский В. Работа по новому учебнику русской литературы в IX классах латышских школ // Padomju Latvijas Skola. — 1959. — Nr. 11. — 10.—20. lpp.
51. Grase H., Infantjevs B. Aicinam atsaukties // Skolotāju Avīze. — 1959. — 10. jūlijs.
52. Infantjevs B. Nopietnāku vēribu tautu draudzības jūtu veidošanai! // Skolotāju Avīze. — 1959. — 14. augusts.
53. Infantjevs B. Tā kļūst bagātāka skolēnu leksika // Skolotāju Avīze. — 1959. — 25. septembris.
54. Beikmane E., Infantjevs B. Top jaunas mācību grāmatas // Skolotāju Avīze. — 1959. — 13. novembris.
55. Infantjevs B., Skokovskis A. Tā strādāt nedrīkst [par krievu valodas mācīšanu Saldus rajona skolā] // Skolotāju Avīze. — 1959. — 18. decembris.
56. Infantjevs B. Pilnvērtīgas rakstu valodas iemaņas // Skolotāju Avīze. — 1959. — 25. decembris.

1960

57. Инфантьев Б., Румянцев М., Свирский В. Русская литература. Макет учебника-хрестоматии. Для X классов с латышским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1960 —1962. — 238 с. (Общий тираж 24 000 экземпляров!)

- Rec. Šķirmante F. Krievu literatūras mācību grāmata X klasei // Padomju Latvijas Skola. — 1961. — Nr. 4. — 89.—90. lpp.
58. Infantjevs B. Materiāli latviešu kultūras vēsturei Maskavas un Viļņas arhīvos // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. — 1960. — Nr.2. — 185.—188. lpp.
59. Infantjevs B. Krietns palīgs tautu draudzības jūtu audzināšanā // Padomju Latvijas Skola. — 1960. — Nr. 2. — 89.—90. lpp. (Rec. par Vāvere V. Gorkijs un latviešu literatūra. — Rīga: 1959.)
60. Infantjevs Б. Развитие русской речи учащихся-латышей в связи с производственной практикой // Русский язык в национальной школе. — 1960. — № 4. — С. 50—56.
61. Infantjevs B. Interesants eksperiments // Skolotāju Avīze. — 1960. — 29. aprīlis.

1961

62. Infantjevs Б., Полешко-Полесский О., Свирский В, Скоковский А. Русская литература. Учебник-хрестоматия для XI классов с латышским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1961, 1962. — 283 с., 1964. — 278 с. Rec. Šķirmante F. Ilgi gaidīta grāmata // Skolotāju Avīze. — 1961. — 23. augusts.
63. Infantjevs Б., Ниселович И. Пути развития активности и самостоятельности учащихся и повышения их самостоятельности на занятиях по развитию речи в V—VIII классах // Активность и самостоятельность учащихся на занятиях по русскому языку в латышских школах. — Рига: МП ЛССР, 1961. — С. 5—43.
64. Infantjevs B., Niselovičs J. Labākie skolotāji aktivizē metodes. Vērojumi Centrālajos Pedagoģiskajos lasījumos par krievu valodas un literatūras mācīšanu nacionālajās skolās (Maskava) // Padomju Latvijas Skola. — 1961. — Nr. 4. — 30.—31. lpp.
65. Бейкман Э., Infantjevs Б. Принципы построения единого учебника русского языка для латышских школ // Русский язык в национальной школе. — 1961. — № 1. — С. 45—51.

1962

66. Францман Е., Infantjevs Б., Вилан О., Семенова М. Русский язык для IX—XI классов школ с латышским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1962, 1964, 1966 — 1971. — 396 с. (Общий тираж 100 000 экземпляров!) Rec. Румянцева Г. И. О новом учебнике по русскому языку для 9—11 классов с латышским языком обучения // Ученые записки Латвийского Государственного Университета. — Рига: Латвийский Государственный Университет, 1964. — Т. 54. — С. 211—219.
67. Бейкмане Э., Infantjevs Б. Русский язык. Для VIII класса школ с латышским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1962. — 184 с. Последующие издания 1963—1965, 1972—1974, под заглавием “Русское слово” — 1975—1978, 1982, 1986. (Общий тираж 279 000 экземпляров!)

Rec. Викторов Б. [Волков Б.] В единстве с литературой // Учительская газета. — 1964. — 5 марта.

68. Infantjevs Б. Привитие навыков русской речи учащихся-латышей в школах с параллельными русскими и латышскими классами // Воспитание у учащихся чувства дружбы между народами. — Рига: МП ЛССР, 1962. — С. 23 — 29.
69. Beikmane E., Infantjevs B. Jauna krievu valodas mācību grāmata // Skolotāju Avīze. — 1962. — 12. septembris.

1963

70. Infantjevs B., Losevs A., Svīrskis V. Maksims Gorkijs Latvijā // Padomju Latvijas Skola. — 1963. — Nr. 12. — 62.—66. lpp.
71. Лосева С., Францман Е., Infantjevs Б., Вилан О., Семенова М. Русский язык для IX—XI классов школ с латышским языком обучения // Русский язык в национальной школе. — 1963. — № 5. — С. 89—91.
72. Infantjevs B. Majakovskis Latvijas skolās // Skolotāju Avīze. — 1963. — 24. jūlijs.

1964

73. Infantjevs Б., Лосев А., Свирский В. М. Горький, В. Маяковский, Н. Островский в Латвии. — Рига: Латвийское газетно-журнальное издательство, 1964. — 83 с. Rec. Их помнят, их любят // Советская молодежь. — 1965. — 15 августа.
74. Свирский В., Францман Е., Infantjevs Б. Русская литература. Учебник — хрестоматия для 10 классов с латышским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1964—1970. — 320 с. (Общий тираж 58 000 экземпляров!)
75. Infantjevs Б., Волков Б., Лосев А. Латышская литература. Для средней школы. — Рига: Латгосиздат, 1964. — 100 с. Последующие издания 1967—1971, 1973, 1975—1977, 1980. (Общий тираж 142000 экземпляров!) Rec. Гусев А. Пусть люди станут братской семьей // Советская молодежь. — 1971. — 2 мая.
76. Infantjevs Б. Латышская литература. Книга для чтения в V—VIII классах с русским языком обучения. — Рига: Латгосиздат, 1963. — 175 с. Последующие издания 1964—1968, 1970—1973, 1981. С 1972 под заглавием “Хрестоматия по латышской литературе”. (Общий тираж 192 000 экземпляров!) Rec. Камайская Г. Путеводитель в латышскую литературу // Ригас Балсс. — 1968. — 5 мая.
77. Infantjevs B., Losevs A. Ābecei 100 gadu [N. Sokolova “Latviešu bokveris”] // Skola un Ģimene. — 1964. — Nr. 11. — 34. lpp.
78. Infantjevs B. Par aktuāliem valodu un literatūras mācīšanas jautājumiem. [kopā ar J. Bērziņu, H. Grasi, I. Martinsoni] // Skolotāju Avīze. — 1964. — 9. marts.

1965

79. Бейкмане Э., Инфантьев Б., Францмане Е. Русское слово. Учебник русского языка для старших классов национальных школ РСФСР. — Москва: Просвещение, 1965—1968. — 366 с.
80. Инфантьев Б. Райнис в русской школе // *Rainis skolā*. — Rīga: Zvaigzne, 1965. — 69.—82. lpp.
81. Бейкмане Э., Инфантьев Б. Еще раз взвесить и обдумать [вопросы русской орфографии] // *Русский язык в национальной школе*. — 1965. — № 1. — С. 72—73.
82. Инфантьев Б. Обучение разговорной речи // *Русский язык в национальной школе*. — 1965. — № 2. — С. 26—32.
83. Infantjevs B., Losevs A. Viņš dziedāja par tautu draudzību [Rainis] // *Skolotāju Avīze*. — 1965. — 12. maijs.
84. Infantjevs B., Losevs A. Raiņa Rīga // *Rīgas Balss*. — 1965. — 19. jūnijs.
85. Karule A., Infantjevs B., Losevs A. Dzejnieks un skola [Rainis] // *Rīgas Balss*. — 1965. — 23. septembris.
86. Infantjevs B., Losevs A. Pedagogu padomdevējs, audzinātājs un draugs // *Rīgas Balss*. — 1965. — 19. jūnijs.
87. Infantjevs B., Losevs A. Rainis un Gorkijs // *Skolotāju Avīze*. — 1965. — 8. septembris.
88. Инфантьев Б., Лосев А. Народов братство он воспел [Райнис] // *Советская молодежь*. — 1965. — 24 марта.
89. Инфантьев Б., Лосев А. Буревестники [Горький и Райнис] // *Советская молодежь*. — 1965. — 7 апреля.
90. Инфантьев Б., Лосев А. Богатырская песнь о Муромце [Пьеса Райниса “Илья Муромец”] // *Советская молодежь*. — 1965. — 21 мая.
91. Инфантьев Б., Лосев А. Рига Райниса // *Ригас Балсс*. — 1965. — 19 июня.
92. Инфантьев Б., Лосев А. Поэт и школа [Райнис] // *Ригас Балсс*. — 1965. — 9 сентября.
93. Инфантьев Б., Лосев А. Полвека вдохновенного труда [А. Биркерт — первый биограф Райниса] // *Советская молодежь*. — 1965. — 11 сентября.
94. Каруле А., Инфантьев Б., Лосев А. Советник, наставник и друг педагогов // *Ригас Балсс*. — 1965. — 23 сентября.
95. Инфантьев Б., Лосев А. Сквозь даль времен [Фонвизин в Латвии] // *Советская молодежь*. — 1965. — 12 декабря.

1966

96. Инфантьев Б. Стихи русских поэтов в латышском фольклоре // *Вопросы языка и литературы*. — Рига: Звайгзне, 1966. — С. 3—18.
97. Infantjevs B., Losevs A. Ar entuziasmu un pacietību [Turģeņevs un 24. Rīgas vidusskola] // *Skola un Ģimene*. — 1966. — Nr. 9. — 34.—36. lpp.
98. Бейкмане Э., Инфантьев Б., Францмане Е. О новом учебном пособии // *Русский язык в национальной школе*. — 1966. — № 2. — С. 34—36.

99. Инфантьев Б. Экспериментальное пособие для старших классов латышских школ // *Русский язык в национальной школе*. — 1966. — № 4. — С. 29—33.
100. Инфантьев Б., Лосев А. Сквозь даль времен [Фонвизин в Балдоне и ученики А. Гусева] // *Литература в школе*. — 1966. — № 3. — С. 66—68.
101. Infantjevs B., Losevs A. Devīņdesmit iedvesmes pilnu gadu [A. Birkerta — pirmā Raiņa biogrāfa jubileja] // *Skolotāju Avīze*. — 1966. — 30. marts.
102. Infantjevs B., Losevs A. Nikolajs Tihonovs Gaujas krastos [Tihonovs un Valmieras 2. vidusskolas skolnieki] // *Cīņa*. — 1966. — 30. jūlijs.
103. Infantjevs B., Losevs A. Kāda portreta noslēpums [Turģeņevs, Gruzdiņš un Rīgas 24. vidusskolas skolēni] // *Rīgas Balss*. — 1966. — 26. marts.
104. Infantjevs B., Losevs A. Grāmata par brālību // *Rīgas Balss*. — 1966. — 10. jūnijs. (Rec. par Вавере В., Мацков Г. Латышско-русские литературные связи. — Рига: Зинатне, 1965. — 473 с.)
105. Infantjevs B. Labs palīgs krievu un latviešu valodas skolotājiem // *Skolotāju Avīze*. — 1966. — 3. augusts. (Rec. par Семенова М. Сопоставительная грамматика русского и латышского языков. — Рига: 1965.)
106. Инфантьев Б., Лосев А. Тайна одного портрета [Тургенев, Груздиньш и ученики 24-й средней школы города Риги] // *Ригас Балсс*. — 1966. — 24 марта.
107. Инфантьев Б., Лосев А. Книга о братстве // *Ригас Балсс*. — 1966. — 10 июня. (Rec. par Вавере В., Мацков Г. Латышско-русские литературные связи. — Рига: Зинатне, 1965. — 473 с.)
108. Инфантьев Б., Лосев А. Рыбачьи самоцветы [Рыбаки в латышском фольклоре] // *Советская молодежь*. — 1966. — 13 июня.

1967

109. Инфантьев Б. Программированные задания по теме “Предложное управление”. Для IX классов с латышским языком обучения. — Рига: МП ЛССР, 1967. — 126 с.
110. Инфантьев Б. Программированные задания по теме “Предложное управление”. Для X—XI классов с латышским языком обучения. — Рига: МП ЛССР, 1967. — 121 с.
111. Инфантьев Б. Использование элементов программированного обучения по теме “Виды глаголов” // *Programmētā mācīšana skolā*. — Rīga: Zvaigzne, 1967. — 101.—108. lpp.
112. Infantjevs B., Losevs A. Kultūras saites nav saraujamas [Baldones skolnieku pētījumi par Ņekrasovu] // *Skola un Ģimene*. — 1967. — Nr. 1. — 34.—35. lpp.
113. Infantjevs B., Losevs A. Rakstnieka J. Tiņanova bērnības zemē // *Skola un Ģimene*. — 1967. — Nr. 3. — 24.—25. lpp.
114. Infantjevs B., Losevs A. Teodora Netes piemiņa mūžam dzīva // *Skola un Ģimene*. — 1967. — Nr. 7. — 26.—27. lpp.
115. Infantjevs B., Losevs A. Atmiņas neizgaist [N. Tihonovs Valmierā] // *Skola un Ģimene*. — 1967. — Nr. 11. — 58.—59. lpp.

116. Инфантьев Б., Лосев А. Границы учебника раздвигаются [Тургенев и рижская 24-я школа] // Литература в школе. — 1967. — № 2. — С. 64—66.
117. Бейкмане Э., Инфантьев Б., Цитович В. Успехи, свершения, полет... // Русский язык в национальной школе. — 1967. — № 5. — С. 21—22.
118. Инфантьев Б., Камайская Г. Самоконтроль на уроках русского языка в старших классах // Русский язык в национальной школе. — 1967. — № 6. — С. 28—34.
119. Infantjevs B., Losevs A. Divu literatūru draudzība // Skolotāju Avīze. — 1967. — 5. jūlijs.
120. Infantjevs B., Losevs A. Brīnumaina pasaule // Rīgas Balss. — 1967. — 7. janvāris.
121. Infantjevs B., Losevs A. Brālības grāmatas lappuses // Rīgas Balss. — 1967. — 13. jūlijs.
122. Infantjevs B., Losevs A. Meklējumi un atklājumi // Cīņa. — 1967. — 27. augusts.
123. Beikmane E., Infantjevs B. Novērst galvenos trūkumus krievu valodas mācīšanā latviešu skolās // Skolotāju Avīze. — 1967. — 6. septembris.
124. Инфантьев Б., Лосев А. Обыкновенный дивный мир. Поиски и находки. [о Пушкине в 24-й средней школе города Риги] // Ригас Балсс. — 1967. — 7 января.
125. Инфантьев Б., Лосев А. Страницы из книги братства // Ригас Балсс. — 1967. — 13 июля.
126. Инфантьев Б., Лосев А. В стране тыняновского детства // Советская молодежь. — 1967. — 29 июля.
127. Инфантьев Б., Лосев А. Сквозь годы мчась... [Т. Нетте] // Советская молодежь. — 1967. — 30 августа.

1968

128. Инфантьев Б. Программированные задания по теме “Виды глаголов”. Для 10 класса школ с латышским языком обучения. — Рига: НИИШ, 1968. — 57 с.
129. Инфантьев Б. Борьба латышей за право изучать русский язык // V. Lāča Liepājas Valsts Pedagoģiskā institūta zinātniskās konferences materiāli. — Liepāja: 1968. — 64.—66. lpp.
130. Инфантьев Б. Программированное обучение в старших классах латышских школ // В поисках новых путей развития русской речи. — Каунас: Швиеса, 1968.
131. Infantjevs B. Krievu valoda latviešu skolā // Latvijas PSR mazā enciklopēdija — Rīga: Zinātne, 1968. — 2 sēj. — 159.—160. lpp.
132. Infantjevs B., Losevs A. Daiļrades spēks iedvesmo // Skola un Ģimene. — 1968. — Nr. 3. — 5.—6. lpp.
133. Infantjevs B. Lai attīstītu skolēnu patstāvību // Skolotāju Avīze. — 1968. — 18. decembris.

134. Инфантьев Б. Привитие навыков русской речи в школах с параллельными классами // Русский язык в национальной школе. — 1968. — № 2. — С. 23—27.
135. Инфантьев Б., Лосев А. М. Горький в Латвии // Литература в школе. — 1968. — № 2. — С. 72—76.
136. Инфантьев Б., Лосев А. Один из путей интернационального воспитания // Вечерняя средняя школа. — 1968. — № 2. — С. 50—57.
137. Бейкман Э., Инфантьев Б. О принципах составления новых учебников для национальной школы // Русский язык в национальной школе. — 1968. — № 5. — С. 26—29.
138. Infantjevs B., Losevs A. Pa dziesmas pēdām // Rīgas Balss. — 1968. — 17. februāris.
139. Karule A., Infantjevs B., Losevs A. Dzejnieks un skola // Rīgas Balss. — 1968. — 9. septembris.
140. Инфантьев Б., Лосев А. Перелистывая старые страницы [“Рижского Вестника” в поисках новой информации о Тургеневе] // Ригас Балсс. — 1968. — 15 января.
141. Инфантьев Б., Лосев А. Родина в сердце твоём. [Н. Тихонов и ученики 2-й средней школы Валмиеры] // Советская молодежь. — 1968. — 4 февраля.
142. Инфантьев Б., Лосев А. По следам песни [Горького “Солнце всходит и заходит” в латышском фольклоре] // Ригас Балсс. — 1968. — 17 февраля.
143. Инфантьев Б., Лосев А. Юные исследователи Горького [Составившие рижскую летопись Горького] // Советская Латвия. — 1968. — 26 марта.
144. Инфантьев Б., Лосев А. В поиске интернационалисты // Советская Латвия. — 1968. — 5 июня.
145. Каруле А., Инфантьев Б., Лосев А. Поэт и школа // Ригас Балсс. — 1968. — 9 сентября.

1969

146. Инфантьев Б. Программированные задания по русскому правописанию. Для VIII и IX классов с латышским языком обучения — Рига: НИИШ, 1969. — 76 с.
147. Инфантьев Б. Преподавание русского языка и литературы в советской латышской школе // Skolas un pedagoģiskās domas attīstība Padomju Latvijā. — Rīga: Zvaigzne, 1969. — 122.—144. lpp.
148. Инфантьев Б., Цитович В. О состоянии обучения русскому языку в школах с латышским языком обучения // О причинах второгодничества и посредственных знаний учащихся и путях повышения эффективности учебного процесса. — Рига: МП ЛССР, 1969. — С. 111—139.
149. Инфантьев Б. Цели и задачи обучения русскому языку в школе с латышским языком преподавания // Очерки по методике преподавания русского языка в IV—XI классах с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1969. — С. 5—12.

150. Инфантьев Б., Ниселович И. Приемы введения и закрепления слов // Там же. — С. 63—82.
151. Инфантьев Б., Ниселович И. Индукция и сравнение при изучении грамматики как средство активизации учащихся // Там же. — С. 104—117.
152. Бейкмане Э., Инфантьев Б. Элементы программированного обучения на уроках русского языка в школах с латышским языком обучения // Там же. — С. 169—183.
153. Инфантьев Б., Камайская Г. Программированное обучение и самостоятельная работа школьников // Русский язык в национальной школе. — 1969. — № 3. — С. 11—17.
154. Инфантьев Б. Русский язык в латышских школах // Русский язык в нерусской школе (Баку). — 1969. — № 8.
155. Infantjevs B., Losevs A. Seno laiku jauna elpa [Krīlōvs un skolnieku pētījumi] // Rīgas Balss. — 1969. — 15. marts.
156. Infantjevs B., Losevs A. Grāmatai 100 gadu [L. Tolstoja “Karš un Miers” un latviešu lasītājs] // Skolotāju Avīze. — 1969. — 17. decembris.
157. Бейкмане Э., Инфантьев Б. Учебник нового типа // Учительская газета. — 1969. — 26 августа.
158. Инфантьев Б., Лосев А. На примере великой жизни // Советская молодежь. — 1969. — 28 января.
159. Инфантьев Б., Лосев А. Есть такое слово: “неттовцы” // Советская молодежь. — 1969. — 23 марта.
160. Инфантьев Б., Лосев А. Рассказ об одном необычном поиске [учеников 1-ой рижской средней школы о Крылове в Риге] // Советская молодежь. — 1969. — 20 августа.

1970

161. Инфантьев Б. Программированные задания по теме “Предложное управление”. Для X классов с латышским языком обучения. — Рига: МП ЛССР, 1970. — 180 с.
162. Инфантьев Б., Лосев А. Русское слово. Учебник для V—VIII классов вечерних (сменных) и заочных школ с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1970. — 403 с., 1975. — 405 с. (Общий тираж 10 000 экземпляров!) Res. Zavadska A. Par mācību grāmatu “Русское слово” // Skolotāju Avīze. — 1973. — 12. decembris. Гусев А. // Вечерняя средняя школа. — 1972. — № 6. — С. 86—87.
163. Infantjevs B. Divvalodības veidošana // Latviešu valoda klasēs ar krievu mācību valodu. — Rīga: Zvaigzne, 1970. — 7.—26. lpp.
164. Инфантьев Б. Учебник русского языка для старших классов как основной фактор, способствующий успешному усвоению предмета // Образование и воспитание в национальной школе. — Москва: Педагогика, 1970. — С. 55—56.
165. Infantjevs B. Krīlōvs Rīgā // Skola un Ģimene. — 1970. — Nr. 10. — 16.—17. lpp.

166. Инфантьев Б., Лосев А. Поэта узнают по разному [Н. Тихонов и ученики 2-й вальмиерской школы] // Литература в школе. — 1970. — № 4. — С. 65—69.

1971

167. Инфантьев Б. Материал для закрепления русского правописания. — Рига: МП ЛССР, 1971, 1973, 1975.
168. Инфантьев Б., Лосев А. Горький и Латвия. — Рига: МП ЛССР, 1971. — 79 с.
169. Инфантьев Б., Лосев А. Литературное краеведение // Вопросы преподавания русской литературы в национальной школе. — Москва: Педагогика, 1971. — С. 132—141.
170. Инфантьев Б. Изучение глагола в школах Латвии // Взаимодействие языков в процессе обучения. — Вильнюс: МП ЛитССР, 1971. — С. 107—109.
171. Инфантьев Б. Тезисы // Научно-методическая конференция русистов по актуальным вопросам преподавания русского языка как неродного. — Рига, 1971.
172. Infantjevs B., Losevs A. Laipni lūdzam, Krievijas rakstnieki // Skola un Ģimene. — 1971. — Nr. 3. — 44.—45. lpp.
173. Инфантьев Б., Полевая Р. Эффектность самопроверки на уроках русского языка // Русский язык в национальной школе. — 1971. — № 1. — С. 29—37.
174. Инфантьев Б., Лосев А. Таким открылся им Некрасов [балдонским школьникам] // Литература в школе. — 1971. — № 6. — С. 62—65.
175. Infantjevs B., Losevs A. Parauga spēkā smeloties // Cīņa. — 1971. — 11. februāris.
176. Infantjevs B. Pilnveidojot fakultatīvo nodarbību norisi [apsprīde Uļjanovskā] // Skolotāju Avīze. — 1971. — 21. marts.
177. Infantjevs B. Meklēsim jauno, derīgo // Skolotāju Avīze. — 1971. — 14. aprīlis.
178. Infantjevs B., Losevs A. Krievu literatūra, mācību stunda, dzīve // Skolotāju Avīze. — 1971. — 21. aprīlis.
179. Infantjevs B. Mācīt un audzināt // Skolotāju Avīze. — 1971. — 25. augusts.
180. Инфантьев Б., Лосев А. Урок учит, урок воспитывает // Советская Латвия. — 1971. — 20 января.
181. Инфантьев Б., Лосев А. Братской дружбы многоцветы [школьные олимпиады “Русские писатели в Латвии”] // Советская Латвия. — 1971. — 22 апреля.

1972

182. Инфантьев Б. Русский язык в национальной школе Латвии. Исторический очерк I. Переводно — грамматический метод (XVIII в. — 80-е годы XIX в.). — Рига: Звайгзне, 1972. — 139 с.

- Рес. Семенова М. Тема исследования — русский язык в Латвии // Учительская газета. — 1973. — 30 января.
- Майорова И., Шамсутдинова С. Актуальное исследование по истории методики // Русский язык в национальной школе. — 1974. — № 3. — С. 93—94.
- С. Ш. Русский язык в национальных школах Латвии // Русский язык в киргизской школе. — 1974. — № 4. — С. 34.
- Бейкман Э. Исследование проблем методики преподавания русского языка в национальной школе // Русский язык в армянской школе. — 1974. — № 4. — С. 54—57.
183. Бейкмане Э., Инфантьев Б., Малькова В., Марауска Л. Русская речь. Учебник VII класса с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1972 — 1976, 1981. — 202 с. (Общий тираж 136 000 экземпляров!)
184. Инфантьев Б., Бейкмане Э. Методические указания к работе по учебнику “Русская речь” для VII класса с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1972. — 72 с., 1976. — 75 с., 1981 (без Э. Бейкмане) — 88 с.
185. Инфантьев Б., Лосев А. Литературное краеведение // Вопросы преподавания русской литературы в национальной школе. — Москва: Педагогика, 1972. — С. 134—142.
186. Инфантьев Б. Преподавание русского языка и литературы в латышских школах за 50 лет // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку как средству межнационального общения народов СССР. — Кишинев: Лумина, 1972.
187. Инфантьев Б. Выявление интересов восьмиклассников и отбор иллюстративно-тренировочного материала для учебников русского языка // Тезисы докладов республиканских педагогических чтений, посвященных 50-летию образования СССР. — Рига: МП ЛССР, 1972.
188. Инфантьев Б. Повторяемость лексико — грамматического материала в учебниках и прочность его усвоения // Русский язык в национальной школе. — 1972. — № 5. — С. 25 — 31.
189. Каруле А., Инфантьев Б., Лосев А. Ян Райнис о воспитании строителей нового мира // Советская Педагогика. — 1972. — № 12. — С. 118—126.
190. Infantjevs B. Jaunas prasības // Skolotāju Avīze. — 1972. — 5.janvāris.
191. Infantjevs B. Ar aizrautību // Skolotāju Avīze. — 1972. — 16.februāris.
192. Infantjevs B., Zimule Ē. Uzmanības centrā humanitārās klases // Skolotāju Avīze. — 1972. — 24.maijs.
193. Infantjevs B., Losevs A. Dzīvinošais spēks // Skolotāju Avīze. — 1972. — 9.augusts.
194. Infantjevs B., Losevs A. Ar jaunatklāsmes prieku // Skolotāju Avīze. — 1972. — 20.septembris.
195. Infantjevs B., Losevs A. Plašāks skats, dziļāka doma // Skolotāju Avīze. — 1972. — 1.novembris.
196. Инфантьев Б., Лосев А. Дружба литератур — дружба народов // Учительская газета. — 1972. — 18 ноября.

1973

197. Инфантьев Б. Факультативные занятия по русскому языку и литературе в школах Латвийской ССР. — Рига: МП ЛССР, 1973. — 38 с.
198. Инфантьев Б. Правописание местоимений, глаголов, наречий. — Рига: МП ЛССР, 1973. — 60 с.
199. Бебрис Л., Сазонова Л., Маноим И., Малькова В., Инфантьев Б. Сборник диктантов и изложений. Для IV—VIII классов с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1973. — 223 с.
200. Инфантьев Б., Лосев А. Русские советские писатели и Латвия. [Горький, Маяковский, Н. Островский, Фадеев, Шолохов, Тихонов, А. Н. Толстой, Паустовский] / Фотоиллюстрации Л. Ф. Котовича. — Рига: Звайгзне, 1973. — 44 илл.
201. Инфантьев Б., Лосев А. В. В. Маяковский и Латвия. — Рига: [b.i.], 1973. — 95 с.
- Рес. Гусев А. Здравствуй, Маяковский! // Советская молодежь. — 1974. — 12 июня.
202. Францман Е., Лапса А., Богданова С., Инфантьев Б. Русское слово. Учебник для X класса с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1973. — 146 с. Последующие издания 1974—1980, 1984 (под заглавием “Krievu valoda”), 1991. (Общий тираж 161 000 экземпляров!)
203. Инфантьев Б., Малькова В. Книга для чтения по русской литературе. Для VIII классов с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1973. — 205с. Последующие издания 1974—1976, 1982, 1986. (Общий тираж 135 000 экземпляров!)
204. Infantjevs B. Vēl labāk mācīt krievu valodu // Skolotāju Avīze. — 1973. — 14. marts.
205. Infantjevs B. Lai vairāk domā, meklē, spriež // Skolotāju Avīze. — 1973. — 4. jūlijs.
206. Infantjevs B. Kādai jābūt labai krievu valodas stundai // Skolotāju Avīze. — 1973. — 28. novembris.
207. Infantjevs B. Pirmā krievu valodas mācību grāmata Latvijā [A. Rodes grāmata 1773. gadā vācu skolām] // Skolotāju Avīze. — 1973. — 26. decembris.
208. Инфантьев Б., Лосев А. НИИ Педагогики. Наше мнение [обсуждаем проект основ законодательства об образовании] // Советская молодежь. — 1973. — 25 мая.
209. Инфантьев Б. Мнение латвийских педагогов // Учительская газета. — 1973. — 30 июня.

1974

210. Инфантьев Б., Францман Е. Русское слово. Учебник для XI классов с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1974. — 150 с. Последующие издания 1975—1981. (Общий тираж 108 000 экземпляров!)
211. Инфантьев Б. Хрестоматия по латышской литературе для IV—VIII классов с русским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1974—1976. — 224 с.

212. Лосев А., Инфантьев Б. Рижские годы Ивана Крылова. Ученики ведут поиск // Вопросы преподавания языка и литературы. — Рига: Звайгзне, 1974. — С. 217—232.
213. Инфантьев Б. Проблемы отбора и распределения материала в учебниках русского языка для латышских школ // Научные основы учебника русского языка и литературы для национальной школы. — Москва: НИИПРЯНШ АПН СССР, 1974. — С. 67—73.
214. Инфантьев Б. Уравновешение лексико-грамматического минимума и требования содержательности иллюстративно — тренировочного материала // Специфика подготовки учителей. — Таллинн: МП ЭССР, 1974.
215. Инфантьев Б., Лосев А. Изучение теории и практики художественного перевода на факультативных занятиях по русской литературе // Факультативные занятия по русскому языку и литературе в национальной школе. — Москва: Педагогика, 1974. — С. 98—109.
216. Инфантьев Б., Лосев А. Исследовательская направленность факультативного курса по литературным взаимосвязям // Там же. — С. 87—97.
217. Infantjevs B., Losevs A. Iepazīt krievu valodas un literatūras bagātības // Skola un Ģimene. — 1974. — Nr. 6. — 25. lpp.
218. Инфантьев Б. Славный юбилей [70-летие Э. Бейкмане] // Русский язык в национальной школе. — 1974. — № 2. — С. 87—88.
219. Infantjevs B., Losevs A. Jābūt atklāsmes priekam // Skolotāju Avīze. — 1974. — 20. marts.
220. Infantjevs B. Uzlabot krievu valodas mācīšanu XI klasē // Skolotāju Avīze. — 1974. — 28. augusts.

1975

221. Инфантьев Б., Лосев А. Русские писатели и Латвия (Фонвизин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Л. Толстой, Достоевский). Для средней школы / Фотоиллюстрации Л. Ф. Котовича. — Рига: Звайгзне, 1975. — 48 илл.; 2-е (технически улучшенное) издание. — 1976.
222. Инфантьев Б., Лосев А. Интернациональное воспитание учащихся при изучении русско — латышских литературных связей. Альбом для выставки на ВДНХ (бронзовая медаль). — Рига: 1975. — 32 с.
223. Инфантьев Б. Взаимосвязи русской и других национальных литератур. Спецкурс // Типовые программы по русскому языку и литературе для VIII—X классов национальных школ. — Ленинград: Просвещение, 1975, 1979, 1981. — С. 26—63.
224. Бейкман Э., Инфантьев Б. Специфика преподавания русского языка в условиях славяно-балтийского билингвализма в Латвии // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвализма. — Минск, 1975. — С. 43—56.
225. Бейкман Э., Инфантьев Б. Славяно-балтийский билингвализм и обучение русскому языку // Русский язык в национальной школе. — 1975. — № 4. — С. 25—31.

226. Infantjevs B., Losevs A. Tulkojot, dziļāk iepazīst // Skola un Ģimene. — 1975. — Nr. 12. — 22.—23. lpp.
227. Infantjevs B. Aizrautīgi meklējumi // Skolotāju Avīze. — 1975. — 10. septembris.
228. Инфантьев Б., Лосев А. И разуму, и чувствам...! Русская литература в национальной школе // Учительская газета. — 1975. — 14 октября.

1976

229. Инфантьев Б. Русский язык и литература в национальной школе Латвии. Исторический очерк II. (90-е гг. XIX в. — 1917 г.). — Рига: Звайгзне, 1976. — 148 с.
Rec. Ruberts J. Veiksmīgs turpinājums // Skola un Ģimene. — Nr. 8. — 58.—59. lpp.
Бейкмане Э. Новое исследование по истории преподавания русского языка в национальной школе // Русский язык в киргизской школе. — 1977. — № 3. — С. обл. 3—4.
230. Инфантьев Б. Правописание числительных, частиц, предлогов [Сборник упражнений]. — Рига: МП ЛССР, 1976. — 78 с.
231. Инфантьев Б., Лосев А. Русско-латышские литературные связи. Методические рекомендации и программа. — Рига: [b.i.], 1976. — 78 с.
232. Инфантьев Б., Лосев А. Методика факультативного изучения русской литературы // Literatūras un vēstures fakultatīvā mācīšana. — Rīga: Zvaigzne, 1976. — 40.—68. lpp.
233. Инфантьев Б., Бейкмане Э., Цитович В., Францмане Е. Теоретические основы создания учебников русского языка для I—XI классов с латышским языком обучения // Сводный отчет по выполненным в IX пятилетке координируемым исследованиям в отрасли педагогических наук в Латвийской ССР. — Рига: МП ЛССР, 1976. — С. 42—46.
234. Инфантьев Б., Бейкмане Э. Система лексико — грамматического содержания по русскому языку в классах с латышским языком обучения // Там же. — С. 39—42.
235. Инфантьев Б., Лосев А. Теория и практика отбора материала, включаемого в учебные программы и пособия по факультативному курсу “Русско-латышские литературные связи” // Литературоведение и школа. — Тарту, 1976. — С. 82—96.
236. Инфантьев Б. Факультативные занятия по русской литературе в школах Латвийской ССР // Факультативные занятия в средней школе. — Москва: Педагогика, 1976. — С. 54—59.
237. Инфантьев Б., Лосев А. Сопоставительное изучение переводов русских художественных произведений в национальной школе // Русский язык в киргизской школе. — 1976. — № 1/2. — С. 51—56.
238. Infantjevs B. Lai izveidotu zinātnisku pamatu // Skolotāju Avīze. — 1976. — 23. jūnijs.
239. Infantjevs B. Iespaidi Polijā // Skolotāju Avīze. — 1976. — 22. septembris.

1977

240. Лосев А., Инфантьев Б. Изучение русско-латышских литературных и культурных связей как результативное направление интернационального воспитания старшеклассников // *Skolēnu internacionālās audzināšanas teorijas un prakses jautājumi*. — Rīga: LPSR IM, 1977. — 117.—174. lpp.
241. Лосев А., Инфантьев Б. О специфике изучения предметов гуманитарного цикла в школах с двумя потоками // *Divplūsmu skolu darba pieredze*. — Rīga: Zvaigzne, 1977. — 19.—51. lpp.
242. Бейкмане Э., Инфантьев Б. Дифференцированное обучение на занятиях по русскому языку // Вопросы преподавания русского языка в школах с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1977. — С. 32—46.
243. Инфантьев Б., Лосев А. Цикл учебных телепередач о русско — латышских литературных связях как средство активизации познавательных интересов старшеклассников // Проблемы методики создания и применения экранно — звуковых технических средств обучения. — Тбилиси: МП СССР, 1977. — С. 207—211.
244. Infantjevs B., Losevs A. Sadarbība-kopīgā valoda // *Skola un Ģimene*. — 1977. — Nr. 4. — 22.—23. lpp.
245. Losevs A., Infantjevs B. Ieinteresēta — zinātne un skola // *Skola un Ģimene*. — 1977. — Nr.9. — 18.—19. lpp.
246. Losevs A., Infantjevs B. Draudzības maģistrāles // *Skola un Ģimene*. — 1977. — Nr. 10. — 58.—59. lpp. (Rec. par Krauliņš K. PSRS tautu literatūra. — Rīga, 1977.)
247. Infantjevs B. Par krievu valodu un svešvalodām // *Skolotāju Avīze*. — 1977. — 30.novembris.
248. Infantjevs B. Pilnveidot fakultatīvās nodarbības [par Vissavienības konferenci Černigolovkā] // *Skolotāju Avīze*. — 1977. — 21. decembris.
249. Инфантьев Б., Лосев А. Латвийская ССР // Русский язык в национальной школе. — 1977. — № 5. — С. 33—34.
250. Лосев А., Инфантьев Б. Мосты братства, наведенные Октябрем // Литература в школе. — 1977. — № 5. — С. 43—48.

1978

251. Инфантьев Б., Лосев А. Русское слово. Учебник для IX—XI классов вечерних (сменных) школ. — Рига: Звайгзне, 1978, 1983. — 304 с. (Общий тираж 20 000 экземпляров!)
Рес. Феоктистова Т. Что показал первый опыт работы // Вечерняя средняя школа. — 1982. — №.6. — С. 73—74.
252. Инфантьев Б., Лосев А., Гусев А. и др. Программы факультативных курсов по русскому языку и литературе для VII—XI классов школ с латышским языком обучения. — Рига: МП ЛССР, 1978. — 126 с.
253. Инфантьев Б. Русский язык и литература в латышских школах буржуазной Латвии // *Aprerējumi par tautas izglītības un pedagogiskās domas attīstību Latvijā*. — Rīga: LPSR IM, 1978. — 129.—166. lpp.

254. Инфантьев Б. Опора на родной латышский язык при изучении лексики, грамматики, орфографии русского языка // *Mācību un audzināšanas procesa optimizācija skolā un augstskolā*. — Liepāja, 1978. — 112.—113. lpp.
255. Инфантьев Б. Вопросы отбора, распределения и предъявления материала в учебниках русского языка для латышских школ // Проблемы преподавания русского языка и литературы в грузинской школе. — Тбилиси: МП СССР, 1978. — С. 249—253.
256. Инфантьев Б., Цытович В. Изучение качества знаний по русскому языку в школе с латышским языком обучения // Опыт исследования проблем содержания и методики преподавания учебных дисциплин, специальных для общеобразовательной школы союзных республик. — Ташкент: МП УзССР, 1978. — С. 178—186.
257. Infantjevs B. Bagātīnāt saturu // *Skola un Ģimene*. — 1978. — Nr. 7. — 41. lpp.
258. Infantjevs B. Komunistiskai audzināšanai // *Skolotāju Avīze*. — 1978. — 25. janvāris.
259. Infantjevs B. Tas pašas problēmas // *Skolotāju Avīze*. — 1978. — 7. jūnijs.
260. Infantjevs B. Studenti aizstāv diplomdarbus // *Skolotāju Avīze*. — 1978. — 30. jūnijs.
261. Infantjevs B. Īsinājumi programmās // *Skolotāju Avīze*. — 1978. — 27. septembris.
262. Лосев А., Инфантьев Б. Латвийские страницы Бориса Полевого // Советская Латвия. — 1978. — 21 марта.
263. Лосев А., Инфантьев Б. Письма из Ясной Поляны [Толстого своим латвийским корреспондентам] // Советская Латвия. — 1978. — 8 сентября.
264. Инфантьев Б., Лосев А. Отозвались его идеи в Латвии. Великий сын Отчизны [Чернышевский] // Советская Латвия. — 1978. — 23 июня.

1979

265. Инфантьев Б. Краткий справочник по грамматике русского языка. — Рига: Звайгзне, 1979. — 106 с. (Тираж 20 000 экземпляров!)
266. Бейкмане Э., Инфантьев Б. Методика преподавания русского языка в IV—VIII классах с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1979. — 259с.
Рес. Krasnovs V. Vajadzīgais metodiskais līdzeklis // *Skolotāju Avīze*. — 1980. — 27. augusts.
267. Инфантьев Б., Лосев А. Факультативные занятия // Методика преподавания русской литературы в старших классах национальной школы. — Ленинград: Просвещение, 1979. — С. 153—164.
268. Инфантьев Б., Лосев А. Литературное краеведение // Там же. — С. 182—190.
269. Инфантьев Б. И. А. Крылов в Риге // Межнациональные литературные связи. — Рига: Латвийский Государственный Университет, 1979. — С. 62—80.

270. Infantjevs B. Lingafona kabinets — krievu valodas mācīšanai // Skola un Ģimene. — 1979. — Nr. 1. — 8.—9. lpp.
271. Инфантьев Б., Лосев А. Образовательные и воспитательные аспекты школьного телевидения // Русский язык в национальной школе. — 1979. — № 2. — С. 8—9.
272. Инфантьев Б., Лосев А. Использование магнитофонов на уроках // Русский язык в национальной школе. — 1979. — № 3. — С. 6—13.
273. Infantjevs B. Drošs pamats [E. Beikmanei 75 dzimšanas diena] // Skolotāju Avīze. — 1979. — 31. janvāris.
274. Infantjevs B. Dažādos krievu valodas un literatūras nodarbības // Skolotāju Avīze. — 1979. — 4. aprīlis.
275. Infantjevs B. Ieguldījums metodikas pilnveidošanā // Skolotāju Avīze. — 1979. — 18. jūlijs.

1980

276. Infantjevs B. Krievu valoda — starpnāciju sazināšanas līdzeklis // Kalendārs vecākiem uz 1981. gadu. — Rīga: Zvaigzne, 1980. — 44.—46. lpp.
277. Инфантьев Б. Некоторые результаты исследования качества знаний по русскому языку в IV—X классах с латышским языком обучения // Skolēnu zināšanu analīze. — Rīga: Zvaigzne, 1980. — 123.—136. lpp.
278. Лосев А., Инфантьев Б. Некоторые воспитательные аспекты школьного изучения русско-латышских литературных связей // Aktuālas skolēnu komunistiskās audzināšanas problēmas. — Rīga: Avots, 1980. — С. 73—88.
279. Инфантьев Б. Отражение в учебниках сопоставления русского и родного языков // Методы и формы обучения русскому языку в национальной школе. — Вильнюс: МП ЛитССР, 1980. — С. 85—88.
280. Инфантьев Б. Русский язык в Остзейском крае до XVIII века // Acta Baltico-Slavica. — 1980. — Nr. 13. — S. 85 — 109.
281. Citoviča V., Infantjevs B. Dažas krievu valodas mācīšanas problēmas latviešu skolu pamatskolas klasēs // Skolotāju Avīze. — 1980. — 16. janvāris.
282. Infantjevs B. Balsts uz dzimto valodu [par krievu un latviešu valodas gramatikas un leksikas materiāla salīdzināšanu krievu valodas mācību stundās] // Skolotāju Avīze. — 1980. — 19. marts.
283. Infantjevs B. Izmantotim pieredzi // Skolotāju Avīze. — 1980. — 13. augusts.
284. Лосев А., Икауникс А. По главной сути воспитатель (зап. Б. Инфантьев) // Учительская газета. — 1980. — 24 мая.

1981

285. Gaidarova L., Infantjevs B. Krievu valoda — starpnācionalās sazināšanas līdzeklis [palīgs lektoram]. — Rīga: LPSR Zinību biedrība, 1981. — 37. lpp.
286. Глазунова Г., Инфантьев Б., Малькова В., Марауска Л., Русская речь. Учебник для VII класса с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1981. — 237 с.

287. Инфантьев Б. Рационализация лексико-грамматического содержания при обучении русскому языку, последовательность введения материала и рациональные формы его презентации // Научные основы учебника русского языка (для школ с латышским языком обучения). — Рига: МП ЛССР, 1981. — С. 15—47.
288. Бейкмане Э., Инфантьев Б. Комплект учебных и методических пособий по русскому языку для IV—VIII классов // Там же. — С. 136—166.
289. Инфантьев Б., Лосев А. Спецкурс “Взаимосвязи русской и других национальных литератур” // Факультативные курсы по русской литературе в национальной школе. — Ленинград: Просвещение, 1981. — С. 7—50.
290. Инфантьев Б., Лосев А. Взаимосвязи русской и других национальных литератур // Типовые программы факультативных курсов по русскому языку и литературе для VIII—X классов национальных школ. — Ленинград: Просвещение, 1981. — С. 26—34, 39—42, 60—66.
291. Инфантьев Б. Повышение эффективности методической системы обучения русскому языку и литературе в школах с латышским языком обучения. — Ташкент: МП УзССР, 1981.
292. Инфантьев Б. Использование двуязычных словарей на уроке и при выполнении домашних заданий // Словарная работа по русскому языку в школах с латышским языком обучения. — Рига: Авотс, 1981. — С. 51—62.
293. Вихарева Л., Инфантьев Б. По единой программе // Русский язык в национальной школе. — 1981. — № 5. — С. 32—36

1982

294. Садовский Я., Инфантьев Б., Лосев А. Методика факультативных занятий по русской литературе в классах национальной школы. — Ленинград: Просвещение, 1982. — 110 с.
Рес. Воловникова Г. Пути углубленного изучения русской литературы // Русский язык в национальной школе. — 1983. — № 3. — С. 82—85.
295. Глазунова Г., Инфантьев Б., Францман Е. Русское слово. VIII класс. — Рига: Звайгзне, 1982. — 138 с.
296. Инфантьев Б., Малькова В., Глазунова Г. Книга для чтения. VIII класс. — Рига: Звайгзне, 1982. — 190 с.
297. Инфантьев Б., Лосев А. Юрий Николаевич Тынянов. Библиография. — Резекне: 1982. — 10 с.
298. Инфантьев Б. Сопоставление русского языка с латышским при изучении лексики, грамматики, орфографии русского языка // Актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы. — Рига: Звайгзне, 1982. — С. 147—179.
299. Инфантьев Б. Вопросы литературного развития учащихся III и IV классов национальной школы // Актуальные вопросы преподавания русской литературы в национальной школе. — Москва, 1982. — С. 56—57.

300. Инфантьев Б. Цели и задачи преподавания в старших классах средней школы // Методика преподавания русского языка в IX—XI классах с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1982. — С. 5—7.
301. Инфантьев Б. Обзор действующего учебно-методического комплекта // Там же. — с.8 — 25.
302. Гайдарова Л., Инфантьев Б. Система словарной работы // Там же. — С. 48—65.
303. Инфантьев Б. Изучение грамматики // Там же. — С. 66—78.
304. Инфантьев Б. Тренировочные упражнения // Там же. — С. 102—114.
305. Инфантьев Б. Индивидуализация в обучении // Там же. — С.131—138.
306. Вихарева Л., Инфантьев Б. Классы с углубленным изучением русского языка и литературы // Там же. — С. 216—223.
307. Инфантьев Б., Щербук Т., Глазунова Г. Активизация обучения русскому языку в IV—XI классах как средство повышения качества знаний учащихся // Skolēnu zināšanu kvalitātes paaugstināšana. — Rīga: Zvaigzne, 1982. — С. 42—52.
308. Инфантьев Б., Лосев А. Формирование интернационалистических убеждений у старшеклассников при изучении русского языка и литературы // Актуальные проблемы формирования личности в теории и практике коммунистического воспитания. — Рига: МП ЛССР, 1982. — С. 32—35.
309. Инфантьев Б., Лосев А. Формирование интернационалистических убеждений у старшеклассников при изучении русского языка и литературы // Personības veidošanas aktuālās problēmas komunistiskās audzināšanas teorijā un praksē. — Rīga: LPSR IM, 1982. — С. 32—34.
310. Infantjevs B. Pedagoģes un metodikē veikums [Н. Francmanes jubileja] // Skolotāju Avīze. — 1982. — 28. aprīlis.
311. Инфантьев Б. Единство социалистической культуры // Учительская газета. — 1982. — 31 июня.
312. Инфантьев Б., Лосев А. Связь крепкая, нерушимая // Знамя труда. — 1982. — 29 мая.

1983

313. Инфантьев Б., Лосев А. Методика преподавания русского языка в IX—XI классах вечерних и заочных средних общеобразовательных школ с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1983. — 76 с.
314. Инфантьев Б. Лексико-грамматические материалы по русскому языку в IX—XI классах с латышским языком преподавания. — Рига: МП ЛССР, 1983. — 75 с.
315. Инфантьев Б. Сопоставительный перечень многозначных слов латышского языка, переводимых на русский язык разными словами. — Рига: МП ЛССР, 1983. — 44 с.
316. Инфантьев Б., Лосев А. Сборник упражнений по русскому языку. Для IX—XI классов вечерних (сменных) и заочных средних школ. — Рига: Звайгзне, 1983. — 208 с.

317. Инфантьев Б. Опыт разработки теоретических основ учебника по русскому языку для латышских школ // Методы исследования в педагогике. Проблемы методики преподавания и успеваемости. — Таллин: МП ЭССР, 1983. — С. 36—50.
318. Инфантьев Б. Развитие содержания и методов преподавания русского языка и литературы в школе с латышским языком обучения // Humanitārā cikla mācību priekšmetu saturu un metožu attīstība. — Rīga: LPSR IM, 1983. — 99.—110. lpp.
319. Инфантьев Б. Ситуативно — коммуникативные упражнения в системе обучения русскому языку // Развитие русской речи учащихся школ с латышским языком обучения. — Рига: Звайгзне, 1983. — с.46 — 63.
320. Infantjevs B. Sekmēsim krievu valodas apguvi // Skola un Ģimene. — 1983. — Nr. 6. — 9. lpp.
321. Инфантьев Б. Отбор и введение учебного материала // Русский язык в национальной школе. — 1983. — № 5. — С. 32—36.
322. Инфантьев Б. Латышско — славянские литературные связи // Вопросы литературы. — 1983. — № 9. — С. 207—214. (Rec. par “Latviešu slāvu literatūras un mākslas sakari”. — Rīga: Zinātne, 1982. — 199. lpp.)
323. Infantjevs B. Stundas vada studenti // Skolotāju Avīze. — 1983. — 7.septembris.
324. Инфантьев Б., Лосев А. Латвийские страницы писателя [А. Н. Толстого] // Советская Латвия. — 1983. — 9 января.
325. Инфантьев Б. Вечно живой [к 90-летию В. Маяковского] // Советская Латвия. — 1983. — 19 июля.

1984

326. Инфантьев Б., Глазунова Г. Справочник по русскому языку. — Рига: Звайгзне, 1984. — 254 с. (Тираж 20 000 экземпляров!)
327. Infantjevs B. Krišjānis Barons un krievu zinātne // Народное песенное наследие и современность. — Рига: Зинатне, 1984. — С. 40—56.
328. Infantjevs B. Latviešu tautasdziesma un krievu sabiedrība // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. — 1984. — Nr. 3. — 13.—23. lpp.
329. Инфантьев Б., Калинина Л. Содержание и методы изучения темы “Русский язык — язык межнационального общения” // Интернациональное воспитание на уроках языка и литературы. — Рига: Звайгзне, 1984. — С. 12—36.
330. Инфантьев Б. Содержание и формы трудового воспитания на уроках русского языка и литературы // Совершенствование обучения и воспитания на уроках русского языка и литературы. — Рига: Звайгзне, 1984. — С. 27—32.
331. Инфантьев Б., Лосев А. Гоголевское притяжение // Даугава. — 1984. — № 4. — С.109—114.
332. [Инфантьев Б.] Требования к уроку русского языка и литературы в IV—XI классах школ с латышским языком обучения. — Рига: МП ЛССР, 1984. — 22 с.
333. Infantjevs B., Losevs A. Audzināt pilsoni // Cīņa. — 1984. — 1. marts.

334. Инфантьев Б., Лосев А. В былинах воспетая дружба. Братство народов — братство культур // За Родину. — 1984. — 15 мая.

1985

335. Инфантьев Б. Отбор и презентация лексико — грамматического материала в курсе русского языка национальной школы. Автореферат диссертации доктора педагогических наук. — Москва: НИИПРЯНШ АПН СССР, 1985. — 30 с.
336. Инфантьев Б. Сопоставительный перечень многозначных слов русского языка, переводимых на латышский язык разными словами. — Рига: МП ЛССР, 1985. — 45 с.
337. Инфантьев Б. Сопоставительный перечень русских и латышских предлогов. — Рига: МП ЛССР, 1985. — 14 с.
338. Infantjevs B. N. Ņekrasova dzejoļa “Pārdomas pie parādes durvīm” fragments “Vienu vienīgu vietu man rādi” un tā latviskie folkloras varianti // Tautas mutvārdu daiļrade skolā. — Rīga: Zvaigzne, 1985. — 85.—95. lpp.
339. Infantjevs B., Losevs A. Internacionalistiskās pārliecības veidošana, mācot krievu valodu un literatūru // Skolēnu personības veidošanas aktuālās problēmas. — Rīga: Zvaigzne, 1985. — 39.—59. lpp.
340. Инфантьев Б. Ситуативно-коммуникативные упражнения как важный элемент изучения грамматики // Совершенствование содержания и методики обучения русскому языку в школах с латышским языком обучения. — Рига: МП ЛССР, 1985. — С. 62—79.
341. Инфантьев Б., Лосев А. И звучат по-русски дайны // Слово в нашей речи. — Рига: Авотс, 1985. — С. 7—33.

1986

342. Инфантьев Б. Латвия в стихах современных русских поэтов. — Рига: МП ЛССР, 1986. — 71 с.
343. Инфантьев Б. Уроки русского языка // Урок русского языка и литературы в национальной школе. — Ленинград: Просвещение, 1986. — С. 43—151.
344. Infantjevs B. Friča Brīvēznieka folkloristiskā darbība // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. — 1986. — Nr. 10. — 36.—48. lpp.
345. Инфантьев Б. Межпредметные связи курса русского языка // Русский язык в национальной школе. — 1986. — № 7. — С. 18—23.
346. Infantjevs B. Kādai jābūt labai stundai // Skolotāju Avīze. — 1986. — 16. aprīlis.
347. Infantjevs B. Jaunā programma krievu valodā // Skolotāju Avīze. — 1986. — 9. jūlijs.

1987

348. Инфантьев Б., Лосев А. Сопоставительный анализ переводов произведений русской литературы. Для IX—XI классов. — Рига: Звайгзне, 1987, 1990. — 199 с. (Общий тираж 4 500 экземпляров!)

349. Инфантьев Б. Лингводидактические аспекты языкового взаимодействия в школе // Формирование интернационалистской зрелости учащейся молодежи в свете решений XXVII съезда КПСС. — Рига: [б.и.], 1987. — С. 8—10.
350. Инфантьев Б. Основные тенденции в развитии содержания обучения русскому языку в школах с латышским языком обучения // Mācību un audzināšanas satura attīstības galvenās tendences Latvijas PSR vispārīgltītojošā skolā. — Rīga: LPSR IM, 1987. — 90.—106. lpp.
351. Infantjevs B. Mūdienu pētnieki vienprātīgi atzīst... [par divvalodību] // Skola un Ģimene. — 1987. — Nr. 8. — 8. lpp.
352. Вихарева Л., Инфантьев Б. В школах Латвии // Русский язык в национальной школе. — 1987. — № 2. — С. 3—6.
353. Инфантьев Б. Профессиональная ориентация в классах с углубленным изучением русского языка и литературы // Русский язык в национальной школе. — 1987. — № 5. — С. 15—18.
354. Vihareva L., Infantjevs B. Galvenais — mācību motīvi un spēju izkopšana // Skolotāju Avīze. — 1987. — 4. aprīlis.
355. Vihareva L., Infantjevs B. Ar nogaidošu attieksmi [vēlreiz par krievu valodas mācīšanu pēc jaunajām programmām latviešu mācīvalodas skolās] // Skolotāju Avīze. — 1987. — 5. decembris.

1988

356. Инфантьев Б., Лосев А. Русско-латышская языковая и историческая общность как объект школьного обучения // Опора на родной язык учащихся в обучении русскому языку. — Рига: МП ЛССР, 1988. — С. 6—35.
357. Infantjevs B., Raita E., Citoviča V. Valodas mācīšanas pilnveidei // Skolotāju Avīze. — 1988. — 16.novembris.

1989

358. Даунене З., Матвиевская Л., Александрова О., Андриянова В., Задорожная Н., Инфантьев Б., Микаэлян Г., Нефедова Р., Успенский М. Углубленное изучение русского языка в национальной школе. — Ленинград: Просвещение, 1989. — 237 с.
359. Инфантьев Б. Белые пятна в “латышских” сюжетах биографии русских писателей (Крылов, Пушкин, Горький, Маяковский) // Историко-литературный процесс. Методологические аспекты. IV Проблемы литературных взаимоотношений. — Рига: Латвийский Государственный Университет, 1989. — С. 13—15.
360. Infantjevs B., Losevs A. Puškins un Baltija // Horizonts. — 1989. — Nr. 6. — 8.—12. lpp.
361. Инфантьев Б., Лосев А. Пушкин и Прибалтика // Горизонт. — 1989. — № 6. — С. 8—12.
362. Инфантьев Б. Борьба латышей за права и реальные возможности изучать русский язык // Слово. — 1989. — № 1. — С. 46—51.

363. Beikmane E., Francmane H., Citoviča V., Maraуска L., Infantjevs B. Olga Barisa 1902 — 1989 // Skolotāju Avīze. — 1989. — 7. jūnijs.

1990

364. Infantjevs B., Лукаш А., Смелкова З., Тесемницына М. Современный урок русского языка и литературы. — Ленинград: Просвещение, 1990. — 239с.
365. Infantjevs B. Atmiņas par B. Brežģo // Profesors Boleslavs Brežģo. — Rīga: LU, 1990. — 43.—47. lpp.
366. Infantjevs B. Стихи Н. Некрасова и его современников в записях латышского фольклора // Методология и методика историко — литературного исследования. — Рига: Латвийский Государственный Университет, 1990. — С. 153—154.
367. Infantjevs B. Судьба Леона и Эмилии Плятеров в изображении латышского фольклора и творчества Райниса // Acta Baltico-Slavica. — 1990. — Nr. 19. — S. 297 — 309.
368. Infantjevs B. Судьбы сплетенные // Советская Латвия. — 1990. — 6 сентября.
369. Infantjevs B. Запечатленные для потомков. Латышские народные песни дошли до нас при участии русских просветителей [обзор переводов на русский язык] // Советская Латвия. — 1990. — 10 октября.
370. Infantjevs B. Die Beziehungen von Krišjānis Barons zu den wissenschaftlichen gesellschaften in Moskau und Petersburg // Symposium Balticum. A Festschrift to honour Professor Velta Rūķe-Draviņa. — Hamburg, 1990. — S. 155—159.

1991

371. Infantjevs B. Antons Laimiņš // Pedagoģiskā doma Latvijā līdz 1890. gadam. — Rīga: Zvaigzne, 1991. — 156.—157. lpp.
372. Infantjevs B. Andrejs Sterste // Turpat. — 185.—187. lpp.
373. Infantjevs B. Jēkabs Dravnieks // Turpat. — 192.— 94. lpp.
374. Infantjevs B. Русские в Латвии // Ладья. — 1991. — № 5. — С. 5.

1992

375. Infantjevs B., Лосев А. Единое пространство культуры. — Рига: Министрство образования ЛР, 1992. — 92 с.
376. Infantjevs B., Лосев А. Программа курса “Русско — латышские литературные связи” // Программы курсов по литературе для групп с профильным обучением. — Рига: Министерство образования ЛР, 1992. — С. 4—36.
377. Плинер Я., Infantjevs B., Лосев А. Время, школа, диалог культур // Образование. — 1992. — № 13. — С. 8—9.

1993

378. Infantjevs B., Лосев А. Программа профильного курса по литературе “Русско-латышские литературные связи. XX век”. — Рига: Министерство образования ЛР, 1993. — 54 с.

379. Infantjevs B. Pirmais latvieša sagatavotais tautasdziesmu krājums un tā autors Jānis Sproģis // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. — 1993. — Nr. 10. — 11.—14. lpp.

380. Infantjevs B. Латышская карта в XIX веке // Балтийская газета. — 1993. — 12 ноября.

1994

381. Infantjevs B., Лосев А. Латвия в судьбе и творчестве русских писателей. — Рига: Звайгзне, 1994, 1996. — 316 с.
- Rec. Skurbe A. Kultūrtilts // Izglītība un Kultūra. — 1995. — 9. februāris.
- Бергмане И. Латвия в судьбе и творчестве... // Даугава. — 1995. — № 4. — С. 84—87.
- Ивлев Дм. В соавторстве с Латвией // Балтийская газета. — 1995. — 13 января.
- Журавлев С. Вдохновение черпая в диалоге культур // Диена. — 1995. — 29 марта.
- Кабанов Н. Русские строки о Прибалтийском крае // СМ-сегодня. — 1995. — 7 января.
- Коваль Л. “Чтобы времен бескровных стать предтечей...” // Диена. — 1995. — 29 марта.
- Плинер Я. Завидую моим ученикам // СМ-сегодня. — 1995. — 16 марта.
- Шор Т. Диалог двух культур // Радуга. — 1998. — № 1. — С. 98—102.
382. Infantjevs B. Indriķis Ritiņš // Pedagoģiskā doma Latvijā no 1890 līdz 1940. — Rīga: Zvaigzne, 1994. — 71.—73. lpp.
383. Infantjevs B. Antons Birkerts // Turpat. — 129.—130. lpp.
384. Infantjevs B. Krišs Melnalksnis // Turpat. — 138.—139. lpp.
385. Infantjevs B. Andrejs Vičs // Turpat. — 170.—171. lpp.
386. Infantjevs B. Ludvigs Adamovičs // Turpat. — 206.—207. lpp.
387. Infantjevs B. Slāvu mitoloģija // Mitoloģijas enciklopēdija. — Rīga: Latvijas Enciklopēdija, 1994. — 2.sēj. — 325.—337. lpp.
388. Infantjevs B. Восточнославянская мифология в свете латышского фольклора // Acta Baltico-Slavica. — 1994. — Nr. 22. — S. 14—58.
389. Infantjevs B. Латыши в борьбе за русский язык [о русификации Латвии в 70—80-е гг. XIX в.] // Голос. — 1994. — № 2. — С. 14—21.
390. Infantjevs B. Русские волны: раз, два, три... [переселение русских в Латвию] // Голос. — 1994. — № 3. — С. 17—19.

1996

391. Infantjevs B. Русский и поляк в латышских дайнах // Acta Baltico-Slavica. — 1996. — Nr. 23. — S. 155—201.
392. Aicinājums Valsts prezidentam G. Ulmanim [arī B. Infantjevs] // Neatkarīgā Rīta Avīze. — 1996. — 29. februāris.

1997

393. Инфантьев Б. Пособие по древнерусскому языку — Рига: ЛКА, 1997. — 62 с.
394. Инфантьев Б. Пособие по латинскому языку для студентов — юристов. — Рига: БРИ, 1997. — 62 с.
395. Инфантьев Б. Латгальские староверы в видении латышских писателей // Русские Прибалтики: механизмы культурной интеграции (до 1940 г.). — Вильнюс: РКЦ, 1997. — С. 75—88.
396. Инфантьев Б. Православие в латышском фольклоре и литературе. I. Фольклор. II. “Большая” художественная литература. III. Конфессиональная художественная литература // Православие в Латвии. — Рига: Благовест, 1997. — Вып. 2. — С. 39—94.
397. Инфантьев Б. Образ русского в латышском фольклоре // Русские в Латвии. — Рига: Веди, 1997. — Вып. 2. — С. 74—105.
398. Инфантьев Б. Русский язык и литература в латышских школах 20—30-х годов // Там же. — С. 106—116.
399. Инфантьев Б. Русичи на земле латышей. Долифонский период // Сборник научных трудов БРИ — № 3. — Рига: БРИ, 1997. — С. 90—136.
400. Infantjevs B. Eduarda Voltera latgaliešu tautasdziesmu krājums // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. — 1997. — Nr. 1/2. — 16.—21. lpp.
401. Инфантьев Б. Странички воспоминаний об Иване Никифоровиче Заволоко // Староверь. — 1997. — № 11. — С. 16—34.
402. Инфантьев Б. Русский язык и литература в латышской школе 1920—1930-х годов // Даугава. — 1997. — № 3. — С. 111—122.
403. Инфантьев Б. Экзамен на морально-культурную добропорядочность // Диена. — 1997. — 14 февраля.
404. Инфантьев Б. Все мы здесь коренные [о балто-славянской общности] // СМ. — 1997. — 24 марта.
405. Инфантьев Б. Все мы здесь коренные [о балто-славянской общности] // Русское слово. — 1997. — 1 декабря.
406. Инфантьев Б. Диссертации пишут девятиклассники // Диена. — 1997. — 14 июля.
407. Инфантьев Б. На круги своя. Можно ли Латвию 30-х брать за образец [в преподавании русского языка и литературы] // Русская газета. — 1997. — 29 ноября.
408. Николаев С. Ревнитель русской старины [И. Заволоко] (Использованы материалы Б. Инфантьева) // Час. — 1997. — 15 декабря.

1998

409. Infantjevs B. Edīte Beikmane // Pedagoģiskā doma Latvijā no 1940 līdz mūsu dienām. — Rīga: Puse, 1998. — 51.—53. lpp.
410. Infantjevs B. Helēna Francmane // Turpat. — 100.—102. lpp.
411. Infantjevs B. Vera Citoviča // Turpat. — 167.—169. lpp.
412. Инфантьев Б. Странички воспоминаний об Иване Никифоровиче Заволоко // Даугава. — 1998. — № 4. — С. 105—145.

413. Инфантьев Б. Твой товар хитренный // Русская газета. — 1998. — 21 февраля.
414. Инфантьев Б. Первая русская церковь в Риге. Православие имеет в Латвии глубокие корни // Русская газета. — 1998. — 28 февраля.
415. Коваль Л., Плинер Я., Странга А., Инфантьев Б., Аншелевич Ю. Памятник жертвам Холокоста // Час. — 1999. — 8 января.

1999

416. Инфантьев Б., Лосев А. Обращенные к Латвии строки. — Rīga: Zvaigzne ABC, 1999. — 254 с.
Рес. Есина И. Обращенные к Латвии строки // Панорама Латвии. — 1999. — 7 июля.
Журавлев С. Обращенные к Латвии строки // Русское слово. — 1999. — 5 августа.
Ковальчук С. С Лифляндией связующая нить // Даугава. — 2000. — № 1. — С. 149—151.
Шереметьев А. Василий Теркин из Юрмалы // Наше время. — 1999. — 16 мая.
417. Infantjevs B. Ko es atceros par Jāni Endzelīnu // Jānis Endzelīns atmiņās, pārdomās, vēstulēs. — Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 1999. — 104.—106. lpp.
418. Инфантьев Б. Иван Заволоко — фольклорист // Памяти Ивана Никифоровича Заволоко. — Рига: Рижская Гребенщиковская старообрядческая община, 1999. — С. 122—131.
419. Инфантьев Б. Мария Фоминична Семенова // Рижская городская русская гимназия. — Рига: [b. i.], 1999. — С. 159—162.
420. Инфантьев Б. Стихи русских поэтов в Латвийском фольклоре // Даугава. — 1999. — № 1. — С. 13—20.
421. Инфантьев Б. Латвийские староверы в творчестве латышских прозаиков // Acta Baltico-Slavica. — 1999. — Nr. 24. — S. 65—84.
Рес. Кабанов Н. Литература развеивает “мононациональные” мифы [о статье Б. Инфантьева “Латвийские староверы в творчестве латышских прозаиков”] // Вести сегодня. — 2000. — 2 мая.
Старообрядческое общество Латвии. Латгальские староверы... Как их видят латышские писатели // Поморский вестник. — 2000. — № 6. — С. 20—21.
422. Infantjevs B. Der Kampf der Letten um ihre Muttersprache und ihre Identität in den 60 bis 90er Jahren des 19 Jahrhunderts // Literatur und nationale Identität. II. — Tampere, 1999. — S. 189—200.
423. Infantjevs B. Die Rolle von Ludwig Heerwagens Lesebuch “Skolas maize” bei der Entstehung und Festigung einer lettischen Identität // Ibidem. — S. 267—283.

2000

424. Infantjevs B. Mazpazīstamas epizodes Kr. Valdemāra dzīvē // Letonica. — 2000. — Nr. 1. — 146.—152. lpp.

425. Инфантьев Б. Curriculum vitae [в Латвийском Университете в 1940 — 1943 гг.] // Даугава. — 2000. — № 3. — С. 99—118.

2001

426. Infantjevs B. Laikmeta vējos, likteņa aizvējā // Rīga — 800. Gadagrāmata — 2000. — Rīga: Latvijas Kultūras fonds, 2001. — 105.—111. lpp.

427. Инфантьев Б. Янис Лицис, его “Записки православного латыша” и “Летопись Адеркашской церкви” // Православие в Латвии. — Рига: Филокалия, 2001. — Вып. 3. — С. 7—66.

428. Инфантьев Б., Михайлов И. Общее, сходное и различное в русских и латышских народных песнях. I. Мотив коня, извещающего родных о гибели воина // Acta Baltiko-Slavica. — 2000. — Nr. 25. — S. 151—178.

429. Инфантьев Б. Образ русских в сознании стендских латышей // Даугава. — 2001. — № 1/2. — С. 142—146.

430. Инфантьев Б. У колыбели?... В сени?... На обочине?... легиона // Даугава. — 2001. — № 5. — С. 103—125.

431. Инфантьев Б. Образ Петра Великого в латышских преданиях и побывальщинах // Исторический вестник (Приложение к газете “Образование и карьера”). — 2001. — № 3. — 12—25 сентября.

432. Инфантьев Б. Моя жизнь // Образование и карьера. — 2001. — 12—25 сентября.

2002

433. Infantjevs B. Divas tikšanās ar Kārli Draviņu // Letonica. — 2002. — Nr. 8. — 183.—189. lpp.

434. Инфантьев Б. Русские писатели о рижских и латгальских староверах // Русские в Латвии: из истории и культуры староверия. — Рига: Веди, 2002. — Вып. 3. — С. 315—328.

435. Инфантьев Б. Латвийские староверы в творчестве латышских прозаиков // Там же. — С. 329—358.

436. Инфантьев Б. Библиография латвийского староверия // Там же. — С. 364—376.

437. Инфантьев Б., Круповича Э. “Выбор жениха” в народных песнях латышей, белорусов, русских, поляков // Acta Baltiko-Slavica. — 2001/2002. — Nr. 26. — S. 85—99.

438. Инфантьев Б. Образ Латвии 20—30-х гг. в творчестве русских зарубежных писателей // Диаспоры. — 2002. — № 3. — С. 28—45.

439. Инфантьев Б. Переводчики, иллюстраторы и издатели Пушкина — латышские легионеры // Даугава. — 2002. — № 3. — С. 85—87.

2003

440. Infantjevs B. Ticības mācības pasniegšana Latvijas skolās Pirmās Republikas laikā // Материалы Первой международной конференции “Церковь и школа” 17 мая 2002 года. — Рига: Издание Синода Латвийской Православной Церкви, 2003. — С. 88—90.

441. Инфантьев Б. Преподавание Закона Божия в школах Латвии в годы Первой Республики // Там же. — С. 25—27.

442. Инфантьев Б., Ремерте А., Берзиня А. Упавший с дуба комарик, ссора воробья и совы в детских народных песнях латышей, литовцев, русских, белорусов и поляков // Acta Baltiko-Slavica. — 2003. — Nr. 27. — S. 137—152.

443. Инфантьев Б. Новое учебное пособие // Даугава. — 2003. — № 6. — С. 153—156.

444. Инфантьев Б. Иван Дмитриевич Фридрих (1902 — 1975). Выдающийся собиратель русского фольклора // Поморский вестник. — 2003. — № 1 (10). — Февраль—март. — С. 19—21.

445. Инфантьев Б. Не отмеченный русскими юбилей пастора Эрнеста Глюка // там же. — с. 21 — 22.

446. Инфантьев Б. Образ Петра Великого в латышских народных легендах, преданиях, побывальщинах // Klio. — 2003. — № 2. — С. 6—7.

447. Инфантьев Б. Героический подвиг издателей журнала // Klio. — 2003. — № 4. — С. 1—2.

448. Инфантьев Б. Русичи на земле Балтии // Klio. — 2003. — № 5. — С. 2—3.

449. Инфантьев Б. Русичи на земле Балтии // Klio. — 2003. — № 6. — С. 4—5.

450. Инфантьев Б. Русичи на земле Балтии // Klio. — 2003. — № 7. — С. 2—3.

451. Инфантьев Б. Образ Петра Великого в латышских народных легендах, преданиях, побывальщинах // Суббота. — 2003. — № 46 (489).

2004

452. Infantjevs B. Latviešu padomju folklorā, tās krāšanas metodes // Letonica. — 2004. — Nr. 11. — 201.—208. lpp.

453. Инфантьев Б. Грамоты полоцких Владык как источник сведений о православных священниках в Риге на протяжении XV и первой трети XVI веков // Православие в Латвии. — Рига: Филокалия, 2004. — Вып. 4. — С. 7—24.

454. Инфантьев Б. Памяти собирателя русского народного творчества в Латвии // Балто-славянские исследования XVI. — Москва: Индрик, 2004. — С. 446—460.

455. Инфантьев Б. Гений Пушкина преодолевает все преграды // Латвийский листок в венке славы А. С. Пушкина. — Рига: Улей, [б.г.] с. 54 — 56.

456. Инфантьев Б., Пантеле Г. “Дары пана” и “Похождения козлика” в балтийских и славянских песнях // Acta Baltiko-Slavica. — 2004. — Nr. 28. — S. 199—230.

457. Инфантьев Б. Русичи на земле Балтии // Klio. — 2004. — № 8. — С. 4—5.

458. Инфантьев Б. Русичи на земле Балтии // Klio. — 2004. — № 9. — С. 10—11.

459. Инфантьев Б. Русичи на земле Балтии // Klio. — 2004. — № 10. — С. 2—3.

460. Инфантьев Б. Русичи на земле Балтии // Klio. — 2004. — № 12. — С. 2—3.

461. Инфантьев Б. Происшествие в литературе // Поморский вестник. — 2004. — № 2 (14). — Апрель—июль. — С. 38—39. (Rec. par Bankovskis P. Секреты. — Rīga: Valters un Rapa, 2003.)

462. Георгий Петрович Гербаненко (1875—1948). — Зап. С. Видякиной по воспоминаниям Д. И. Анохина и Б. Ф. Инфантьева // Покровское кладбище: слава и забвение. — Рига: Multi Centrs, 2004. — С. 187—188.
463. Инфантьев Б. Как мы собирали и исследовали латышский фольклор // Даугава. — 2004. — № 5. — С. 115—125.
464. Инфантьев Б., Лосев А. Латгальские истоки Юрия Тынянова // Тыняновский сборник. В год 110-летия писателя-соотечественника, уроженца города Резекне. — Рига: Русский культурный центр — русский клуб “Улей”, 2004. — С. 1—5.
465. Инфантьев Б. Различия в дохристианских воззрениях латышей и восточных славян // Альманах гуманитарного семинара Русский Мир и Латвия: прошлое-настоящее-будущее. — Рига: Издание гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2004. — С. 47—56.
466. Инфантьев Б. Мечта об идеальном государстве в латышской литературе // <http://shn.eclub.lv/14/ideal.htm>

2005

467. Инфантьев Б. Проект изучения латвийского староверия // Староверие Латвии. — Рига: Стаообрядческое общество Латвии, 2005. — С. 40—46.
468. Инфантьев Б. Юрию Тынянову — 110! // Поморский вестник. — 2005. — № 1 (16). — Январь—апрель. — С. 46.

2006

470. Infantjevs B. Latvijas vecticībnieki latviešu rakstnieku tēlojumā // Modernitāte: filosofija, kristīgās vērtības, mutvārdu vēsture Latvijā. — Рига: LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2006. — 415.—422. lpp.
471. Infantjevs B. Folklorists Jānis Alberts Jansons mūsu atmiņās // Kentaurs. — 2006. — Nr. 39. — 35.—40. lpp.
472. Infantjevs B. Latviešu rakstniece jūsmo par pareizticību // Виноградная лоза. — 2006. — Nr. 4 (95).
473. Инфантьев Б. Православие в произведениях инославных (лютеран и католиков) латышских писателей // Православие в Латвии. — Рига: Филокалия, 2006. — Вып. 5. — С. 9—24.
474. Инфантьев Б. На пути к энциклопедии латвийского православия // Даугава. — 2006. — № 2. — С. 149—151.
475. Инфантьев Б. ДРАНГ НАХ ВЕСТЕН. Участие русичей в становлении Ливонского государства // Альманах гуманитарного семинара Русский Мир и Латвия: диалог культур. — Рига: Издание гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2006. — С. 45—46.
476. Инфантьев Б. Латыши помнят русских властителей // Там же. — С. 46—48.
477. Инфантьев Б. Русские в оккупированной гитлеровцами Латвии // Альманах гуманитарного семинара Русский Мир и Латвия: проблемы участия в европейском проекте. — Рига: Издание гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2006. — С. 45—50.

478. Инфантьев Б. Кришьян Вальдемар и остзейский вопрос // Там же. — С. 50—57.
479. Инфантьев Б. Три недели с парнями Арайса // Альманах гуманитарного семинара Русский Мир и Латвия: от истоков к современности. — Рига: Издание гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2006. — С. 66—71.
480. Инфантьев Б. Политический анекдот — мощный фактор интеграции // Альманах гуманитарного семинара Русский Мир и Латвия: социальная мифология. — Рига: Издание гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2006. — С. 49—52.
481. Инфантьев Б. Из архивной папки “Юрий Иванович Абызов” // Там же — С. 127—128.
482. Отзыв Б.Инфантьева на статью П.Тюрина и М.Тюрина “Об истории просхождения красно-бело-красного флага” // Там же — С. 134—135.
483. Инфантьев Б. Не дадим наши китежам кануть в лету! // Поморский вестник. — 2006. — № 19. — Январь—июнь. — С. 65.

2007

484. Инфантьев Б. Профессор Ирида Грек-Пабисова. Странички воспоминаний // Acta Baltico-Slavica. — 2007. — Nr. 31. — S. 21—23.
485. Инфантьев Б. Кто же такой Криве? // Православие в Латвии. — Рига: Филокалия, 2007. — Вып. 6. — С. 7—10.
486. Инфантьев Б. Через тернии к звездам // Альманах гуманитарного семинара Русский Мир и Латвия: Утопия и проект рефлексия мифологического сознания. — Рига: Издание гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2007. — С. 61—69.
487. Инфантьев Б. Хожение по верам // Альманах Русский Мир и Латвия: Феномен языка и право IX. — Рига: Издание гуманитарного семинара SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS, 2007. — С. 74—69.
488. Инфантьев Б. Мечта об идеальном государстве в латышской литературе // там же — С. 115—116.

Borisa Infantjeva rediģētie un sastādītie darbi

Редактированные и составленные

Борисом Инфантьевым труды

1. Вопросы преподавания русского языка и литературы / Сост. И. Элсберг, Б. Инфантьев. — Рига: Звайгзне, 1974. — 256 с.
2. Научные основы учебников русского языка (для школ с латышским языком обучения) / Под. ред. М. Семеновой, Б. Инфантьева, Г. Глазуновой. — Рига: МП ЛССР, 1981. — 167 с.
3. Методика преподавания русского языка в IX—XI классах с латышским языком обучения / Сост. Б. Инфантьев. — Рига: Звайгзне, 1982. — 296 с.

4. Русские в Латвии: история и современность / Науч. ред. Б. Ф. Инфантьев. — Рига: Лад, 1992. — Вып. 1. — 80 с.
5. Русские в Латвии: история и современность / Науч. ред. Б. Ф. Инфантьев. — Рига: Веди, 1997. — Вып. 2. — 140 с.
Рес. Мищенко Е. Время наводить мосты? // Час. — 1997. — 11 декабря.
6. Синайская Н. Круг жизни профессора Василия Ивановича Синайского / Ред. Б. Ф. Инфантьев. — Рига: [b. i.], 1998. — 150 с.
7. Синайская Н. Круг жизни профессора Василия Ивановича Синайского / Ред. Б. Ф. Инфантьев. — Рига: [b. i.], 2001. — 152 с.
8. Русские в Латвии: из истории и культуры староверия / Науч. ред. Б. Ф. Инфантьев. — Рига: Веди, 2002. — Вып. 3. — 408 с.
Рес. Avotiņš V. Ne visi Ivani bez saknēm // Neatkarīgā Rīta Avīze. — 2002. — 30. novembris.
Рыжакова С. Аннотированная библиография некоторых работ по культуре Латвии, вышедших в свет в 2000—2003 гг. // Балто-славянские исследования XVI. — Москва: Индрик, 2004. — С. 426.
Емельянов А. Сборник Русские в Латвии. Вып. 3. Из истории и культуры староверия // Поморский вестник. — 2003. — № 1
Павлов С. Грядут “Русские в Латвии” // Час. — 2002. — 27 апреля. (10). — Февраль — март. — С. 24—25.
9. Староверие Латвии / Науч. ред. Б. Ф. Инфантьев, А. А. Подмазов. — Рига: Стаообрядческое общество Латвии, 2005. — 440 с.

Borisa Infantjeva intervijas Интервью с Борисом Инфантьевым

1. Infantjevs B. Vēl labāk mācīt krievu valodu. Intervēja B. Alksnītis // Skolotāju Avīze. — 1972. — 5. jūlijs.
2. В прокрустовом ложе учебника (Круглый стол. Уч. Б. Инфантьев) Зап. А. Гусев // Советская молодежь. — 1976. — 26 мая.
3. Padziļināta mācīšana. Kāda tā ir, un kādai tai jābūt? (saruna ar B. Infantjevu u.c.) pierakstīja A. Grīgeļonis // Skolotāju Avīze. — 1979. — 25. aprīlis.
4. Развивать самостоятельность учащихся. (Круглый стол. Уч. Б. Инфантьев) // Русский язык в национальной школе. — 1981. — № 3. — С. 66—77.
5. Куда отдать ребенка? (Круглый стол. Уч. Б. Инфантьев) Зап. Ю. Тетерина // Балтийское время. — 1991. — 7 февраля.
6. Главный обруситель. Беседа с языковедом Борисом Инфантьевым. Зап. Дм. Март // СМ-сегодня. — 1994. — 27 января.
7. Неуловимый Инфантьев. Зап. А. Ивлев // Балтийская газета. — 1995. — 3 февраля.
8. Инфантьев Б., Лосев. А. Мосты идут поверх барьеров. Зап. И. Бергман // СМ-сегодня. — 1996. — 23 февраля.
9. Инфантьев Б. Неистощимый собеседник. Зап. С. Журавлев // Диена. — 1996. — 4 мая.

10. Инфантьев Б. Катализатор двуязычия. Зап. С. Журавлев // Диена. — 1997. — 8 мая.
11. Инфантьев Б. Между жерновами. Опыт выживания. Зап. Н. Кабанов // Вести сегодня. — 2000. — 25 марта.
12. Фролова Г. Был ли Улманис голубым? Интервью с Б. Инфантьевым // Суббота. — 2000. — 19 ноября.
13. Инфантьев Б. Мы дети страшных лет России. Зап. Л. Персикова // Вести сегодня. — 2001. — 20 августа.
14. Жизнь наших современников. Зап. ин. Евфросиния // Виноградная лоза. — 2001. — № 9 (40). — С. 4., № 10 (41). — С. 4.
15. Ларичева Р. Билингвалы всегда выигрывают // Час. — 2001. — 8 декабря.
16. Zakse A. Meklē un atrodi savu papardes ziedu! // O žurnāls. — 2002. — Nr.6. (jūnijs) — 78.—79. lpp.
17. Берзиня И. Головешка, колода, елка. Что между ними общего? Рассказывает профессор филологии и педагогики Борис Инфантьев // Панорама Латвии. — 2002. — 30 декабря.
18. Латышский язык обречен? Да — но ни местные русские, ни соседняя Россия в том не виноваты. С Б. Инфантьевым общалась Н. Севидова // Вести сегодня. — 2003. — 18 сентября.
19. Наступление на русский: и это пройдет. Е. Слюсарева // Вечерняя Рига. — 2003. — 1 декабря.
20. Чужанова Э. Ничто не ново под луной // Час. — 2004. — 26 августа.
21. Hallo. Boriss Infantjevs // 5 min. — 2006. — 6. aprīlis.

Publikācijas par Borisu Infantjevu Публикации о Борисе Инфантьеве

1. Francmane H. Zinātnieka labestība // Skolotāju Avīze. — 1981. — 23. decembris.
2. Infantjevs Boriss // Enciklopēdiskā vārdnīca. — Rīga: Latvijas enciklopēdijas redakcija, 1991. — 256. lpp.
3. Vite A. Infantjevs Boriss // Latviešu rakstniecība biogrāfijās. — Rīga: Latvijas Enciklopēdija, 1992. — 132. — 133. lpp.
4. Журавлев С. Юбилей ученого Бориса Инфантьева // Диена. — 1996. — 12 сентября.
5. Журавлев С. Многогранный талант [Б. Инфантьеву 75 лет] // Панорама Латвии. — 1996. — 17 сентября.
6. Журавлев С. А впереди — работа, работа [Б. Инфантьев] // СМ. — 1996. — 12 сентября.
7. Лебедева Н. Секрет его молодости // СМ. — 1996. — 17 сентября.
8. Макаренко Н. С годами молодость приходит // Т-реклама. — 1996. — 19 сентября.
9. Жданова Д. Латвиец [Б. Инфантьев] // СМ. — 1996. — 23 декабря.

10. Losevs A. Boriss Infantjevs // Pedagoģiskā doma Latvijā no 1940. gada līdz mūsu dienām. — Rīga: Puse, 1998. — 134.—136. lpp.
11. Кисис Н. Не забыты наши пушкинисты // Час. — 2000. — 7 февраля.
12. Lipša J. Nenogurdināmais zinātnieks // Vakara Ziņas. — 2000. — 1. jūlijs.
13. Lipša J. Kā viņš vāca Latvijas padomju folkloru // Vakara Ziņas. — 2001. — 1. februāris.
14. Персикова Л. Будут ветры сибирские панихиды справлять [профессор Борис Инфантаев: “О тех, кого помню и люблю”] // Вести сегодня. — 2001. — 14 июня.
15. Гурин А. Переживший семь режимов [его последнее открытие: Петра Великого считали латышом] // Панорама Латвии. — 2001. — 4 сентября.
16. Фролова Г. Конец света с последующими мемуарами. Борис Инфантаев в собственных рассказах — воспоминаниях // МК-Балтия. — 2001. — 12—19 сентября.
17. Профессору Б. Ф. Инфантаеву — 80. — Рига: Улей, 2001. — 16 с.
18. Денисов А. Потрясающий преподаватель [профессору Борису Инфантаеву — 80] // Исторический вестник Nr. 4. (Приложение к газете “Образование и Карьера”). — 2001. — 26 сентября — 9 октября.
19. Красноглазов Н. Борису Инфантаеву дали орден // 7 секретов. — 2001. — 1 ноября.
20. Фролова Г. Три Звезды для русского профессора. Борис Инфантаев весь в наградах // МК-Балтия. — 2001. — 31 октября — 11 ноября.
21. Персикова Л. Глас народа. В латышском фольклоре Петр I упоминается только положительно и только с эпитетом “Великий” // Вести сегодня. — 2001. — 15 декабря.
22. Pūtelis A. Folkloristi teorētiskās krustcelēs // Karogs. — 2002. — Nr. 1. — 209. — 210. lpp.
23. Фролова Г. Литература без границ. За русскую книгу, которую Латвия оценила в 10 сантимов, Япония готова выложить 50 долларов! // МК-Балтия. — 2002. — 9 января — 16 января.
24. Viņš liecināja Potsdamas tiesas prāvā // Klubs. — 2002. — Nr. 5. — 26.—28., 30. lpp.
25. Boriss Infantjevs // <http://159.148.223.151/lit/liq2.php?id=174>
26. Vīte A. Infantjevs Boriss // Latviešu rakstniecība biogrāfijās. — Rīga: Zinātne, 2003. — 245. lpp.
27. Певнева Е. Зачем нужен ОКРОЛ // Вести сегодня. — 2004. — 15 сентября.
28. Boriss Infantjevs: dzīve un darbi. Biobibliografiskais rādītājs. Борис Федорович Инфантаев: жизнь и труды. Био-библиографический указатель / Sast. I. Mihailovs. — Rīga: VEDI, 2004. — 76. lpp.
29. Петрова И. Жизнь и труды // Час. — 2004. — 16 сентября.
30. IK. Dzīve un darbi // Izglītība un kultūra. — 2004. — 23. septembris.
31. Mihailovs I. Profesors Boriss Infantjevs un viņa ieguldījums Latvijas vec ticības pētniecībā // Староверие Латвии. — Рига: Стаообрядческое общество Латвии, 2005. — С. 396 — 404.
32. Синельникова Т. Патриарх латвийской интеллигенции // Резекненские Вести. — 2005. — 12 мая.
33. Не забудь поздравить! // Суббота. — 2005. — 9 — 15 сентября.
34. Халтурина М. Тот самый Инфантаев // Час. — 2006. — 14 сентября.
35. Ружанская А. “Здрастуйте, юноша!” // Час. — 2006. — 15 сентября.
36. Муталлимова С. Инфантаеву — 85! Студенты любовно называют юбиляра Фантиком // Телеграф. — 2006. — 18 сентября.
37. Klio. — 2006. — № 17. — С. 2.

Составитель Иван Янис Михайлов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Сопоставительный анализ латышской и русской лексики в историческом развитии	7
А. Изменения, обусловившие обособление русской и латышской лексики	11
Б. Изменение близких или смежных значений слов — так называемые «ложные помощники переводчика»	14
В. Различие в латышской и русской лексике обусловлено различным толкованием предметов или явлений	16
Г. Заимствования в латышском и русском языках из какого-либо третьего языка	17
Заимствования в латышском из русского	18
Перечень наиболее употребительных слов латышского и русского языков, которые по своему звучанию и значению (в той или иной степени) тождественны или родственны	21
А. Астрономия, рельеф, почва	21
Б. Флора и фауна	25
В. Человек	29
Балто-славянская сравнительная мифология	41
I. Культ предков и с ним связанные мифологические представления	42
II. Божества судьбоносные	50
Свадебная обрядность и песни	57
Свадебный обряд	63
III. Климатические (небесные) божества и календарная обрядность	93
Святки	94
Веснянки	100
День Ивана Купалы — день летнего солнцестояния	102
Осенние праздники. Жатки. Дожинки	113
IV. Киевский Олимп князя Владимира Святославовича	119

Балто-славянские фольклорные взаимоотношения	122
Былины	122
Заговоры	130
Загадки	137
Пословицы и поговорки	139
Сказки	147
Сказки о животных	148
Волшебные сказки	151
Бытовые сказки	162
Исторические предания, легенды, побывальщины, анекдоты	165
1. Легенды о городищах	165
2. Предания о Петре Великом	166
3. Петр спасает Ригу	169
4. Рижская ведьма	171
5. Петр Великий в русском фольклоре	177
6. Наследники и предшественники Петра в латышском фольклоре	182
Песенные предания о делах военных	187
Латышские народные песни и русское общество	199
Сопоставительный анализ тематики и образного состава русских и латышских детских и любовно-бытовых песен	215
Детские песни	215
Единосюжетные детские песни и баллады взрослых людей	219
Песни бытового и балладного содержания	225
Сходства и различия в латышских и восточнославянских семейно-бытовых лирических и лироэпических песнях	229
Стихи русских поэтов в латышском фольклоре	235
Kopsavilkums. Baltu un slāvu kultūras sakari. Leksika. Mito- logija. Folklorā	244
П р и л о ж е н и я	
<i>Ivans Jānis Mihailovs. Boriss Infantjevs. Īss dzīves apraksts</i>	254
<i>Иван Янис Михайлов. Борис Федорович Инфантьев. Краткая биография</i>	264
<i>Публикации Бориса Инфантьева. Составитель Иван Янис Михайлов</i>	274

Борис Федорович Инфантьев
БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ
КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

Издается в авторской редакции

Корректор *Николай Демьяненко*
Технический консультант *Юрий Иванов*
Компьютерная верстка *Николай Жук*

Издатель: общество «ВЕДИ», Илларион Иванов
Гос. регистр предприятия LV40008057313,
рег. удостоверение № 2-0741

Отпечатано в типографии
SIA “Latgales druka”
Гос. регистр предприятия LV40003199542,
Базницас, 28, г. Резекне

Boriss Infantjevs
BALTU UN SLĀVU
KULTŪRAS SAKARI

Tiek izdots autora redakcijā

Korektors *Nikolajs Demjaņenko*
Tehniskais konsultants *Jurijs Ivanovs*
Maketētājs *Nikolajs Žuks*

Izdevējs: biedrība «ВЕДИ», Illarions Ivanovs
Reģ. Nr. LV40008057313,
Reģ. apliecība Nr. 2-0741

Nodrukāts tipogrāfijā
SIA “Latgales druka”
Baznīcas iela 28, Rezekne